МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРКТИКА: АТЛАС КОЧЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УДК 394 ББК 63.5 Г61

Г61 Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-88431-359-0

Книга-атлас представляет кочевые технологии оленеводов Чукотки, Ямала, Кольского полуострова в их сложности и многомерности — от пространственно-временного дизайна кочевий на просторах тундры до особых качеств оленьего меха. Авторы создают композицию северного этнодизайна, сочетающего традиции кочевников Арктики и новейшие методы визуальной записи (аэросъемка, трек-навигация, трехмерное моделирование). Визуальные композиции сопровождаются текстовыми эссе, в которых обосновываются и иллюстрируются концепты (принципы) кочевых технологий: слитное пространство-время, кочевой трансформер, техноанимация, эффект движения, вещный минимализм, мобильный модуль, северная эстетика. Визуально-текстовое повествование охватывает не только исконные традиции, но и новшества техники, навигации и коммуникации, воспринимаемые и на свой лад используемые тундровыми кочевниками.

Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. Arctic: Atlas of Nomadic Technologies. — St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2018. — 352 p.

This illustrated volume presents nomadic technologies of reindeer herders from Chukotka, Yamal, Kola Peninsulas, in their multidimensional complexity: from the space-time design of mobile settlements on the open tundra to special qualities of reindeer fur that altogether enable and facilitate mobility in the extreme environment of the Arctic. The authors set up an exciting framework of Arctic/Northern ethnodesign based on traditions of tundra nomads and represented through advanced means of visual recording, i. e. UAV mapping, GPS-tracking and 3D modeling. Abundant visuals complemented by explanatory essays provide new deep insight into the basic concepts and principles of nomadic technologies, such as: conjoint space-time, nomadic transformer, techno-animation, movement effect, material austerity, mobile module, Arctic/Northern aesthetics. The visual-textual narrative encompasses both native traditions and multiple technological innovations in transport, communication and navigation wisely appropriated today by Arctic nomads.

Рецензенты: д.и.н., проф. В. В. Карлов к.с.н., PhD В. Н. Давыдов

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (№ 14–18–01882)

ISBN 978-5-88431-359-0

© МАЭ РАН, 2018 © Коллектив авторов, 2018 СОДЕРЖАНИЕ

	БЫТЬ КОЧЕВНИКОМ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)	4
	ТРИ ТУНДРЫ	10
	HAMICOTIC A	10
	ЧУКОТКА На стыке Арктики и Пацифики	18 20
	на стыке Арктики и нацифики Добывающая промышленность	22
	дооывающая промышленность Чукчи-кочевники	26
	Рискованное оленеводство	30
	Олени и оленина	34
	Стада и бригады Чаун-Чукотки	40
	Круглый год бригады № 3	44
	Ярен и муульгын: ритмы движения	48
	Двигатель по имени Антылин	56
	Скорый ход и быстрый сон	62
	Муж и жена: треки одного дня	68
	Вязаная нарта	74
	Яранга и палатка	96
	Кухлянка и керкер	128
	MAAA WYnai aawyy	146 148
	«Край земли»	148 150
	Нефтегазовый комплекс	150
	Ненцы-оленеводы	154
	Система оленеводства Оптимальное стадо	160
	Сеть маршрутов	164
	Ритмограмма кочевий	166
	«Морская кочевка»	170
	«Морская колевка» Кочевой маневр	174
	Кочевой маневр Кружевной дизайн выпаса	174
	Кочевой трансформер	182
	Гендерные ритмы и треки	194
	Нартовое многообразие	198
	Чум	216
	Малица, ягушка, парка	238
	КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ	258
	Русская Лапландия	260
	Промышленное освоение	262
	Саамы и коми-ижемцы в Кольских тундрах	266
	Оленепроизводство	270
	Олени — капитал	272
	От кочевья к вахте	278
	Движение оленей и оленеводов	282
	Станы и корали	288
	Рейд «моряков»	296 300
	Переезд «огородников»	
	Маневры и кружение	304 312
	Транспортная смесь	312
	Ассортимент жилья Одежда кольских оленеводов	334
	одемда кольских олепеводов	334
	КОНТУРЫ НЕОНОМАДИЗМА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	342
	ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	346

БЫТЬ КОЧЕВНИКОМ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

В этой книге кочевники — не тень прошлого, а культура настоящего и будущего. Кочевничество (номадизм) не отмирает, а лишь меняет свой облик. Поэтому мы исследуем кочевников не как увядающую традицию, а как школу движения, которая дает нам уроки мобильности и адаптивности. Соответственно, книга больше напоминает руководство «как быть кочевником», нежели историко-этнографический очерк.

В обычном понимании кочевник — тот, кто постоянно движется со своими стадами лошадей, верблюдов или оленей; исторически это воин, совершающий грабительские и захватнические набеги на оседлые города и страны, или цыган, не знающий границ и покоя в своих странствиях. Впрочем, это лишь самые яркие клише номадизма, представляющего собой универсальный феномен — своего рода генератор энергии в масштабах всего человечества. Номадами, помимо кочевых орд и пастухов, были мигрирующие охотники и воины, бродячие торговцы, ремесленники, артисты, лекари, а сегодня к ним добавились неономады — мобильные люди бизнеса, транспорта, кибер-сетей, разного рода реальные и виртуальные путешественники. Во все времена мобильность была знаком свободы и превосходства, неподвижность — скованности и зависимости, включая крепостничество. Кочевник живет в каждом из нас, и номадизм — исконное и исходное состояние человечества, благодаря которому люди расселились по всей планете и адаптировались к многообразным природным условиям. Мы часто не задумываемся об этой неординарной мобильности Ното sapiens, предпочитая мыслить оседло и статично. Между тем именно искусство движения произвело на свет технологии освоения и преодоления пространств, включая транспорт, разного рода метательные, летательные и двигательные орудия, а главное — стратегию контроля над пространством, представляющую собой ключевое свойство человека и лежащую в основе всех сценариев социального поведения, от детской площадки до империи (Головнёв 2009).

Помимо количества движения, кочевника отличает особое качество психики и сознания, включающее: (1) ощущение комфорта в движении, подобного покою у оседлых людей;

(2) власть над пространством, осуществляемую за счет мобильности; (3) культ скорости и дар маневренности. Не все кочующие наделены одинаковыми динамическими способностями, и обладатель кочевого таланта обычно становится лидером (вождем) движущегося сообщества. Сегодня, при мультипликации видов движения, они могут перетекать и конвертироваться друг в друга: например, миграционная подвижность — в социальное движение (при этом его интенсивность и ритмика во многом сохраняются).

Раньше такое исследование было невозможно не только потому, что номадизм ассоциировался с варварством, которое следовало преодолеть и заменить культурной оседлостью, но и потому, что не было средств записи и воспроизведения кочевания. Историки и этнографы знают, что кочевье крайне трудно описать — от количества слов картина не проясняется, а только запутывается. Зато легко и наглядно ее передает кинематограф (букв. «запись движения»). Поэтому в нашем исследовании изображение приобретает столь же высокий статус, как и научный текст.

Опора на феномен движения для науки нова, поскольку прежде не существовало адекватной системы и инструментов записи и анализа мобильности. Их появление связано с пополняющимся арсеналом визуальной, навигационной и виртуальной записи движения. В своем исследовании мы используем оригинальный авторский метод антропологии движения, условно называемый КПД (карта-путь-действие; ТМА — tracking-mapping-acting). Запись кочевого движения ведется в трех измерениях: (a) GPS-трек человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеофоторяд движений/действий. Новшество состоит в применении современных инструментов в сфере, где прежде довлело текстовое описание. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, где та или иная практика выглядит как последовательность действий, персонифицированных конкретным человеком (Головнёв 2014).

Комплекс исследовательских методов включает замеры движения посредством

визуальных средств и GPS-навигатора, моделирование ментальных карт кочевников, а также дизайн кочевого пространства. Цель записи состоит в создании многомерной картины движения с его пиками и паузами, персональными и социальными траекториями. Трек дневного пути на карте дополняется характеристиками (1) основного занятия в течение дня, (2) ритма и эпизодов действия, в том числе пауз, (3) снаряжения и инструментария, (4) взаимодействия с партнерами, (5) исполнения задач и самостоятельных решений, (6) местности, (7) погоды. Действия фиксируются фото- и видеорядом, при этом визуальное отображение сопровождается характеристикой движения. В идеальном варианте синхронная запись треков всех обитателей стойбища дает полную картину движения/ деятельности кочевой группы, по которой можно определить общий ритм и напряженные эпизоды деятельности, узлы и сгустки коммуникации, роль лидера в организации и направлении движения/действия.

Результатом и одновременно новой методикой визуальной записи и презентации движения кочевников являются ритмограмма (запись последовательности эпизодов и ритма деятельности) и кочевой трансформер (запись движений/действий в циклах переходов кочевье/стойбище, зима/лето и др.). Приобретение и использование квадрокоптера и других средств позволяет осуществить 3D-моделирование стойбищ, вещей, фиксацию действий с использованием аэрофото-, видеосъемки. Квадрокоптер применяется для построения проекционных планов стойбищ, создания трехмерных моделей и иных форм использования технологий фотограмметрии: общий план (высота съемки 20-250 м) местности, стойбища, стада, каравана (на максимальном удалении от земли); средний план (высота съемки 3-20 м) позволяет получить планы/ кадры с недоступных иными средствами ракурсами планов, объектов, эпизодов действия (встроенная видеокамера имеет разрешение 4 К, что позволяет использовать отдельные видеокадры в качестве фотоиллюстраций).

Стойбищное пространство предполагает совмещение методов этнографии и дизайна, поскольку является средоточием вещей и сгустком коммуникации. При минимализме

материальной культуры кочевников особое значение имеет трансформность и полифункциональность вещей, их распределение в пространстве и режим их использования. В кочевом обществе у вещей есть свой распорядок движения, и их циркуляция в хронотопе представляет самостоятельный интерес. Соотношение движения вещей и людей показывает, как снаряжение и оборудование обеспечивает кочевье, мобильность и жизнедеятельность в целом.

Картографирование в разных масштабах включает схемы годичных миграций (общий план), карты сезонных перекочевок (средний план) и топографию отдельных стоянок, стойбищ, пастбищ (крупный план). Общий план показывает, помимо маршрута, контакты кочевников с полуоседлым промысловым и оседлым поселковым населением. Выявление особенностей мобильности разных групп и характера их контактов (кооперации, конкуренции, коалиции по отношению к внешним агентам) необходимо для понимания стратегии и мотивации мобильности. Свод треков дает картину насыщенности жизненного пространства движением/деятельностью.

Создаваемые этой методикой многомерные картины движения не всегда легко ложатся на страницы книги — исходно они выполнены в GPS-треках, 3D-моделях, видео (в том числе GoPro, Copter). В перспективе «Атлас кочевых технологий» может быть более адекватно выложен в виде «живой книги» с использованием медиа и интернет ресурсов. Кроме того, мы надеемся, что разработанная система записи движения позволит выполнить ранее неразрешимую задачу — адекватно отобразить и представить кочевую традицию как достояние мировой культуры (в том числе в своде ЮНЕСКО).

Этнографическое исследование мобильности включает не только непосредственное полевое наблюдение с применением специальных методик записи, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов-решений-действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их передвижений и действий в пространстве-времени (у кочевников эти категории синтезированы). Для постижения кочевого движения этнографу и дизайнеру

недостаточно наблюдать, а необходимо сопережить состояния движения, особенно в его критических эпизодах.

В эмпирических (в том числе полевых) исследованиях мы убедились, что технологии номадизма следует рассматривать в разных масштабах — от обширных тундровых пространств до микроструктур оленьего волоса. Эти макро- и микротехнологии пересекаются и связываются в кочевой традиции. Именно переход на предельно крупный план при рассмотрении того или иного элемента кочевья нередко открывает в нем неожиданные свойства. Тем более что в экстремальной Арктике «неожиданно важными» в решающий момент могут оказаться как раз микродетали.

В наших наблюдениях объединены три взгляда — самих северных кочевников, исследователей этнографов и дизайнеров — с целью поиска и апробации нового концептуального подхода к наследию и технологиям коренных северян. В практиках арктического номадизма мы видим потенциал для инноваций в современной мобильности, а в исследовании идем на эксперимент методического сочетания

инструментария науки и искусства, языков текста и изображения (Головнёв 2017).

Мы надеемся, что у нас получается стык наук и методов, который обобщенно называется этнодизайном. Изучение технологий кочевания — шаг на пути обновления инструментария как этнологии, так и дизайна. Этнограф ищет смыслы и связи в поведении людей, дизайнер — удобство и эстетику в использовании вещей. Когда они живут на одном стойбище и делают одну работу (как в нашем случае), то каждый видит окружающий мир по-своему, а в их диалоге рождаются неожиданные вопросы и решения.

В проектных полевых исследованиях на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове приняли участие, помимо авторов, К. В. Истомин, В. Н. Адаев, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер, И. В. Абрамов, Н. П. Гарин, С. Г. Усенюк, А. С. Рогова, А. Е. Курлаев, А. С. Патрушев, наблюдения которых существенно пополнили используемую нами базу данных. Подготовку изобразительных материалов к публикации осуществляли Ю. С. Конькова, О. Ю. Куканова,

И. А. Новосёлова, А. В. Раева, А. В. Белопашенцев, Н. В. Клюсов.

Особой благодарности заслуживают чукотские, ямальские и кольские оленеводы, кочевья, стойбища и базы которых стали нашей совместной научно-исследовательской лабораторией:

чукчи Андрей Федотович Антылин и Марина Борисовна Памья, Иван Антылин, Борис Кутувги и Ольга Памья, Геннадий и Светлана Вуквутагины, Ольга Васильевна Такы и другие кочевники и жители Чаун-Чукотки;

ненцы Майко и Едэйне Сэротэтто, Сергей и Александр Сэротэтто, Иван (Токча) и Андрей Худи, Нядма и Юрий Худи, Ёртя, Андрей и Алексей Сэротэтто, Михаил Тибичи и другие кочевники Ямала;

коми-ижемцы Владимир Константинович, Александр и Алексей Филипповы, саамы Николай Фадеевич Лукин, Анна Николаевна Юрьева, Гаврил Евдокимович Кириллов, Андрей Петрович Сорванов и другие оленеводы Кольского полуострова.

За поддержку экспедиционных работ выражаем признательность члену Делового

совета АКМНС, Сибири и ДВ РФ И. А. Ранаву, директору и главному зоотехнику МП СХП «Чаунское» Н. Т. Андрееву и С. В. Бордюг, руководителю отдела этнографии Чаунского краеведческого музея (Рыткучи) А. И. Памья, зав. сектором комплексного исследования Чукотки СВКНИИ ДВО РАН О. П. Коломиец;

главе администрации Ямальского района А. Н. Кугаевскому, зам. главы администрации Ю. М. Худи, директору МОП «Ярсалинское» А. С. Сэротэтто, советнику главы администрации Х. М. Езынги, главному специалисту управления природно-ресурсного регулирования М. С. Ладукаю, начальнику управления по делам коренных малочисленных народов Севера С. С. Вануйто, руководителю общественного движения «Ямал» Г. А. Матарац;

главе Ловозерского района В. В. Агалаковой, руководителю Мурманского областного центра коренных малочисленных народов Севера Н. И. Чупровой, директору Музея истории, культуры и быта кольских саамов (Ловозеро) Г. А. Кулинченко, и. о. директора Ловозерского районного национального культурного центра Т. Н. Сопельниковой.

Съемки с квадрокоптера. Фото А. Головнёва, 2016

ТРИ ТУНДРЫ

Центральная тема книги-атласа — потенциал северного номадизма и «дизайн кочевий» в практиках современного освоения Арктики. За основу принимаются три модели арктического номадизма — чукотская, ненецкая, ижемско-саамская в их сходстве и ситуативных (этнокультурных, исторических, локальных и других) вариациях. В книге-атласе представлены эпизоды кочевой жизни на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове по полевым наблюдениям авторов в ходе экспедиций 2013–2018 гг.

Арктические тундры относительно недавно — 20–30 тысяч лет назад — были заселены людьми, и именно здесь, в культурах северных кочевников-оленеводов, до сих

пор сохраняется свойственный раннему человечеству высокий потенциал движения. По наблюдениям археологов и палеоэкологов, расселение людей по циркумполярному поясу от Скандинавии до Чукотки и Америки состоялось за счет «высокоскоростных миграций», свойственных первопроходцам высоких широт (Первоначальное заселение Арктики 2014:20). И позднее народы Севера обладали высокой мобильностью, позволявшей им осваивать обширные и труднодоступные пространства. Во многих культурах Арктики кочевание считалось благополучием, а оседлость — бедствием.

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров — основные очаги арктического номадизма. Три

Рис. 1. Чукотка, Ямал, Кольский п-ов: циркумполярный ракурс

евразийские тундры примерно равновелики по оленеводческому потенциалу: на Чукотке, Ямале и в Фенноскандии (включая скандинавские и кольские тундры) численность домашних оленей колеблется вокруг полумиллиона голов. Кочевые культуры чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям и техническим инновациям. В последние десятилетия оленеводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям управления, экономики, информации, дав впечатляющие примеры неотрадиционного развития культуры, хозяйства и самоуправления. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в новейших стратегиях мобильности и освоения Арктического региона (Головнёв 2012; 2016б).

Дизайн мобильности трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и промышленным объектам. Чукчи, ненцы и саамы пасут оленей по-разному, но одинаково видят в оленеводстве экономический стержень, а в олене — символ своей самобытности (для коми-ижемцев это еще и коммерческий проект).

Для изучения стратегий и технологий арктического номадизма принципиально важно исследование деятельностных схем, мотиваций и ситуативных решений лидеров. Наблюдения показывают, что даже в ходе ординарной поездки лидер, в отличие от обычного пастуха, выполняет более сложный и протяженный по времени маневр для осмотра окрестностей, оценки ситуации и выбора дальнейших действий. Во всех трех тундрах ключевую роль играют авторитетные кочевые вожди, на опыте и энергии которых, по мнению местных жителей, держится оленеводство. Их насыщенные деятельностные схемы, охватывающие природное и социальное пространство, включают контроль над территорией и оленями, кочевой общиной и внешними связями. Их будни полны вызовов и нестандартных ситуаций, в которых лидер должен маневрировать так же легко, как в открытой тундре. Почтенный возраст дает им право быть не столь скорыми на ногу, как их юные сподвижники, но не позволяет уступать кому-либо в скорости мышления и принятия решений. Быстрота реакции лидера такова, что создает иллюзию готового или заранее продуманного решения (в действительности это чаще всего импровизация, в которой он не спешить признаться). Живость мышления кочевого вождя способствует его восприимчивости к инновациям; обычно кочевые лидеры опираются на традиции, но открыты для новаций (Головнёв 2016а; 2016б). В критических ситуациях лидер и его ведомые придерживаются принципа жесткого единоначалия. Львиная доля информации, особенно в части системных и ценностных суждений, почерпнута нами у тундровых вождей, которые выступают в нашем исследовании ключевыми экспертами.

Северные кочевники высоко адаптивны и демонстрирует динамизм в восприятии и освоении культурных и технических новинок — от снегоходов и мотолодок до мобильных телефонов и GPS-навигаторов. Сохраняется ли при этом стержень кочевой культуры, и какие свойства (механизмы, алгоритмы) его составляют — ритм миграций, «оленье мышление», стиль лидерства, жизнь в ярангах (чумах), традиционные языки и религии? Что неизменно и что заменяемо? Где мера допустимых изменений, кто эту меру знает и контролирует? Если недавно кочевников всеми силами переводили на оседлость, то сегодня обсуждается, возможен ли обратный перевод от оседлости к кочевью. Более того, механизм движения, заложенный в системах миграций северных кочевников, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в новейших стратегиях мобильности и освоения Арктики. В тот самый момент, когда кочевники, наконец, заслужили признание как носители высокой мобильности и «классики движения», они сами оказались на грани утраты или неадекватной подмены своей самобытной культуры. Вряд ли наука даст единственно верный ответ на все эти вопросы, но мобилизация знаний о мобильных технологиях и культурном наследии северян актуальна в перспективных стратегиях освоения Арктики.

Летние яранги. 3-я бригада. Чаун-Чукотка. Фото Д. Куканова, 2014

Стадо 3-й бригады. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2014

Аргиш 17-й бригады. Ямал. Фото А. Роговой, 2014

Перегон «куска» стада. Кольская тундра. Фото А. Головнёва, 2018

НА СТЫКЕ АРКТИКИ И ПАЦИФИКИ

Полуостров Чукотка (Чукотский нос. Чукотская землица) — северо-восточный край Евразии и северо-западный край Пацифики; омывается с севера Восточно-Сибирским и Чукотским морями, с востока и юга — Беринговым морем; на материке ограничивается с запада р. Колымой, с юго-востока — р. Анадырь; крайняя восточная континентальная точка мыс Дежнёва. На западе, за Колымой, граничит с Саха-Якутией, на юге — с Магаданской областью и Камчатским краем. От Аляски Чукотку отделяет Берингов пролив шириной 86 км, по которому, между островами Крузенштерна (М. Диомида) и Ратманова, проходит линия перемены дат — 180-й меридиан. Площадь Чукотского полуострова (автономного округа) составляет 721 тыс. км²; численность населения — около 50 тыс. чел., плотность населения — 0,07 чел./км² (Голубчиков 2004).

На Чукотке преобладает горный рельеф. образуемый Чукотским и Анюйским нагорьями и Анадырским плоскогорьем. Средние абсолютные высоты колеблются от 600-1000 м (высшая точка на Чантальском хр. — 1887 м); основной рельеф составляют сопки высотой до 700 м; самая обширная равнина — Анадырская низменность, протяженностью 270 км с юга на север. По Чукотскому нагорью проходит водораздел бассейнов Северного Ледовитого и Тихого океанов: в Чукотское море течет р. Колыма с притоками Омолон, Большой и Малый Анюй, а также реки Чаун, Паляваам, Раучуа, Петтымель, Амгуэма, в Берингово море р. Анадырь (крупнейшая река Чукотки длиной 1 117 км) с притоками Майн, Белая, Танюрер (Природа и ресурсы Чукотки 1997).

Реки Чукотки, характеризующиеся порожистостью и длительным ледоставом (до 8 месяцев), несудоходны. Пути здесь с давних времен пролегают по морям (для мореходов) и тундрам (для оленеводов и пешеходов). Пеший ход и быстрый бег, сохранившийся в традиции чукчей, с каменного века был основным способом освоения Чукотки и, через Берингов перешеек, Америки.

Раннеголоценовые археологические памятники известны как в тундре (Ананайвеем, Коолень, Тытыльваам), так и на побережье (Найван) Чукотки (История Чукотки 1989; Гусев 2002:356–364). Около 4 тыс. лет назад, со становлением и экспансией палеоэскимосской

культуры по берегам Берингии, Азии и Америки, Чукотка стала территорией взаимодействия двух стилей мобильности — морского и тундрового. Выйдя на китобойных судах через Берингов пролив в Арктику, морские охотники — предки эскимосов — широко расселились по побережью от Гренландии на востоке до Колымы на западе. Чукотский очаг арктического оленеводства находился поблизости от путей и жилищ эскимосов-туле. Оленные кочевья начинались там, где кончались морские, и были их сухопутным продолжением. В качестве наземного транспорта эскимосы предпочитали собак, чукчи — оленей. Эти два вида путей и сообщений поддерживали и усиливали друг друга, а их перекрестки играли ключевую роль в праистории Чукотки; одно из таких мест на р. Пегтымель обозначено наскальными рисунками китов и оленей, морских зверобоев и охотников на оленей (или ранних оленеводов). Петроглифы Пегтымеля повествуют о диалоге между людьми моря и тундры (Диков 1971; Головнёв 2000:185-188).

С тех пор на морском побережье и островах, неподалеку от лежбищ моржей и других промысловых угодий, в стационарных жилищах с конструктивными деталями из костей и шкур морского зверя, обосновались морские охотники (эскимосы и «сидячие» чукчи анкальын), а в тундрах развернули кочевья оленные чукчи (луораветлан или чаучу). Особая система мобильности и взаимосвязей чукчей обеспечила их самобытность и стойкость в противостоянии военной русской экспансии (русско-чукотские войны затянулись на сто лет до конца XVIII в.), и только доброжелательность администрации Елизаветы и Екатерины II умиротворила воинов Чукотки (ключевую роль в этой дипломатии сыграли секунд-майор И. Шмалев в 1756 г. и капитан Т. Шмалев в 1778 г.) (Нефёдкин 2003; Зуев 2009; Головнёв 2015а). В этой войне чукчи обеспечили свое превосходство за счет захвата стад оленей и установления контроля над пространством тундры.

Самый сильный оленеводством (в раннесовесткое время «кулацкий») район Чукотки — ее север, где на р. Пегтымель находятся скалы с петроглифами, а неподалеку — г. Певек, в котором сосредоточена значительная доля промышленности края. Таким образом, самый

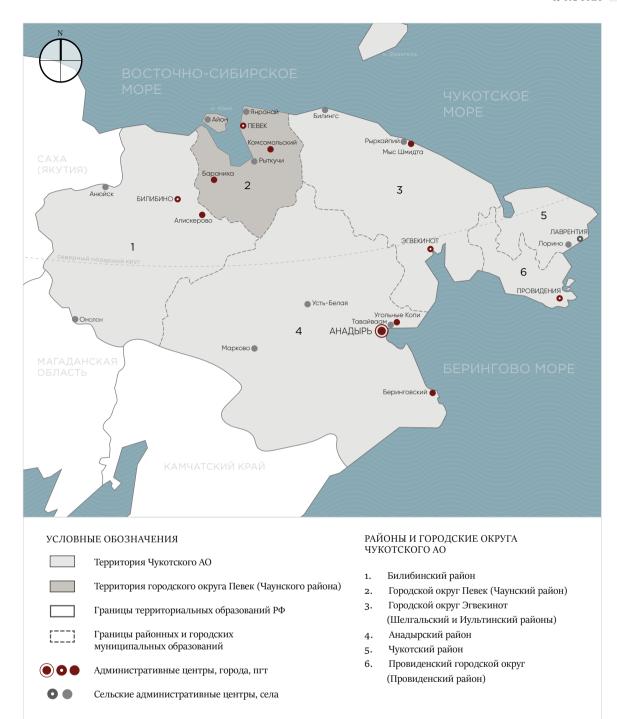

Рис. 2. Административно-территориальное деление Чукотского АО

индустриально развитый Певекский городской округ окружен самой богатой оленеводством Чаунской тундрой (Чаан район, Чаун-Чуко́тка). Здесь располагается усадьба одного из крупнейших оленеводческих хозяйств округа МП СХП «Чаунское», и не случайно именно Чаунская тундра стала полем нашего исследования кочевых технологий чукчей-оленеводов.

Чаун-Чукотка занимает Чаунскую низменность и острова Чаунской губы — Айон, Б. Роутан, Шалаурова общей площадью более 6,7 млн га и находится целиком за Полярным кругом. Здесь все — самое северное: мыс Шелагский — самая северная точка Чукотки, Пегтымельские петроглифы и г. Певек — самые северные в России. Крупнейшие реки — Чаун, Паляваам, Ичувеем.

ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Экспедиция С. В. Обручева 1934—1935 гг. открыла на территории Чаун-Чукотки крупнейшую оловорудную провинцию; позднее к ней добавилось богатое россыпное месторождение олова. Певек стал базой Чаунского геологоразведочного управления, и с 1949 по 1957 гг. в нем находилось управление лагерей. На рудниках работали заключенные Чаунлага и Чаунчукотлага, входивших в Главное управление строительства на Дальнем Севере (Дальстрой). В конце 1950-х — начале 1960-х гг. были открыты два золотодобывающих предприятия «Комсомольский» и «Бараниха», чуть позже — прииск по добыче ртути «Пламенный».

Сегодня промышленность Чукотки представлена добычей полезных ископаемых (преимущественно россыпного золота) и тепловой энергетикой. В Чаунской тундре (Чаунском и Шмидтовском районах) сосредоточено более половины запасов олова Чукотки, в том числе крупнейшее Пыркакайское штокверковое месторождение, более трети запасов ртути, в том числе Пламенное и Западно-Палянское месторождения; добыто более половины чукотского золота (Ичувеемский и Пильхинкууль-Рывеемский золотороссыпные районы, уникальное золоторудное месторождение «Майское»), а также запасы серебра (месторождение Двойное), угля (Долгожданное), сурьмы и вольфрама. Всего на территории Чукотского округа учтены (на начало 2012 г.) 467 месторождений полезных ископаемых, из них 385 месторождений золота, 8 коренных с попутным серебром, 11 месторождений комплексных олово-вольфрамовых руд, 44 россыпи золота, 9 комплексных россыпей олова и вольфрама, 10 месторождений угля, месторождения нефти и газа, медно-олово-серебряные и цеолитовые, а также залежи полудрагоценных камней.

Певекский городской округ остается самым развитым промышленным районом Чукотки. На территории городского округа действует несколько золотодобывающих предприятий: 000 «Золоторудная компания "Майское"» (Майское месторождение), ЗАО «Чукотская горно-геологическая компания» (золоторудное месторождение Купол), производственный кооператив «Артель старателей "Чукотка"». В перспективе разработка месторождений Штокверки и Песчанка и разведка

нефтегазовых запасов на шельфе (О городском округе Певек 2018).

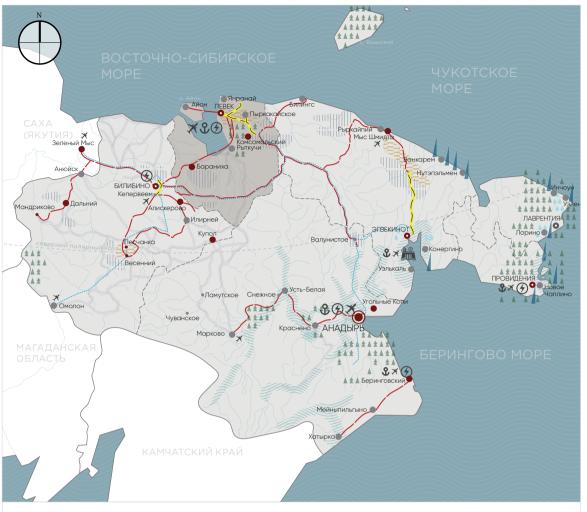
Энергетика Чукотского АО представляет собой изолированную систему (Билибинская АЭС, Чаунская ТЭЦ, Эгвекинотская ГРЭС, Анадырская ТЭЦ и газомоторная станция в Анадыре), обеспечивающую промышленные узлы региона (Чаун-Билибинский, Эгвекинотский и Анадырский). Обновление энергетического комплекса происходит посредством доставки в Певек и запуска плавучей атомной теплоэлектростанции (ПАТЭС) вместо выработавших свои ресурсы Чаунской ТЭЦ и Билибинской АЭС.

Экстрактная индустрия Чукотки имеет плохо развитую инфраструктуру, ее главная особенность — полное отсутствие железных дорог и трубопроводов. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием составляет 658 км. В 2012 г. начато строительство автомагистрали Колыма-Омсукчан-Омолон-Анадырь, которая свяжет регион с дорожной сетью Дальневосточного региона; общая ее длина составляет около 2 300 километров, из них около 1 400 приходится на Чукотку.

Индустриальные мощности Чукотки в основном привозные, и их высокий бюджет связан с большими затратами по доставке грузов. Основные грузоперевозки по Чукотскому АО осуществляются морским (конец июля — начало ноября) и воздушным транспортом (круглогодично). В округе 9 аэропортов, крупнейшие из которых расположены в Анадыре (Угольный) и Певеке.

Морская транспортная схема Чукотки включает 5 морских портов: порт Певек в Восточно-Сибирском море и порты Провидения, Эгвекинот, Анадырь и Беринговский в Беринговом море. Порты осуществляют обработку грузов, доставленных судами пароходств по двум направлениям: западному (из Архангельска, Мурманска, Санкт-Петербурга) и восточному (из Владивостока, Находки, Ванино, Магадана, Петропавловска-Камчатского и портов Сахалина).

Певек — крупнейший морской порт на Чукотке и на трассе Северного морского пути — расположен в Чаунской губе Восточно-Сибирского моря (основан в 1951 г.). На период летней навигации порт Певек, способный

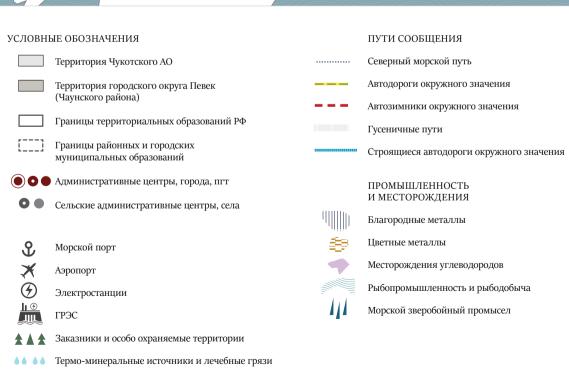

Рис. 3. Инфраструктура и добыча полезных ископаемых

Певек. Фото Д. Куканова, 2017

принимать суда большого водоизмещения, становится морским штабом Восточной Арктики. Стратегическое значение морского порта Певек для Чукотского АО и всего Северного морского пути обусловлено наличием самых глубоководных причалов и расположением в центре промышленного золотодобывающего узла Чукотки (О городском округе Певек 2018).

Значительная часть промышленных работников — вахтовики и специалисты-контрактники — приезжают на Чукотку периодически. В какой-то мере они — «промышленные кочевники», в чем-то напоминающие чукчей-оленеводов. В этом состоит одна из причин лихорадки с приисками, переходившими из рук в руки (особенно часто и беспорядочно это происходило в 1990-е гг.). С этим связаны и неумеренные колебания численности промышленных рабочих и жителей городов: например, в Певеке в 1932 г. числилось 50 человек, к 1967 г. — свыше 10 тыс. чел., в начале 1980-х гг. — 13 тыс. человек. В постсоветский период из-за массового оттока людей «на материк», число жителей Певека сократилась вдвое — до 7 тыс. чел. (ныне — около 4 тыс.).

Особенность Чукотки состоит в том, что ее экстрактная промышленность во многом экстерриториальна и ориентирована на вывоз сырья за пределы региона. Прииски Чукотки связаны не столько с региональным экономическим комплексом, сколько с далекими от региона финансовыми структурами и их интересами. Часто соседние артели разобщены, поскольку принадлежат корпорациям, штаб-квартиры которых расположены в разных городах и странах. Впрочем, и в плановые советские времена экономика Чукотки выглядела мозаично, только разделяющие ее барьеры были не корпоративными, а ведомственными. В силу своей отдаленности Чукотка может довольно долго переживать задержанные эффекты, например, оставаться «островом социализма» в капиталистической стихии 1990-х или представлять собой россыпь «колоний» внешних промышленных «метрополий». При всех издержках этой ситуации в ней есть свои плюсы, по крайней мере для местных жителей, которые имеют возможность наладить контакты с каждым отдельным прииском на уровне персональных договоренностей.

Морской порт. Певек. Фото Д. Куканова, 2017

ЧУКЧИ-КОЧЕВНИКИ

Название народа происходит от самоназвания тундровых (кочевых, бродячих) чукчей чаучу/чавчу, чавчавыт — «оленный человек», «богатый оленями» (другое название в значении «тундровый» — эмнукальян/эмнукальыт). В отличие от кочевников, береговые (оседлые, «сидячие») чукчи именовались анкальыт/ аңкальэн — «морской народ» или рам'аглыт — «прибрежные жители». Общим для оленных и береговых чукчей служило название лыоравэтлян/лыгъоравэтлян — «настоящие люди», переозвученное на русский лад как луораветлан (так в 1930-е гг. официально именовали чукчей) (Богораз 1934. Ч. 1:3). Деление на кочевников-оленеводов и оседлых морских зверобоев существовало, судя по данным археологии и фольклора, с древности и сохраняется по сей день.

В течение последнего столетия численность чукчей постепенно нарастала: в 1926 г. их насчитывалось 12 331 чел., в 1939 г. — 13 830 (из них большинство, 12 111 чел., проживало в Чукотском АО, что составляло 56,27 % от всего населения округа), в 1959 г. — 11 680 (9 975 чел., 21,36 %), в 1979 г. — 13 937 (11 292 чел., 8,07 %), в 1989 г. — 15 107 (11 914 чел., 7,27 %), в 2002 г. — 15 767 (12 622 чел., 23,98 %), в 2010 г. — 15 908 (12 772 чел., 25,28 %). По данным на 2010 г. на территории Чукотского автономного округа проживало: на территории Чукотского автономного округа: в Анадырском районе — 2 683, Билибинском — 935 чел., Иультинском — 1 499, Провиденском — 1 437, Чаунском — 1 009, Чукотском — 3 515 чел. На сегодняшний день чукчи составляют приблизительно 25,3 % от всего населения округа. Единственный район с абсолютным большинством чукчей — Чукотский (72,7 %) (Всесоюзная перепись населения 1926; 1939; 1959; 1979; 1989; Всероссийская перепись 2002; 2010).

В чукчах можно видеть потомков древнейших континентальных охотников азиатской Арктики, которые населяли тундры Чукотки с эпохи камня (памятники на рр. Экытикывээм, Энмывээм, оз. Тытыль, Эльгыгытгын и др.) и граничили с морскими охотниками эскимосами, чье движение по побережьям Берингии и Арктики началось во ІІ тыс. до н. э. и особенно усилилось в конце І тыс. н. э., когда носители мощных китобойных культур Пунук и Туле прошли по побережью Чукотки вплоть до Колымы (История и культура чукчей 1987;

Головнёв 2002; Кирьяк 2003). Встречная волна экспансии континентальных кочевников пришлась на период российской колонизации, когда чукчи охватили своими кочевьями и военными рейдами все пространство Чукотки, включая морские острова. Распространявшиеся прежде до Колымы эскимосские владения остались лишь на восточной окраине Чукотки. Вместе с тем освоившие побережье чукчи заимствовали у эскимосов многое из технологий приморской адаптации. Чукчи — древнейшие обитатели континентальных областей крайнего северо-востока Сибири, носители внутриматериковой культуры охотников на диких оленей и рыбаков.

Ныне чукчи — коренной народ крайнего северо-востока Азии, расселенный в пространстве от Колымы до Берингова моря и от Северного Ледовитого океана до широты Анадыря. При численности (за последнее столетие) около 12 тыс. человек, они освоили огромное арктическое пространство площадью свыше 720 тыс. км², на котором плотность коренного населения не превышает 0,02 чел./км². Эта характеристика существенна для представления о высокой мобильности, за счет которой чукчи осваивали просторы Заполярья «не числом, а умением».

Стратегия движения и маневров во все времена была залогом успеха в Арктике, в том числе на Чукотке. Культура движения до сих пор составляет конкурентное преимущество чукчей в условиях тундры, а в прошлом она обеспечивала им основание самобытности и этнической самоорганизации. В вековом (с середины XVII до середины XVIII в.) противостоянии российской колонизации чукчи, как и надлежит кочевникам, ступили на тропу войны с отрядами казаков и служилых людей. Они захватывали оленей у союзников русских (юкагиров и коряков), тем самым лишая противника маневра и обеспечивая свое превосходство в открытом пространстве тундры. Именно скорость в передвижениях и сражениях позволила им в 1730-1740-е гг. нанести серию поражений русским отрядам; чукчи не пугались «огненного боя» и успевали вступить в рукопашную, не давая перезарядить противнику ружья (Нефёдкин 2003; Зуев 2009). За время столетней войны они не только нарастили оленьи стада, но и сложились в «народное ополчение» — сражающийся народ.

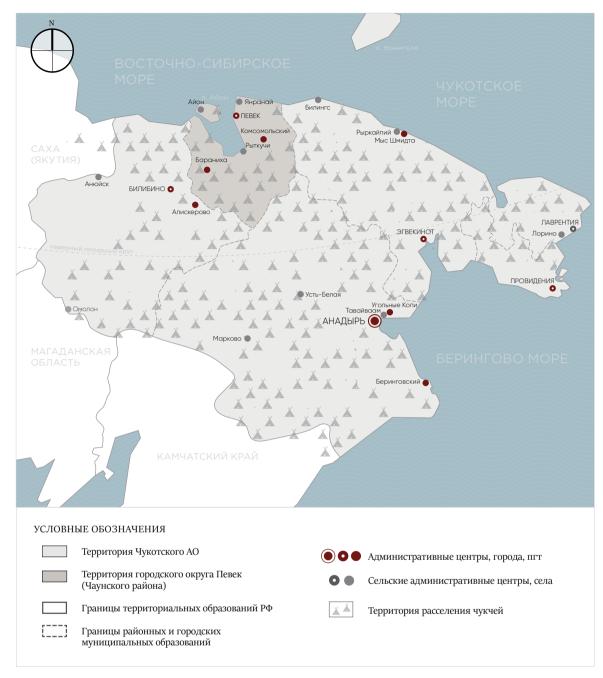

Рис. 4. Расселение чукчей

Вероятно, обособление чукчей от близкородственных им коряков произошло в эти годы не столько по грани севера и юга, сколько по статусу непокорных и покорившихся. В годы войны они проявляли отвагу и непримиримость, предпочитали смерть плену, не напрасно называя себя «народом, мягким к смерти» (Богораз 1910:5). Позднее, пойдя на примирение с русскими, они добились привилегий, сохранив за собой самоуправление, приоритет традиционного права и свободу в уплате ясака (который рассматривали как

обмен дарами). Даже в конце XVIII в. описание чукчей в первом этнографическом своде И.Г.Георги полно тревожных нот:

«Они наравне с страною своею крайне дики, суровы, необузданны и жесточае всех сибирских народов; у них нет ни грамоты, ни учения, и потому они еще и по сие время совершенно не покорены... Они несколько крат побеждаемы были российским оружием, но паки сотрясали с себя власть и отнюдь не хотят

Андрей Антылин, наставник 3-й бригады. Фото А. Головнёва, 2014

терпеть принуждения... они гораздо дичае, суровее, гордее, необузданнее, смелее, вороватее, лукавее и мстительнее кочевых коряков: словом сказать они с природы толико же злые и опасные люди, колико тунгузы добры. Двадцать чукчей прогонят верно пятьдесят человек коряков, и они бы их всех перевели, если бы российские остроги их не обуздывали. Самые ближние к ним остроги всегда в опасности» (Георги 1799. Ч. 3:74).

Высокая подвижность и коммуникабельность чукчей обеспечила их языку целостность, которая укрепилась в период войн и повышенной мобильности (сопоставимой с мобилизацией); лишь позднее дало себя знать диалектное обособление по районам расселения и оседания. В прошлом лингвисты не находили диалектов в чукотском языке (Антропова, Кузнецова 1956; Dunn 1999), а ныне различают восточный, или уэленский (легший в основу литературного языка), западный (колымский/певекский) и южные (энмылинский, нунлигранский, хатырский) диалекты (Володин, Скорик 1996:23–39). Впрочем, по мнению некоторых языковедов, диалектами могут

считаться родственные чукотскому корякский, керекский, алюторский и ительменский языки, входящие в чукотско-камчатскую семью (Comrie 1981:240). В самом чукотском заметнее всего расхождения между мужским и женским гендерлектами с присущими им особенностями произношения (где мужчины произносят р, у женщин звучит ц).

Оленеводство, на котором держится культура чукчей-кочевников, выросло, вероятно, из местных практик приманивания и промысла диких оленей (Золотарев 1938:81–86; Головнёв 1993:106), а не было заимствовано у тунгусов или юкагиров (чуванцев), как нередко предполагалось (Шренк 1883:176–178; Левин 1958:221; Гурвич 1980:223–225). Это имеет значение для понимания специфических приемов и маневров чукотских оленеводов, относящихся к полувольному летнему выпасу, осеннему сбору стада и проведению ритуала эйнеткун, к манере приманивания и отлова домашних оленей, к регулированию дистанции между дикими и домашними оленями.

Этническая история чукчей прочно связана с оленеводством, которое в XVIII в. разрослось до крупностадного: в XIX в. стадо оленного чаучу насчитывало в среднем полтысячи голов,

Марина Памья, чумработница 3-й бригады. Фото Е. Переваловой, 2017

достигая в ряде случаев трех — пяти тысяч голов. Одновременно чукчи расширили пространство кочевий, выйдя на западе за пределы Колымы и достигнув Алазеи, а на юге перевалив Анадырь, на севере и востоке выйдя на побережье, прежде контролировавшееся эскимосами. По данным В. Г. Богораза, в начале XX в. из 12 тыс. чукчей кочевых тундровых оленеводов было около 9 тыс., оседлых морских зверобоев — около 3 тыс.; общая численность чукотских стад составляла около полумиллиона голов (Богораз 1991). Согласно материалам Приполярной переписи 1926-1927 гг., домашних оленей на Чукотке (в современных границах Чукотского АО) насчитывалось 557 тыс. голов. Примерно такое же поголовье сохранялось на Чукотке в течение всего XX века, пока не случился крах СССР (см. Голубчиков 2004).

Постсоветский кризис по-разному отозвался на Чукотке и Ямале, которые в советскую эпоху были мировыми лидерами оленеводства. В 1990 г. в Ямало-Ненецком и Чукотском АО насчитывалось оленей поровну: 490 и 491 тыс. соответственно. В 1995 г. численность оленей у ненцев выросла до 508 тыс., а у чукчей сократилась до 236 тыс. Сейчас на Ямале около 700 тыс. домашних оленей, на Чукотке — чуть более 150 тыс. Каждая тундра переживает свой кризис: Ямал — перепроизводство оленей, Чукотка — катастрофический спад. Чукотское оленеводство пошатнули три обстоятельства: тотальное огосударствление (коллективизация) стад и отсутствие частной инициативы оленеводов; подрыв самодостаточности оленеводства вследствие внедрения вездеходно-тракторной техники; массовый отток квалифицированных кадров при нагнетании атмосферы разрухи и мародерства (Golovnev 2000–2001).

Одновременно с массовым забоем домашних оленей начало быстро расти поголовье диких (в 1986 г. их было 32,2 тыс., в 1997 г. — уже 159 тыс.), которые стали реальной угрозой оленеводству — нашествия «дикаря» приводят не только к уводу и расколу домашних стад, но и к значительному усложнению выпаса оленей (Нувано, Етылин 2018). С 2000 г. усилиями оленеводов, при инвестиционной поддержке администрации Чукотского АО, поголовье домашних оленей постепенно восстанавливается: в 2000 г. — 92 тыс., в 2001 г. — 100 тыс., в 2002 г. — 106 тыс., в 2015 г. — 185 тыс., в 2017 г. — 150 тыс.

РИСКОВАННОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО

Сложность оленеводства на Чукотке состоит не в скудости пастбищ или дурном климате, а в социальных угрозах и рисках, выпадающих на долю оленеводов. Хаос и мародерство, царившие на Чукотке в 1990-е, стали для оленей губительнее эпидемии: за десятилетие общая численность чукотского поголовья сократилась в пять раз, с 491 тыс. в 1990 г. до 92 тыс. в 2000 г. По мнению старожилов, «перестройка сгубила чукотское оленеводство».

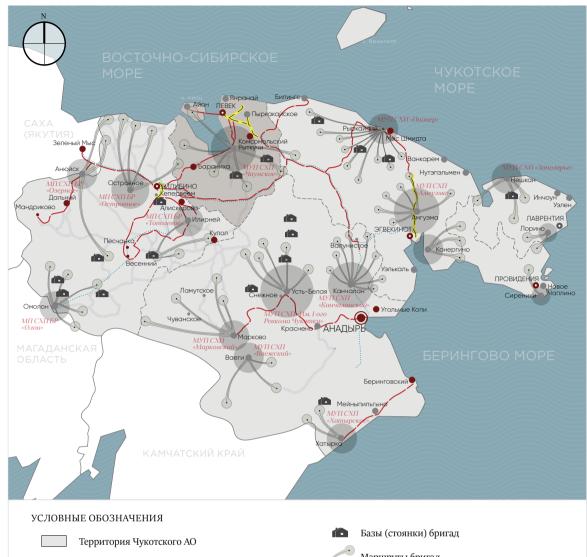
«Оленей пропили, проели, проспали. Шелагский колхоз [совхоз "Большевик"] имел стадо в 40 тысяч голов. Сейчас у них нет оленей. Спирт на стоянки оленеводов привозили бочками. Стадо разбазарили. Из тундры и национальных поселков люди на кладбище переселились. Чаунский совхоз держал 60 тысяч оленей, 12 бригад было... Сейчас наше предприятие могло бы носить имя "Путь к развалу". Вторую бригаду полностью споили. Вездеходы всегда на ремонте. Руководство меняется, а толку нет. Стадо только на бумаге растет. Лет двадцать еще оленеводство продержится, после нашего вымирания ничего не останется» (А. Ф. Антылин, Чаун-Чукотка, 2017).

Опыт 73-летнего оленевода-наставника Андрея Федотовича Антылина показывает, насколько значима роль лидера. Ему самому не раз доводилось начинать почти с нуля и приумножать стадо. Лет двадцать назад его уговорили оставить успешную 3-ю бригаду с 6 тыс. оленей и возглавить бедствующую 1-ю бригаду; за пять лет (1999-2004) он сумел нарастить ее стадо с 800 до 5 тыс. голов. Тем временем стадо 3-й бригады почти растаяло, и по настоянию старшего брата Бориса Федоровича Вуквукая Антылин вернулся и восстановил его до 6 тыс. голов. Из уцелевших к настоящему времени 3 из 12 чаунских бригад одной руководит Вуквукай (12 тыс. оленей), другой — Антылин (6 тыс. оленей). Несмотря на почтенный возраст, братья еще крепки (Вуквукаю за 80, но он до сих пор побеждает в гонках). Передав формально бригадирство своим сыновьям, оба числятся наставниками, но на самом деле по-прежнему руководят бригадами. Чукчи считают их главными оленеводами Чаунской тундры (Головнёв 2016б).

Диапазон забот и ответственности лидера в чукотской тундре обширен — Чукотка с незапамятных времен пребывает в состоянии кризиса, вернее чередующихся кризисов; ее дискретная социальная инфраструктура не обладает долговременными защитными механизмами, и всякий раз ответственность за принимаемое решение и предпринимаемое действие граничит с риском. На попечении бригадира — олени и пастухи, которых надо вести по маршруту кочевий, обеспечить техникой, безопасностью, кровом, питанием. На этом поле действия бригадиру (наставнику) противостоят: суровый климат с резкими перепадами погоды, уводящие и разбивающие стада дикие олени (дикари), хищники-звери (волк, бурый и белый медведи, росомаха, ворон) и хищники-люди (браконьеры с дальних и ближних приисков, торговцы алкоголем); угрозу представляют не сведущие в оленеводстве временщики-руководители, которых на Чукотке больше, чем в других районах Севера. «Браконьеров много — волк, медведь, человек. Последний самый опасный. — Сетует А. Ф. Антылин. — Весь Певек в тундре, после того как дорогу открыли. Для браконьеров дорога построена, а не для оленеводов. В милицию жаловаться бесполезно, менты сами бьют наших оленей. Все едут в тундру, стреляют и дикого, и домашнего без разбору».

С подобными трудностями сталкиваются все лидеры чукотского оленеводства. На исходе советской эпохи в округе было около трех десятков совхозов. В 2000 г. насчитывалось 23 оленеводческих предприятия и свыше 30 фермерских оленеводческих хозяйств, которые, правда, вскоре закрылись или вернулись к коллективным формам (Мироненко 2000). К 2013 г. осталось 16 предприятий-сельхозпроизводителей (СХП), крупнейшее из которых — «Имени 1-го Ревкома Чукотки» (Анадырский р-н) — 26,2 тыс. голов, за ним следуют: «Амгуэма» (Иультинский р-н) со стадом 23,2 тыс., «Чаунское» (Чаунский р-н) — 22,7 тыс. «Канчаланский» (Анадырский р-н) — 22,4 тыс., «Пионер» (бывш. Шмидтовский р-н) — 14,7 тыс.

Оленеводство на Чукотке ведется в тундровой зоне, где содержится 3/4 оленьего

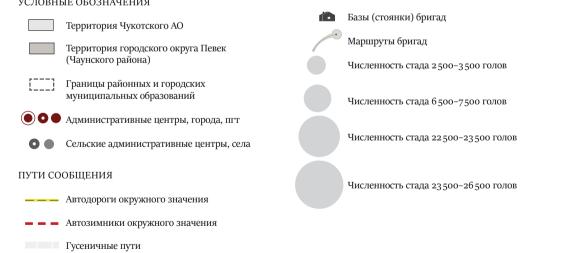

Рис. 5. Инфраструктура чукотского оленеводства

поголовья, и в лесотундровой — 1/4. В приморских тундрах Беринговского, Провиденского и Чукотского районов крупных стад не держали, а лишь выпасали на летовках стада Анадырского и Йультинского районов.

Лесотундровая зона осваивалась частично, за исключением районов высокой облесенности и распространения гарей (Мироненко 2000). По статистике начала 2010-х гг., на Чукотке пригодны для оленеводства 42 670,8 тыс. га

Подгон «куска» стада. Чаун-Чукотка. Фото Д. Куканова, 2015

(59,14 % от площади округа), но реально используется только 32 386,3 тыс. га (Доклад о состоянии и использовании земель 2010).

Сокращение поголовья оленей и числа бригад привели к стихийному перераспределению пастбищ и складыванию новых маршрутов. На Чукотке нет дефицита пастбищ, но есть проблема их рационального использования и распределения: вольный передел пастбищ чреват не только разногласиями между оленеводами, но и уязвимостью кочевий для браконьеров, промышленников и администраторов. При разнообразии персональных наклонностей оленеводов и факторов коррекции кочевого маршрута — относительно моря, гор, древостоя, поселка, прииска, забойного пункта, топливной базы — конфигурация движения бригад может принимать разные направления и формы.

Чукотке с ее горными и приморскими тундрами традиционно присущ пеший и упряжный выпас стад, дополненный в XX в. вездеходным транспортом. Здесь сочетаются горизонтальные (тундра-море) и вертикальные (горы-долины) миграции: летом обдуваемые ветрами приморские и горные тундры

спасают от гнуса и оводов, зимой низины и долины с их древостоем обеспечивают топливом и укрытием от холодных ветров. Формируются и внутритундровые круговые маршруты, удобные сетью внутренних коммуникаций (с учетом автотрасс) и облегченным контролем движения стада, внешних вторжений и сохранности имущества. Этот круговой дизайн сложился на опыте богатых оленеводов чаучу, которые не спешили к лету на приморские пастбища, избегая наплыва мелких оленеводов, смешения стад и контактов с администрацией (классический сюжет «Алитет уходит в горы»). Годичный цикл миграций многих бригад кругообразен, и пастбища Чукотки разделены на бригадные «круги кочевий». Площадь такого круга может составлять (например, в Чаун-Чукотке) около 5-6 тыс. км² с радиусом 40-60 км; оленевод пешком или на упряжке способен его пересечь в любом направлении за сутки или двое (чукчи считают дневной ход в 40 км обычным для мужчины); таким образом, весь круг в течение года находится под контролем оленевода. Круговое кочевье дает возможность летнего вольного отпуска оленей с эпизодическим

дозором и последующим осенним сбором стада (Головнёв 2016б:133).

В последние годы на Чукотке происходит одичание оленей и собак. Запустение пастбищ вызвало быстрый рост поголовья диких оленей, которые уводят за собой «куски» стад или целые стада, а от их скрещивания появляется полудомашне-полудикая «порода» (олени чукотской породы харгин вообще легко возвращаются в дикое состояние). По словам А. Ф. Антылина, нынче люди ослабли, а дикари окрепли: «Хозяева вымерли, расплодились дикари».

Примерно то же происходит с собаками:

«В 1980-2000-х гг. расплодилось много волков. Из брошенных поселков собак много с волками ушло, помесь собаки и волка злая получается.

Шкуры пятнистые. Мне ни в шкуре, ни без шкуры волк не нужен. Если у тебя 100 голов стадо, волки 40 голов зарежут (больше играют, шкуру сдерут и бросят), в год до 600 голов на одну бригаду теряем из-за волков» (А. Ф. Антылин, Чаун-Чукотка, 2017).

До XX в. чукчи не использовали собак для окарауливания оленей (сегодня ситуация изменилась благодаря завезенным с Ямала ненецким оленегонкам), поэтому для них скрестившиеся с волками одичалые поселковые псы представляют реальную угрозу. Потери от волков и диких собак велики, как и потери от увода стад дикарями. Конкуренция за стадо с дикарями и волками — одна из главных угроз и забот чукотских оленеводов.

ОЛЕНИ И ОЛЕНИНА

Сложность расчета «оптимального стада» на Чукотке состоит, прежде всего, в разных взглядах на оптимальность со стороны оленеводов и администраторов. Во многом из-за этого диссонанса случился пятикратный спад в оленеводстве в постсоветское время. Личных оленей у чукчей по существу нет, и они пасут де-юре не принадлежащих им совхозных (муниципальных) оленей, в разведение которых вкладывают все свои умения и сбережения. Де-факто они — хозяева этих стад, и не только потому, что инвестируют в них свой труд и что эти олени являются потомством отнятых у чукчей при коллективизации стад, но и в силу негласного разделения труда между часто меняющейся администрацией и постоянно кочующими по тундре чукчами: оленеводы занимаются оленями, управленцы — олениной и деньгами (получаемыми как от забоя, так и в виде государственных субсидий). Бригадир стада вынужден, помимо формальной отчетности о приплоде, привесе и забое, вести неформальную экономику с обширным кругом партнеров для обеспечения достатка, безопасности и технической оснащенности. Например, дизтопливо и бензин покупать у дорожников, запчасти у снабженцев, продукты и стройматериалы на приисках; СХП в этой сети занимает ключевую, но не монопольную позицию. Кроме того, у чукчей-оленеводов продолжают сохраняться обменные отношения с «береговыми» (поселковыми) родственниками и партнерами. Вся эта неформальная экономика составляет существенную долю, по условным расчетам, до трети оборотов бригады, а иногда превращается в отношения особого партнерства с соседним прииском. Поправку следует делать и на то, что подобные отношения в ряде случаев еще недавно приводили к потере или резкому сокращению стада.

Тем не менее, по удачным опытам (например, 3-й бригады) можно представить практический расчет, который позволяет А. Ф. Антылину успешно справляться с трудностями и обеспечивать планы заготовок. Во многом сегодняшние чукчи придерживаются давно заведенного порядка, описанного век назад В. Г. Богоразом. По его данным, доли важенок, быков и телят в стаде были постоянными: на 100 важенок приходилось 10–12 самцов-производителей, от 10 до 15 упряжных

оленей и от 60 до 70 телят; в большом стаде на 1 000 важенок — до 30 самцов, 80 упряжных оленей и от 300 до 400 телят. Особое отношение чукчей к стаду выражалось в том, что без быков с большими рогами стадо выглядит бедным, без яловых важенок с большими рогами — неблагополучным (они же часто использовались для упряжек); вместе с тем большая часть самцов забивалась в первый год жизни ради шкур. Таким образом, маточное поголовье составляло около половины стада, давая возможность крупным оленеводам довольно быстро, при необходимости и удачном стечении обстоятельств, приумножить стадо (Богораз 1991:17).

Согласно Отчету движения поголовья оленей МП СХП «Чаунское» за 2016 г., к которому следует относиться с поправкой на определенный недоучет, общее поголовье на начало года составляло 25 096 оленей, на конец года — 26 148. Из них репродуктивная часть (42 %) состояла из важенок — 9 708 (38 %; по факту в разные годы колеблется от 33,7 % до 48,57 %) и быков-производителей — 1 218 (4 %). В переходную часть (48 %) включались нетели — 1 670 (7,5 %), телята прошлого года — 6 683 (25,8 %), бычки — 1 670 (9,4 %), третьяки — 1 567 (5,3 %). Нерепродуктивная часть представлена быками-кастратами — 2 580 (10 %). Приплод составил — 8 752,

В 2017 г. выход телят на 100 январских маток составил 78,2 % (по факту в разные годы колеблется от 50 до 80 %). Приплод — 8 752 головы, убой — 1 808 голов (1 620 кг), на питание бригады ушло 245 (210 кг), падеж — 705 голов, потравлено волками 2 389 голов; межбригадный обмен 8 372 головы. По словам А. Ф. Антылина, год на год не приходится, в 3-й бригаде при общей численности стада в 4 900 оленей выход телят составил в 2017 г. 80 %. Это высокий результат. А в 2016 г. из-за плохих погодных условий выход был лишь 50 %.

В докладной записке старшего зоотехника МП СХП «Чаунское» С. В. Бордюг указаны основные причины потерь оленей: недоступность кормовой базы в связи с гололедом и глубоким снежным покровом; обилие хищников (волк, лисица, медведь, росомаха, ворон); увод домашних оленей дикими; некробактериоз (4,64%).

В использовании поголовья есть своя, чукотская, специфика: 58 % поголовья идет

Оленевод Хайма. Чаун-Чукотка. Фото Т. Киссер, 2015

на воспроизводство, 17 % — на реализацию (мясо, шкуры, рога), 15 % — на личное потребление (мясо, шкуры), включая натуральный обмен, 9 % — транспорт, 1 % — жертвоприношение. В 2016 г. состоялись заготовки камуса 3582 шт. (реализация полная), мяса 707 ц (реализовано другим организациям 288,7 ц). В ноябре (период товарного забоя) при заготовках «мяса в тушах» убойный вес оленя в среднем составляет 50 кг, живой вес быка-кастрата — до 120 кг.

Конкуренцию сбыту продукции домашнего оленеводства составляет дикий олень, добыча которого заметно растет в связи с увеличением его численности в Чаунской тундре.

«Коренному населению можно добывать дикого оленя без лицензий. Мы с Антылиным в прошлом году 12 дикарей забили. Дед сел на квадроцикл, взял карабин и поехал. В бинокль смотрим — машет. Набил дикарей, загрузил на квадрик, нам подвозит, мы разделываем. Сняли шкуру, слили кровь, поделили на куски и оставили на ночь, чтобы они

приняли температуру земли. Перед вывозом в город нарезали кустов, ци в кузове мясо лежало на кустах, как в ярангах. Люди раскупили все мясо за два часа» (И. А. Ранав, Чаун-Чукотка, 2017).

Значительная часть затрат предприятия приходится на поддержание работоспособности и обновление технического парка. За счет собственных средств и субсидий из окружного и федерального бюджетов приобретаются вездеходы и трактора. Еще одна статья затрат — приобретение и доставка продуктов, закупка спецодежды; при этом оленеводы (жены оленеводов) сами шьют меховую одежду, изготавливают яранги для летних станов и меховые палатки — для зимних стойбищ. В районе, как в целом на Чукотке, отсутствует рынок сбыта оленьих шкур и рогов; расход шкур для собственных нужд (пошив меховой одежды, яранг и палаток) незначительный. Небольшое число оленьих шкур и рогов поставляется в Янранай, где поселковые чукчанки занимаются пошивом меховых изделий и сувенирной продукции.

Коральщики. Фото Т. Киссер, 2015

В корале. Фото Д. Куканова, 2015

Коральные работы. 3-я бригада. Чаун-Чукотка. Фото Д. Куканова, 2015

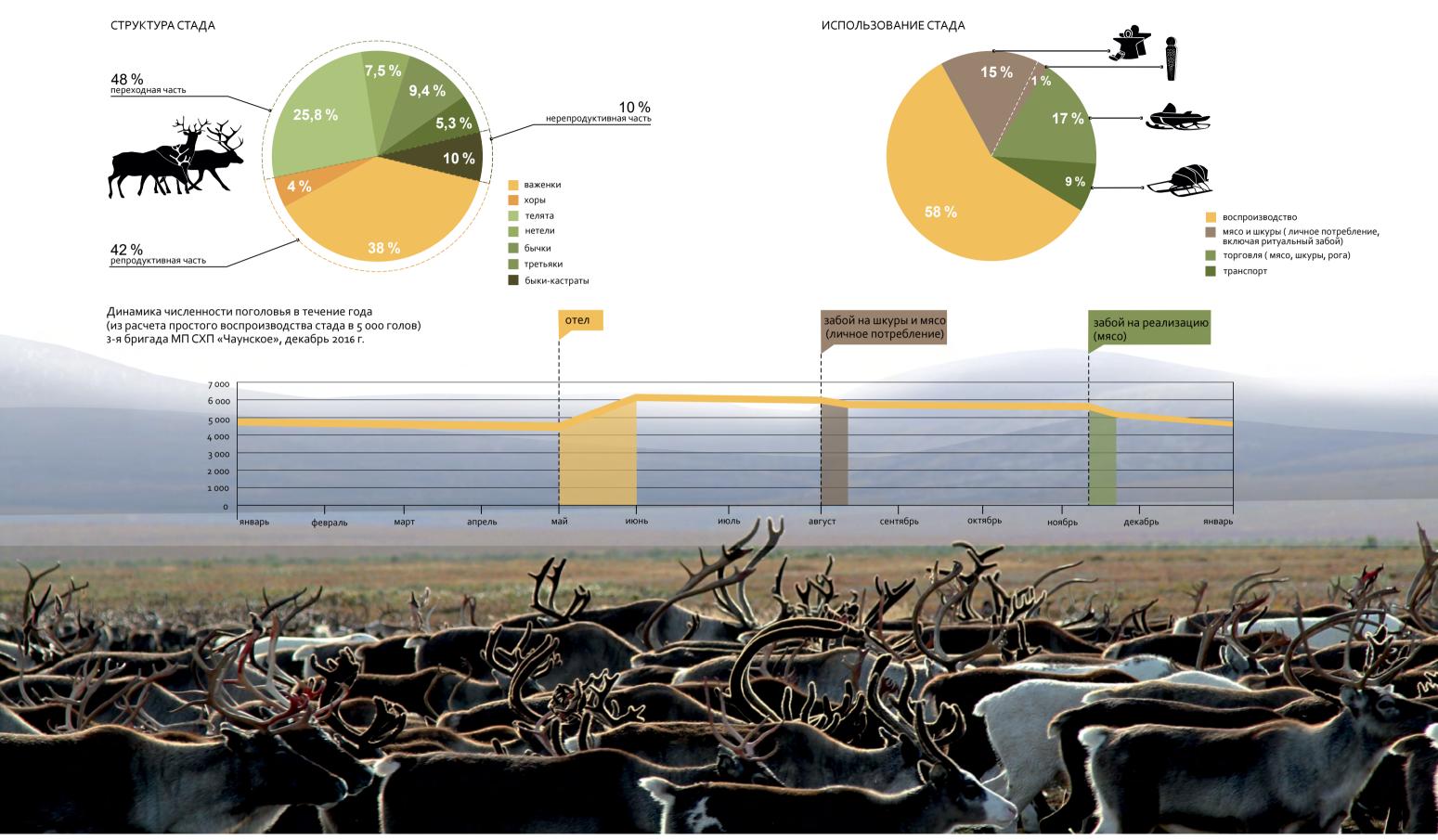

Рис. 6. Оптимальное стадо. Чаун-Чукотка

СТАДА И БРИГАДЫ ЧАУН-ЧУКОТКИ

Тундры Чаун-Чукотки осваивает сельхозпредприятие «Чаунское», бывший совхоз «Певек» (1945-1999), с центральной усадьбой Усть-Чаун (Рыткучи) Чаунского района — одно из крупнейших оленеводческих предприятий Чукотки. В советскую эпоху поголовье оленей в «Певеке» достигало 60 тыс., а число бригад — 12. После преобразования в 1999 г. поголовье оленей в «Чаунском» снизилось до 14 тыс., число бригад — до 6, затем до 5. За кризисом, поразившим всю Чукотку, последовало медленное восстановление: число оленей СХП «Чаунское» составляло на начало 2009 r. - 23939, 2010 - 28164, 2011 - 28779,2012 - 24375, 2013 - 28139, 2014 - 22157,2015 - 25096, 2016 - 26148, 2017 - 31105голов. В «совхозном стаде» разрешено держать личных оленей, которых пастухи получают в виде премий за работу. В 2018 г. число личных оленей составляло лишь 87 голов: многие чукотские оленеводы считают, что «иметь личное стадо очень хлопотно».

Оленеводством занимаются чукчи, но управляют ими «приезжие»: два года назад предприятием руководил украинец А. Н. Зубенко (для удобства руководства СХП в 2017 г. перевел правление СХП из национального села Рыткучи в г. Певек), а после его увольнения калмык Н. Т. Андреев (имеет немалый зоотехнический опыт в оленеводстве, но на дисплее его компьютера — фото лошадей). На долю дирекции выпадают главным образом заботы о забое оленей и подсчеты денежного оборота, а пастушеское бремя лежит целиком на чукчах, среди которых лидерство принадлежит братьям Б. Ф. Вуквукаю и А. Ф. Антылину, выпасающим больше половины чаунских оленей (12 тыс. и 6 тыс.).

Из пяти работающих бригад три (2-я, 3-я и 9-я) кочуют на чаунской стороне и приписаны к центральной усадьбе в селе Рыткучи (с 2017 г. — к Певеку), а две бригады (5-я и 6-я) — на о-ве Айон, относятся к отделению «Айон». Из-за ликвидации нескольких бригад в ткани оленеводческих коммуникаций образовались прорехи, которые перекрываются поездками на снегоходах и средствами мобильной связи. Самое отдаленное кочевье 9-й бригады находится между реками М. Пыкарваам и Паляваам, за 200–250 км от центральной усадьбы. Возглавляет «девятку»

знаменитый Вуквукай — наставник, под началом которого работают трое его сыновей (Виталий, Владимир и Алексей) с женами и детьми. По существу это бригада-семья, владеющая самым большим на Чукотке стадом в 12–13 тыс. оленей. За ней по размерам следуют стада (данные на начало 2016 г.): 3-я бригада под началом сына А.Ф. Антылина Ивана (5–6 тыс.) и 2-я бригада Игоря Тынечейвуна (3 тыс.), айонские 5-я Вячеслава Рультына (3,7 тыс.) и 6-я Андрея Люлькаля (3,2 тыс.).

В конце 2016 г. руководством «Чаунского» была предпринята попытка разукрупнить 9-ю и 3-ю бригады, отделив часть стада 9-й в 8-ю, а 3-й в 4-ю. Однако, по словам оленеводов, эта мера была направлена не на улучшение хозяйства, а на подрыв влияния авторитетных чукотских лидеров, и появление «бумажных» бригад ничего в тундре не изменило: два крупных стада остались под контролем братьев Вуквукая и Антылина.

Крупнейшие чукотские бригады во многом сами определяют места выпаса и кочевок. 9-я бригада заняла свободные участки тундры оленеемкостью 9 150 голов в Билибинском районе и претендует на пастбища оленеемкостью 2 900 голов Анадырского района. Впрочем, администраторы относятся к этому своеволию с пониманием; нынешний директор СХП «Чаунское» Н. Т. Андреев отмечает:

«У нас, в отличие от Ямала, с пастбищами свободно, паси — не хочу... В восьмидесятых годах, помню, между бригадирами до скандалов доходило, кому первому идти, где пасти. А сейчас территория свободна, куда хочешь, туда и иди. Маршруты у всех свои, олени привыкают, если переходишь на новый маршрут, они два-три года будут убегать. Буквально только что мы провели работы по землеустройству, просчитали оленеемкость пастбищ» (Чаун-Чукотка, 2017).

В «Чаунском» работает 130 человек; средняя зарплата 17 тыс. руб. (чуть выше средней по округу), плюс доплаты, субсидии от государства (существенные, из расчета 25 000 на оленя, в год на СХП — 70 млн руб.), а также экипировка: кухлянка верхняя и нижняя из оленьих шкур по 8 500 руб., штаны верхние и нижние

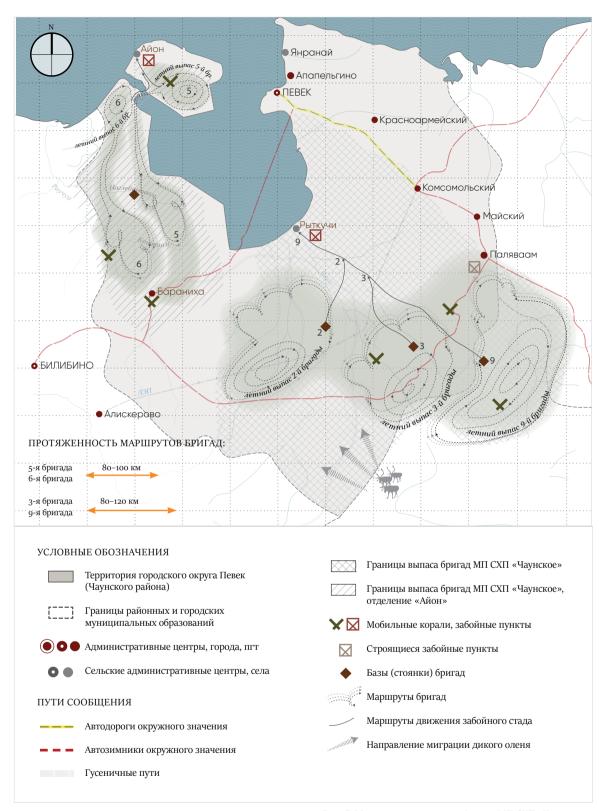

Рис. 7. Маршруты движения бригад МП СХП «Чаунское»

из оленьих шкур по 3 000 руб., штаны из камуса по 5 000 руб., торбоса средние и короткие 2 пары по 3 000 и 2 000 руб., чижи из камуса 2 пары по 2 000 руб., чижи из оленьих шкур 4 пары по 1000 руб., рукавицы из камуса 2 пары по 1 000 руб., малахай из камуса по 1 000 руб., кукуль меховой по 7 000 руб. Кроме того, по нормативам на одну ярангу при сроке службы четыре года полагается: полог из оленьих шкур (50 000 руб.), меховое покрытие на ярангу (2 шт. по 40 000 руб.), брезентовое покрытие на ярангу (2 шт. по 20 000 руб.), палатка меховая (150 000), кораль переносной (800 погонных метра, 30 000 руб.) (Постановление Правительства Чукотского АО..., прил. 1, 2).

Главная проблема сельхозпредприятия — ограниченный внутренний рынок (включающий соседние поселки и прииски) сбыта оленины при отсутствии выхода на внешние рынки. Необходимость первичной переработки оленины на местах с целью ее вывоза

за пределы района побудила дирекцию «Чаунского» закупить установки по первичной переработке оленины на местах забоя в Рыткучи и Айоне. Объем реализации ограничен даже с учетом плановых закупок учреждениями образования и здравоохранения. К тому же на прилавках торговой сети продукция «Чаунского» соседствует с мясом дикого оленя, которого местные жители добывают по квотам, выделенным окружным охотуправлением (цена на оленину 180 руб. за кг) (Олегович 2018).

Забой оленей в отделении Айон проводится на забойном пункте в 3 км к востоку от с. Айон. На Айоне (среднее течение р. Наглейнынваам) стоит промежуточная база. Весенняя корализация в айонских бригадах проводится по маршрутам 5-й и 6-й бригад, на ручье возле пос. Бараниха, а осенняя — в 30 км от Айона (навигация Маяк). 5-я и 6-я айонские бригады, в отличие от 2-й, 3-й и 9-й чаунских, совершают

Вуквукай, наставник 9-й бригады. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2014

классические миграции тундра-море: с острова Айон и побережья Малого Чаунского пролива до Баранихи и обратно. Раньше их маршруты были длиннее — от Айона (летние пастбища) до Илернейских озер (зимние пастбища) — почти 500 км. Айонские стада всегда в движении.

«Летом олени сами бегут к морю, только сзади подталкивай и отставшие куски направляй по маршруту. Одно стадо остается на побережье, другое переходит на остров. На проливе кроме ягеля и зелени в изобилии соленая трава (нуретпильхен) и морская капуста — это отличный корм для оленей. Быки бегут галопом к морю, чтобы поесть зеленой травы, важенки бросают своих телят. От этой травы олени упитанные становятся, поэтому айонское оленье мясо

считается самым лучшим на Чукотке» (И. А. Ранав, Чаун-Чукотка, 2017).

Чаунские бригады гонят отобранных для забоя оленей к концу ноября к Рыткучи, где сооружен кораль и открыт пункт убоя оленей. Забой длится 7-8 дней силами поселковых забойщиков, с обработкой 60-70 туш в день. Осенью 2018 г. открылся новый стационарный высокотехнологичный оленеубойный пункт в 5 км от моста через р. Паляваам, по дороге Певек — Билибино, в 200 км от Певека. Установка забойного пункта — часть финско-российского проекта поставки чукотской оленины в страны Евросоюза. Ежегодно планируется экспортировать около 240 т мяса, большая часть которого пойдет в Финляндию и Швецию (Синкевич 2018). Рядом с убойным пунктом планируется создать полный сельскохозяйственный комплекс: поставить перевалбазу и кораль.

Стадо у яранги. Фото А. Головнёва, 2014

КРУГЛЫЙ ГОД БРИГАДЫ № 3

В чукотской динамике три орбиты или скорости. Пеший ход образует основу матрицы мобильности: благодаря навыкам долгой ходьбы все пространство выпаса стада и кочевья пересекается пешими маршрутами, которые в прежние годы были обычаем, а сегодня представляют собой эпизоды, но их сеть, соединяющая стойбище, стадо и круг кочевий, остается прежней, хотя и уплотняется за счет поездок на снегоходах и квадроциклах. Средний горизонт составляет оленное движение стада и каравана с короткими стоянками в межсезонья и длительными в летний и зимний сезоны. Длинный радиус характерен для авиа- и автоперевозок тундра-поселок/город, которые для многих тундровиков представляют собой вариант вахты (почти у всех есть квартиры или дома в поселках). В прошлом третья «орбита» выглядела движением между тундровыми стойбищами и береговыми поселками, в которых оленеводы и зверобои нередко выступали в роли торговцев (кавральыт). В этой

трехступенчатой мобильности один и тот же человек ведет себя по-разному, и эти стили движения не всегда органично сочетаются; например, когда пастух покидает бригаду и оказывается в поселке, его занятия имеют мало общего с пастушеством.

В отличие от ненцев, которые будто слиты со стадом и кочуют внутри него, чукчи держат стадо на расстоянии, окарауливают со стороны, добираясь до него пешком, на оленях или снегоходах. Если ненцы регулярно (раз в день) пригоняют своих оленей на стойбище, то чукчи собирают к ярангам лишь небольшое стадо ездовых быков. Чукотское кочевье выглядит как перестановка стойбища с одной точки контроля стада на другую. Эта манера напоминает охотничьи маневры преследования и подстерегания дикого стада. В течение года (гивинит) чукчи кочуют 15-40 раз, в зависимости от корма на пастбищах, погоды и дробления бригады для выпаса «кусков» стада. Это ритм «оленьего движения» — средней ступени,

Окарауливание стада. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2015

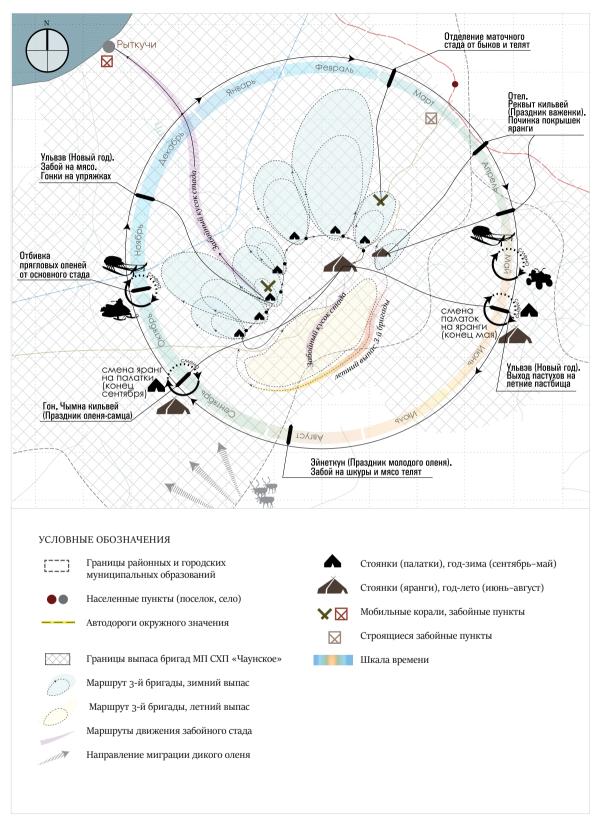

Рис. 8. Схема годичной миграции 3-й бригады МП СХП «Чаунское»

тогда как количество пеших перемещений пастуха, в том числе на летовках в отрыве от яранг, измеряется сотнями.

Поскольку пространство и время у кочевников слиты, миграционный маршрут 3-й чаунской бригады имеет вид одновременно круга в пространстве и круглого года во времени. Опорной точкой является место стоянки летних «тяжелых» яранг на р. Элькаквун, которое в календаре обозначается анойильгын («месяц стояния», июль). Название реки происходит от находящейся неподалеку остроконечной сопки (Элькаквун — Сопка-гвозды), с вершины которой оленеводы обычно оглядывают окрестности, выискивают оленей, следят за хищниками. В этом смысле Элькаквун действительно служит «гвоздем» кочевой жизни 3-й бригады.

Летнее стойбище 3-й бригады состоит из 5-6 яранг, склада вещей и запасов пищи, стоянки снегоходов. Женщины, старики и дети проводят лето (*эленит*) — месяцы «разлива рек» (имлыръылгын, июнь), «комара» (внъойилъгын, июль) и «очищения рогов» (нетгыль*гын*, август) — в ярангах на стойбище, а мужчины отправляются на «летовку» — следуют за стадом, охраняя его от хищников и отслеживая его поведение и перемещение (на Амгуэме чукчи насчитывают три летовки — малую, большую и осеннюю (Vaté 2011:140)). От летнего нагула стада зависит состояние оленей в течение всего года, в том числе в ключевые для оленеводства периоды осеннего года и весеннего отела, и искусство пастьбы летом состоит в неназойливом окарауливании. Осложняют летний выпас комар и овод — «главный враг оленя»; по словам А. Ф. Антылина, «олени бегают от овода опрометью, они волков так не боятся, меня так не боятся, как овода».

В середине августа летовка завершается и наступает пора сбора стада, в том числе всех отколовшихся «кусков», и его движения к ярангам. Встреча стада с ярангами в конце августа или начале сентября отмечается трехдневным ритуалом эйнеткун, включающим жертвоприношения, изгнание духов-келе, забой телят на одежду. К сентябрьскому сбору на стойбище бригады приезжает команда коральщиков, устанавливает полотняный кораль и проводит просчет и отбор части стада для перегона в Усть-Чаун на забой. После месяца «гона» (эйнейгыльгын, сентябрь) оленеводы готовятся к кочеванию.

Месяц «начала зимы» (льяларонок, октябрь) и выпадения снега — время первой осенней

перекочевки на новое стойбище, которую 3-я бригада совершает с помощью вездехода. Стоянка на первом осеннем стойбище длится 2-3 недели. Впрочем, размеренный ход движения нередко нарушается непредвиденными событиями. Например, осенью 2017 г., накануне запланированной перекочевки с р. Элькаквун на водораздел к р. Мал. Мильгуввем, задул южак (сильный юго-западный ветер) и большой «кусок» стада (около 300 голов) ушел в долину; двум ярангам (палаткам) пришлось остаться на месте и позднее, дождавшись замерзания рек, догонять основное стадо. А в ноябре 2016 г. выпал глубокий снег и полил дождь; во избежание потерь из-за гололеда ход кочевания резко изменился. «На сопках снег, по реке еще больше снега. Решили, что разворачивать надо, а то кончим стадо. Уже третий год дождь зимой» — поясняет Антылин.

Зима (льэльен) — самое спокойное и благополучное время для оленеводов, если не считать метелей и волков, от которых стадо
охраняют посменно смены из двух пастухов.
От основного стада в ноябре отделяют 300–400
«пряговых» (упряжных) быков и выпасают оба
стада на ягельниках неподалеку друг от друга.
В течение зимы бригада кочует на упряжных
оленях. С «пряговым» стадом идет зимняя палатка с двумя семьями молодых пастухов и основным обозом на грузовых нартах. Остальные пастухи кочуют с основным стадом, взяв
с собой палатку, печку, запас пищи. Впереди
налегке идет основное стадо, следом — пастухи с «пряговым куском».

В марте (лъоргықа — «месяц появления шерсти на головах утробных оленят») проводят кораль и отделяют маточное стадо (беременных важенок) от прошлогодних телят, холощеных быков и самцов-производителей. После разделения стада одна бригадная палатка уходит с маточным стадом, вторая — с быками, третья — с телятами.

«Месяц отела» (гройильгын, апрель и начало мая) — кульминация оленеводства (дикий олень телится на две-три недели позже). По признанию пастухов, «отельное время — самое трудное. Сторожить важенок приходится постоянно, так как звери и птицы готовы растащить и последы, и телят. А если погода плохая, пурга, то может погибнуть половина оленят». После отела части стада и части бригады воссоединяются и совершают последний переход к Сопке-гвоздю, где по окончании месяца «тронувшейся воды» (имлыръильгын, май) ставят летние яранги.

Стадо 3-й бригады у Сопки-гвоздь. Фото Е. Переваловой, 2017

Наблюдение за стадом. Фото А. Головнёва, 2015

ЯРЕН И МУУЛЬГЫН: РИТМЫ ДВИЖЕНИЯ

Век назад кочующая группа чукчей-оленеводов была в среднем вдвое меньше, чем сейчас, и состояла из 2-3 семей (10-15 человек), а крупные стойбища в десяток яранг образовывались лишь на ярмарках. Во главе группы стоял хозяин стада (или большей его части), чья «бычьеподобная» (подобно крупному быку-самцу в оленьем стаде) яранга располагалась первой с северного или восточного края стойбища. Хозяина стойбища называют «главнодомный» или «переднедомный», а обитателей остальных яранг — «заднедомными». «Главнодомный» первым после перекочевки ставит свою ярангу, «остальные подстраиваются в порядке подхода к стоянке» (Богораз 1934. 4. 1:142, 143).

В современных бригадах по 4–6 яранг, главная из которых (*ермесит*) занимает северовосточный край и принадлежит бригадиру. Раньше яранги бригады кочевали единовременно, сейчас, в зависимости от планов окарауливания стада или его частей, часть яранг может остаться, а часть перекочевать на новое

место. Согласование дальнейших действий достигается посредством поездок на снегоходах и оленьих упряжках. Части бригады могут стоять порознь несколько недель и сойтись вместе на следующей перекочевке. Кроме того, перекочевка может проходить в несколько этапов, включающих переброску грузовых обозов и перевоз собственно яранги с ее обитателями. Основные состояния в ритме чередований чукотской оленеводческой статики и динамики — ярен (стойбище) и муульгын (кочевой караван).

Слово яранга образовано от понятия *яраны* — «дом, жилье». Яранга представляет собой не только жилище кочевника, но и социальное ядро, причастность к которому определяет место и роль человека в обыденной жизни, ритуалах, отношениях родства и соседства. В чукотской традиции стойбище и прилегающая к нему территория называется *ярен*, в отличие от внешней тундры *нутенут* (Vaté 2011:141, 142). Пространство перед ярангой и палаткой называется *тыльхыттыесан*. Сюда

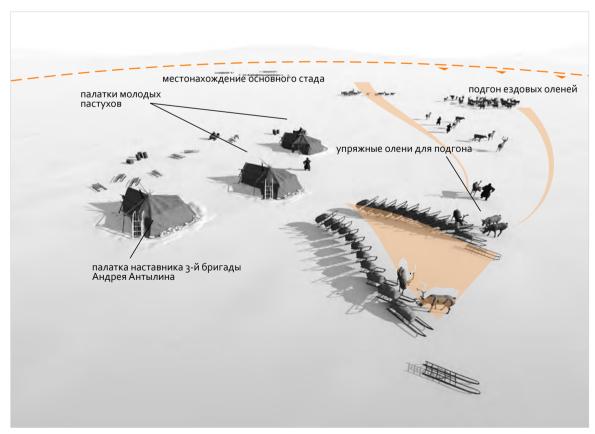

Рис. 9а. Подгон ездовых оленей. Перекочевка 3-й бригады

Элгаан — нартовый кораль. Фото Д. Куканова, 2015

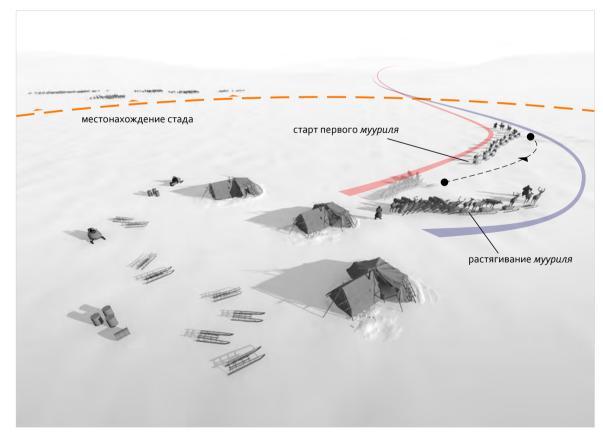

Рис. 9б. Старт муурилей

пригоняют стадо, поэтому здесь не ставят вездеходы, нарты, не оставляют мусор. Грузовые нарты расставляют позади или чуть в стороне от яранги или палатки (магны — нартенное место). Нарты для транспортировки шестов (релкины) прячут под ними. Мастерить и строгать мужчина может в любом месте, а также внутри и снаружи яранги, только не перед входом. Вешала для мяса и шкур (энотмэн) размещают на продуваемых местах с любой стороны яранги. Для отходов позади яранги делают специальную яму (ыттъытын), куда опорожняют ночные горшки. То, что хранят в яранге, называется райырчын, что снаружи наргынкэнатйыргыт. Раньше в больших ярангах, кроме полога с постелями и домашнего скарба, хранили нарты, поскольку, как считают чукчи, «дождь и солнце сжигают их». Посудную нарту с запасами пищи ставили внутри яранги с одной стороны и, священную и ездовые нарты — с другой. Кроме того, стоящими нартами подпирали и окружали ярангу так, что иногда создавалось впечатление, что яранга — дом из нарт.

Перед началом осенне-зимней кочевки оленеводы готовят нарты: если требуется, ремонтируют грузовые и перевязывают ездовые,

заменяя детали и ремни, чистят полозья. Несколько дней уходит на упаковку грузов. Как только ляжет снег, яранги (палатки) готовы двигаться к зимним пастбищам. По воспоминаниям Варвары Кузнецовой, в 1940–1950-е гг. осенние и весенние кочевки продолжались много дней и остановки в пути (стоянки) рассматривались как короткая передышка, не требующая основательной постановки жилищ: нарты оставляли на земле, не внося в ярангу и не подпирая ее снаружи (Михайлова 2015:88).

В 2017 г. в ходе весенней перекочевки 3-й бригады накануне отела одна яранга откочевала ближе к маточному стаду, другая направилась в сторону летней стоянки с расчетом на опережение движения стада. Первым делом наставник, определяющий расположение следующей стоянки и режим перекочевки, совершил разведочную поездку к предполагаемому месту новой стоянки на снегоходе с небольшим грузовым караваном (мууриль), состоящим из нескольких нарт с дровами (сухостоем) и продуктами. Для обозначения такой поездки чукчи используют слово мальячить (перевозить грузы на новую стоянку). Все места, пригодные для стоянки, оленеводам хорошо известны, однако всякий раз могут

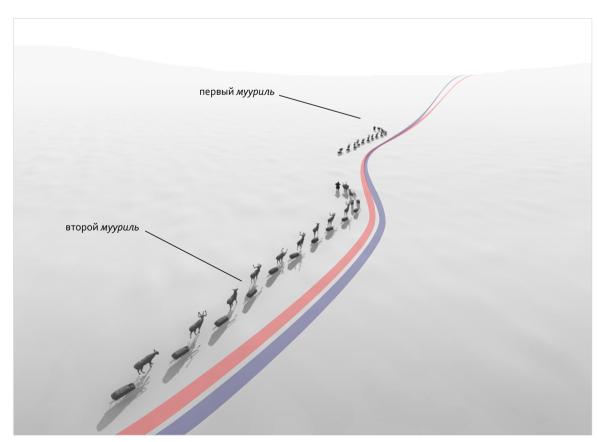

Рис. 9в. Движение муурилей по тундре. Перекочевка 3-й бригады

Грузовые нарты на стоянке. Фото Д. Куканова, 2015

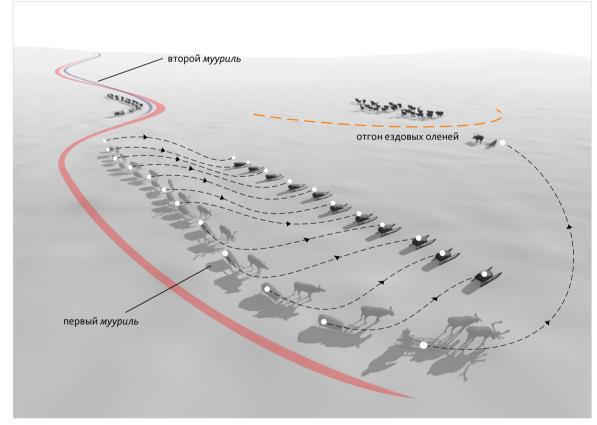

Рис. 9г. Расположение нарт на месте будущего стойбища

быть приняты поправки, исходя из состояния снега, пастбищ и стада, близости кустарника для очага и водоема. Найдя подходящее место, наставник отметил его оставленными нартами, по обычаю развернув их носами на юговосток, навстречу солнцу.

На следующий день собирается муульгын из двух муурилей. С раннего утра начинается подготовка грузовых нарт, которые составляют в элгаан — полукруглый кораль из вертикально приставленных друг к другу 15-16 нарт. Внешне он напоминает зубчатый забор, служащий оградой для загона оленей; при этом нарты составлены так, чтобы с началом движения они растянулись в караван. Затем мужчины идут или едут в стадо, отбивая нужный для каравана «кусок» упряжных оленей. Подогнав его к ярангам, пастухи направляют оленей в элгаан, а оставшихся отлавливают арканами. Затем запрягают оленей, надевая узду и крепя лямки к вертикально стоящим нартам. В голову каравана ставят легковую нарту, женскую кибитку и священную нарту. Когда все олени запряжены и выстроены вдоль элгаан, после чаепития, ведущий каравана осторожно тянет на себя узду передового оленя (смирного и хорошо обученного), муульгын трогается, и стоящие в ряд нарты одна за другой опускаются на снег и выстраиваются в цуг — нартовый кораль (элгаан) трансформируется в нартовый поезд (мууриль).

Сборы яранг на перекочевку начинаются со снятия покрышек (ретэм) яранги или палатки. При этом отвязывают горизонтальные жерди, убирают двух- и треножные опоры тамбура. Их связывают и крепят к нартам, предназначенным для транспортировки шестов (релкины). В посудную нарту загружают чайники, котлы, посуду, продукты, сверху все накрывают меховым пологом. Затем выносят печку, топоры, дрова, пилы и загружают в отдельную нарту. На грузовые нарты кладут постель (постельные шкуры, одеяла, подушки, маты из прутьев). На одну большую и три маленьких нарты релкины укладывают и привязывают жерди и шесты жилища.

В современном чукотском караване от 30 до 40 нарт (в прошлом караван состоял из 10–15 нарт, но состоятельные семьи кочевали транспортными поездами в 40–60 нарт). В голове «поезда» идет мужская или женская ездовая нарта. Число и состав нарт в мужском и женском караване зависит от достатка и размеров семьи. Мужской караван состоит из легковой

нарты, нарты с мясом, грузовых нарт с запасом дров и с запасными частями для нарт, мужским инструментом, маленькой релкины, нарт с запасами пищи и нарты с запасными полозьями. Женский караван состоит из женской ездовой нарты и/или кибитки, священных нарт, за которыми следуют грузовые нарты с продуктами и домашним скарбом: нарта с печью и меховыми покрышками яранги (в зимнем варианте тамбура палатки), нарта с инструментом (топоры, лопаты) и пологом, нарта с постелями, нарты с шкурами и одеждой, посудная нарта, нарта с палаткой, к которой цепляются вторая релкины с жердями от палатки и третья релкины с жердями ретэма. Для женского каравана подбирают смирных оленей, тогда как в мужском караване допускаются «драчливые».

«Небольшое стойбище при перекочевке обычно делает в день до 25 миль, большое стойбище — от 10 до 15 миль, часто же, особенно ранней осенью, не более трех или пяти миль в сутки», — писал Богораз (1991:31-33). Сегодня перегон совершается одним пробегом в 10-15 км, чтобы как можно быстрее освободить оленей из упряжек, однако на самом деле в пути случаются остановки из-за запутавшихся оленей, опрокинувшихся нарт, разорвавшихся лямок. Перекочевка занимает световой день, движение каравана — около трех часов. Подойдя к месту стоянки, муурили делают разворот по солнцу — каждый мууриль разворачивается вокруг места установки своей яранги или палатки. Иногда делают несколько поворотов, пока нарты не встанут в нужном порядке и направлении по линии восток-запад. Первым останавливается и разгружается мууриль главной яранги — ермесит.

По прибытии к месту стоянки в первую очередь распрягают и отпускают оленей. Затем расчищают место под палатки или яранги. Развязывают жерди, раскладывают палатку, вставляют верхнюю жердь в прорези, ставят треножные опоры, потом вставляются боковые жерди. Заносят и подвязывают полог. В тамбуре ставят посудную нарту. Следом заносят постели, ставят печку и стол. Затем обустраивают тамбур: расправляют и связывают треножные и двуножные опоры, натягивают ретэм. Жилище укрепляют обкладкой из комьев снега или камней, подпирают нартами. Когда яранга со всех сторон обставлена нартами, она чем-то напоминает элгаан — кораль из вертикально составленных нарт.

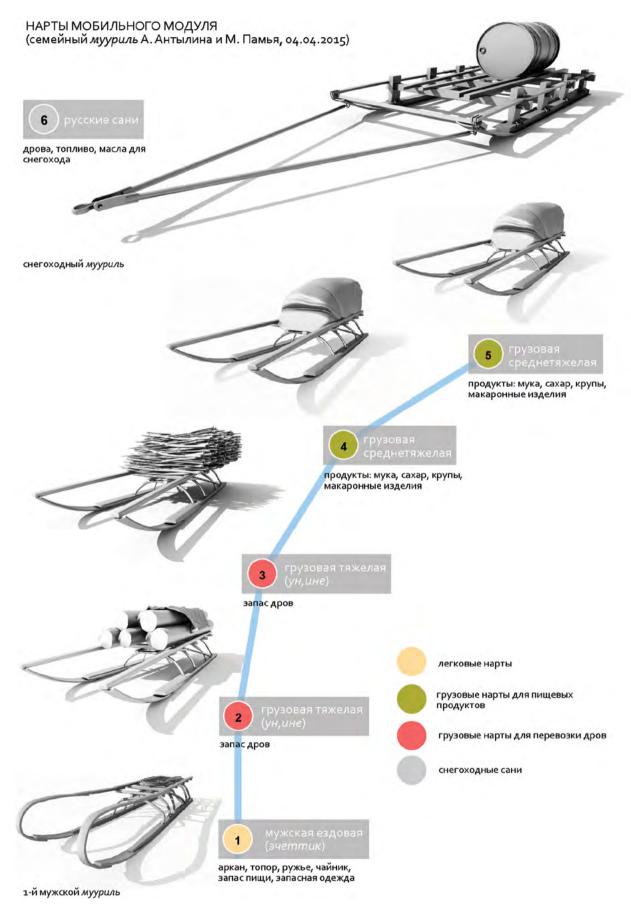

Рис. 10а. Семейный кочевой мууриль чукотских оленеводов

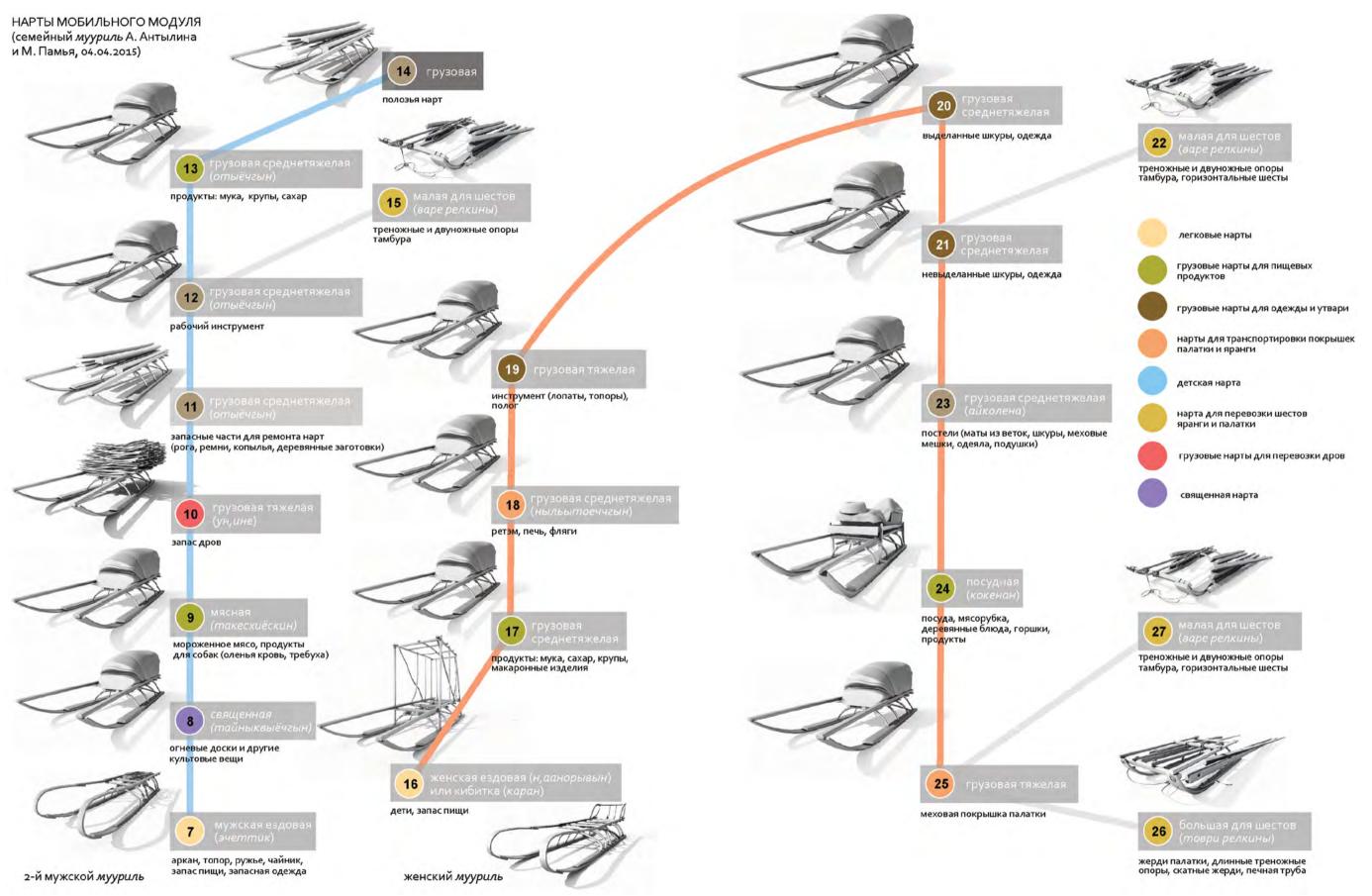

Рис. 10б. Семейный кочевой мууриль чукотских оленеводов

ДВИГАТЕЛЬ ПО ИМЕНИ АНТЫЛИН

Поиск и сбор отколовшихся «кусков» стада в конце лета представляет собой сложную композицию действий поисковой команды вездехода и пастухов, из которых одни (пастухи держатели) окарауливают основное стадо, направляя его в сторону яранг, а другие (пастухи искатели) ищут и подгоняют в нужном направлении отколовшиеся «куски» (по несколько десятков или сотен оленей). Задача затрудняется тем, что основное стадо не стоит, а движется, и может в любой момент расколоться из-за тумана, нападения волков или медведей, неумелого окарауливания, ухода части оленей за реку, увлечения оленей грибами и т. д. Сбор и подгон «кусков» представляет собой многоходовую комбинацию, в которой чередуются быстрые решения и терпеливые ожидания, короткие отрезки напряжения и расслабления. Заметную роль в этом играют дикари, водящие эти сколки стада.

Андрей Антылин, наставник 3-й бригады. Фото А. Головнёва, 2014

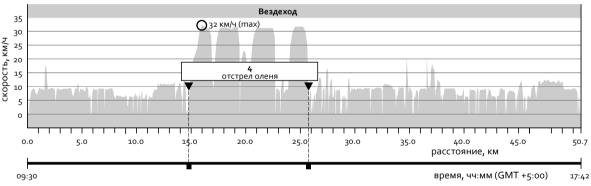

Рис. 1.76. График скорости Андрея Антылина во время загона стада

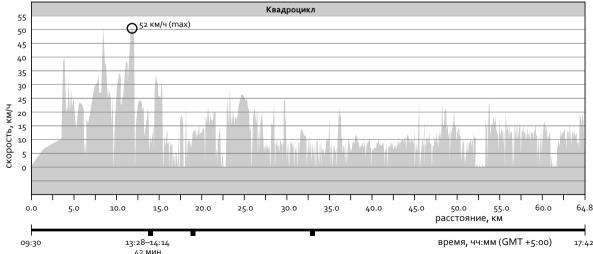

Рис. 11а. График скорости Ивана Антылина во время загона стада

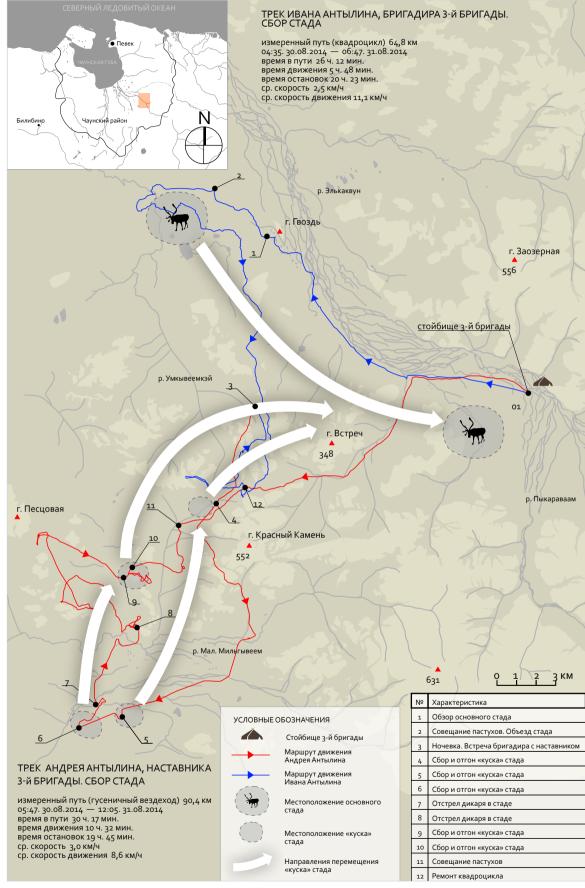

Рис. 116. Маневр 3-й бригады МП СХП «Чаунское»

Дикарь отличается от домашнего оленя статью, однородносветлой окраской и легким стремительным бегом; он высокий и длинноногий, с большими рогами и растопыренными ушами («слушает, когда пасется»), с белым подхвостьем и отвислой, как у лося, нижней губой.

Домашние олени охотно поддаются воле красавцев дикарей, теряя привычную стадность, разбиваясь на «куски» и уклоняясь от подчинения пастухам. Ведомые дикарями «куски» сложны для загона. На них нельзя пускать собак, потому что от испуга дикари уводят «кусок» далеко. Пешим маневром отделить дикарей от домашних удается крайне редко. Преследование убегающего «куска» ведется на вездеходе, от вида и рева которого дикари вырываются вперед, а домашние отстают. В этот момент нужно вклиниться между дикими и домашними оленями, разделяя их криками, махами и бросанием палок. Однако среди домашнего «куска» часто находятся преданные самки, которые упорно следуют за дикарями и разворачивают стадо. Тогда в ход идет карабин, и дикарь становится жертвой собственной красоты и силы.

По чукотской традиции, к дикарям наставник 3-й бригады «дед» Антылин относится двойственно: с одной стороны, он ценит «метисов» (потомство диких и домашних оленей) за силу, красоту и умение вести стадо по хорошим пастбищам; поэтому он не гонит из домашнего стада приблудившегося самца дикаря: «Пусть гуляет, хороших оленей нам наплодит». С другой стороны, дикари разбивают домашние стада на части и уводят их за собой. Особенно часто это происходит осенью, во время гона. В 2008 г. дикари увели все стадо 1-й бригады, а оставшиеся не у дел оленеводы перешли в другие бригады или осели в поселке Рыткучи, где, по словам местных жителей, до сих пор не приспособились к оседлой жизни и постоянно пьют.

Когда приходит пора августовского сбора стада, дикари для Антылина — не олени, а враги. Прослышав об «импортозамещении», он предложил организовать специальную бригаду по отстрелу дикарей, завезти холодильники и контейнеры для хранения и транспортировки оленины: «Сейчас, говорят, чукотское мясо нужно государству, потому что из заграницы товары запретили».

Поиск «куска» стада. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2014

Загон «куска» стада. Фото А. Головнёва, 2014

Антылин на вездеходе очерчивает дугу, охватывающую долину речки с расходящимися от нее горными «карманами» и склонами соседних перевалов. Цель маневра состоит в том, чтобы собрать бродящие по склонам и карманам «куски» в один поток и направить его к основному стаду, пасущемуся у р. Элькаквун. При этом «куски» нужно подтолкнуть с разных сторон так, чтобы на обратном пути вездеход собрал их одним ходом. Местонахождение некоторых «кусков» уже известно благодаря разведке, проведенной сыном Антылина Иваном и пастухом Витюхой. Иван и Витюха — два персонажа из разных эпох: Иван на квадроцикле обнаружил два куска, Витюха пешком собрал из трех «кусков» один и держит его. Он уже две недели ходит пешком, как в старину, с посохом и вязанкой хвороста, в сопровождении серого пса. Ночует под открытым небом, заворачиваясь в плащ, а когда хочет есть, снимает с серого привешенную ему на шею рогатку. Пес немедленно давит оленя, снабжая Витюху и себя пищей. Так они кормятся у «куска» и стерегут его. По словам Антылина, «Витюха никогда не считает денег,

а считает только оленей» (чукчи отмеряют оленей условными десятками и сотнями).

Вездеходная команда, включающая пару пастухов с собаками, тоже ищет «куски» и направляет их в одно «русло». При лобовом вспугивании олени бегут либо против ветра, либо туда, откуда только что пришли. Подгоняют их свистом и взмахами. Направить их в ином направлении можно обходным маневром вездехода или пуском пастуха с собакой.

В обиходе чукчей недавно появилось выражение «засобачить». Например, при виде «куска» по ходу вездехода звучит команда: «Соскочи и засобачь». Один из пастухов сбрасывает с вездехода собаку, вслед прыгает сам, бежит и командует собаке повернуть оленей в нужном направлении («засобачить» можно слева или справа). Раньше собак оленегонок у чукчей не было, они появились лишь в советское время, но сейчас собака, умеющая гонять оленей, — непременный персонаж оленеводства.

В ходе загона и лова оленей Антылин постоянно поторапливает молодежь: «Где ловцы?! Давай, лови, время же идет!» Во время осеннего

сбора оленей он не дает толком ни попить чаю, ни поесть, ни отдохнуть, ни замерзнуть: короткие «чаевки» проходят под аккомпанемент его суждений о медлительности молодежи, изменчивом ветре, нахальных дикарях и других угрозах, из которых складывается нечто вроде заклинания «туман придет, олени уйдут».

Молодые пастухи не решаются принимать самостоятельных решений ввиду того, что только Антылин держит в голове всю сеть параллельных и последовательных связок и действий по подгону основного стада к ярангам, соединению «кусков», распределению пастухов на держателей, искателей и загонщиков,

траектории движения вездехода, квадроцикла, пешеходов, «дикарей», а также ритма стойбища с его женскими приготовлениями. Только ему ведома комбинация ходов, когда, глядя вслед убегающему за перевал «куску», он произносит: «Пусть бегут, куда бы они ни спрятались, мы их найдем». Все участники гонки почти слепо следуют его указаниям, при этом ворча на его занудство (в ограничении «чаевок»), дотошность (в попутном сборе дров) и жесткость (в бросках пастухов с собаками). Из разных действий по его воле образуется слаженная картина движения.

Пеший выпас. Фото А. Головнёва, 2014

Подготовка к загону стада. Фото А. Головнёва, 2014

СКОРЫЙ ХОД И БЫСТРЫЙ СОН

Чукчи ходят одинаково быстро по дороге, по горам, по болоту, по кустарнику. С посохом в руке и легкой поклажей за спиной (включая охапку хвороста) чукча может пройти за сутки 40 км. На Чукотке ходьба и бег возведены едва ли не в культ. Чукотские предания учат: «У чаучу [оленевода] самое главное — ноги. Если чаучу бегает быстрее любого оленя, он оленей сбережет. Если чаучу бегает дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бегает быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги, и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает» (Лебедев, Симченко 1983:25).

Более века назад В. Г. Богораз отмечал: «Чукчи отличаются не столько быстротою бега, сколько выносливостью, особенно оленные. Они могут бежать несколько миль по глубокому снегу, даже в тяжелой меховой одежде. Но и быстрота чукотского бега также заслуживает немалого удивления. Можно встретить чукотских пастухов, которые в состоянии настичь самца оленя, бегущего вскачь... Молодые женщины и девушки у чукоч устраивают свои женские состязания в беге и при этом проявляют страстность не меньшую, чем мужчины» (Богораз 1991:198). Ссыльному народовольцу-народоведу вторит штабс-капитан Н. Ф. Калинников: «Чукчи, особенно оленные, замечательные ходоки. Это прямо какие-то стальные люди в преодолении усталости, голода, бессонницы» (Калинников 1912:168). По наблюдениям В. Г. Кузнецовой, в 1940-е гг. родители запрещали молодым пастухам пить чай: «Не смогут быстро бегать за оленями, если будут чай пить» (Михайлова 2015:159).

В чукотской байке о быстроногом пастухе рассказывается: «Стадо оленей три часа ходит,

Аркадий Куковякин, пастух 3-й бригады. Фото А. Головнёва, 2014

потом час лежит. За этот час настоящий пастух успевает сбегать на стойбище, полюбить девушку и вернуться к своим оленям в тот момент, когда они только встают. При этом он предпочитает не свое стойбище, что поближе, а чужое, что подальше». По другой версии, быстроногий оленевод после дневной смены ложится спать в своей яранге, делает вид, будто уснул, дожидается, когда захрапит отец, затем выбирается из яранги, бежит по ночной тундре в соседнее стойбище, расположенное километров за двадцать. Там он проводит остаток ночи со своей возлюбленной

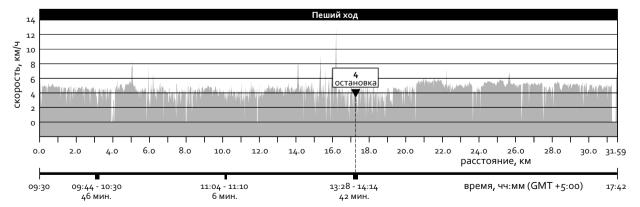

Рис. 12a. График скорости пастуха 3-й бригады Аркадия Куковякина при обходе стада

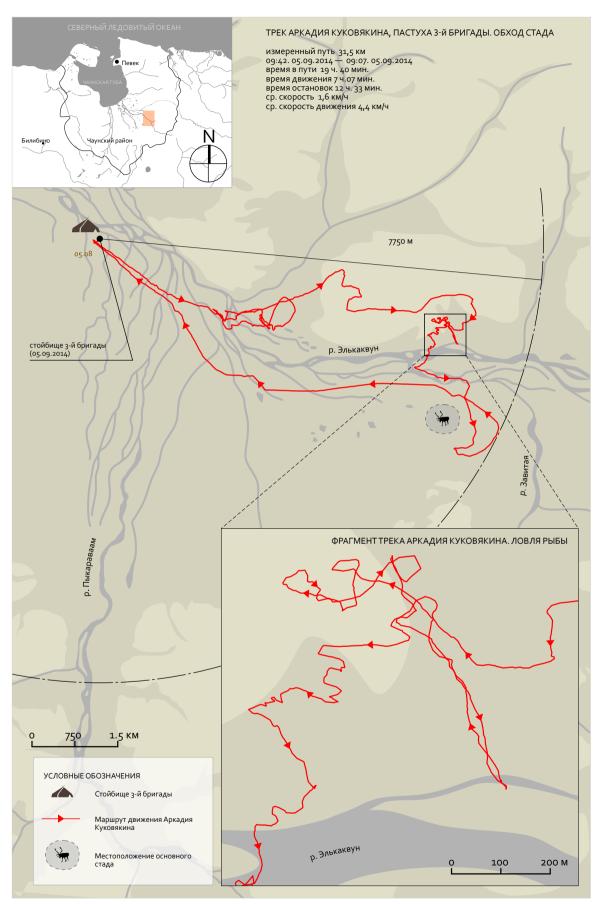

Рис. 126. Обходы стада пастухом 3-й бригады МП СХП «Чаунское»

и бегом возвращается назад. Отец пробуждается, а сын-пастух уже на ногах — собирается в стадо на очередное дежурство.

Молодые пастухи знают, что оленям необходимо давать возможность пастись свободно, но не позволять разбрестись или далеко уйти от маршрута. Главное — на ночь все стадо должно быть собрано. В стаде они разговаривают исключительно о том, как ведут себя олени и куда перемещаются другие пастухи. Издалека пастух пастуха узнают по росту, походке и по цвету собаки. Когда стадо останавливается, сходятся по двое-трое, обмениваются новостями. Там, где есть хорошие дрова, не грех попить чайку. Чаевка длится около часа. Каждый пьет из своей кружки и ест из своей сумки. Делятся только сахаром и хлебом. Так что объединяет их костер и котелок с кипятком.

Старый оленевод Антылин сетует на нынешнюю молодежью: «Раньше народ не курил, не пил. Бегали так, что догоняли оленей. Без собак, с палками. Когда я маленький был, собак не было. Одна собака была у отца.

Вездеходов не было. Каждая бригада круглый год пасла стадо пешком... Сейчас воспитание в школе — сигареты, выпивка. Тут и от двадцати собак толку не будет». И все же, наблюдая за действиями чукотских пастухов, можно с уверенностью сказать, что искусство ходьбы и бега чукчи сберегли. Сын Антылина, молодой бригадир 3-й бригады Чаунской тундры Иван, для поиска и сбора оленей использует квадроцикл, хотя в случае его поломки может легко прошагать километров 30–40 до яранг и вернуться назад в стадо.

Искусство скорого хода с давних пор служит для чукчей основанием их самонадежности в самых разных арктических измерениях, от военных действий до температурной саморегуляции: по чукотской традиции, мужчина согревается не огнем очага, а собственным движением (Головнёв 20156:15). На обыденном уровне, по рассказу пастуха Аркадия Куковякина, это выглядит так: «Я сегодня ночевал в тундре. Мы с собой плащи берем. В полночь легли спать, проснулся от того, что холодно,

Поворот стада. Фото А. Головнёва, 2015

Лов арканом. Фото А. Головнёва, 2015

пошел оленей гонять, час погонял, согрелся. Еще на час лег, потом снова проснулся, еще оленей погонял».

Это эпизод конца августа, когда ночная температура лишь стремится к нулю. Однако и в лютые морозы чукчи не изменяют правилу саморегуляции и не жмутся к теплому очагу. Зимой ритм учащается: пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день — то бежит, то спит.

В этой вечной тундровой игре людей и оленей обнаруживается удивительная способность пастухов быстро чередовать состояния крайнего напряжения и расслабления. Пастух, только что несшийся с собакой за стадом оленей, забирается в кузов вездехода и мигом засыпает, но при очередном крике Антылина моментально вскакивает и выполняет его команду.

Среди наших полевых фотографий оказалась целая коллекция спящих пастухов, а в числе ярких впечатлений — способность чукчей мгновенно засыпать, как только представится удобный случай. Это свойство не имеет ничего общего с сонливостью и вялостью.

Чукчи так же легко и быстро просыпаются, как и засыпают. Это умение, если не искусство, использовать любой миг для отдыха ради последующей мобилизации. Чукчи умеют «собирать» сон по кусочкам, запасаясь энергией и рационально ее расходуя.

Пастухи, держащие стадо, не упускают возможности наскоро поспать; особенно это приятно в августе, когда дневное солнце дает шанс прилечь на теплую кочку. Заметив, что стадо ложится, пастух Аркадий Куковякин сворачивает к речке, быстро ловит четырех хариусов, запекает их на костре, съедает пару, другую отдает псу и, произнеся короткую фразу «Надо кино посмотреть», вмиг засыпает. Сон глубок, но короток; меньше чем через час он уже шагает наперерез только что двинувшемуся стаду.

Искусство чередовать напряжение и расслабление в ритмах и аритмии кочевой жизни представляется одной из замечательных технологий арктического номадизма. В какой-то мере это сопоставимо с беспокойным и напряженным ритмом воина, кормящей матери, шофера-дальнобойщика. Однако в чукотской традиции это не считается достижением — это обыденный ритм, своего рода пульс кочевника.

Привал и быстрый сон пастуха. Фото А. Головнёва, 2014

МУЖ И ЖЕНА: ТРЕКИ ОДНОГО ДНЯ

Искусство саморегуляции и контроля над расходом энергии в равной мере свойственны женщинам и мужчинам. Как мужчины зимой носятся за оленями с непокрытой головой, а иногда и с голым торсом, так женщины свежуют оленя голыми руками и с оголенным от сброшенной лямки керкера плечом. Эти энергетически затратные усилия чередуются с размеренными действиями по поддержанию огня и уюта в яранге, приготовлению и поеданию пищи, пошиву и просушке одежды, разного рода развлечениями и досугом.

Мужские и женские треки движения существенно различаются протяженностью, скоростью и содержанием действий. Сходятся они только к ночи — в меховом пологе, а в течение дня пересекаются лишь за едой (если мужчина не дежурит в стаде).

3 апреля 2015 г. на стойбище 3-й бригады шла подготовка к перекочевке. Семья Ольги Памья и Бориса Кутувги распределила усилия на, соответственно, женские и мужские

действия: Ольга собирала вещи на стойбище, Борис — оленей в тундре.

Ольга с Борисом — круглый год в тундре. Ольга, числящаяся чумработницей, — дочь наставника А. Ф. Антылина и мать троих детей, которые большую часть года проводят в интернате и на каникулах навещают родную ярангу. Сегодня она встала первой, затопила печь, приготовила плотный завтрак с котлетами из оленины и лепешками (у чукчей он мало чем отличается от обеда и ужина), накормила мужа и гостей. На чай заглянул Антылин, уточнил дневное распределение действий, и Борис, по его поручению, отправился на оленьей упряжке отогнать маточное стадо за сопку.

Убрав со стола и помыв посуду, Ольга ненадолго зашла в соседнюю палатку Антылина, затем нарубила мяса для обеденного супа, подтопила печь (всего за день она около 20 раз поддерживала огонь в печи) и пошла к грузовым нартам собирать вещи для перекочевки.

Борис Кутувги, пастух 3-й бригады. Фото Д. Куканова, 2015

Ольга Памья, чумработница 3-й бригады. Фото Д. Куканова, 2015

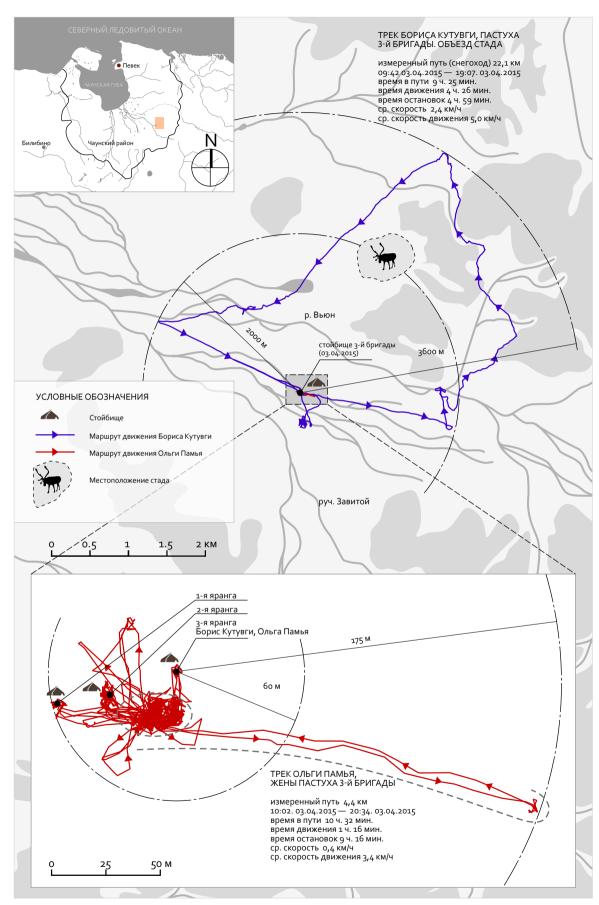

Рис. 13. Треки Бориса Кутувги и Ольги Памья (зима, 2015 г.)

В нарты она укладывала и увязывала зимние вещи, которые уже не понадобятся весной или, по крайней мере, в ближайшие дни, и потому могут быть отправлены грузовым караваном на новое стойбище. Время от времени Ольга заходила в свою палатку, помешивала суп, замесила тесто для лепешек. В обед она накормила супом и напоила чаем вернувшегося мужа, приготовила ему в дорогу термос с чаем. Сразу после обеда перемыла посуду в чуть теплой воде. После обеда пошла на реку за льдом, вернулась через полтора часа с нартой, полной льда. Разгрузив лед, занялась приготовлением ужина — гречневой каши с мясом и лепешек. Накормив всех и поужинав последней, она в очередной раз перемыла посуду и приготовила постели ко сну.

Фамилия Кутувги означает «в тундре на ноги вставший». Борис вполне соответствует фамилии предков, поскольку родился и вырос в тундре. С утра он и молодой пастух Хайма пошли к пасущемуся неподалеку от стойбища стаду ездовых быков, чтобы отловить по паре оленей на упряжки. У обоих на поясе банки с солью и в руках арканы для приманивания и лова оленей. С собой взяли нарты

и уложенные в них упряжи для оленей. Упряжные холощеные быки — самые смирные и покладистые из оленей, однако и к ним нужен подход. Есть три способа поймать и запрячь ездовых (пряговых) быков: приманить мочой или солью и, обняв за шею, обуздать; спокойным подгоном приблизить к другому оленю, нарте или стоящему пастуху и накинуть узду; накинуть аркан на рога, шею или ноги оленя, после чего надеть на него узду. У Бориса был олень, которого он запрягал почти без усилий:

«Лежачего брал, только соли дал и поехал, даже без уздечки ездил, рукой машу ему и в стадо едем. Был такой олень у меня, лучше "Бурана". Ездил на нем без уздечки, а все удивлялись — как же так. Все пугались этого оленя, он не вредил никому, но любил детскую мочу» (Чаун-Чукотка, 2015).

Чукотская практика оленеводства выделяется настолько частым применением человеческой мочи для приманивания оленей (для них это утоление солевого голода), что породила гипотезу об «урино-доместикации»

Заготовка льда. Фото Т. Киссер, 2015

Приманивание оленей на соль. Фото А. Головнёва, 2015

оленя в Арктике. Редкий наблюдатель не отметил этой пикантной особенности, в том числе К. Г. Мерк: «Также приучают чукчи своих ездовых оленей к моче, как и коряки. Напиток этот олени очень любят, дают себя им приманить и в связи с этим приучаются узнавать своего хозяина по голосу. Говорят, что если умеренно поить оленей мочой, то они становятся выносливее при перекочевках и меньше устают, почему чукчи везут на своих нартах большой таз из кожи, чтобы в него мочиться. Летом оленей мочой не поят, так как у них нет к ней охоты. Зимой же олени так сильно хотят пить мочу, что их надо удерживать от ее употребления в большом количестве, в то время когда женщины выливают или выставляют сосуды с мочой рано утром из своих яранг» (Мерк 1978:113).

Борис поймал двух оленей на соль, запряг их в нарту. Стадо они с Хаймой гнали неторопливо, чтобы важенки по ходу успели поесть ягель. К обеду вернулись на стойбище. Затем Борис отправился за дровами, взял с собой приготовленный женой термос с чаем, но по дороге его потерял, пришлось возвращаться (небольшая петля на треке).

Для очага чукчи используют кустарник — тальник, который растет по долинам рек и ручьев. Дров на печь уходит много (если учесть многократную подтопку с утра до вечера), и приходится часто ездить за дровами. Если окрестности бедны кустарником, это превращается в проблему; например, 9-я бригада вынуждена покупать дрова на оленей. Борис привез две нарты кустарниковых дров, разгрузил у своей палатки. Вечером на время ужина он отнес свой ноутбук в соседнюю палатку для зарядки от бензогенератора. Нынче редкий вечер в чукотском стойбище обходится без просмотра фильмов на ноутбуке.

Примечательно, что дети, даже маленькие, при внешнем сходстве их поведения, по дневным трекам уже явственно различаются: девочки почти полностью вторят движениям матерей, мальчики — отцов, а в их отсутствие других мужчин стойбища. Только заученные детские схемы поведения способны обеспечить ту легкость, с которой позднее юноши отправляются в ненастную темную ночь охранять стадо, а девушки на лютом морозе берутся обнаженными руками за разделку оленьих туш.

Разделка оленя. Фото Т. Киссер, 2015

Заготовка дров. Фото А. Курлаева, 2017

ВЯЗАНАЯ НАРТА

Согласно древнему обычаю добровольной смерти старик, собирающийся достойно умереть, должен изготовить для своих потомков что-то крепкое. Часто таким изделием была нарта. Однако в понимании чукчей нарта крепка не массивностью, а упругостью, не раз и навсегда собранной конструкцией, а простотой разборки и сборки. Важной характеристикой служит легкость нарты, позволяющая нести ее в руках: в фольклоре обыгрываются эпизоды, когда герой, соревнующийся с соперником в скорости, преодолевает каменистый участок горной местности бегом, подхватив нарту рукой. Сборно-разборность чукотской легковой нарты выражается и в том, что легкость поломки компенсируется легкостью починки: как правило, ремонт состоит в перестановке деталей и подвязке разорвавшихся креплений.

По свидетельству К. Г. Мерка, «свои легкие нарты чукчи делают изящно из березового дерева, весной разбирают их на куски, а к зиме

снова собирают, причем всегда выскабливают их добела и обивают полозья китовым усом. Их грузовые нарты тяжелы и из-за нехватки леса часто в заплатах. Копылья, соединяющие полозья, делаются большей частью из рогов диких оленей и похожи на дуги. Сами полозья чукчи стремятся загнуть спереди, для чего полозья выдерживают во влажном мхе, а затем обвязывают китовым усом и медленно распаривают над огнем или между камнями. Так они делают их, если им не удается подобрать в лесу куски дерева, нужным образом изогнутые. Для связывания и закрепления частей грузовых нарт пользуются чукчи китовым усом, а для ездовых нарт чаще ремнями из ровдуги. Их поклажу, которую они везет во время перекочевок, составляют продукты питания и мешки из тюленей кожи, в которых находятся меха для обмена с русскими. От дождя и снега укрывают они нарты моржовыми кожами» (Мерк 1978:115).

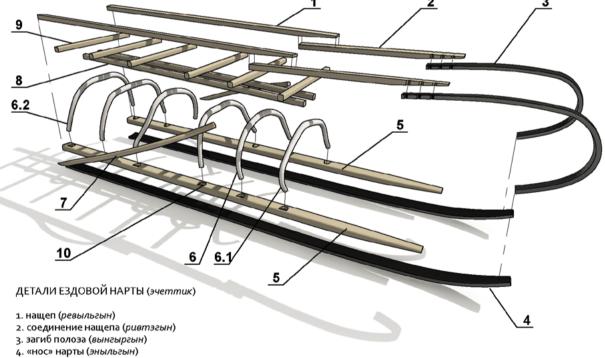

Чукотская упряжка. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2015

В многообразии нарт северной Сибири чукотско-корякский тип выделяется дугокопыльностью и ременным креплением (Богораз 1991:28; Историко-этнографический атлас Сибири 1961:17, 20, 23, 40, 43; Лебедев, Симченко 1983:49). Копыл представляет собой дугу из изогнутых рогов оленя или крепкого березового корня с естественным изгибом. Концы копыльев укреплены ремнями в вырезанных попарно в наклон друг к другу углубленияхотверстиях полозьев. Обычно нарта имеет от шести до восьми копыльев-дуг. Копылыдуги составляют каркас (скелет), на котором держится нартенная конструкция. Полозья ездовой нарты изготавливается из лиственницы или березы. Они длинные, спереди слегка загнуты и связаны с изогнутыми дугою вниз нащепами, составленными из нескольких деталей. Ремень, которым крепится копыл к полозу, проходит через отверстие, просверленное в верхней грани полоза с внутренней стороны. Настил нарты состоит из узких деревянных

планок, образующих решетку, которая может переходить сзади в спинку (в мужской нарте) или окаймлять все сиденье (в женской нарте). Крепление всех частей и деталей чукотской нарты ременное. Для прочности связок на ремни для нарт традиционно идут шкура оленя, морского зверя или китовый ус (Богораз 1901:29, 38; Василевич, Левин 1951:65-67; Вдовин 1965:40). Чукотская легковая нарта напоминает вязаную конструкцию, прочность которой определяется не только крепостью деталей, но и их увязкой.

Грузовая нарта изготовляется из лиственницы и заметно отличается от легковой массивностью конструкции (нащеп прямой, полозья загнуты вверх). Нарта для перевозки покрытий яранги и палатки по размеру больше нарты для котлов и прочей домашней утвари. Специальные грузовые нарты, имеющие вместо настила продольную жердь с развилкой, используются для транспортировки шестов яранги (Богораз 1991:28-29).

- полоз (пагтыльгын) 6. копылья (*н,ынуыт*)
- 6.1. переднее копыло (рарен,ын)
- 6.2. заднее копыло (яльтын)
- 7. диагональная тяга жесткости (*ильгынвит*)
- 8. продольные планки сиденья (ануыривут)
- поперечные планки сиденья (урекет)
- 10. ременные крепления копыла к полозу (нельгильгын)

Рис. 14. Конструкция ездовой нарты

РЕМОНТ И ИЗГОТОВЛЕНИЕ

Осенью, перед первой запряжкой оленей и миграцией к зимним пастбищам, мужское население стойбища занимается ремонтом нарт, который обычно предполагает их полную переборку. На ремонт старой нарты уходит около двух дней. Нарте, которую готовит к зиме пастух 3-й бригады Виктор Кытылин, уже пять лет. Впрочем, от той нарты, которая была сделана пять лет назад, теперь осталась лишь основа, все остальное обновлено по деталям в ходе частых переборок. Виктор не заменяет ее новой, рассуждая: «делать нарту с нуля долгая история». Пастух той же оленеводческой бригады Хайма (Иван Инайме) комментирует: «Какой хозяин, такая у него и нарта». Его собственная ездовая нарта служит уже 12 лет. Хайма сделал ее, когда двенадцатилетним подростком попал в бригаду. Его нарта, по его словам, «не плохая, но и не отличная, так как до хорошей нарты надо дорасти».

Самое сложное и долгое в изготовлении чукотской нарты — заготовка материала. Загиб полозьев делают из березы,

полоз — из лиственницы или березы, копылья — из дерева с естественным загибом или оленьих рогов. Особенно прочны копыльные дуги из рога дикого оленя или домашнего некастрированного оленя-самца: «в отличие от кастратов у них рога крепкие и непористые». Обычно рога для изготовления копыльев заготавливают осенью после гона (в октябре), когда они полностью окостенеют. Берут либо сброшенные рога, либо спиленные (у буйных оленей рога спиливают под корень). Самое главное подобрать рога, одинаковые по длине и толщине. Ремни для связывания деталей нарт обычно режут из осенней шкуры оленясамца, поскольку «осенью шкура у оленя особенно толстая», в крайнем случае используют шкуру кастрированного оленя.

Полозья нарт обычно изготовляют у озера или речки, чтобы сразу мочить и загнуть. Для износоустойчивости полозья нарт «подшивают» пластиковыми «трубами» (отрезками труб для теплосети). Пластик набивают на всю длину полоза.

Ремонт нарты. Фото Т. Киссер, 2015

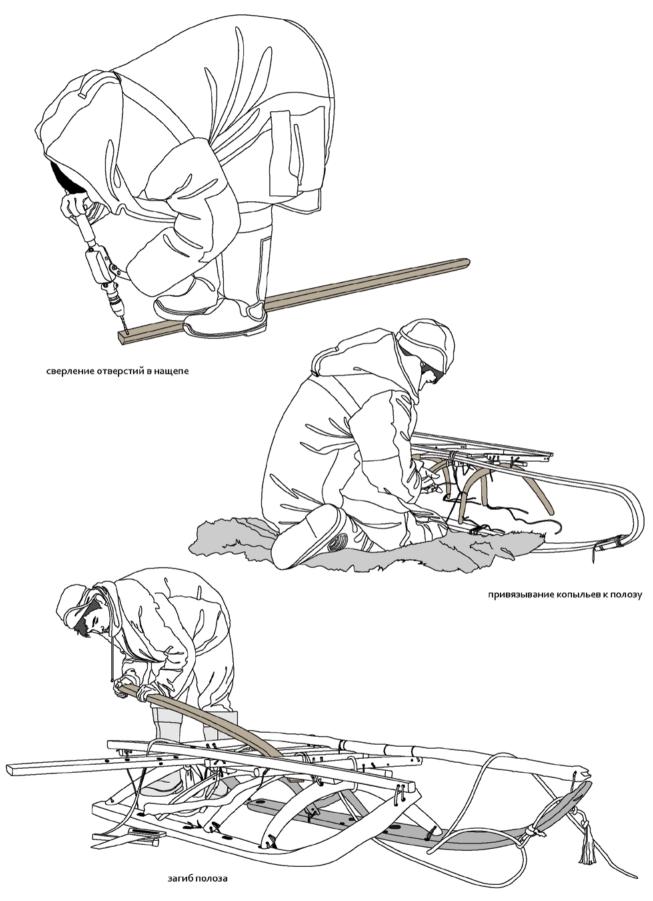

Рис. 15. Изготовление и сборка нарты

СБОРНО-РАЗБОРНОСТЬ

Чукчи используют оленью упряжку исключительно зимой. Применяемая ими конструкция нарт выработана опытом многих поколений в рамках жесткого «технического задания», которое определялось двумя позициями: экстремальным климатом и природным ландшафтом (ледяные торосы в прибрежных зонах, каменистые склоны, осыпи и снежные заструги) и ограниченность в материалах (безлесная тундра). Отыскать древесину для нарты всегда было большой проблемой. Приморские чукчи почитали за удачу найти на берегу подходящий плавник. Тундровые оленные чукчи кочевали в лесные области, где меняли мясо и шкуры оленей на лиственницу и березу (Головнёв и др. 2015:24-25).

«За деревом для нарт и яранг старики раньше ходили в лесотундру. Договорятся несколько человек (со всех бригад) и, когда время придет, едут. Уходили с семьями и со стадом в 300–400 голов на всю зиму, возвращались уже весной. Дед и отец ходили за древесиной в сторону Билибино, к реке Тыкыль (Сова). В тех местах деревья — осина, береза, ольха — как трубы прямые. За лиственницей ходили на Янротвн (Отдельный куст), это лесной перевал в 50 км» (А. Ф. Антылин, Чаун Чукотка, 2017).

В условиях гористой местности и дефицита древесины у чукчей сформировался оригинальный тип вязаных нарт, все элементы которых соединены между собой ремнями и сохраняют некоторую подвижность относительно друг друга. Вязаные нарты хорошо смягчают толчки и удары в ходе движения. В качестве дугообразных копыл — наиболее нагруженных элементов конструкции — используются крепкие оленьи рога (дикого оленя). Полозья нарт изготавливались из лиственницы и являлись самой массивной частью конструкции, все остальные элементы делались из березы и имели относительно небольшие размеры и малое поперечное сечение (Головнёв и др. 2015:24-25).

Дугообразные копылья чукотской нарты обусловили небольшую ширину и высоту нарты. Передние копылья несколько шире задних, что обеспечивает им значительную устойчивость. Крепление нарты при помощи

ремней придает ей эластичность. При кажущейся «хлипкости» (в сравнении с ненецкой) чукотская ездовая нарта выдерживает груз «человек + олень».

При столкновении на скорости с жестким препятствием нарты могут разлететься на куски. Дугообразные копылья при большой нагрузке скашиваются и ломаются, особенно на морозе. Поперечные планки сиденья настолько хрупкие, что при резкой нагрузке могут проломиться, поэтому сидеть на нарте надо ровно. Однако, по словам чукчей, «если за нартой ухаживать, как за бураном или машиной, вовремя менять запчасти (ремешки и детали), то она может прослужить очень долго». Кроме того, недостаток прочности компенсируется ремонтопригодностью: конструкция позволяет использовать для ремонта любую подходящую ветку или рейку, соединять детали буквально «на живую нитку», многократно переставляя «донорские» детали с нарты на нарту. Чукотская нарта обновляется постоянно.

Замечательное качество чукотской нарты — легкость (от 10 кг), которая позволяет обойтись запряжкой одного-двух оленей. Она маневренна и хорошо управляема при движении на оленях по склонам сопок. При необходимости ее можно тащить за собой или даже на себе.

Носы полозьев нарт загнуты вверх и имеют гибкое ременное крепление. Во время движения при соприкосновении с твердым снегом носы поднимаются и подминают под себя кустарник. Прямой удар в нос поднимает нарту вверх, а ее передние дугообразные полозья срабатывают как рессоры и обеспечивают маневренность. Раньше во избежание быстрого стирания полозьев о камни их подбивали костями из челюсти кита (Майдель 1871:61) или смазывали китовым жиром (Кибер 1824:97). Сейчас на полозья набивают пластиковые или резиновые подполозники.

Легкая и узкая нарта удобна для посадки верхом. Ездок садится на нее верхом так, что ноги свешиваются по обеим сторонам или опираются на полозья, обеспечивая маневренность нарты и седока (Сарычев 1952:266). Разместившись таким образом, возница ногами легко направляет нарты, маневрируя между кочками или другими препятствиями. Двигаясь по наклонной или скользкой дороге,

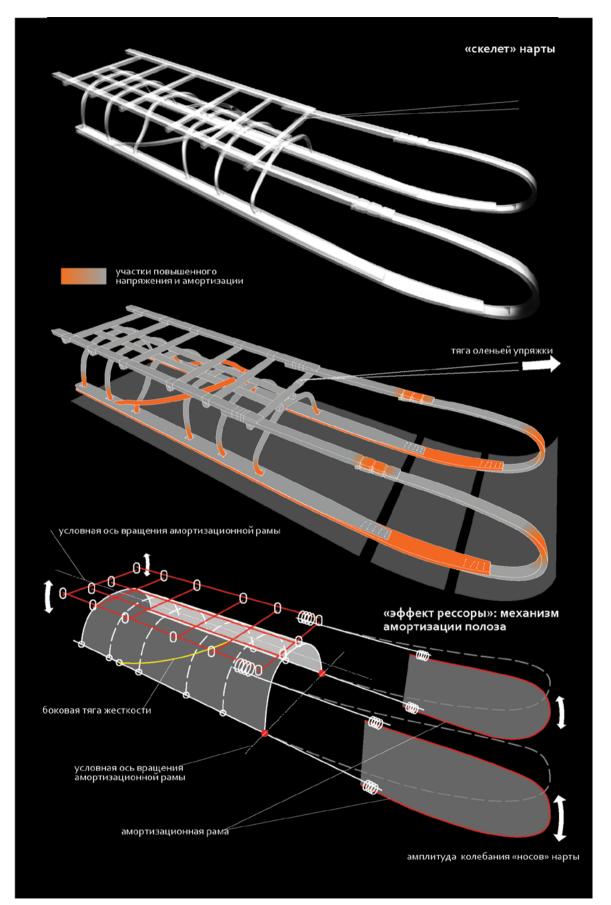

Рис. 16а. «Рентген» нарты

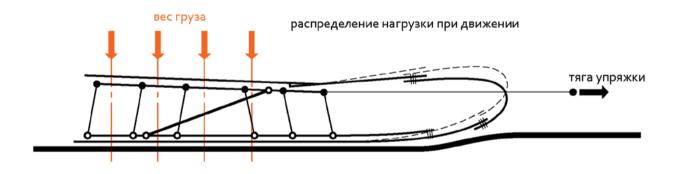
он при необходимости может тормозить или отталкиваться ногами. У чукотских нарт есть «коробка передач» (или педаль тормоза), сделанная из оленьего рога (или комля) и привязанная к правому полозу между третьим и четвертым копыльями. Надавливая на нее ногой, возница тормозит при разгоне, скольжении по насту или спуске по склону.

Управляется упряжка вожжой и небольшим хлыстом (тины), который делается из длинной, тонкой и гибкой ветви ивы или березы; обычно он надламывается в одном или двух

местах и скрепляется нитями из жил для большей упругости. Ручка кнута костяная (тынпыты), а на другом его конце крепится насадка, сделанная из коренного зуба моржа (кен, кель). В умелых руках этот легкий и внешне безобидный инструмент может насквозь пробить толстую шкуру ездового оленя. Впрочем, дурное обращение с оленями или собаками считается у чукчей тяжким грехом. Иногда для управления упряжкой употребляется кнут с короткой ручкой и тонким ремнем (Богораз 1901:38; 1991:27–30).

УСЛОВНАЯ ПРОДОЛЬНАЯ СХЕМА РАБОТЫ КОНСТРУКЦИИ ЕЗДОВОЙ НАРТЫ

работа конструкции нарты во время движения

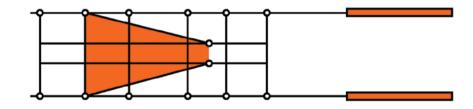

Рис. 16б. Свойства конструкции нарты

Бег упряжки. Чаун-Чукотка. Фото Д. Куканова, 2015

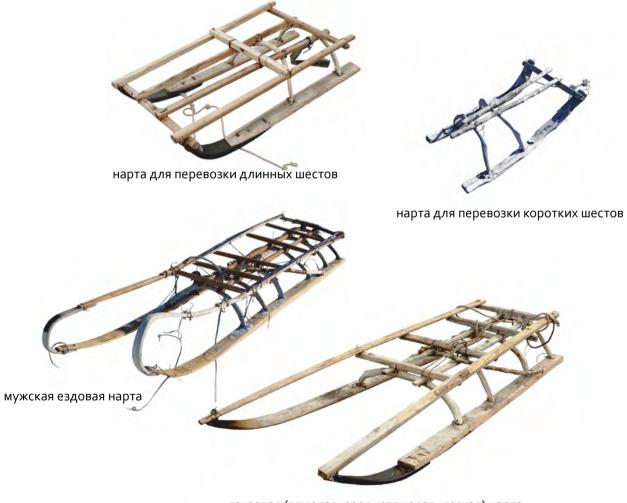
Чукчи используют оленью упряжку исключительно зимой, летний выпас оленей осуществляется пешим ходом, а груз, в том числе снаряжение пастуха (оружие, аркан, сменная одежда, чайник и котелок, запас продуктов и сухих дров), переносят на себе. По данным сельхозпредприятия «Чаунское», в оленеводческих бригадах в 2016 г. было 500 ездовых оленя, 82 легковых и 166 грузовых нарт: во 2-й бригаде — 60 ездовых оленей, 8 легковых и 20 грузовых нарт, 3-й бригаде — 92 ездовых оленя, 18 легковых и 35 грузовых нарт, в 5-й — 44 ездовых оленя, 9 легковых и 18 грузовых нарт, в 6-й — 40 ездовых оленей, 12 легковых и 21 грузовых нарт, в 9-й бригаде — 264 ездовых оленя, 35 легковых и 72 грузовые

У олененных чукчей ярко выражена нартенная специализация. Помимо мужской (эчеттик) и женской (наанорывын) легковых нарт при наличии в семье маленьких детей используется нарта-кибитка (кааран), а при наличии родовых культовых реликвий — священная нарта (тайныквыёчгын). Среди грузовых

(легких, среднетяжелых, тяжелых) нарт выделяются: нарта с оленьим мясом (такесхиёскин), нарты для транспортировки запасов продуктов, нарты с печью (ныльытоечгын,), с дровами (ун, ине), с заготовками и запасными частями для нарт (отыёчгын), с мужским инструментом и пологом (авериёчгын), со шкурами-постелями (айколена), с одеждой и подушками, большая нарта для меховых покрышек яранги и нарта для палатки, посудная нарта (кокенан). Легкие грузовые нарты релкины используются для транспортировки

шестов яранги и палатки. В легковые нарты запрягают по два оленя, в грузовые — по одному. Считается, что летом оставленные в открытой тундре нарты портятся от дождя и солнца, поэтому на летнем стойбище легковые и священные нарты, а также посудная и продуктовая нарты размещаются внутри большой яранги и играют роль мебели. Грузовые нарты ставятся рядом с ярангой или позади нее, а за ними или под ними нарты релкины для перевозки жердей яранги и палатки.

грузовая (тяжелая, среднетяжелая, легкая) нарта

ЭЧЕТТИК И ЯТТЕК

Мужская ездовая нарта (эчеттик) — длинная (до 180-200 см), узкая (30-35 см) и низкая (около 25 см), на шести-семи копыльных дугах, которые расположены в задней части полозьев. Копылья и полозья ездовой нарты гладкие, хорошо обработанные. Полозья загнуты кверху и связаны с изогнутым вниз нащепом; задний конец нащепа также изогнут и соединен с ободом, огибающим спинку сиденья. Справа к третьему или второму копылу и полозу привязан изогнутый комель — «тормозное кольцо»; на нем стоит нога ездока, готовая по необходимости к торможению. Сидят на нарте верхом ближе к передку, управляют оленями с помощью длинного хлыста (Историко-этнографический атлас Сибири 1961:17, 20).

По замерам И. И. Биллингса, длина чукотской нарты конца XVIII в. составляла 1,5–1,8 м, ширина 45 см, высота 30 см (Сарычев 1952:265). В. Г. Богораз дает несколько иные размеры ездовой нарты конца XIX в.: длина 1,8–2,0 м, ширина между полозьями 30–35 см, высота 24 см (1991:29).

От других нарт ее отличает легкость и маневренность. «Грузовая сделана из плавника — тяжелых бревен, собранных на побережье,

плохо вытесанных, громоздка, нередко небрежно скреплена и представляет собой, в сущности, орудие пытки для несчастного оленя, который ее тащит. Нередко полозья нарты даже кривые. А легковые делаются в основном из березы или ивы, из тонко выструганных и аккуратно пригнанных частей. Иногда копылья (дуги основания) делаются из оленьих рогов. Вся она — тонкая, беленькая, чистая. Два оленя легко везут одного человека, который сидит верхом, свесив ноги на полозья и направляя нарту ногами» (Обручев 1974:261). Грузоподъемность легковой нарты 150 кг (человек + олень).

На мужской нарте обычно постелена телячья зимняя шкура, она греет хорошо, из вещей — рюкзак с едой, чайник, продукты (чай, сахар, лепешки, мясо), кружка, спички, аркан для ловли оленей, топор, пила (для спиливания рогов), бинокль, ружье. В. Г. Богораз отмечал, что «из опасения утомить оленей даже в длительное путешествие» мужчина берет с собой только самое необходимое — аркан, копье, теплую меховую одежду на случай пурги и мешок с провизией (мясо, сало), оставляя дома котел и чашку, надеясь исключительно

Зимняя поездка. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2015

на гостеприимство соплеменников (Богораз 1900:362, 400; 1991:30–31).

Будто в память о еще недавно бушевавших войнах к нарте с помощью ремней крепили копье, которое легко выхватывали правой рукой (Сарычев 1952:267; Богораз 1901:30). Сейчас оленеводы так же горизонтально крепят к нарте ружье.

Помимо повседневной ездовой, у мужчины может быть гоночная спортивная нарта яттек (гонки на оленях обычно проводятся в конце марта). Шестикопыльная с тонкими полозьями из березы или рога оленя, она еще легче повседневной легковой. Гоночные нарты так малы, что возница едва может сесть на них. По описаниям Г. Майделя, такие нарты имели одинаковую высоту и ширину — 25 см (в месте сиденья 45 см) и длину (не считая выступов полозьев) — 120 см (1894:145–146). Ее копылья стягиваются нерпичьим ремнем. Весит гоночная нарта от 3–4 до 6 кг (см.: Нейман 1871. Т. 1:15; Нефёдкин 2003:120–121).

Гоночная нарта развивает скорость до 35 км/ч (Нейман 1871. Т. 1:15). Поскольку скоростная маневренность была главным конкурентным преимуществом чукчей,

в XVII–XVIII вв. подобные нарты могли применяться для военных действий и молниеносных набегов, которыми были славны предки чукчей (Bogoras 1918:29; Бабошина 1958:245; Меновщиков 1974:182; Лебедев, Симченко 1983:129).

Гонки на легких нартах чукчи устраивали по разным поводам. Во время путешествия К.Г. Мерка, например, один из чукчей-оленеводов пригласил родственников и соседей по случаю выздоровления сына. До начала совершения обряда жертвоприношения огню были проведены гонги на оленьих упряжках. Победителя ждало не только мясная трапеза, но и подарок — полгорсти листьев табака. На нарте увозили покойников к месту погребения. Перед выездом по скрипу и легкости движения нарт, под полозья которых подкладывали две жерди, определяли каких оленей просит запрячь умерший. Во время погребального обряда нарты, а также копье и лук со стрелами ломались и сжигались вместе с телом покойного (1978:136, 138).

Нарта эчеттик. Фото Д. Куканова, 2015

ҢААНОРЫВЫН И КААРАН (КИБИТКА)

Женская ездовая нарта (наанорывын/наанногоор/наан-оргоор) длиннее (220-250 см), шире (35-40 см) и выше (25 см) мужской. Устройство нижней части ее такое же, как и мужской, только передние концы полозьев соединены деревянной поперечиной. Женская нарта имеет широкое и удобное сиденье. Над настилом возвышаются борта, окаймляющие сиденье, кроме правой стороны, с которой женщина усаживается на нарту и сидит во время езды (Историко-этнографический атлас Сибири 1961:17). Раньше женская нарта имела спинку (иёргын), но сейчас таких нарт не делают (по крайней мере, в Чаунской тундре). Во время движения каравана женщина держит ноги на полозе нарты или «в разбег». У спинки женских нарт обычно располагаются младенцы и маленькие дети. При переездах в нарте всегда есть термос с чаем и еда (мясо, лепешки, сахар, печенье). На стоянках женскую нарту используют для перевозки воды или льда.

У оленных чукчей есть особый вид нарт — кааран (кибитка). Используется кибитка для

перевозки маленьких детей при кочевках в холодное время года. По размеру и по ширине она больше, чем грузовые нарты. Ее кузов выполнен в виде четырехугольного каркаса из жердей и обтянут покрышками из оленьих шкур. Покрытие обычно украшается бахромой с кистями, окаймляющими нижнюю часть, и кругами из разноцветных бус, называемыми «солнцем» или «луной». (Богораз 1991:29).

Кибитка застилается двумя шкурами взрослого оленя. Меховое покрытие кибитки шьется из пяти шкур сентябрьского оленя (короткий легкий ворс), мехом наружу. Вход в кибитку спереди. В такой меховой домик на полозьях помещается 3–4 ребенка. У задней стенки кибитки — место для малышей, включая новорожденных, а дети постарше рассредоточиваются по всей площади. В кибитке обязательно есть запас еды. Дети кочуют в двойной меховой одежде, поэтому мороз им не страшен; главное, считают чукотские женщины, чтобы ребенок был сух и сыт.

Женская нарта и нарта релкины. Фото А. Головнёва, 2014

Кибитка. Фото Д. Куканова, 2014

РЕПАЛЬКОЛЬГЫН

В зависимости от достатка семьи и ее численности в хозяйстве оленных чукчей насчитывается несколько грузовых нарт репалькольгын малого, среднего и большого размеров. Они могут идти как в мужской, так и в женской половине каравана. Раскладка вещей по нартам у каждого своя. Например, у Марины Памья три грузовые нарты с одеждой, нарта с выделанными шкурами, грузовая нарта для перевозки печки (сверху на нее обычно кладут ретэм). Труба от печки привязывается вместе с жердями к нартам. Отдельная нарта используется для транспортировки палатки. Еще одна нарта нагружается постельными шкурами, подушками и одеялами, на которые сверху укладываются постельные маты из веток.

На грузовых нартах *репалькольгын* также перевозят продукты. Груз размещают по весу, (примерно 70–80 кг): масло растительное, масло сливочное, чай, кофе, соус, соль, приправы, картофель (летом), 1–1,5 мешка сахара

или муки, крупы, банки с консервированными продуктами, конфеты и пр. Одна-две грузовые нарты используются мужчинами для хранения и перевозки разного инструмента и запасных частей для нарт (копылья, полоза, ремни). Общесемейный инвентарь — выбивалки (*тивигин*), топоры, пилы — распределяют под грузлюбых нарт, лопаты кладут сверху.

Описывая специфику движения грузовых нарт чукоткого оленного каравана, С. В. Обручев отмечал: «Чукчи запрягают только одного оленя, и лямка надевается всегда с правой стороны. Каждый олень привязывается к левой стороне идущих впереди саней, и поэтому вся связка из десятка нарт двигается не гуськом, а диагональным ступенчатым рядом, и каждый олень идет по новому, не протоптанному другими пути. Поэтому за чукотским караваном остается широчайшая, раскатанная полозьями и истоптанная дорога. Такой способ хорош для езды по широким равнинам и твердому насту» (Обручев 1954:261).

Грузовая нарта в караване. Фото Д. Куканова, 2015

Грузовые нарты в корале. Чаун-Чукотка. Фото Т. Киссер, 2015

РЕЛКИНЫ

В чукотских сказках у кочующего самостоятельно молодого пастуха легковую нарту тащит важенка-теленок, грузовую — важенкамать, а нарточку с жердями яранги — собака. По наблюдению К. Г. Мерка, нарты для жердей яранги представляли собой два связанных между собой моржовых клыка (1978:104). В семейном караване современных оленных чукчей 4-5 нарт, предназначенных специально для транспортировки шестов яранги и меховой палатки. Релкины — это самые малые и примитивные нарты в ряду чукотских транспортных средств. По конструкции они сильно отличаются от обычных грузовых: имеют всего две копыльных дуги, а вместо нащепов и настила — жердь с развилкой, привязанную к копыльным дугам, и передним концом вогнанную в паз перекладины, соединяющей передние концы полозьев. Для перевозки длинных шестов яранги предназначается товри релкины (одна нарта на одно

хозяйство-ярангу), для перевозки коротких шестов яранги — варе релкины (3–4 нарты). Различаются они размерами и конструкцией: варе релкины менее массивны и не имеют поперечных и боковых перекладин.

Используемые у чукчей яранговые и палаточные шесты приспособлены для транспортировки волоком. Они укладывается на релкины концом, имеющим веревочный или ременной крепеж, с помощью которого привязываются к развилке нарт с одной или двух сторон, в зависимости от места расположения в караване; другой конец шестов волочится по земле. Нарты с жердями в оленном караване «ставят на два крыла». Ширина караванной дороги увеличивается за счет специфики расположения и крепления релкины в караване: нарты с короткими шестами движутся как боковой прицеп одной из грузовых нарт, нарты с длинными шестами идут замыкающими.

Нарта релкины. Фото Д. Куканова, 2014

Релкины в грузовом караване. Чаун-Чукотка, Фото Д. Куканова, 2015

КОКЕНАН И ТАКЕСХИЁСКИН

Особо чукчи выделяют грузовые нарты кокенан ('грузовой посудовоз') и такесхиёскин ('мясная нарта'). Кокенан — очень крепкая нарта, выдерживает груз до 200 кг. Вместительная деревянная платформа с низкими бортами опирается на массивные деревянные полозья. Загиб полоза, в отличие от остальных грузовых нарт, также делается из дерева. В кокенане перевозят и хранят котлы, кастрюли, чайники, бидоны, ящик с посудой, походный контейнер с продуктами (приправы, соль и пр.); сзади нарты находится большой горшок, а сверху — большие деревянные блюда и стол, а также ручная мясорубка — еще один важный инструмент в хозяйстве чукотской женщины. В посудной нарте хранят и переводят женский швейный комплект (швейную сумку, скребки, доски для раскроя), чтобы при необходимости он всегда был под рукой.

При транспортировке поверх посуды укладывается полог, свернутый конвертом. Сверху нарта покрывается тканью и завязывается. Движется такая нарта только по накатанной дороге, и «тащит ее борзый олень». Во время стоянки кокенан всегда размещается в ретэме (кокаван — 'посудное место', от кока, кук — 'котел', 'посуда', ван — 'жилье') яранги или палатки. Рядом с ней может находиться нарта с продуктами.

Такесхиёскин — 'мясная нарта', в которой хранят замороженное мясо, наполненный кровью олений желудок и кишки для варева собакам. На зимнем стойбище мясная нарта стоит впереди и чуть в стороне от жилища: «и не далеко, и не близко, чтобы можно было в любое время дойти и взять необходимый кусок мясо». На летовке мясную нарту обычно располагают внутри ретэма.

Посудная нарта. Фото Д. Куканова, 2014

«РУССКАЯ» НАРТА

«Русская» или снегоходная нарта появились в обиходе чукчей-оленеводов вместе со снегоходами, когда возникла необходимость перевозить грузы, неподъемные для оленной упряжки (ГСМ, запчасти). Широко используется как прицеп к снегоходу в повседневных поездках за дровами, перевозке туш оленей и льда. Представляет собой широкую платформу из продольно-поперечных брусков или досок, которая опирается на прямые копылья, закрепленные на массивных полозьях. Нижняя поверхность полоза набивается трубой ПВХ таким образом, что загнутой спереди и подвязанный к нащепу конец формирует нос полоза.

Жесткость конструкции обеспечивается, по аналогии с грузовыми нартами, диагональными тягами, связывающими платформу с полозьями. При изготовлении «русских» нарт

чукчи используют привычный способ соединения деталей путем стягивания веревками, продетыми в специально просверленные отверстия. Такой способ крепления позволяет широкой платформе сохранять равновесие при кренах и переезде через препятствия.

Для крепления к снегоходу используется жесткое водило из сваренных треугольником железных труб. Общая длина нарты достигает 5 м, без водила — около 3 м. Размер грузовой платформы 2,5×1,3 м, высота около 0,3 м, что облегчает погрузку на нее бочек и других тяжелых грузов. Бортов у «русских» нарт нет, груз крепится и притягивается к платформе веревками. При поездках к «русской» нарте пускают прицепом одну-две ездовые или грузовые нарты, причем ширина платформы позволяет крепить эти нарты не последовательно, а параллельно одна за другой.

«Русская» нарта. Фото Д. Куканова, 2015

ТАЙНЫКВЫЁЧГЫН

В священной нарте *тайныквыёчгын* хранят и перевозят главные семейные святыни — духи-хранители *тайныкут* и их вождь или «пастух» *мильгет* ('огня идол', деревянное огниво). Нарту с уложенными в большой мешок культовыми вещами упаковывают плотно и накрывают шкурами так, чтобы даже «собака не понюхала». При перекочевке священная нарта идет в голове каравана вслед за легковой нартой хозяина.

Духи тайныкут — деревянные фигурки, связанные в связку веревками из оленьих жил. Каждой весной в праздник реквыт кильвей к связке добавляется деревянная куколка тайныкут, и по их числу на связке определяется возраст яранги. У каждой яранги свой очаг и свои тайныкут, и они не могут переходить из яранги в ярангу. В мешке на священной нарте вместе с тайныкут хранятся диковины — засушенные раздвоенные губы, пятипальцевые копыта и другие необычные части оленей, а также «арканы» из молодых кустиков, сделанные на празднике молодого оленя (эйнеткун), которые возят в нартах в течение года, а следующей осенью сжигают, «чтобы злых чертей напугать».

По преданию, тайныкут даровали людям стада оленей. «Раньше люди сами таскали свои нарты. Однажды они принесли жертву тайныкут. Вскоре родилось два олененка. Их хозяин кормил ягелем, обмакнутым в нерпичий жир. Возил их на нарте, которую тащил сам. Окрепли телята, стали впереди него бежать. Потом стали олени ездить по земле. Так выросло богатство — потому что люди принесли жертву духам тайныкут, которые берегут оленей» (Головнёв и др. 2015:88–89). Тайныкут хранят не только оленей, но и людей.

Мильгет — деревянная фигура человека из лиственницы с несколькими черными углублениями на теле, в которых трением добывают новый «живой огонь» на празднике эйнеткун. В просверленные в дереве отверстия вкладывают трут и уголек из костра и используют инструмент вроде лучкового сверла. В богатых семьях бывает до четырех «огневых досок». Мильгет — «пастух» всех домашних духов тайныкут и главный хранитель стада. Если олени теряются, мильгет мажут жиром и вывешивают на вершине яранги, чтобы дух помог собрать «куски» стада.

Нарта с культовыми предметами. Фото А. Головнёва, 1999

Стойбище перед праздником молодого оленя. Фото А. Головнёва, 1999

ЯРАНГА И ПАЛАТКА

Яранга (чук. yara'ñi, яран'ы 'жилище', 'дом'; li'êran 'настоящий дом') — крытое шкурами каркасное сооружение с меховым пологом, традиционное мобильное жилище чукчейоленеводов. Зимняя и летняя яранги имели одинаковое устройство (конструкцию), различаясь главным образом плотностью покрытия: зимняя яранга покрывалась новыми шкурами, летняя — старыми (поношенными зимними). По компактности различались основательная «тяжелая» яранга и ее облегченный вариант для пастухов в стаде (Богораз 1991:102, 111).

По наблюдениям доктора К. Г. Мерка, в первой четверти XIX в. у оленных чукчей еще бытовала большая общинная яранга, некогда вытеснившая стационарную полуземлянку. В таких больших ярангах во время длительных зимних стоянок проживали большие семьи (1978:104). К середине XIX в. это жилище уступило место менее громоздким ярангам, так как произошло обособление малых оленеводческих семей (История и культура чукчей

1987:77–79, 113). Со временем зимняя яранга была вытеснена меховой палаткой и ныне сохранилась лишь летняя яранга оленных чукчей. В обозримый период времени можно заметить неуклонное уменьшение размеров и облегчение массы тундровой яранги.

Яранга оленных чукчей представляет собой круглый или овальный в основании шатер в виде усеченного конуса, высотой от 3,5 до 4,7 м, диаметром от 5,7 до 8,0 м. Внутреннее пространство яранги вокруг очага, называемое чоттагын, служит для приготовления пищи, хранения утвари, запасов пищи, повседневных занятий, общения и прочих нужд помимо сна и еды в зимние морозы.

Главная опорная конструкция — центральная (большая) тренога *тур*. Шесты *тура* считаются священными: когда собирают новую ярангу, их мажут кровью жертвенного оленя. Каркас яранги составляют деревянные треножные и двуножные опоры разной длины: одинаковые по длине шесты связывают в стойки по три и по два ременной

Обложенный камнями «подол» яранги. Фото Д. Куканова, 2014

Яранга. Чаун-Чукотка. Фото С. Белоруссовой, 2014

петлей, пропущенной через отверстия в их верхнем конце, нижний же их конец заострен. Треноги-стойки выстраиваются по кругу относительно центрального шеста. Вершины стоек соединяют горизонтальными шестамиперекладинами, при этом образуется остов в форме вертикального, слегка наклоненного внутрь, цилиндра. Над цилиндрическим основанием устанавливают длинные жерди в виде конического купола-крыши: нижние их концы закрепляют в точках соединения поперечных перекладин со стойками остова ремнями или веревками, а верхние заостренные концы заводят в петлю тура или свободно укладывают на его вершину. В верхней части каркаса, ближе к выходу, оставляют дымовое отверстие (Богораз 1991:102; Историко-этнографический атлас Сибири 1951:147, 148, 195, 211).

Шесты яранги изготавливают из березы, сосны или лиственницы. Древостоя на Чукотке немного (береза, например, растет в основном по берегам рек в континентальной части полуострова), поэтому шесты берегут и передают по наследству. Некоторым шестам и жердям яранги насчитывается больше сталет. Жительница Чаунской тундры Светлана

Вуквутагина с долей восхищения рассказывала о том, как ее «бабушка кочевала в лесной зоне и могла позволить себе делать новые шесты каждый год».

Поверх деревянного каркаса яранги натягивают меховое покрытие ретэм, состоящее из двух половин-полотнищ, сшитых из оленьих шкур с коротко стриженым ворсом (для облегчения и минимизации обмерзания). Ретэм привязывают к каркасу ремнями, края полотнищ накладывают один на другой и скрепляют ремнями. Вход в ярангу располагается между двумя половинами покрытия, и край одной половины откидывается, заменяя дверь. Для удержания ретэма в натянутом состоянии с внутренней стороны ставят две-три Т-образные деревянные подпорки: концами их упирают в землю, а перекладинами — в верхние жерди, распирая всю конструкцию так, что она приобретает обтекаемую округлую форму. Для прочности покрытия и устойчивости каркаса основные шесты и конструктивные узлы укрепляют снаружи грузами (камнями, льдинами) и/или обставляют в круг вертикально поставленными и связанными друг с другом нартами. Нижний край покрытия (подол) заводят под

нарты и придавливают камнями. Укрепленная таким образом яранга способна устоять (хотя и не всегда) под ударами тундровых ветров.

Летняя яранга больше зимней, у нее больше треножных и двуножных стоек-опор и большее по размеру покрытие (на его изготовление требуется от 40 до 50 оленьих шкур). Летний ретэм шьют из старых шкур, часто из прошлогоднего зимнего ретэма, из покрытия старой палатки и полога, отчего он напоминает лоскутное одеяло. Зимний ретэм шьют из новых шкур или из шкур, служивших прежде для зимнего полога. Для доступа света над входом или в передней стенке ретэма в старые времена вшивали кусок моржовой кишки или хорошо выскобленной тонкой оленьей кожи (Богораз 1991:102; Историкоэтнографический атлас Сибири 1951:148). За шитье ретэма женщины садятся осенью, когда мало комаров. Новое полотнище сшивают из оленьих шкур, собранных в четыре полосы: шкуры распределяют вверх головой, бока подрезают, а в узких местах (у шеи) надставляют кусочки меха. Прежде ретэм, как и всю меховую одежду, шили сухожильной нитью плотными круговыми стежками, ныне — толстыми фабричными нитками. Если в одиночку шить с утра до вечера, то целый ретэм можно изготовить за неделю.

Под воздействием ветра, снега, дождя, солнца и частого выбивания ретэм быстро изнашивается, поэтому ежегодно обновляется. При ремонте его разрезают от середины от места, где скрещиваются жерди яранги. Эту самую прокопченную часть полотнища спускают на один ярус ниже, а на его место пришивают полотно из новых шкур. Подол ретэма, наиболее подверженный износу ввиду соприкосновения с землей и влагой, шьют из кусков старого ретэма, полога и одежды. В XX веке нижнюю часть стали шить из брезента или плотной ткани, причем эта тканевая полоса не только оберегает ретэм от гниения, но и пропускает свет. Старый летний ретэм не выбрасывают, а используют для пошива чижей (внутреннего чулка меховой обуви). Таким образом, в чукотской яранге происходит своеобразный зимне-летний «шкурооборот», от новых шкур к вытертым, в последовательности: зимний полог, зимний ретэм, летний ретэм, обувь.

Полог в яранге. Фото Д. Куканова, 2014

Распорка для яранги. Фото Д. Куканова, 2014

Яранга имеет двухкамерное устройство: в задней части *ретэма* устанавливают полог (*yoro'ñi, йороны*), служащий спальным помещением. Полог растягивается посредством двух длинных горизонтальных шестов, пропущенных через веревочные или кожаные петли. Концы переднего шеста опирают на наклонные стойки остова и фиксируют веревочным узлом, а задний шест крепят к остову яранги на петлях.

Полог устроен так, что в зимнюю стужу нагревается теплом человеческих тел, и при скоплении сидящих с голыми торсами гостей его приходится время от времени проветривать и остужать. Под меховым одеялом можно спать обнаженными. В прежние времена полог в зимней яранге освещался жировой лампой. За ночь от дыхания и испарения тел мех полога пропитывался влагой, и утром, после пробуждения, хозяйка снимала его, вымораживала на снегу и выбивала колотушкой. Полога у чукчей-оленеводов были двух видов: легким пологом пользовались весной, летом, осенью и зимой в период кочевок, а тяжелым — на длительных зимних стоянках. На пошив полога идет 12–15 оленьих шкур: на легкий — шкуры со стриженой шерстью

или уже использованные, на тяжелый — густошерстные шкуры; мездру окрашивают настоем ольховой коры в темно-красный цвет.

Величина полога зависит от числа обитателей яранги. В маленьких пологах с трудом (спиной к спине) помещались четыре человека, зато в больших можно было стоять и даже ходить. К. Г. Мерк свидетельствовал, что у зажиточного чаунского оленевода полог «имел 21/2 аршина от пола до потолка, 23/4 аршина от порога до переда, 41/2 аршина между боковыми стенами», а сам «шатер имел 61/2 аршин вышины от основания и в окружности 22 аршина». У некоторых чукчей-оленеводов были двойные полога — мехом наружу и внутрь (Мерк 1978:105-106), ныне уже не сохранившиеся. В яранге могло быть несколько пологов, если в ней соседствовали разные семьи или жил многоженец; при этом у каждого полога была своя хозяйка. Богачи также держали большой гостевой (праздничный) полог майнырон, вмещавший до 12 человек (Богораз 1991:104, 108, 111; Историко-этнографический атлас Сибири 1961:21, 148). Размер большого полога у современных чаунских оленеводов — 1,5-2,0 м в высоту, 2,0-2,5 м в ширину и 3,5-4,5 м в длину.

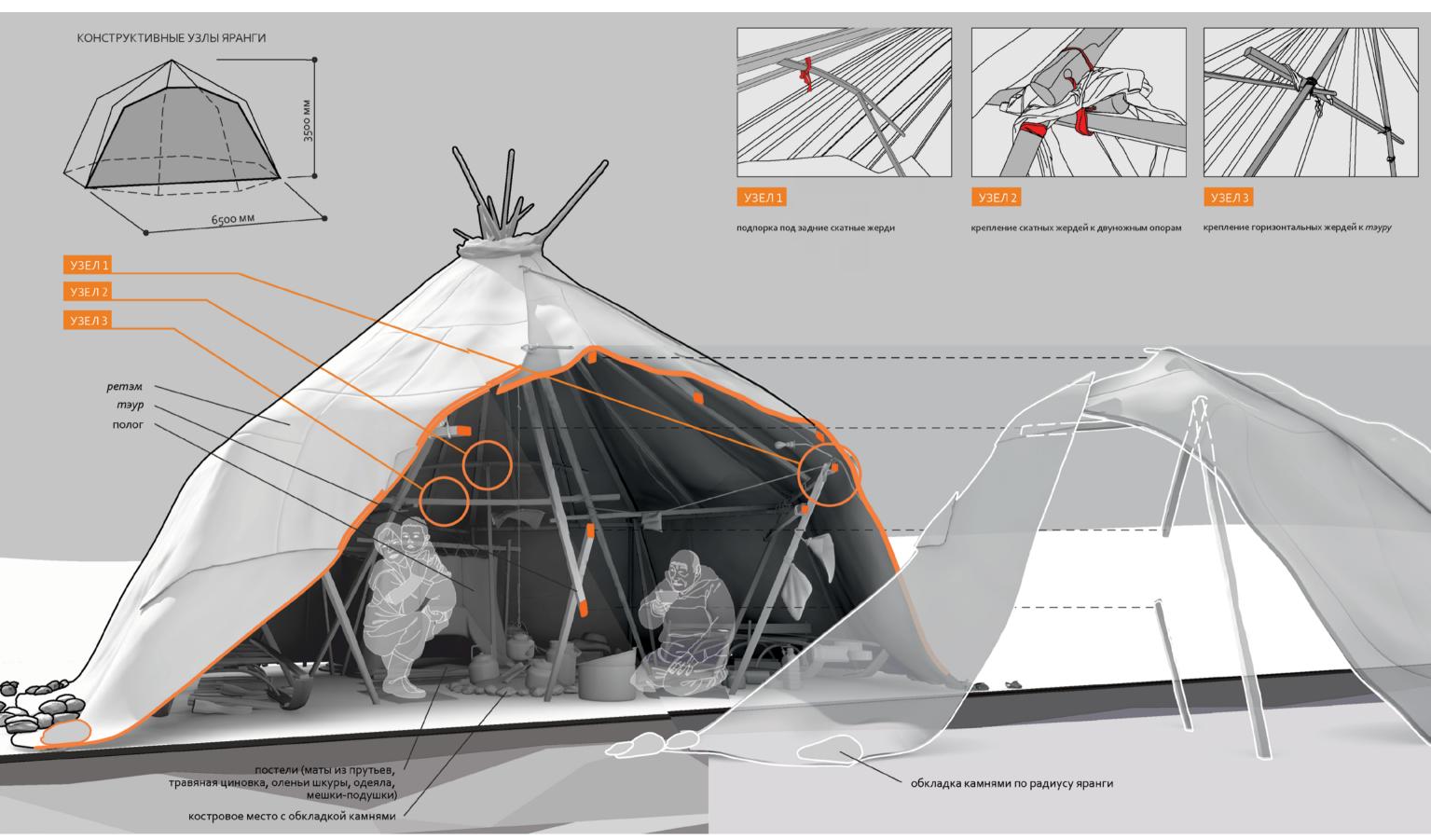

Рис. 17. Конструкция и основные узлы яранги

В 1960-1980-х гг., в условиях колхозно-совхозного уклада в оленеводстве и ресурсно-промышленного освоения Чукотки, у чукчей-кочевников появилось новое жилище — зимняя меховая палатка с печью-буржуйкой, внесшая существенные изменения в технологии сооружения и обогрева кочевого жилища, а также во взаимоотношения кочевников. Чаунские чукчи говорят, что в их края «палатка пришла в конце 1960-х г. со стороны Билибино». Многие ссылаются на геологов как источник заимствования нового кочевого жилища. Первое время оленеводы боялись ставить меховые палатки, опасаясь (видимо, из-за неудачных опытов) возгорания покрытия от костра. Со временем переднюю (привходовую) часть палатки стали шить из брезента, а ее размеры (пространство вокруг огня) расширили; с приходом в оленеводческий быт печек-буржуек эта проблема и вовсе была снята. Последними палатку приняли в свой обиход оленеводы Айона (Перевалова, Куканов 2018).

В настоящее время оленные чукчи в качестве зимнего жилища используют меховую палатку повсеместно. Специального чукотского названия у нее нет, и к ней применяют общее для жилища слово яра (букв. 'дом') или русское — «палатка». Конструктивно она состоит из двух частей — основного жилого помещения, напоминающего по форме обычную двухскатную геологическую палатку, и тента-тамбура. Таким образом, сохраняется главный принцип яранги — двухкамерность. Вход в тамбур открывается с разных сторон, в зависимости от направления ветра, а вход в палатку (как и полог) ориентирован по центральной (длинной) оси тамбура, что предохраняет жилище от задувания ветра и снега.

Основные несущие элементы палатки два треножника. Передний (место смыкания палатки и тамбура) обычно устанавливают немного выше заднего, на него опирают наклонные шесты тамбура, нижние концы которых, в свою очередь, крепят к каркасу из двух- и трехногих опор, соединенных горизонтальными шестами (как в яранге). Каркас жилой части палатки составляют коньковый шест (рисэкутын — 'позвоночник', 'хребет') и шесть боковых горизонтальных шестов (по три с каждой стороны), опирающиеся на боковые наклонные стойки треног. Покрытие палатки шьют из оленьих шкур (рыгран — букв. 'волосатое/меховое укрытие'). Для вдевания каркасных жердей по обеим сторонам покрытия вшиваются по три «рукава».

Размеры палатки варьируют в зависимости от численности семьи и хозяйственной необходимости. На палатку идет от 16 до 30 оленьих шкур. А. Ф. Антылин по этому поводу высказался в свойственной ему образной манере: «Чтобы сшить палатку, я съел целое стадо оленей». Для окраски шкур применяют ольховую кору и оленьи фекалии. В боковых стенках устраивают окна: в вертикальные прорези вшивают одежные застежки-молнии или вставляют деревянные рамы с оргстеклом (в раскрытом положении окна фиксируют палочкой-распоркой). У окон двойная функция — освещение и вентиляция.

Меховую палатку шьют так, чтобы при ее установке снизу остался подгиб в 20-30 см, который подворачивают внутрь и прижимают сверху постельными шкурами, что гарантирует защиту от продувания. По сути, палатка выполняет функцию большого полога, преобразованного из спального помещения в жилое пространство. По отзывам чукчей, с появлением меховой палатки и печки-буржуйки суровая зимняя тундра стала уютнее. Светлана Вуквутагина в разговоре, происходившем в конце лета в летней яранге, заметила: «Скоро зима придет, палаточку поставим, печку достанем, уютно будет». Во время сильных морозов, для экономии дров, внутри палатки, как в старой яранге, подвешивают полог, благодаря чему временно восстанавливается трехкамерная конструкция.

За меховой палаткой требуется тщательный уход. Хозяйка должна следить за температурой внутри помещения, чтобы не пересушить мездру, а также своевременно очищать меховое покрытые палатки от снега и льда. Это предполагает ежедневное его выколачивание специальной деревянной или костяной колотушкой. Вместе с тем даже при хорошем уходе палатка выдерживает только два-три года. М. Б. Памья делится опытом: «Полог и палатку чинят каждый год. На палатку уходит 26–27 зимних шкур. В этом году я поменяла переднюю часть палатки, в следующем заменю заднюю» (Чаун-Чукотка, 2017).

По конструкции палатка представляет собой синтез традиционной зимней яранги и геологической палатки. При этом летняя яранга продолжает бытовать в культуре чукчей без существенных конструктивных изменений. Заимствование вытеснило громоздкую зимнюю ярангу, вернее деформировало ее, сузив просторный чоттагын до размеров холодного тамбура, а тесный меховой полог

Ремонт ретэма. Фото А. Головнёва, 2015

Разборка меховой палатки. Чаун-Чукотка. Фото Д. Куканова, 2015

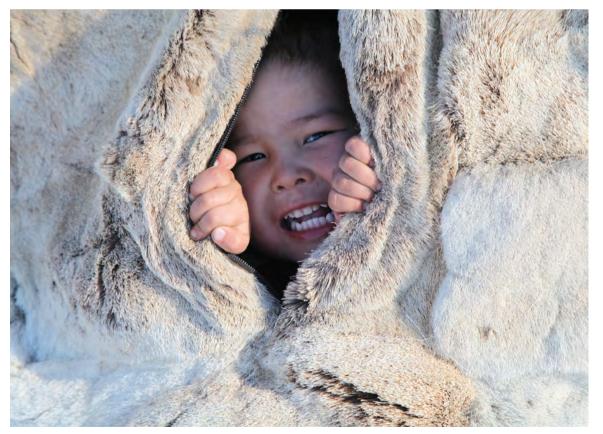

Зимняя палатка. Чаун-Чукотка. Фото Д. Куканова, 2015

расширив до объема просторной палатки. Иначе говоря, замена состояла в расширении пространства тепла и сокращении холода. Принципиальным новшеством стало изменение режима просушки мехового покрытия: если полог снимали, выбивали и высушивали, то меховое покрытие палатки выколачивали снаружи и просушивали теплом печки-буржуйки изнутри. В остальном палатка сохранила четыре основных принципа устройства и использования кочевого жилья: двухкамерность (для баланса тепла), обтекаемость (для устойчивости к тундровым ветрам), обновляемость (поочередная замена деталей конструкции) и мобильность (сборно-разборная конструкция, относительная легкость транспортировки, дающая возможность двигаться за стадом). Трансформация зимнего жилища не вошла в противоречие с кочевыми технологиями, такими как движение переносного жилища в хозяйственном цикле, организация жилого пространства, циркуляция вещеоборота.

Уменьшение размеров кочевого жилища связано, главным образом, с его приспособлением к сугубо производственным нуждам

окарауливания стада, тогда как общественная функция просторной яранги перешла к поселковым местам собраний и сходов. Вызвано это и сокращением размеров семьи (домовой хозяйственной группы), в состав которой прежде нередко входило несколько поколений или несколько жен со своими пологами, а также работники-пастухи, тогда как ныне ее обычно образует семейная пара с детьми (и то лишь с теми, кто не учится в школе) или кочующая часть семьи, остальная доля которой живет в поселке. Свою роль в этой замене сыграл механизированный транспорт, давший возможность заготовки и транспортировки топлива, благодаря чему чукчи стали гораздо чаще и щедрее разжигать и поддерживать очаг (прежде они выделялись среди окружающих народов экономией топлива, а иногда нарочитым пренебрежением к очажному теплу). В преодолении эстетического порога — палатка явно уступает яранге по канонам арктической красоты не мог не сказаться высокий социальный статус геологов, от которых это заимствование пришло.

Окно палатки. Фото Т. Киссер, 2015

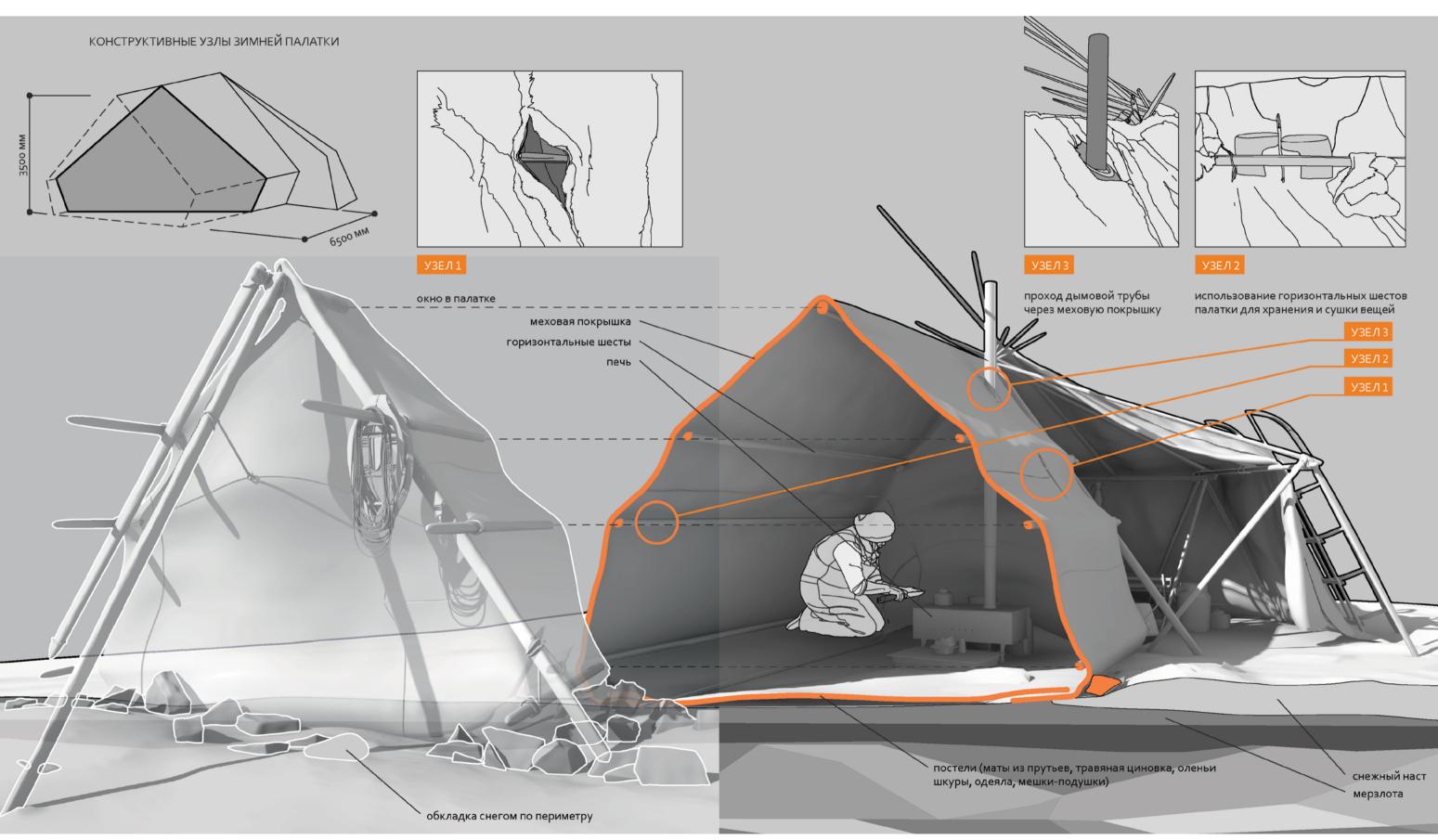

Рис. 18. Конструкция и основные узлы палатки

МОБИЛЬНОЕ ЖИЛИЩЕ

Следуя за стадом в течение года, оленеводы дважды сменяют кров: ставят ярангу на лето, а с осени по весну живут в меховой палатке. Обычно после корализации (просчета и забоя оленей) оленеводы со стадами кочуют к зимним пастбищам. В последнее время первую перекочевку к местам зимовки многие бригады совершают на вездеходах (которые затем отправляются на поселковые базы), но затем до конца весны передвигаются на оленях. На одном месте стоят 2–3 недели. В среднем за зимний период жилище переносится на новое стойбище 15–16 раз.

К летним местам выпаса оленеводческие хозяйства приходят после отела, в конце мая, и остаются там до октября. Достигнув места летовки, семья ставит маленькую ярангу с пологом. Для ее сооружения используют шесты зимней палатки (тэур делается из передней треноги). Вместо печки камнями выкладывают кострище и пользуются для приготовления пищи открытым огнем. Женщины принимаются за пошив или починку летнего ретэма. И только по его готовности ставят большую летнюю ярангу. В июне пастухи уходят со стадом на летние пастбища, а в ярангах остаются женщины, старики и дети. Маленький ретэм и палатка лежат упакованные на нартах все лето.

Сменой-переносом жилища отмечаются переходные стадии оленеводческого хозяйственного цикла. На рубеже лета и осени пастухи собирают оленей и возвращаются к ярангам, где проводят праздник молодого оленя (эйнеткун). В Чаунской тундре «твердо держит традицию только Вуквукай» (бригада № 9), остальные семьи проводят отдельные обряды. Незадолго до праздника летняя яранга снимается и передвигается на незначительное расстояние навстречу ожидаемому стаду. Традиция такой короткой «перекочевки» летней яранги обусловлена не только санитарно-гигиеническими целями (за лето у жилищ накапливается много мусора и отходов) (Богораз 1991:11, 112), но и стремлением к «обновлению жизни», знаменуемому долгожданной «встречей оленей и яранг» (Головнёв и др. 2015:88, 89).

В сентябре-октябре, с наступлением холодов, ставят меховую палатку (до 1960-х гг. — зимнюю ярангу, которую делали из боковины летней). Летнюю ярангу (жерди, ретэм и полог) вместе с летними (по большей части

фабричными) вещами оставляют на стоянке до следующего года.

В старые времена стойбища оленных чукчей насчитывали до 10 яранг, выстроенных по линии восток-запад. Первая со стороны восхода — главная яранга, принадлежавшая державшему стадо лидеру (эрмэсит — 'сильный'). И. С. Вдовин писал, что стойбище богатого стадовладельца состояло из яранги хозяина (эрмэчьын — букв. 'силач', 'старшина', 'начальник') и яранг «соседей по стойбищу» (нымтумгыт) — чаще всего малооленных или безоленных семей (История и культура чукчей 1987:100, 106). У богатого оленевода, говорят чукчи, «яранга большая и пухлая, как перевернутая чашка», и «от нее всегда идет запах дыма». Богатство также определялось по числу опор-треног внутри яранги: чем их больше, тем богаче хозяин, соответственно больше его яранга.

Установка яранги и палатки — занятие женское, но при ветре или пурге в постановке участвуют все. По мнению чукчей, «женщины ставят ярангу лучше, а мужики как попало вяжут, всегда кривая получается». В чукотской песне о яранге есть слова:

«На земле предков по белому снегу моя мама вела навстречу Солнцу длинный аргиш... Мать с отцом знали, где остановиться, чтобы разгорелся костерок... Мать никогда не суетилась, тебя [ярангу] строила спокойно, чтобы ты стояла крепко...» («Песня о яранге». Фольклорный фонд музея с. Рыткучи).

Для стоянки выбирают место преимущественно у реки, где есть кустарник, служащий оленеводам основным топливом. Установка яранги или палатки начинается с определения сторон света (вход должен смотреть на восход). Самая трудоемкая операция — расчистка площадки, так как снег следует убрать до самой земли. Углубленное таким образом жилище оказывается защищенным от ветра.

При установке яранги вначале ставят треногу *тур*, затем по кругу устанавливают восемь-двенадцать деревянных треног, которые «связывают» горизонтальными жердями. От треног к вершине яранги крепят наклонные (скатные) жерди второго яруса. После установки каркаса натягивают меховую покрышку

ретэм. Для фиксации подол покрышки придавливают к земле тяжелыми камнями и досками, а также установленными вертикально по периметру яранги нартами; при этом нарты связывают между собой, создавая второй пояс увязки яранги. После установки яранги в нее заносят шкуры, полог, утварь, нарты (внутри яранги нарты служат мебелью).

При установке меховой палатки после расчистки площадки расставляют большие треноги. В центр заносят свернутую палатку, вставляют коньковый шест, а затем поочередно поднимают треноги. Один человек заходит внутрь висящей на коньковом шесте палатки, второй продевает в «рукава» горизонтальные шесты (последовательность действий во многом повторяет шаги по установке геологической палатки). После этого внутрь заносят печь, устанавливают трубу, хозяйка разводит огонь и кипятит чай. Технология установки тамбура палатки аналогична сборке яранги. Сначала ставят два малых треножника и два двуножника, и всю конструкцию связывают горизонтальными шестами-перемычками, затем крепят наклонные жерди. На каркас тамбура натягивают малый *ретэм*. Если погода ветреная или люди устали после длительного передвижения, сборка тамбура может быть отложена на следующий день.

Для перевозки яранги требуется 6-7 нарт. Одна грузовая нарта (репалькольгын) предназначается для транспортировки печки-буржуйки и большого ретэма. Отдельная нарта нагружается постельными шкурами, подушками и одеялами, на которые сверху укладываются постельные маты. Для перевозки длинных шестов предназначается нарта товри релкины (одна нарта на хозяйство-ярангу), для перевозки коротких шестов — варе релкины (3-4 нарты). Еще две нарты требуются для транспортировки палатки: одна — для мехового покрытия, другая — для шестов и трубы печки. С развертыванием транспортной и снегоходной «революции» (Pelto 1973) яранги на зимние стойбища стали перевозить на вездеходах и снегоходах вместе с прочим домашним скарбом.

Нарты на стойбище. Фото Д. Куканова, 2015

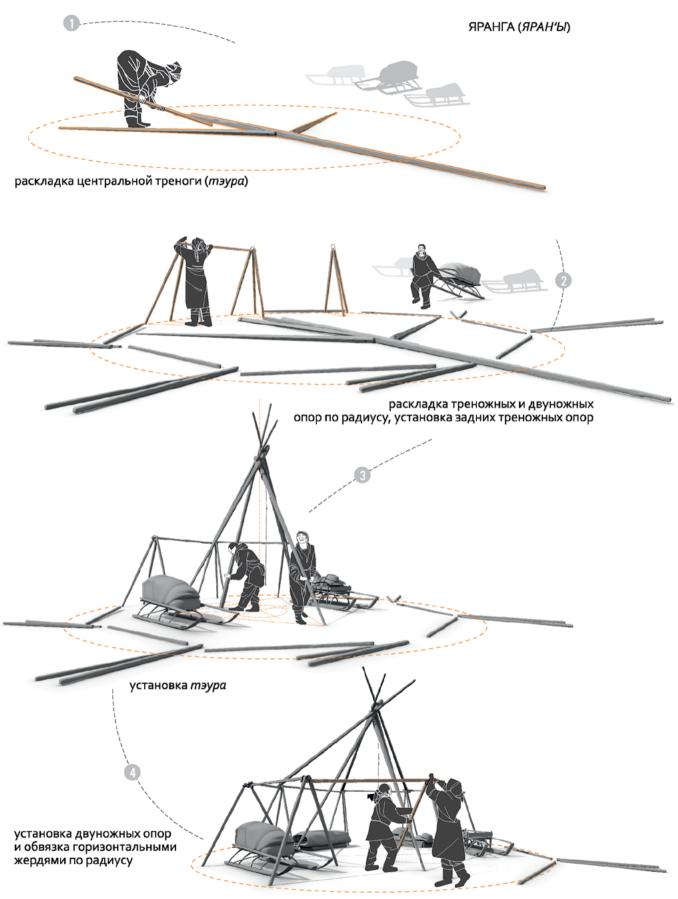

Рис. 19а. Сборка яранги (04.09.2014, стойбище 3-й бригады)

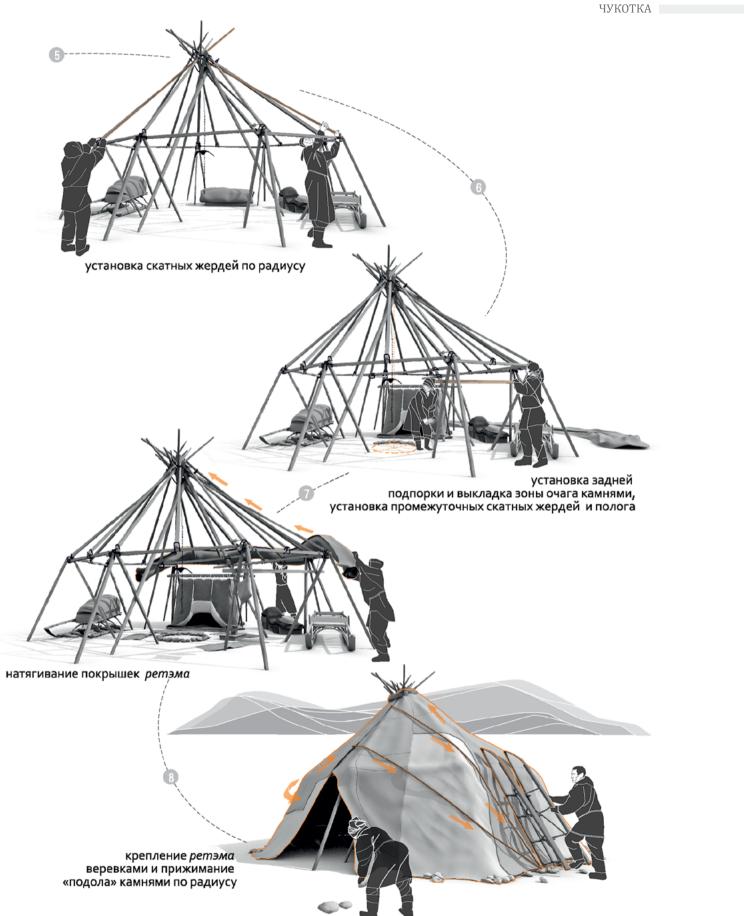

Рис. 19б. Сборка яранги (продолжение)

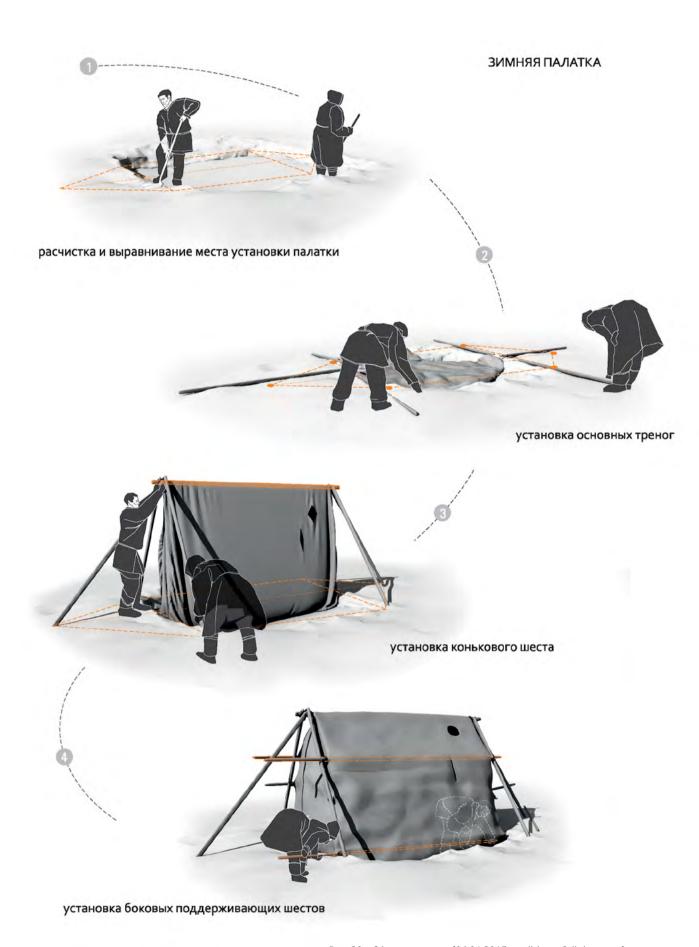

Рис. 20а. Сборка палатки (06.04.2015, стойбище 3-й бригады)

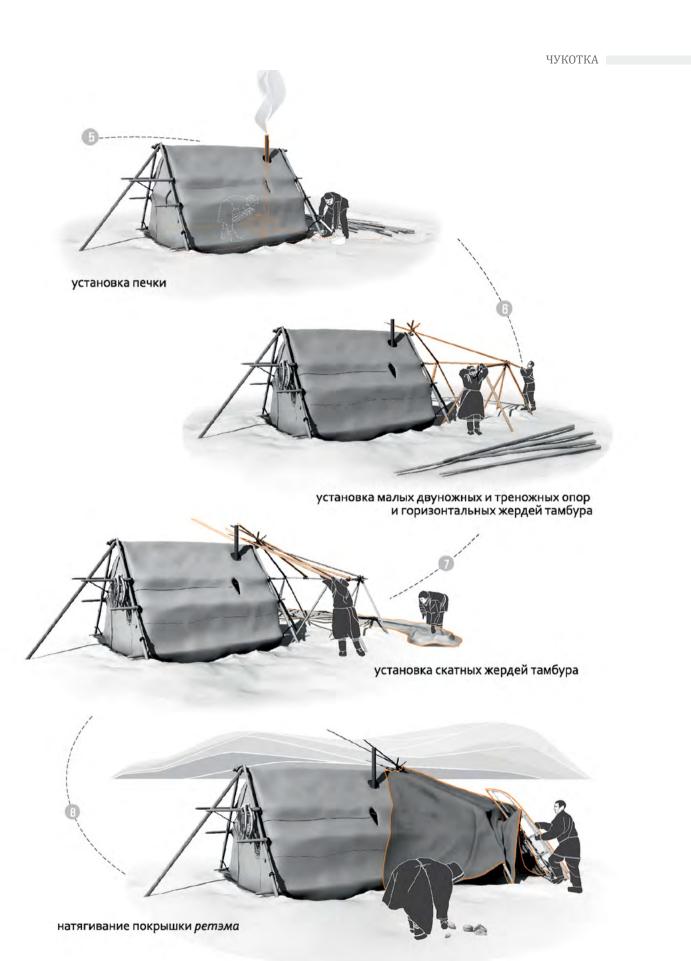

Рис. 20б. Сборка палатки (продолжение)

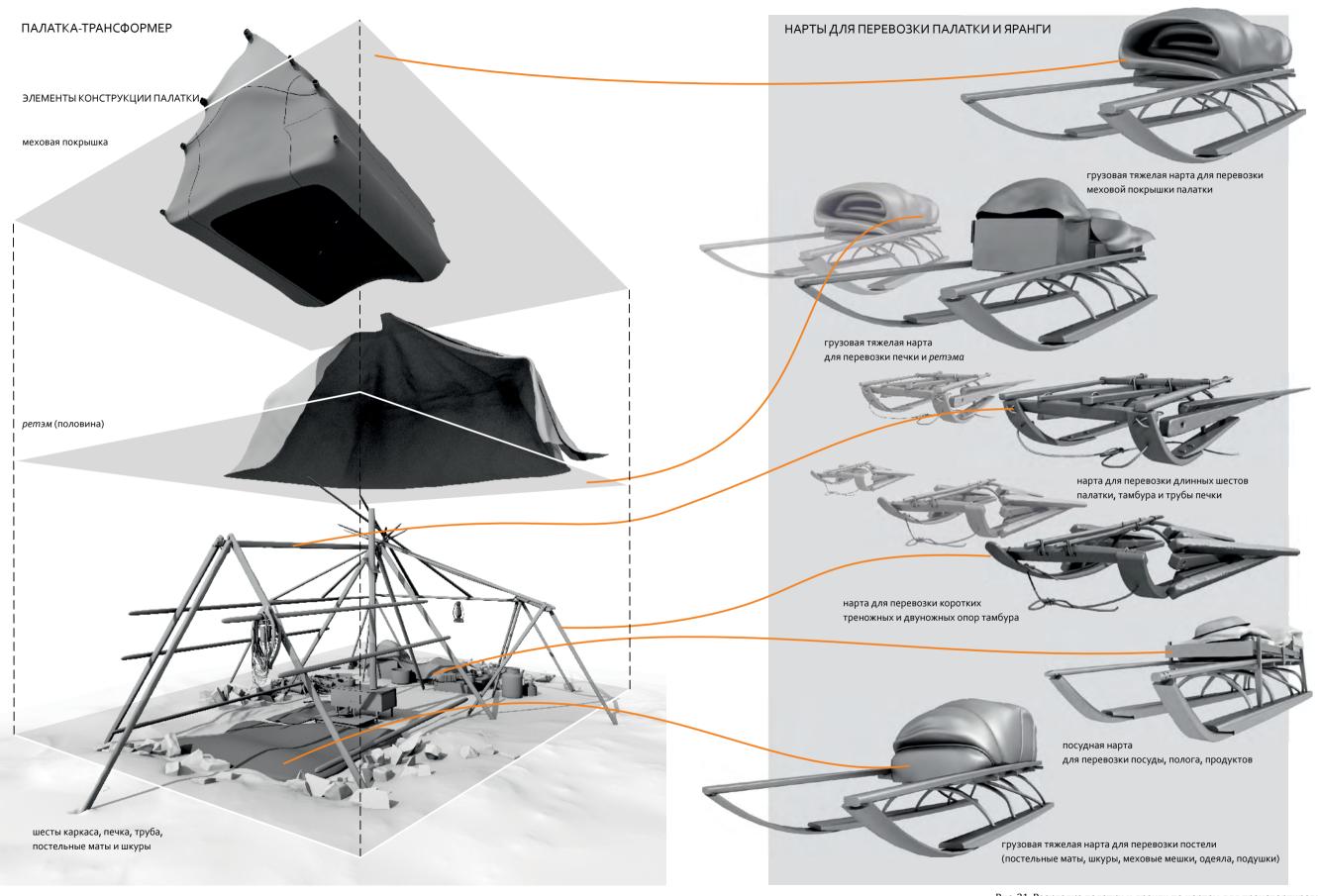

Рис. 21. Раскладка палатки и яранги по нартам для транспортировки

ВЕТРОУСТОЙЧИВОСТЬ И ТЕПЛООБМЕН

Купольно-цилиндрическая яранга органично и эстетично вписывается в чукотский сопково-тундровый ландшафт. Подобно ненецкому чуму, чукотская яранга обладает большой устойчивостью, что особенно важно для кочевников Арктики, где часты сильные и неожиданные порывы ветра. И все же купол яранги не столь ветроустойчив, как конус чума. Эффект паруса яранги таков, что края ретэма приходится придавливать тяжелыми камнями, а прислоненные к яранге нарты связывать между собой. Дополнительным средством служит установка зимней яранги (ныне палатки) максимально низко, как бы прижимая к земле и вкапывая в снег. Фактором устойчивости оказывается сдвижка вершины яранги от центральной оси в сторону входа, что создает неравномерность давления ветра на купол и снижает эффект паруса. Примечательно, что у чукчей, кочующих в лесотундре и в лесной полосе, вершина яранги расположена ближе к центру, поскольку ветры там не имеют такой силы, как в тундре, но чем севернее кочует яранга, тем заметнее у нее «сдвижка» вершины (Историко-этнографический атлас Сибири 1961:131). Вход в ярангу и палатку открывается в зависимости от направления ветра (всегда с подветренной стороны). Для большей устойчивости с подветренной стороны внутри жилища устанавливаются подпорки, при сильных ветровых нагрузках вместо двуножных опор ставятся треножные. Постоянно находясь в дыму, деревянные шесты остова приобретают прочность.

Яранга, как и чум, не подвергается снежным заносам. Во время сильных снежных бурь вокруг нее образуются ров и вал. Меховой ретэм яранги и тамбур палатки собираются и сшиваются волосом вниз, что позволяет снегу и каплям дождя скатываться на землю, а не застревать в шкуре. Зимой с яранги или палатки ежедневно убирают снег, обколачивая покрытие костяными или деревянными колотушками.

В сравнении с ненецким чумом яранга больше по размерам и довольно холодная. Проблема сохранения тепла решается благодаря двухкамерности яранги, состоящей из полога (внутреннего помещения) и покрытия ретэма (внешнего покрытия). Полог из оленьих шкур — жилое помещение, где спят, едят

(в зимнее время) и сушат одежду (посредством естественного испарения влаги). Он устанавливается в задней части яранги, подальше от входа. Прежде полог освещался и отапливался каменным или глиняным лампой-жирником (эек). В качестве горючего материала оленные чукчи использовали вытопленный из дробленых оленьих костей жир, горящий без запаха и копоти, береговые чукчи — китовый и тюлений жир. У оленных чукчей обычно бывало по одному эеку, у морских по два и более, поскольку не было проблем с жиром. Над жирником протягивался ремень или веревка для сушки мелких предметов одежды и обуви (Богораз 1991:108, 109, 118). В советское время жирники были заменены керосиновыми лампами. Нагревалось спальное помещение за счет тепла его обитателей. образуя «тепловую капсулу», где можно было находиться без меховой одежды.

Полог прекрасно сохраняет тепло, но плохо вентилируется. Ночью пары дыхания и испарения, не имея выхода, накапливаются и оседают на его меховой поверхности, поэтому каждое утро женщина снимает полог. оставляет его на снегу, давая ему промерзнуть в течение нескольких часов, а затем выбивает колотушкой. На ночь (для сна) полог вновь подвешивается. Процедура выбивания полога занимает около трех часов и требует больших физических усилий. Отношение к снегу и к влажности было предельно внимательным, и верхом бестактности считалось не очистить одежду от снега и не оббить обувь при входе в ярангу (Обручев 1954:267, 268). Невыбитые шкуры быстро отсыревают и портятся, поэтому только во время оттепелей полог мог оставаться необработанным в течение двух-трех дней. При таком воздействии (влажность, промораживание, выбивание) полог быстро изнашивается и даже при тщательном уходе служит не более одногодвух сезонов.

В отличие от яранги, жилое пространство палатки, постоянно обогреваемое печкой-буржуйкой, позволяет не только сохранять тепло, но и проветривать помещение; для этого достаточно приподнять переднюю часть мехового покрытия. Печь обеспечивает также просушку вещей, заложенных за шесты или развешенных на веревке над печкой.

Чаепитие в чоттагыне. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2014

Земляной пол полога, как и палатки, застилается плетеными из ивовых прутьев матами и травяными циновками, а поверх — толстыми шкурами-постелями (до десятка больших шкур). На постели у задней стенки размещаются один-два длинных меховых мешка с обрезками шкур и одеждой. На ночь в палатке поверх старых шкур-постелей укладывают дополнительный слой постельных шкур (утром их убирают на вешало у задней стенки палатки). Мешки со шкурами перемещают к выходу, и они образуют постельное изголовье. Покрывалом прежде служило полотно из оленьих шкур, ныне используют фабричные одеяла. Для сохранения тепла на время сна подол полога и палатки подворачивают внутрь и закладывают под циновки. В этих же целях естественные нужды справлялись прямо в пологе. Ночные вазы (ачульхен) опорожнялись на принесенные пласты снега: хозяйка попросту высовывала руку из полога и выливала на них содержимое горшка. На следующий день этот снег использовался для приманивания оленей-мочеедов (Обручев 1954:269, 270).

Тепло, как любой ограниченный ресурс, использовалось чукчами для выстраивания социальной и гендерной иерархии. Семейный

полог, служивший спальным помещением, был преимущественно мужской территорией: расположившись на постелях, мужчины отдыхали и принимали пищу. Женщина подавала им еду, разливала чай и забиралась в полог только на ночь, когда семья ложилась спать. Место у задней стенки полога — кынмэн считалось почетным (Михайлова 2015:134). Левая половина полога, как правило, предназначалась для хозяев, правая — для младшего поколения и гостей. Люди низкого статуса оставались за пределами полога даже на ночь. В одном из преданий говорится о том, что женщина Кальанав с маленькой дочерью была вынуждена ночевать в чоттагыне, поскольку для нее не нашлось места в пологе, но после того как у героини открылся дар предсказательницы, люди тундры стали приглашать ее «в гости вместе с ярангой» (Предание о Кальанав. Фольклорный фонд Музея с. Рыткучи). В другом предании говорится о том, что отрабатывавший за невесту юноша пас оленей и большую часть времени проводил около стада, в пологе ему не доставалось места, поэтому приходилось ночевать «в переднем шатре» или «под открытым небом» (Богораз 1934. Ч. 1:123).

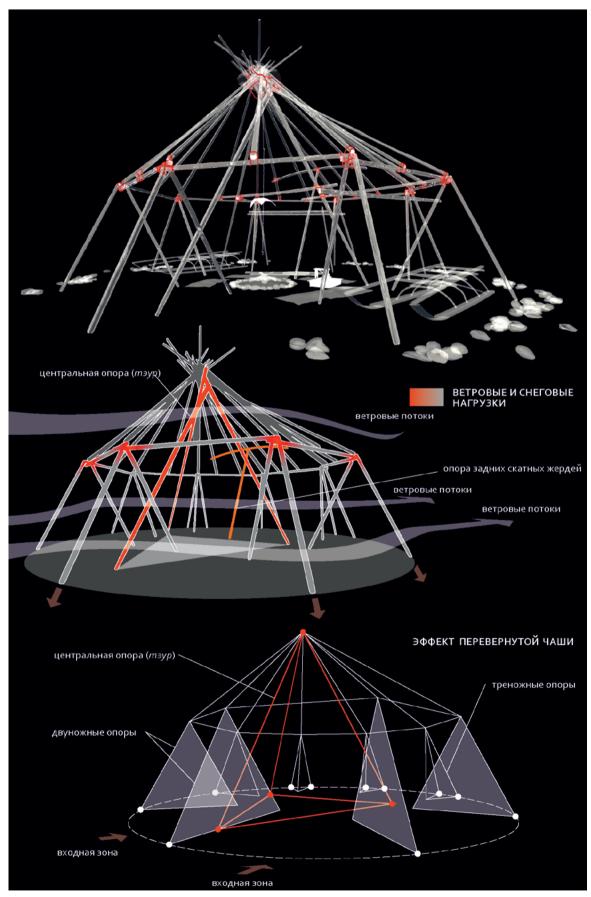

Рис. 22. «Рентген» яранги

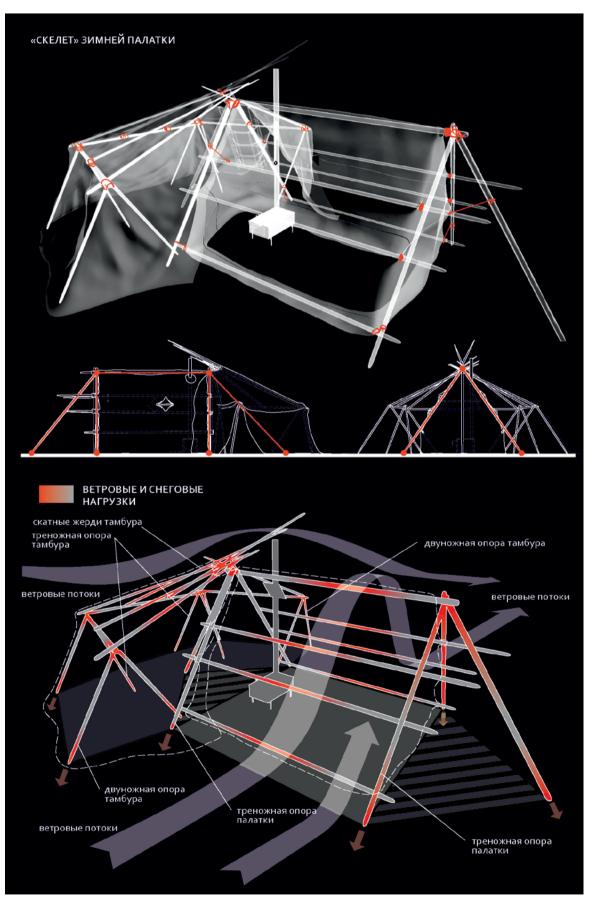

Рис. 23. «Рентген» зимней палатки

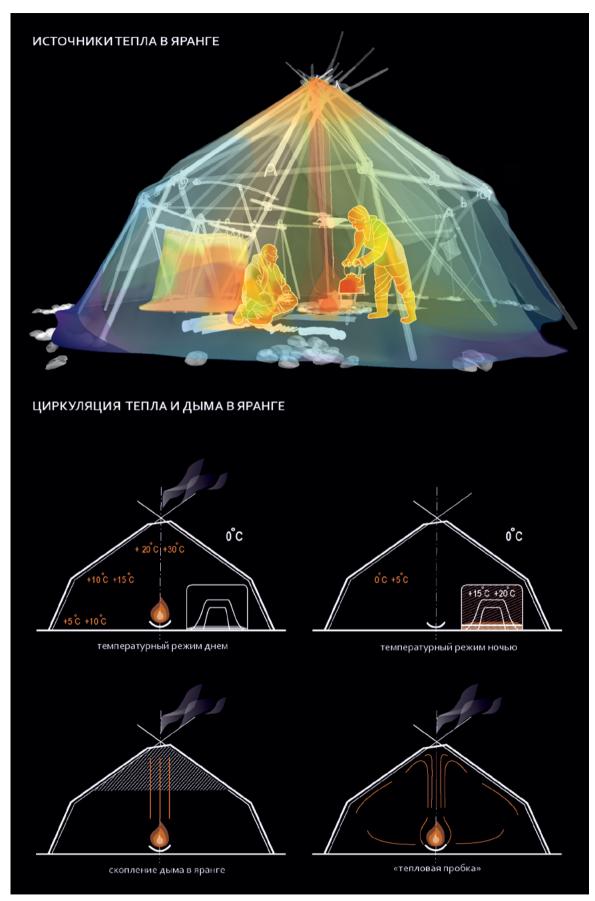

Рис. 24. Схема теплообмена и циркуляция воздуха в яранге

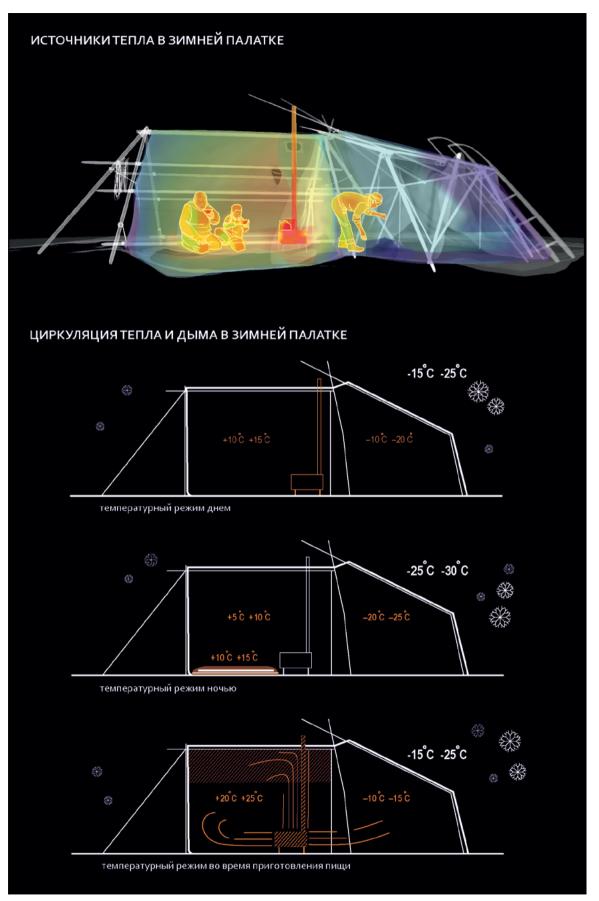

Рис. 25. Схема теплообмена и циркуляция воздуха в зимней палатке

Чоттагын яранги. Фото Д. Куканова, 2014

Внутреннее пространство между входом и пологом (в яранге) — чоттагын — служит хозяйственной частью, где женщина проводит большую часть суток. В теплое время года чоттагын используется для еды, для отдыха и общения. В центре чоттагына или с некоторым смещением в сторону, под дымовым отверстием, располагается очаг. По окружности очажное пространство обкладывают камнями или дерном (в лесной зоне). Дым от костра уходит через отверстие в крыше; при сильных дождях дымовое окно закрывается затычкой. Несмотря на такую вентиляцию, в чоттагыне почти всегда дымно (стоять в полный рост сложно). Летом для вентиляции ретэм поднимается. Температура внутри чоттагына такая же, как на улице, только без ветра, и отапливать эту часть яранги расточительно. Очаг разводят исключительно для приготовления пищи, а не для обогрева помещения или сушки. В целях экономии дров котлы и чайники подвешивают над очагом на цепях с помощью крюков, чаны и кастрюли устанавливают на камнях. Крюки вырезают

из дерева или кости, имеют несколько отверстий для регулирования высоты подвешивания над костром. Как только пища приготовлена, огонь тушится. В советский период в жизни оленеводов появились керогаз, примус, печки-буржуйки, «абешка» (генератор), которые значительно упростили обогрев жилища и приготовление пищи.

В прежние времена у боковых стен чоттагына большой яранги, с двух сторон от очага, начиная от полога, выстраивались с одной стороны мужская и женская нарты, с другой (обычно с левой) — культовые вещи или священная нарта. Эта часть жилища называлась янорвыт — нартенная кладовая (от ян — 'кладовая', орвыт — 'нарты'). За пологом (ян'ан) и по обеим сторонам от него в больших мешках из шкур оленя или морского зверя прежде хранили одежду и запасы шкур. Рядом с очагом или у входа в палатку хранят запас сухих дров (хозяйка, просунув руку из палатки, может взять поленья, не выходя в тамбур). На натянутых вдоль стен чоттагына ремнях и веревках сушится одежда и обувь.

Чукотские лепешки. Фото А. Курлаева, 2017

В передней части *чоттагына* размещается нарта с кухонной утварью и продуктами (ко-каван — 'посудное место', от кока, кук — 'посуда', ванн — 'жилье'). Здесь же раньше стояли бочки с квашеной пищей, а на верхних и боковых жердях висело мясо или рыба. Дым от костра — отличный консервант. В летнее время в яранге выкапывали яму до мерзлоты, куда складывали мясо и рыбу, а сверху закрывали шкурами и травой. Мясо и жир хранили за спальным пологом; кровь и тюлений жир держали в специальных мешках вне яранги (Богораз 1991:112).

Домашняя утварь чукчей скромна: как правило, это низкий ящик-столик для приема пищи и хранения посуды, шкуры и «табуреты» из комля дерева или рога оленя. Ящики-столики распространились в чукотской тундре в советское время. В старые времена пищу принимали сидя вокруг общего длинного блюда в пологе или в чоттагыне. В хозяйстве оленных чукчей использовался прибор для разбивания костей (каменный молоток и плоский камень-основа), костяные лопаты и мотыги

для выкапывания съедобных корней, глиняные котлы для приготовления пищи (с проникновением привозных изделий из металла хрупкая посуда была быстро вытеснена), а также разные деревянные и костяные блюда, чашки, ковши, ложки (Богораз 1991:117, 118, 119-125). Для вытирания посуды и рук служило полотенце из древесных стружек или подошвы торбасов. С. В. Обручев описывал ситуацию, когда хозяйка любезно протянула свою ногу, обутую в торбаса с оленьей подошвой, гостю, который пришел в торбасах с лахтачьей подошвой и не знал, обо что вытереть ладони после еды (Обручев 1954:273) (в отличие от оленьей, лахтачья шкура очень жесткая). Ныне, помимо котлов, чайников и кастрюль, в хозяйстве оленных чукчей используются бидоны и фляги; разного вида чашки для бульона и чая заменили глубокие тарелки, большие кружки и блюдца; сохраняются длинные деревянные блюда для отварного мяса и рыбы.

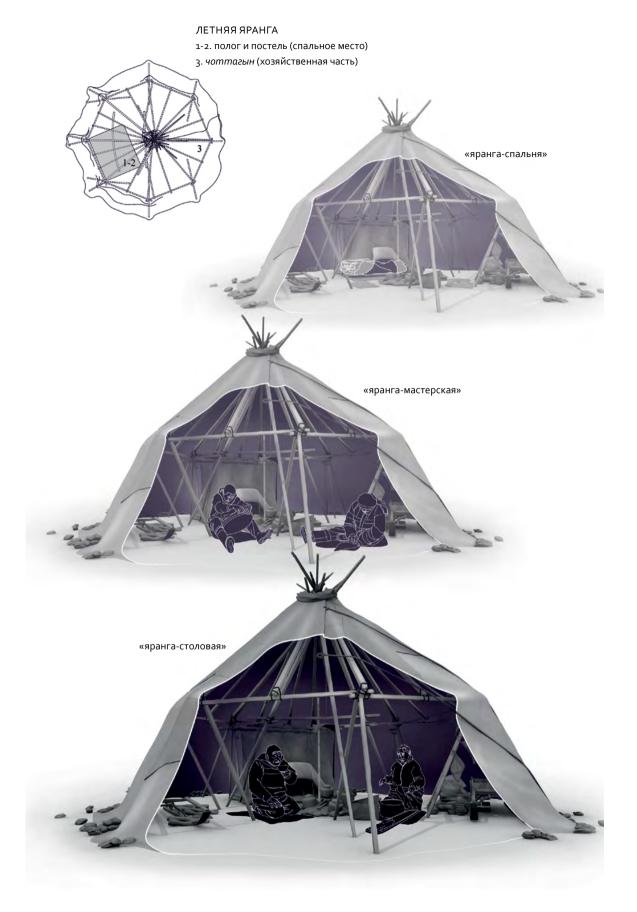
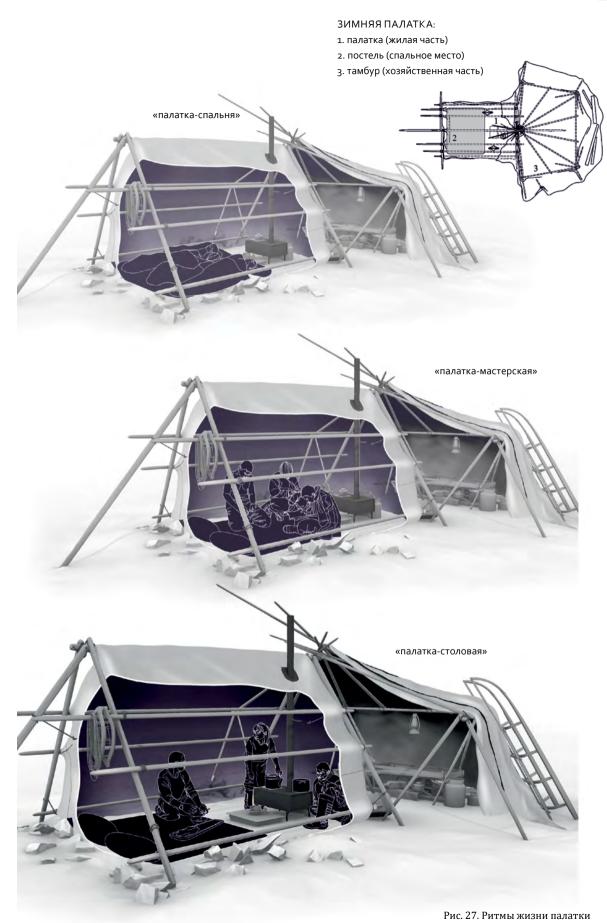

Рис. 26. Ритмы жизни яранги

125

ДУХ ЯРАНГИ

Поскольку яранга обновляется постепенно, и некоторые ее детали имеют почтенный возраст в несколько сот лет (например, старое священное копье, привязанное к центральному шесту), она, по представлению живущих, помнит ушедших в иной мир предков. А если учесть чукотскую веру в реинкарнацию (перерождение-возвращение) душ, то понятно, насколько судьбы людей оказываются связаны с судьбами вещей. Не случайно в чукотской традиции родство определяется по яранге, и на празднике эйнеткун обитателя стойбища наносят на лица знаки кровью «по их яранге».

Чукчи считают ярангу живым существом женского пола. Как отмечал В. В. Лебедев, в ней все живое: и шесты, и покрышки, и полог. Здесь обитают главные семейные охранники — духи-хранители (тайныкут) и «огневые доски» (мильгэт), с помощью которых добывается «живой огонь» (1991:40). Закрепленная на верхушке яранги «огневая доска» помогала собрать потерявшиеся «куски» стада. В «Песне о яранге» чукчанка Клавдия Геутваль обращается к своему жилищу как к живому существу:

«Ты родилась давно, тебе почти две сотни лет... Ты была ростом маленькая, аккуратная. Волшебные руки матери и отца тебя строили. Ты видела, как мать с отцом растили нас, девятерых детей... И всех нас согревала всегда...» («Песня о яранге». Фольклорный фонд музея с. Рыткучи)

Далее в песне поется о том, что яранга-долгожительница и сегодня причастна к протекающей в ней жизни: она не только обогревает, но и дает возможность получить доход, например, от участия в съемках фильмов или от проведения национальных праздников в городах и поселках.

Обитателей яранги называют ройыргын (от ройрын — 'семья'). Однако состав яранги изменчив, и в этом выражается мобильность арктического «родства», а чукотские представления о семье и о личных взаимоотношениях отличаются от привычных. Женщина и мужчина относительно легко меняют спутника или спутницу жизни и покидают ярангу; в прошлом существовал обычай обмена женами и «молочного родства» между мужчинами. Дети могут жить как с отцом, так и с матерью. В яранге

также могут проживать пастухи, и не обязательно родственники. Если у взрослых детей появились свои семьи, ставится дополнительный полог. Но со временем молодым предстоит собрать свою ярангу, которая будет дочерней по отношению к родительской (она может быть как отцовской, так и материнской). Родительская же яранга переходит по наследству сыну, с которым остаются престарелые родители (обычно к младшему). «Старшая яранга» выступает прародительницей нескольких яранг, и эта межпоколенная соподчиненность сохраняется. «Генеалогическое древо» (родословная) чукотских яранг поражает ветвистостью: от яранги деда Кунделю Максимката, как подсчитал В. В. Лебедев, пошло двадцать пять яранг в девяти поколениях. Яранга связывает мир живых с миром предков: у ее очага растут дети, к ее очагу собираются ушедшие в иной мир. По традиции в случае смерти члена семьи один из верхних шестов яранги сжигается, чтобы в верхнем мире покойный мог поставить свою ярангу копию земной (Лебедев 1991:40, 41).

В тактике чукотско-корякско-юкагирских войн при нападении на стойбище прежде всего угонялись олени и разрушались жилища. В чукотском сказании «Оборони» повествуется о том, что в целях самозащиты люди ушли на сопку, поставив там только одну маленькую ярангу, а из шестов и меховых покрышек остальных яранг, из дерна и камней сделали «забор». Оборона яранги была необходима, поскольку главной тактикой нападавших было ее окружение и истребление обитателей копьями и стрелами, легко проходящими через меховое покрытие. Обычную ярангу враг мог легко опрокинуть, набросив на вершину аркан для ловли оленей, или разрушить, попав стрелой в ременные крепежи. В укрепленную ярангу захватчик мог проникнуть только через дымовое отверстие или прибегнув к длительной осаде (Лебедев, Симченко 1983:129). Чукотские сказания раскрывают хитрости, к которым прибегали для обороны яранг — от ее переноса на вершину сопки и обкладки камнями до обливания покрышек водой, чтобы получился ледяной панцирь; в покрышке яранги устраивались бойницы для стрельбы из луков (Мерк 1978:120; Дьячков 1893. Т. II:133; Богораз 1900. Ч. 1:389; 1991:338; Козлов 1956:181, 182;

Бабошина 1958:142–143; Меновщиков 1974:476; Лебедев, Симченко 1983:98, 129–132; Нефёдкин 2017:181–183).

Согласно сказаниям, в ярангах живут не только люди, но и духи. «Чертовы яранги» — так называется место, где стоят два камня у подножия сопки, а третий — на ее вершине. По легенде, когда-то на сопке поставили свои яранги келе (черти), но по совету шамана двое спустились вниз, а один «остался на вершине». Во время праздника эйнеткун для принесенных в жертву духам оленей женщины ставят «ярангу» из травяных кочек, песка и камней.

Яранга помогает спастись от врагов. В предании «Мынильыт» старшая женщина стойбища прячется в яме под пологом яранги. Раздавшийся как будто из-под земли голос напугал непрошеных гостей. Пирующие враги выскочили из жилища, оставив оружие, а самый ловкий из них вылетел через дымоход. Яранга была переставлена на чистое место. Сыновья героини поймали оленя и, совершив

обход вокруг жилища по ходу солнца, забили его. Младшая невестка «напоила» жертвенного оленя водой, положила под его голову куст ивы. Мать помазала ярангу оленьей кровью. Взяв ярар (бубен), она пела, моля, чтобы все плохое погибло в дыму очага, после того как яранга была накрыта вторым ретэмом и был наглухо закрыт ее дымоход (Рассказчик В. Вутельхин. Фольклорный фонд музея с. Рыткучи).

Пока жива яранга, жива и культура предков, считают чукчи. Ныне старые люди сетуют на то, что «молодые хозяйки не хотят хранить семейные святыни, оставляют свои яранги и уезжают в поселок». И в песне Клавдии Геутваль звучит тревога: «У многих оленных людей в тундре уже не стало ни ярара, ни яранги, ни кааран [нарты-кибитки для перевозки детей]», а следует делать все, чтобы яранга «гордо стояла... вместе с белокаменными домами» и чтобы «по-прежнему у ее очага звучал древний ярар».

Подготовка бубна к празднику эйнеткун. Фото С. Белоруссовой, 2014

КУХЛЯНКА И КЕРКЕР

Традиционный комплект верхней мужской одежды оленных чукчей включает глухую, широкую и короткую (до колен) куртку — кухлянку (ирэн) и штаны (конагты). Зимняя кухлянка состоит из двух отдельно сшитых меховых рубах до колен, надеваемых одна на другую — верхняя ворсом наружу и нижняя ворсом внутрь — на голое тело. Зимние меховые штаны также двойные.

Нижнюю рубаху-кухлянку обычно шьют из неблюя (2-3 шкуры теленка августовского забоя) или летних шкур взрослого быка (2 шкуры). При раскрое берут целые шкуры хвостовой частью вниз, на подоле (в месте хвоста) вшивают полукруглые клинышки. Ворот кухлянки широкий и низкий на груди, на вздержке (веревке из оленьих сухожилий или кожи), позволяющей при необходимости стянуть горловину. Проймы широкие и закругленные; рукава также широкие, суживающиеся к запястью. Широкие проймы и рукава позволяют легко втянуть руки внутрь кухлянки. Стоять, спрятав руки в теплую пазуху, — «любимая поза чукоч, когда они чувствуют себя в довольстве и благополучии» (Богораз 1991:171). К вороту и разрезу горловины пришивают широкую полосу собачьего, волчьего, песцового меха, которая при необходимости может откидываться назад, образуя высокий и теплый воротник. Тем же мехом оторачивают подол и край рукавов. Мех росомахи особенно ценится у оленеводов, так как не залепляется снегом. Богатые оленеводы оторачивали кухлянки мехом выдры или бобра. Мездру нижней рубахи непременно окрашивали охрой или настоем коры ольхи в красный цвет.

Для пошива верхней кухлянки требуется 3–4 шкуры августовских телят («больших айонских телят», уточняет известная швея О.В. Таки) или 2–3 летних шкуры взрослых оленей. Переднюю часть кухлянки кроят из целой шкуры и расширяют за счет клиньев; спинку собирают из нескольких деталей, в бока вшивают по перегнутой вдоль шкуре, поэтому в целом изделие получается очень широким. Для выравнивания края подола вшивают полукруглые клинья и пришивают полосу меха. В круглый ворот выпускают опушку нижней рубахи. Поскольку нижняя кухлянка делается чуть длиннее верхней, при надевании получается двойной ряд меховой отделки.

Для каждого возраста есть особенности покроя и шитья кухлянок. Молодежь шьет нижние кухлянки выше колена из мягких тонких шкур телят первого весеннего или раннего осеннего забоя, поэтому верхние кухлянки приходится делать более толстыми. Пожилые чукчи носят длинные (ниже колена) кухлянки из толстых осенних шкур. Нагрудный вырез кухлянки стариков в былые времена покрывали небольшим, квадратным нагрудником из тонкого оленьего камуса, который с помощью узких ремешков завязывался на шее. Нагрудник защищал от холода и предотвращал кухлянку от обмерзания при дыхании. Сейчас они обходятся «русскими» шарфами. Если обычная кухлянка шилась без капюшона, то одежда покойника была всегда с капюшоном, который натягивали на лицо (Богораз 1991:170); по-видимому, обычная верхняя одежда прежде тоже имела капюшон (Историко-этнографический атлас Сибири 1961: 232).

Украшением кухлянок служат кисточки и бахрома из меха и ровдуги. На праздничную одежду холостых мужчин мать или бабка нашивают меховые украшения пинекальхен. На поясе поверх кухлянки (обычно с правой стороны) чукотские оленеводы носят ножи в ножнах. При подпоясывании ремнем кухлянка подтягивается, образуя вместительный напуск, куда складывают разные мелочи (табак, трубка, запас пищи на время длительных поездок).

В двойной кухлянке чукчи при необходимости спят в тундре, используя ее как спальный мешок. «Чукотская кухлянка так широка, что, когда руки втянуты внутрь, человек может без труда поворачиваться в одежде, как в маленькой палатке. Когда чукче приходится спать на открытом воздухе, он прекрасно устраивается с помощью своей кухлянки: туго затягивает ремень, втягивает внутрь кухлянки руки, подымает меховой воротник и голову тоже втягивает внутрь кухлянки, затем закрывает отверстие воротника шапкой и в таком положении может безмятежно и покойно спать при самом сильном морозе, в любую вьюгу. Проснувшись утром, он, как лесной зверь, отряхивает с себя снег и идет дальше своей дорогой», — писал В. Г. Богораз (1991:171).

У чукчей-оленеводов не было специальной летней одежды: весной мужчины надевали кухлянку в один слой, а летней одеждой

Светлана и Геннадий Вуквутагины. Чаун-Чукотка. Фото А. Головнёва, 2014

служила старая вытертая нижняя кухлянка. Иногда летом носили так называемые камлейки — ровдужные или матерчатые рубахи того же покроя, что и нижняя кухлянка, только длиннее и с капюшоном. Обычно камлейка служила для предохранения меха и мездры кухлянок от снега и дождя.

У мужчины должны быть одна-две сменные кухлянки. Время износа зависит от хозяина: «если мужчина сильно потеет, то и года не носит», выношенные кусочки постоянно заменяются. Век назад чукотская меховая кухлянка ценилась высоко среди соседних народов и русских; оленеводы носили меховые одежды один сезон или даже полсезона, а затем обменивали ношеные кухлянки у приморских соплеменников (Богораз 1991:169, 170). Чукчанки говорят, что из готовых шкур «дня за полтора-три можно сшить верхнюю, и дня за полтора-три нижнюю кухлянки; штаны — за день». Пошив кухлянки обходится в 10-15 тыс. рублей, полностью же комплект меховой одежды — две кухлянки, малахай, штаны, торбаса, рукавицы — стоит от 40 до 60 тыс. рублей.

На Чукотке кухлянки носят не только мужчины, но и женщины, подростки, маленькие дети, однако не везде. Среди чаун-чукотских

оленеводов, например, ношение женщинами кухлянки не одобрялось. М. Б. Памья рассказывала, что, когда она только начала работать в бригаде, надела кухлянку с ватными штанами. Отец, посмотрев на нее, сказал: «Как мужик ходишь, керкер женщине надо носить».

К кухлянке прилагаются двойные короткие (до щиколотки) штаны. Нижние штаны шьют из мягких телячьих (неблюя, пыжика), реже бычьих, шкур (по одной шкуре на штанину и третья для задней детали). Чукотские штаны имеют заниженную талию: со стороны спины обрез на уровне поясницы, со стороны живота — едва прикрыт пах. Вместо пояса пришивают обшивку, сквозь которую продевается вздержка-веревка. В. Г. Богораз подмечал, что чукотские штаны «всегда готовы сползти, и у чукоч есть особо характерные телодвижения, посредством которых они подтягивают сползающие штаны» (1991:172). Сейчас молодые люди добавляют к поясу полоску кожи или брезента, чтобы штаны держались на ремне. Сверху штаны могут быть узкими или широкими, но икры они всегда обтягивают, поскольку к штанинам пришиты манжеты, затягивающиеся шнурком. Мездра окрашена.

Верхние штаны шьют из шкур разной толщины оленьей шкуры, в зависимости от сезона. Самые прочные — штаны из камуса (панра конагты). На такие штаны, по словам мастерицы, «надо собрать двадцать два камуса, а потом сшить их», что весьма трудоемко. Ворс на штанах направлен вниз, поэтому снег на них не прилипает, что особенно удобно в межсезонье (камус хорошо противостоит сырости). По сведениям К. Мерка, чукчи носили штаны из тюленьих шкур и из волчьих лап, оставляя при раскрое и шитье даже когти (1978:109). Зимой, в самые морозы, надевают штаны, сшитые из толстых оленьих шкур. Поверх натягивают меховую обувь и плотно привязывают сухожильной веревкой или ровдужным ремнем. Штаны молодых людей в прошлом украшали кистями из окрашенной в красный цвет ровдуги или «кожи мохнатых тюленей» и назывались «борцовскими штанами» (Богораз 1991:173).

Оленные чукчи носят плотно облегающие голову шапки-капоры с короткими «ушами» (кали/къэльхикин). Шьют их из шкур с лап собаки, волка, выдры или росомахи, пыжика или телячьего камуса, на подкладке из пыжика. Спереди нижняя и верхняя шапки сшиты. Во время зимних кочевок носят шапки из толстых оленьих шкур или головной части волчьей шкуры. Выкройка такой шапки делается так, что уши зверя оказываются на макушке человека; их украшают кистями из кожи красного цвета или из ткани малинового цвета. Спереди к краю шапки пришивают двойную контрастного цвета опушку, закрывающую щеки. Обычно у мужчины одна шапка теплая (оленья), другая — рабочая (собачья или камусная). Шапку к верхней одежде не пришивают, поэтому ее можно быстро снять в любое время. Летний капор того же покроя шили из стриженого оленьего меха шерстью внутрь, без подкладки. Украшением капоров, кроме бисера, служили полоски из белой кожи и красной ткани или сукна.

У оленных чукчей существовал головной убор, который носили преимущественно молодые пастухи. Это род круглого шлема с отверстием на макушке, завязывающийся под подбородком. У приморских чукчей такой головной убор употреблялся во время спортивных игр (Историко-этнографический атлас Сибири 1961:333). К. Г. Мерк описывал также меховые повязки на подкладке со спускающейся на лоб оторочкой из волчьего меха с «ушками» из мягкой окрашенной в красный

цвет кожи тюленя или кожи с шеи собак; снаружи такие повязки расшивали подшейным волосом оленя (Мерк 1978:110). При сильном ветре чукчи надевали малахай из толстых оленьих или волчьих шкур, который покрывал голову и плечи. До сих пор у чукчей популярен собачий шарф-боа — узкая полоска шкуры оленя, волка, собаки с тесемками.

Типичная обувь оленных чукчей — короткие до колен торбаса (плект), которые надевают с меховыми чулками (памья). Покрой их довольно прост: подошва и голенище, между которыми вшита узкая полоска шкуры (поршень). Подошву выкраивают на 3-4 см больше стопы с расчетом на загиб края для пришивания к голенищу. Носок чукотской обуви четырехугольный, что отличает ее от обуви других народов. У мужчины должно быть не менее трех пар торбасов. Для поездок в стадо или на охоту используют высокие торбаса. На длинные (зимние) торбаса требуется восемь бычьих камусов, на короткие — четыре. Короткие торбаса доходят до середины голени, потому мужчины сначала надевают меховые чулки, поверх них натягивают и завязывают нижние штаны, а потом надевают верхние торбаса и на них натягивают верхние штаны. Обувь плотно завязывают кожаными ремешками, перекрещенными над пяткой и обмотанными вокруг лодыжки. Меховые чулки-чижи шьют из разных шкур (камуса, телячьих) или из старой одежды и старых покрышек яранги. В зимнее время обувь носят со стельками из травы.

Непременный элемент чукотского мужского костюма — рукавицы: зимой из камуса важенок или телят, летом из нерпичьей кожи или ровдуги. Это единственная деталь чукотского костюма, которую никогда не шьют двойной. На рукавицы уходит четыре камуса (по два на каждую). Завязки пришивают, чтобы можно было повесить рукавицы сушить.

Все без исключения чукчи в старые времена носили ожерелья, представляющие собой связанный узлом в нескольких местах кожаный ремешок, на который нанизывают разные амулеты и бусы. Под стать им делали браслеты, ручные перевязи, головные повязки и даже серьги. Пояса изготавливали из эластичной кожи с пряжкой из железа или бивня моржа. Иногда их расшивали пуговицами, бубенцами и разными металлическими предметами. Сзади на ремешках крепили связанные в узелки амулеты (Богораз 1991:178, 189–192).

Иван Антылин. Фото А. Курлаева, 2017

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА (ЧУКЧИ)

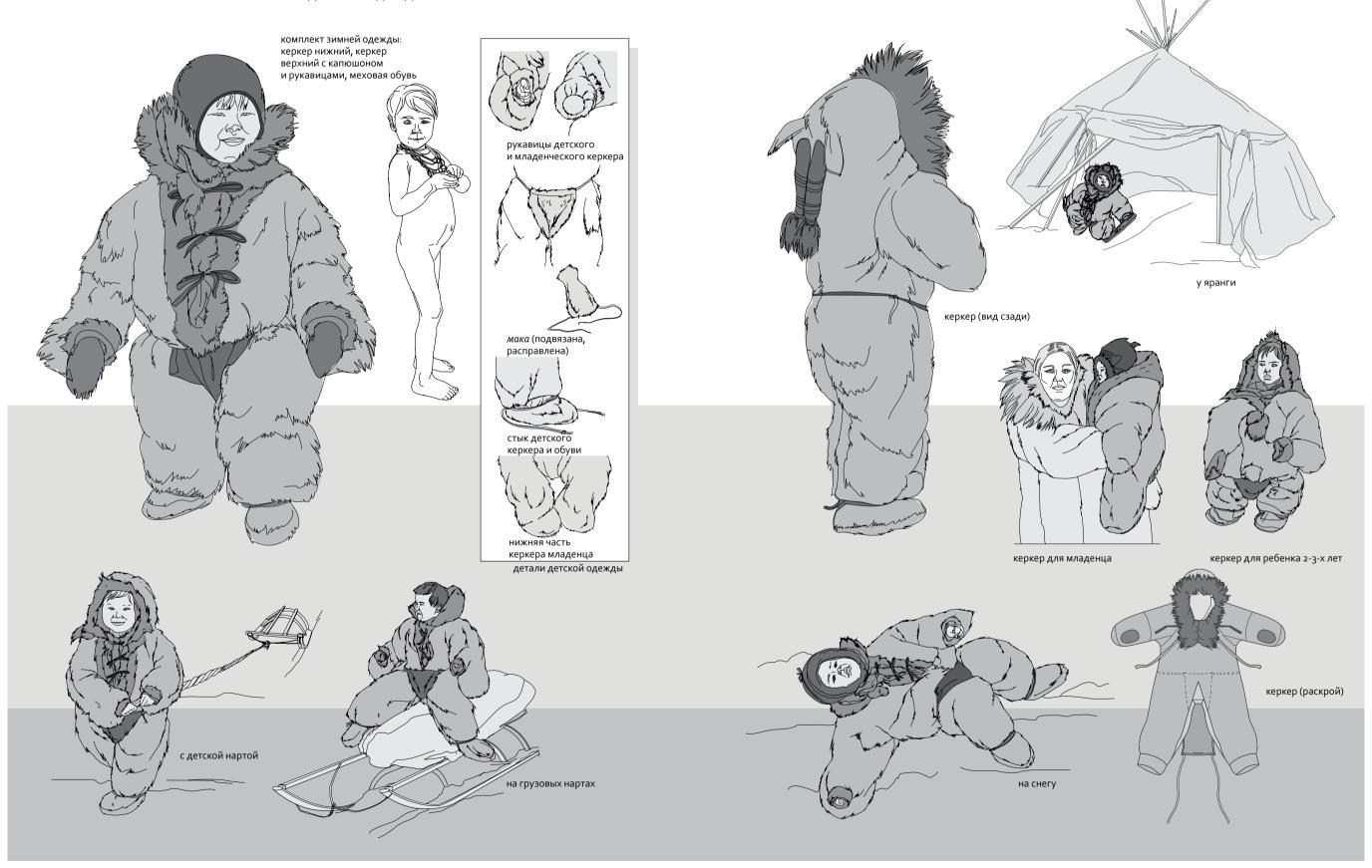

Рис. 28. Одежда чукотских оленеводов (мужчины)

Женская одежда чукчей (в женском произношении кеццы, мужском — керкер) состоит из двух отдельно сшитых широких цельнокроеных комбинезонов, надеваемых один на другой: нижний (evcaн) мехом внутрь и верхний (гыргосан) мехом наружу. Ворот в виде длинного, спускающегося на грудь и на спину выреза стягивается с помощью ремешков или плетеных из оленьих жил завязок. Рукав вшивной с заниженной проймой, широкий и прямой. Штаны широкие, короткие, собираются на манжеты ниже колен, образуя наплывы-галифе или «щеки» (конайгыргыт). Надевают керкер через голову, на голое тело. Манжеты натягивают поверх обуви и подвязывают ремешками.

Для пошива женского нижнего керкера нужны три телячьих шкуры (пыжика), для верхнего — три шкуры оленя августовского забоя (подбор шкур происходит по высоте ворса и рисунку). На перед и спинку идут красивые (темные или пестрые) шкуры, на боковины — шкуры серого цвета. Горловину и рукава оторачивают собачьим или волчьим мехом. Цвет оторочки чаще черный («так лучше смотрится»).

Покрой комбинезона сложен. Из одной шкуры выкраивают две передние детали (центральная часть спины с наиболее густым мехом), две узкие пашины (боковые части брюха) и центральная паховая деталь (шкура с головы оленя с ушками); из второй шкуры — две надставки, широкие части рукавов и длинный клин для спинки комбинезона; из третьей боковые детали и нижние полосы рукавов. При таком раскрое керкер не имеет ни продольного плечевого шва, ни боковых швов. Перед пошивом детали выравнивают и надставляют, затем вшивают расширяющие вставки к переднему и заднему клиньям (расширяют горловину) и ластовицы (обеспечивают свободу движения руки). Ширина проймы и рукава, ширина горловины и глубина выреза должны соответствовать фигуре женщины. Следующим шагом сшивают центральные детали спины и переда. Правильная посадка керкера обеспечивается несколькими правилами: длина штанины равна длине руки от локтя до кончиков пальцев, в области ягодиц шов слегка собирается («присаживается»), вырез горловины должен быть равен длине вытянутой руки (без кисти). Рукав имеет прямой или овально-вытянутый срез, к его краю дополнительно пришивают укрепляющую полосу меха или кожаный полукруг, широкий рукав

можно заворачивать и подвязывать ремешками. Особенного внимания требует горловина комбинезона, поскольку женщина надевает и снимает его через ворот, а во время работы она спускает один, реже оба рукава комбинезона, обнажая плечо, грудь и руку. Горловину и вырез обшивают полосами собачьей шкуры мехом наружу и вовнутрь внахлест, а затем дополняют узкой полоской оленьего меха. Многослойная оторочка укрепляет край горловины. Поверх нее нашивают длинношерстую шкуру росомахи или собаки (схему раскроя керкера см.: Чубарова 2004:83–84). Верхний керкер имеет воротник, закрывающий плечи и спадающий на спину.

У разных групп чукчей керкеры несколько различались: «на шмидтовской стороне они более широкие, чтобы горшок входил, на чаунской — более миниатюрные». Главное, говорят чукчанки, «чтобы в нем было комфортно двигаться». В правильно выкроенном и сшитом керкере широкие штаны позволяют женщине свободно ходить, а в галифе можно «положить запас пищи и вещички малыша, необходимые при кочевках, а также посушить стельки обуви мужа». Вместе с тем штаны так объемны, что походка чукчанки вразвалку похожа на утиную. В старых комбинезонах для увеличения объема в боковые штанины вставляли клинья. а ушки оставлялись незашитыми для вентиляции. По мнению представительниц старшего поколения, широкие штанины — красивы, узкие — нарушение традиции. Однако молодые женщины стали заужать галифе и рукава керкера, разрез застегивать на пуговицы или застежкой-молнией (Вуквукай 2004:80-81).

Раньше керкер носили на голое тело, сейчас надевают поверх нижней «русской» одежды. Летний керкер шили из старых шкур или ретяма. Даже с полностью вытертым ворсом он оставался прочным, если был правильно скроен и посажен. В теплое время женщины носили только нижний комбинезон мехом к телу. Однако в отдельных районах считалось неприличным ходить перед посторонними в нижнем керкере. Неудобство керкера состоит в необходимости при справлении нужды снимать его полностью (в старое время женщины пользовались горшком). У северных чукчей ширина галифе позволяла не снимать керкер, а засовывать внутрь его горшок.

Керкер на Чукотке — символ женственности и красоты (и хоронят женщин непременно в керкере). У богатых чукчанок было по три керкера — праздничный, «на кочёвку» и рабочий,

Марина Памья. Фото Е. Переваловой, 2017

у прочих — два, праздничный и повседневный (кочевали в праздничном, поскольку «в старом кочевать очень холодно»). Керкер из пестрой бело-коричневой оленьей шкуры считался изысканным нарядом и имел особое название — к'эн'укер (Михайлова 2015:175). Нижний керкер менялся каждый год, верхний — раз в два года. Верхний праздничный керкер по мере износа переходил в разряд рабочих.

На пошив керкера женщина тратит от трех до семи дней. По рассказу М. Б. Памья, «одна бабка так сильно хотела в гости, что за ночь сшила керкер, когда муж сказал, что в старом ее с собой не возьмет». О. В. Такы вспоминает: «Сшила я как-то праздничную кухлянку для своего дяди. Он спрашивает: "А себе ты сшила новый керкер?" Нет, не успела. Дядя говорит: "Важенка посмотрит на тебя и скажет, что у девушки шкуры есть, а керкер не сшила". Я сообразила, что послезавтра августовский

праздник". Чай тут же убрала, шкуры вымочила и выделала. За сутки керкер сшила. Так сильно поверила в дядины слова. Уже костры горят, обряды идут, я пошла в ярангу. А важенка у костра мох собирает. Вспомнила я дядины слова и оглянулась на важенку, а та действительно как-то вывернулась и на меня смотрит! Я поняла: "Прав был дядя!"»

К керкеру шла меховая шапка, идентичная по покрою мужской. Женские торбаса, в отличие от мужских, более высокие (сверху добавлена меховая полоса) и широкие, чтобы в них входили штанины керкера. На женские торбаса «уходит от восьми до двенадцати камусов, а, если сшить с узором, то и все четырнадцать». Торбаса завязывают крест на крест сзади чуть выше колена с помощью ровдужных завязок. Обычно у женщины пара торбасов на зиму на щетках, остальные на нерпичьей шкуре.

Рис. 29. Одежда чукотских оленеводов (женщины)

Новорожденного ребенка чукчи заворачивают в маленький куколь (яггочгын) из пыжика или неблюя ворсом вовнутрь, похожий на детский конверт с большим разрезом. Шьет его бабушка или мать, но «заранее делать этого нельзя». Верхний детский кукуль шьют из зимней телячьей или оленьей шкуры. Куколь привязывают к жердям яранги или палатки, используя вместо колыбели. Если жарко, ребенка кладут поверх кукуля. Ночью ребенок спит в кукуле рядом с матерью на постели. В куколе ребенок находится год-полтора, пока не начинает сам вылезать из него. Для грудных детей постарше шьют комбинезон (кальхгэкэр) с зашитыми рукавами и штанинами. Когда ребенок начинает ходить, штанины подрезают и пришивают (или надевают) короткую обувь. С внутренней стороны рукавов чуть выше кисти прорезают отверстия для высвобождения рук: по случаю подрезания керкера проводят семейный праздник (Вуквукай 2004:83).

У детского керкера, в отличие от женского, штанины до пола и нет «галифе». Летом он однослойный, а зимой — двойной. Детский керкер шьют как с капюшоном, так и без него. Капюшон выкраивают из головной части

оленьей шкуры вместе с ушками (между ушками пришивают две узкие полоски светлого камуса с бахромой, изображающие рожки). На детском керкере между ног имеется разрез, прикрытый поясом-подвязкой (макы), один конец которого пришит к спинке, другой (свободный) закреплен спереди на талии веревками в обхват комбинезона. Такой покрой позволяет ребенку справлять нужду, не снимая одежды. Макы часто называют «чукотским памперсом»: вместо прокладки используют состриженную оленью шерсть, смешанную с сушеным мхом (витувит/макайръын).

Детский керкер шьют из августовских шкур оленя, макы выкраивают из ретэма. На керкер ребенка 7–8 лет подбирают шкуры двух оленей. Варежки пришивают к керкеру, оставив с внутренней стороны отверстие для рук. Растущему ребенку шьют новый керкер большего размера, а прежний может перейти следующему ребенку. В качестве оберега к детскому керкеру пришивают украшение (пенакальгин/пинекальхен) — ремешок из шкурки нерпёнкабелька, окрашенный ровдужный ремешок или полоска красной материи с нашитыми на него белыми и черными поперечными полосками из шкуры собаки.

Надевание керкера. Фото Е. В. Переваловой, 2017

Эльвира в керкере. Фото Т. Киссер, 2015

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА (ЧУКЧИ)

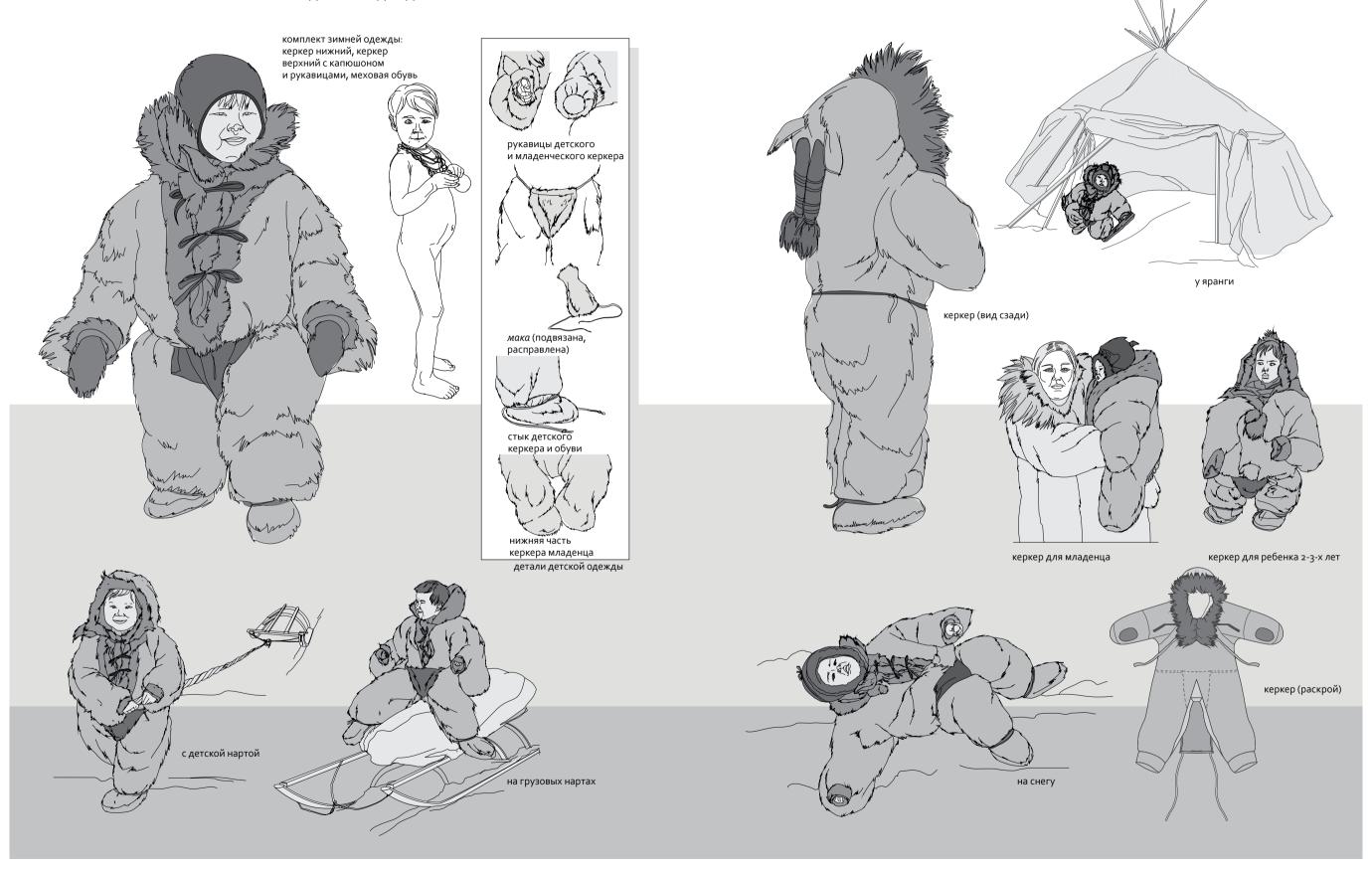

Рис. 30. Одежда чукотских оленеводов (дети)

ДВУСЛОЙНОСТЬ И КОМБИНИРОВАННОСТЬ

Меховое облачение чукчей-оленеводов всегда двухслойное: нижний слой ворсом вовнутрь и верхний ворсом наружу кроятся по одним лекалам, при надевании плотно прилегают друг к другу, что спасает от продувания и скопления конденсата между слоями шкур. Нижний слой одежды обычно шьют из мягких оленьих шкур, верхний — из толстых (зима) или особо прочных (межсезонье) шкур взрослого оленясамца, оленьего камуса, шкур нерпы и лахтака. В старые времена чукчи носили меховую одежду на голое тело.

Поддержание тепла достигается не только за счет двухслойности меховой одежды, но и благодаря регулированию движения. Свободный покрой одежды позволяет свободно двигаться и поддерживать температурный баланс, а строение оленьего волоса обеспечивает термоизоляцию (высокая гигроскопичность ости обеспечивает впитывание и удержание влаги при сохранении тепла). Чукотская меховая одежда с минимумов швов защищает от ветров и снега, одновременно давая возможность быстро ее снять и просушить, поскольку нижние и верхние слои не сшивают между собой, а обувь и рукавицы не пришивают к одежде.

В одежде чукчей-оленеводов преобладают оленьи шкуры, хотя они широко комбинируются со шкурами морских и пушных зверей. Августовский забой оленей — основной период заготовки шкур для верхней одежды и обуви, так как к этому времени телята успевают перелинять, и их шкура имеет мягкий и короткий ворс (шкуры взрослых животных идут в основном на постели). Оленеводы тщательно подбирают рисунок для одежды: особо ценятся шкуры белые и пестрые. На опушку и съемные шарфы идут волчьи и собачьи шкуры, роскошной считается опушка из шкуры росомахи, выдры и бобра. В старые времена бедняки использовали для пошива верхней одежды прочные и теплые собачьи шкуры. «Раньше на забое (в августе) подбирали рисунок шкуры для одежды, чтобы пятна были красивые. А опушки делали в основном собачьи. Собачья шкура теплая и очень мягкая» рассказывает О. В. Такы (Певек, 2017).

Особенно внимательно подбирают шкуры для пошива обуви. На каждый сезон полагается соответствующая обувь: из нерпичьих

шкур шерстью наружу или тонкого оленьего камуса с подошвой из кожи лахтака (морского зайца) — на весну и осень, из оленьего камуса и щеток с копыт оленя зимнего забоя на зиму, из нерпичьей шкуры или старых продымленных покрышек яранги — на лето (Богораз 1991:173, 182). В лахтачьих тоборках, поясняют чукчи, удобно подниматься на сопки, в щеточных — выпасать оленей, так как щетка регулирует скольжение. В лесной полосе обувь делали из прокопченных лосиных шкур. Чукотские, так называемые черные «голые» торбаса с высокими голенищами из скобленой нерпичьей кожи, пропитанные нерпичьим жиром, по наблюдению С.В. Обручева, были непромокаемы и легки, но подошва из лахтака очень тонка, поэтому «даже в тундре такие торбаса снашивались за десять дней» (1954:218). В советское время тоборки из шкур морских животных были вытеснены резиновой обувью. Чукотская обувь, как и одежда, двойная: ее носят с меховым чулком-чижом (ворсом внутрь) и травяными стельками. Для пошива летней обуви и чижей часто используют старый прокопченный ретэм, поскольку такая шкура меньше намокает и не гниет.

Повседневные чукотские одежда и обувь украшались довольно скромно, обычно геометрическим орнаментом (полосы, квадраты и прямоугольники, нередко расположенные в шахматном порядке, шевроны, треугольники, реже — ромбы, зигзаги, полуовалы, круги, розетки, Y-образные фигуры). Орнаментом украшалась одежда и другие изделия из кожи, при этом широко использовался белый олений волос (Историко-этнографический атлас Сибири 1961:370–371).

Нарядность одежды определялась качеством и выделкой меха. Предпочтение отдавалось пестрым и белым шкурам; красивым считался темный мех с легкой белой пестринкой. Старики и дети чаще носят одежду светлую с темными пятнами, молодежь — однотонную темную или со светлыми пятнами на темном фоне, взрослые мужчины и женщины — пегую, светлую или с голубизной (Вуквукай 2004:82). Для украшения обуви используют контрастное сочетание меха разного цвета. В такой одежде, считают оленеводы, человек вписан в окружающий ландшафт, соответствуя рисунку чукотской природы.

Хайма и Эльвира в зимней одежде. Фото Е. Переваловой, 2017

ШКУРА НА ПОШИВ

В швейный комплект чукотской женщины, помимо скребков и доски для выделки шкур, входят нож и доска для раскроя, игольница и сумка для хранения рукоделия. Когда женщина занята шитьем, швейную сумку она держит на постели или в посудной нарте. От макушки до подошвы одежда оленных чукчей выполнена из меха, поэтому женщины шьют постоянно. Основное время для шитья — лето, когда светло и мужчины уходят со стадом на летовку. На зиму остается пошив разной мелочи — рукавиц, чижей, шапок. Старые женщины до сих пор кроят шкуры без выкроек, держа «весь крой в голове». Раньше шили исключительно сухожильными нитями, сейчас используют фабричные. Шьют швом через край, прокалывая шкуры иголкой на себя (льхыгиннитэ — 'настоящий шов'). Есть еще «непромокаемый» шов, которым шьют торбаса из нерпичьей шкуры, протыкая шкуру с обеих сторон (выентыннгин — 'шов навстречу'). Раньше для прочности и красоты в швы прокладывали ткань или оленей волос. В зависимости от вида одежды варьирует размер стежка: средним по длине стежком шьют верхнюю одежду, мелким и плотным — торбаса. Швея О. В. Такы поясняет: «Девушек и молодых женщин позорили, если мужчины на корализации или гонках снимали верхнюю кухлянку, а стежки были широкие. Чем меньше стежок, тем более красивым считается изделие».

Значительное время занимает выделка шкур. Сначала их вывешивают на вешалах для просушки, затем очищают от жил, пленок и подкожной клетчатки ножом, после чего растягивают на земле, прижав края камнями или колышками. Для размягчения шкур и снятия мездры используют скребки и скобели. Лезвия скобелей делают из камня (круглого плоского сланца), изогнутую рукоять — из дерева. При обработке шкуру укладывают ворсом вниз на узкую длинную доску, которую зажимают между колен; скобель держат под углом обеими руками.

Шкура проходит несколько циклов дубления. Для смягчения шкур используют разведенный до кашицы олений помет, человеческую мочу и мясной отвар. Перед выделкой высушенные шкуры смачивают водой или намазывают оленьим пометом, складывают пополам мездра к мездре и оставляют на ночь. Отлежавшиеся шкуры разминают ногами

(голыми пятками) и очищают скобелем. Толстые шкуры подвергают повторной обработке. Оленьи шкуры чукотской выделки тонкие и мягкие: «в старину чукотские мастерицы так выделывали шкуры, что они были не толще бумаги».

После выделки мездра шкур, предназначенных для пошива одежды и обуви, окрашивается. Самый ходовой краситель — кора ольхи (вирвир — 'краска'), которую заготавливают впрок: кустарник рубят, кору снимают и сушат. Высушенную кору измельчают и замачивают в воде с добавлением соды или уксуса и настаивают в тепле. Раньше для настоя коры использовали детскую или женскую мочу. Краску-кору втирают в мездру руками. Кора с ветровой стороны и со стороны солнца дает светлый коричневый цвет, кора с теневой стороны — красный. Чукчи считают, что окрашенная шкура красива («чем краснее, тем красивее»), более мягкая и износоустойчивая (не отсыревает, меньше намокает и вытирается).

Помимо ольховой краски шкуры красили глиной (охрой) и оленьими экскрементами. Летом, когда олень ест зелень, его фекалии приобретают зеленоватый цвет; их собирают и делают из них «жидкое тесто». Окрашенные таким способом шкуры имеют зеленовато-коричневый цвет. После окрашивания они вывешиваются для просушки в яранге, где продымляются над очагом в течение двух и более дней. Чем насыщеннее цвет одежды, тем искуснее считается мастерица.

Меховая одежда требует постоянного ухода: ежедневной сушки, поскольку мех быстро отсыревает, и своевременной починки, поскольку меховые изделия быстро изнашиваются и рвутся. Отсыревшая меховая одежда не защищает от холода и не сохраняет тепла. Мелкие предметы одежды сушат в помещении (в пологе или палатке), а одежду вымораживают, просушивают на холодном сухом ветру и выколачивают. Перед входом в помещение одежду и обувь тщательно оббивают колотушкой, которая неизменно лежит у входа и сопровождает хозяина на поясе или в нартах. «Пастух бежит за оленями, вспотеет и кухлянка намокает. Ее надо сразу выбивать. Выбился и ты сухой, влаги нет. У оленевода выбивалка всегда при себе. У мужчин она маленькая и легкая, сделана из оленьих рогов» — рассказывает А. Ф. Антылин.

Вирвир (кора ольхи для окрашивания шкур). Фото Д. Куканова, 2017

Шкуры на просушке. Фото А. Головнёва, 2014

«КРАЙ ЗЕМЛИ»

Полуостров Ямал расположен на севере Западной Сибири. С запада омывается Карским морем, с востока — Обской губой (одним из крупнейших морских заливов Российской Арктики). На севере от полуострова, через пролив Малыгина, находится остров Белый. Длина полуострова — 700 км, ширина — до 240 км; площадь около 122 тыс. км. Ландшафты полуострова представлены тундрой, на юге — лесотундрой. Ямал — царство вечной мерзлоты. Крупнейшие реки полуострова: Мордыяха, Нерутаяха и Юмбыдыяха (Юмбатаяха), Сядоръяха, Пыякояяха, Тиутей (Тиутей-Яха), Харасавэй, Сёяха (Мутная), Сёяха (Зелёная), Юрибей, Щучья, Тандоваяха (Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа 2004).

Ямал с ненецкого означает «край земли» (крайняя северная точка материковой части полуострова 30' с. ш.). У этого названия несколько измерений: на географических картах оно обозначает полуостров, а расширительно распространяется на весь Ямало-Ненецкий автономный округ. Ненцы-кочевники называют так самую северную часть полуострова (где кочует ненецкий род Ямал), сакральным центром которой является святилище Сиив мя (Семь чумов), посвященное богине Ямал-хада (старуха Края Земли). Подобная «растяжимость» характерна для ментальной карты кочевников, обладающей свойством трансфокации — представления объекта в различных приближениях.

С древности Ямал был перекрестком двух магистралей — широтной (по тундре и Арктике) и меридиональной (по тайге и Оби). Первая послужила коммуникационной основой формирования ненцев, вторая — хантов; в устье Оби эти магистрали пересекались, как показывает существовавшая на рубеже эр археологическая культура Усть-Полуй. Позднее по этим магистралям прошли два потока русской колонизации, новгородский (поморский) и московский, пересекшиеся в устье Оби, где встал острог Обдорск. Сюда же на исходе средневековья стремились охваченные колониальной лихорадкой европейцы, искавшие арктический северо-восточный ход в Индию и Китай через Ледовитый океан и реку Обь.

В силу своей протяженности полуостров представлялся коренным жителям обширной самостоятельной страной, обильной пастбищами для оленей и маршрутами кочевий для

оленеводов. Здесь мало мест, удобных для долговременной оседлости (почти все они расположены в лесотундре в устьях рек на южном побережье), зато множество богатых кормами угодий и обширное пространство для пастушеских маневров, что играет критически важную роль при периодически случающихся стихийных бедствиях. В этом смысле многозональная ямальская тундра, с ее южной кустарниковой, центральной холмистой и северной приморской областями, предоставляла своего рода гарантии маневренным оленеводам. При этом самые многооленные хозяйства кочевали на лето в самые отдаленные северные тундры, имея возможность, с одной стороны, обеспечить максимальный нагул стада, с другой — обеспечить свое независимое от государственной администрации существование и самоуправление. С давних пор сложилось представление, что на Ямале российская власть идет с юга, ненецкая — с севера.

Российское управление кочевниками-самоедами, состоявшее по большей части в сборе ясака, осуществлялось из Березова и Обдорска, и посредниками в контактах русских с тундровыми кочевниками выступали остяцкие (хантыйские) князья Тайшины. С 1866 г. в Обдорском крае существовали две самостоятельные инородные управы — остяцкая и самоедская, возглавляемые наследниками двух элитных туземных родов, остяков Тайшиных и самоедов Карачеев (из числа последних на должность главного самоедского старшины был избран Пайгол Нырмин). Если резиденция остяцкого князя располагалась близ русского села Обдорска, то самоедские старшины кочевали в тундре по всему Обдорскому краю. Впрочем, среди тундровых кочевников вскоре появилось по меньшей мере семь родов хантыйского происхождения, звавшихся по-ненецки хаби, что свидетельствует о привлекательности тундрового оленеводства в сравнении с традиционными для хантов лесными промыслами.

В советскую эпоху Обдорск, переименованный в Салехард (1933 г.), стал центром Ямальского (Ненецкого) национального округа — одного из трех северных округов СССР, для которых ненцы выступали титульным народом. Сегодня Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), расположенный в центре евразийской Арктики (площадь в 769 250 км²,

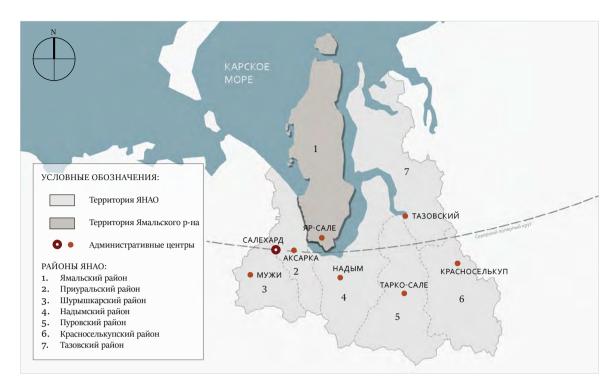

Рис. 31. Районы Ямало-Ненецкого автономного округа

плотность населения — 0,7 чел./км²) занимает ключевую позицию в циркумполярной коммуникации. Современными драйверами развития Ямала служат проекты промышленной разработки ресурсов, прежде всего углеводородных, и геостратегия обновленного освоения Российской Арктики, включая навигацию и коммуникацию по Северному морскому пути (не в последнюю очередь ввиду глобального потепления и ослабления ледовитости Карского и других арктических морей) (Головнёв и др. 2016:12–13).

У Ямала два мировых бренда — кладовая газа и центр оленеводства. Поголовье домашних северных оленей, по данным на 2011 г., составляло 665,17 тыс. (всего в РФ насчитывалось 1570,99 тыс. оленей), в то время как мировое поголовье определялось приблизительно в 1,8 млн голов (Клоков 2012:253, 260-261). 63,3 % сельскохозяйственных земель Ямало-Ненецкого автономного округа занято оленьими пастбищами. Оленеемкость пастбищ составляет 365 тыс. голов, т. е. выпасаемое поголовье оленей в несколько раз превышает расчетную оленеемкость (Богданов и др. 2012:141-144). В 2016 г. в целях сохранения ямальского оленеводства был принят региональный закон «Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе», направленный на сбалансированное развитие отрасли в условиях активного промышленного развития и рыночной экономики. Закон вводит регулируемые нормы содержания поголовья оленей с учетом «оленеёмкости тундры» (пастбищ), создает условия для увеличения объема производства и перехода на использование современных инновационных технологий, а главное — закрепляет понятие «частное оленеводческое хозяйство», что дает трем тысячам оленеводов-частников официальный статус (на Ямале более 350 тыс. оленей принадлежат частным лицам, которые дают 25 % объема оленеводческой продукции).

По своей позиции в циркумполярной зоне Евразии Ямал выделяется, с одной стороны, культурной самобытностью кочевников-оленеводов ненцев, с другой — включенностью в российскую и мировую ресурсную экономику. Исторически это обусловлено огромной протяженностью ямальской тундры, освоенной только благодаря оленеводству и доныне остающейся страной оленей и оленеводов. В то же время Ямал относительно близок к промышленным центрам России и досягаем по арктическому морскому ходу, в связи с чем здесь возможно строительство нефтегазопроводов и использование морской транспортировки углеводородов. Нигде столь ярко, как на Ямале, не выражен контраст традиций и новаций, в конкурентном развитии и взаимодействии которых очевидны преимущества технологий мобильности.

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС

Открытие и разработка месторождений газа и нефти на Ямале в конце прошлого века существенно изменили систему оленеводства и движения кочевников. На полуострове Ямал открыты 32 месторождения углеводородов, суммарные запасы которых оцениваются в 26,5 трлн куб. м газа, 1,6 млрд тонн газового конденсата, 300 млн тонн нефти. Здесь сформировались Бованенковская, Тамбейская и Южная промышленные зоны с растущей транспортной и поселенческой инфраструктурой. С «большой землей» их связывают авиарейсы, морской транспорт, газопроводы, автодороги, железная дорога Обская-Бованенково, которая превратилась в главную транспортно-инфраструктурную магистраль Ямала.

Значительная часть железной дороги Обская-Бованенково проходит по водоразделу Карского и Обского бассейнов — хребту Хой — главной дороге ямальских кочевников, по которой они со стадами оленей мигрируют (каслают) от границ леса до морских берегов. (Специфика ямальской геоморфологии заключается в том, что самыми удобными для передвижения являются высокие участки тундр, тяготеющие к срединной возвышенной части полуострова). Однопутная неэлектрифицированная железная дорога Обская-Бованенково ныне включает 8 станций (Паюта, Бованенково, Карская и др.), 15 разъездов и 70 мостов, в том числе уникальный (самый длинный в мире за полярным кругом) мост через пойму р. Юрибей протяженностью 3,9 км и общей массой более 30 тыс. т. Она обеспечивает круглогодичную и всепогодную доставку грузов и персонала на месторождения Ямала и трансъямальскую коммуникацию, играя роль связующего основания ямальского промышленного мегапроекта. По конфигурации и функции железная дорога напоминает кочевую дорогу ненцев-оленеводов — обе магистрали служат основаниями своих производственно-экономических систем. Пространственное пересечение и частичное совпадение двух магистралей показывает, что оленеводческий и промышленный комплексы, при всех их различиях, накладываются друг на друга «хребтами». Это обстоятельство актуализирует вопрос об их конкуренции и сосуществовании. В «диалоге магистралей» по существу решается вопрос о возможности или

невозможности их сосуществования (Головнёв и др. 2014:20–23).

Вахтовики, занятые в газодобыче, располагаются в основном в трех крупных вахтовых поселках — Бованенково, Харасавэй и Сабетта; число вахтовиков на Ямале не поддается точному исчислению, но оно существенно превышает количество постоянных жителей. Вахтовый поселок Бованенково рассчитан на проживание 5-6 тыс. чел., обслуживающих Бованенковское месторождение, газопровод и аэропорт (для легкой и тяжелой авиации). В 110 км от него, на Карском берегу, находится вахтовый поселок Харасавей на 1 тыс. чел., обслуживающих Харасавэйское месторождение. морской порт Харасавэй; здесь же расположена воинская часть погранзоны. На восточном берегу полуострова Ямал вырос новый вахтовый поселок Сабетта, рассчитанный на проживание 6 тыс. чел., обслуживающих Южно-Тамбейское газоконденсатное месторождение, морской грузовой порт Сабетта и аэропорт. На строительстве железной дороги Обская-Бованенково задействовано около 7,5 тыс. чел.; на ее 8 станциях и 15 разъездах занято около 800 рабочих и сотрудников. В целом численность вахтовиков на Ямале колеблется сезонно от 6 до 14 тыс. чел. В обозримой перспективе «промышленный контингент» на Ямале может вырасти вдвое, достигнув 30 тыс. чел.

Развитие газодобычи на Ямале не просто создало альтернативу прежним приоритетам кочевой оленеводческой экономике, включая добычу рыбы и пушнины (прибыльная некогда пушнодобыча ныне пришла в упадок, и в какой-то мере ее товарная роль перешла к заготовкам пантов), но и заметно их превзошло. В Ямало-Ненецком округе сосредоточено 22 % мировых разведанных запасов газа и 85 % добычи природного газа в России. Промышленно-транспортное освоение Ямала создало новую конфигурацию путей и селений, к которой в очередной раз адаптируется оленеводство. В этой адаптации сочетаются эффекты прямого и опосредованного действия. Первые включают последствия непосредственного воздействия индустрии на жизнедеятельность коренного населения. К ним относятся отчуждение пастбищ, загрязнение среды, отвлечение оленеводов от их основных занятий (в том числе изменение маршрутов

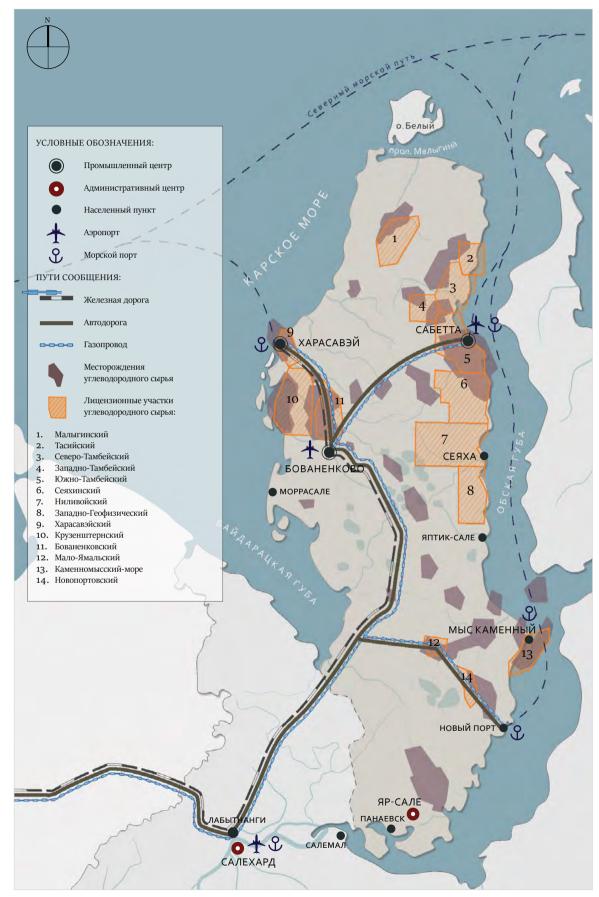

Рис. 32. Инфраструктура ямальской газонефтедобычи

Промбаза Бованенково. Ямал. Фото И. Абрамова, 2013

и ритма кочевий). При оленеемкости в 110 тыс. оленей ямальские пастбища уже много лет несут нагрузку вдвое большего стада (достигающего в отдельные годы 300 тыс.). Впрочем, развитие индустрии открывает новые возможности реализации продукции оленеводства благодаря появлению прямо в тундре рынков сбыта, а также строительству коралей, факторий и забойных пунктов, оснащенных современными технологиями заготовки, хранения и переработки сырья.

Второе подразумевает воздействия не столько материального, сколько ментального свойства, которые обобщенно можно назвать соблазнами оседлости. Самый очевидный из них — компенсационное строительство благоустроенного жилья для оленеводов в поселках. Ныне почти все оленеводы имеют квартиры, в которых сами останавливаются при посещении поселков несколько раз в год и предоставляют их в распоряжение родственников, в том числе учащейся молодежи. Тем самым среди молодежи приоритет кочевья постепенно замещается ценностями оседлости, а пристрастие к технологиям

оленеводства уступает место hi-tech привязанностям. К числу «соблазнов» относится и перспектива (не в последнюю очередь за счет дотаций Газпрома) переоснащения оленеводов новыми средствами транспорта и навигации, что чревато снижением уровня традиционной транспортной культуры ненцев-оленеводов. Сегодня самые сложные маневры кочевий сбора оленей нередко выполняются уже не на упряжках, а на снегоходах.

«Энергетическая стратегия России на период до 2030 года», утвержденная 13 ноября 2009 г. распоряжением № 1715-р Правительства России, определяет Ямал главной ресурсной базой по стабилизации и наращиванию добычи газа в долгосрочной перспективе. Не исключено, что новые открытия углеводородных ресурсов в Арктике (например, гигантского месторождения сверхлегкой нефти «Победа» в Карском море), а также технологические инновации и геополитические тренды внесут коррективы в энергетическую стратегию России, но в любом сценарии освоение недр Ямала сохранит свою значимость и динамику.

Ненецкое стойбище. Фото А. Головнёва, 2013

НЕНЦЫ-ОЛЕНЕВОДЫ

Ненцы (в прошлом самоеды) — самый крупный из коренных малочисленных народов Севера России. Они широко расселены по тундрам Евразии от Белого моря до Таймыра. Динамика численности последних лет показывает их устойчивый демографический рост, со среднегодовым приростом в 1 %: в 1989 г. их было 34 190, в 2002 — 41 302, в 2010 — 44 640. Больше половины ненцев живет ныне в Ямало-Ненецком автономном округе — 29 772, из них около 10 тыс. — в Ямальском районе (на п-ове Ямал). Примерно 40 % ямальских ненцев занимаются оленеводством и ведут кочевой образ жизни.

Ненцы — исконные обитатели Арктики, и их культура вобрала в себя технологии многовековой адаптации к условиям тундры. Популярная в прошлом версия о недавнем приходе ненцев на север с Алтая и Саян лишена сколько-нибудь серьезных научных оснований (см. подробнее: Головнёв 2004). Предки ненцев действительно пришли на север с юга, но случилось это не в средние века (как полагают сторонники южносибирской гипотезы происхождения ненцев), а в палеолите, вслед за отступающим ледником, когда шло первоначальное заселение человеком Арктики. Южносибирская гипотеза породила археологический парадокс: на юге древнененецких памятников не обнаружено, а те, что открыты на севере, приписываются не ненцам. Самый крупный из коренных народов Российской Арктики остался без археологии, что, впрочем, долгие годы не смущало исследователей. Лишь недавно, благодаря раскопкам на Ямале и критическому анализу южносибирской концепции, появилась возможность проследить этапы развития древнененецкой культуры на Уральском Севере (Головнёв 1998; Фёдорова 2000).

Эта позиция важна для понимания ненецкого оленеводства и кочевой традиции: в южносибирской версии ненцы-оленеводы оказываются переносчиками степного опыта в тундру, а не создателями арктических технологий; северная версия, напротив, предполагает самостоятельное становление ненецкого оленеводства и развитие кочевых технологий в Арктике. Гипотеза северного происхождения ненецкого оленеводства допускает автономное формирование скандинавского, саяно-алтайского и чукотского очагов оленеводства.

Аргументами автохтонного арктического происхождения ненецкой кочевой традиции служат не только археологические находки деталей упряжи на Усть-Полуе, Ярте и Тиутей-Сале, но и этнографические свидетельства самобытной и уникальной культуры оленеводства и номадизма, включая технологии выпаса, кочевания, разведения и дрессуры оленей и оленегонных собак (породы ненецкой лайки), изготовления и использования мобильных средств передвижения, жилищ, одежды, пищи и т. д. Эта обширная и целостная система адаптации и жизнедеятельности не привнесена извне недавними мигрантами, а сложилась в течение сотен поколений на местной арктической основе.

Ненецкая кочевая мобильность является прямой проекцией природной динамики Арктики с ее стремительными приливами и отливами жизни. Тундровый биоценоз отличается от таежного резкими сезонными колебаниями и значительными пространственными перемещениями; в этом смысле время в тундре не течет на одном месте, а будто мигрирует по пространству и преображает его. Тем самым слитность пространства-времени, характерная для культуры тундровых кочевников, заимствована у природы. В тайге существуют сложные и устойчивые ценозные цепи, в которые встраивается человек, и промысловая лесная культура (например, манси и хантов) настроена на освоение ресурсов локальной природной ниши в ритмах поведения разных видов рыб, зверей, птиц, растений. В тундре с ее сезонными перепадами жизни возможно либо эпизодическое потребление мигрирующих биоресурсов, либо следование за ними.

Ненецкое оленеводство представляет собой вариант адаптации культуры человека к натуре оленя, сложение симбиоза-в-движении. История ненецкого оленеводства включает несколько этапов, различающихся по технологиям взаимодействия человека и оленя (иногда трудно определить, насколько в этом симбиозе олень одомашнен, а человек «оболенен»). Ненецкая культура — изначально оленная, начиная с тех времен, когда предки ненцев охотились на дикого оленя в тундре и тайге Северного Урала. Здесь и возник первоначальный очаг ненецкого оленеводства, существовавший наряду с другими центрами

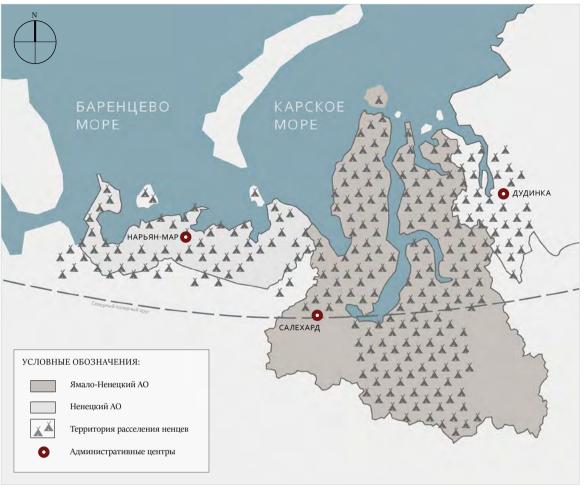

Рис. 33. Территория расселения ненцев

евразийского оленеводства (саянским, скандинавским, чукотским). Самые ранние опыты приручения оленя имели отношение не столько к хозяйству, сколько к шаманскому искусству: как свидетельствует фольклор, шаманский олень-спутник был и участником священных ритуалов, и источником сакральных знаний, и боевым оружием; в сказаниях олень-спутник возносит шамана в небеса, сопровождает его прижизненно и посмертно, топчет и бодает его врагов. Затем прирученный олень приобрел значение транспорта, ценного товара, средства ведения войн и власти (Головнёв 1989; 2004:71–94).

Главным очагом накопления оленей и последующей экспансии оленеводов стал Северный Урал — земля Каменных самоедов, прежде всего их коренного рода Харючи (в архивных источниках Карачеи, Карачейский род). Части этого рода под красноречивыми названиями Нокатэтта ('Многооленные') или Сэротэтта ('Белооленные') проложили кочевья от границы тайги до арктических берегов,

от Таймыра до Большеземельской тундры. Кочевники-самоеды Карачеи повсюду воевали и торговали. Нередко они совершали набеги на русские остроги и таежные селения соседей. Миграции Каменных самоедов XVI–XVIII вв. привели к заполнению тундры сплошным полотном кочевий и унификации ненецкой культуры, в том числе к распространению в тундрах единого диалекта (Головнёв 2004:36, 91, 92).

Радикальным сдвигом стала «оленеводческая революция», прокатившаяся в XVII—XVIII вв. по всей Северной Евразии и превратившая охотников на дикого оленя в оленеводов. Причины этой революции И. И. Крупник видит в похолодании климата, способствовавшем бурному росту поголовья домашних стад (Krupnik 1993:165–169). На наш взгляд, решающую роль в этом преобразовании сыграла российская колонизация, вызвавшая рост миграционной подвижности, тундровые войны, захват оленьих стад и «бегство в оленеводы» (отход в отдаленные тундры ради сохранения независимости) (Головнёв 2015а).

Бригадир Сергей Хороля (бригада № 2). Ярсалинская тундра. Фото Е. Переваловой, 2014

Позднее оленеводство стало крупностадным и превратилось в основу тундровой экономики. Таким образом, в развитии ненецкого оленеводства обнаруживается три различных этапа: (1) военно-торговая активность, когда оленеводы использовали оленей как товар и транспорт (в том числе военный); (2) автономное кочевание, когда, избегая колониального давления, оленеводы осваивали отдаленные тундры и наращивали поголовье стад для обеспечения независимости; (3) пастушество, когда северное оленеводство стало главной отраслью тундровой экономики. В XX в. оленеводы пережили ряд радикальных советских преобразований, включая коллективизацию 1930-1950-х и кампанию перевода на оседлость 1960-х гг. Однако кочевая традиция в очередной раз успешно адаптировалась к новой административной системе.

Многие оленеводы сберегли небольшие частные стада оленей и сохранили наследственные права на использование участков пастбищных территорий; за порядковыми номерами совхозных бригад скрывались традиционные ненецкие родственно-соседские

объединения ңэсы, таңоч, ханинеда. На Ямале и Гыдане чиновники не имели легкого доступа к стойбищам ненцев, разбросанным по бескрайней тундре. Со своей стороны, пастухи-ненцы не позволяли чужакам глубоко проникать в технологию оленеводства и изобрели нехитрые приемы сбережения оленьих стад от чиновников. Одним из таких приемов было смешение государственных и частных стад: молодые оленеводы, зарегистрированные как колхозные пастухи, пасли государственные стада, а их старшие родственники, формально записанные в «пенсионеры» или «охотники», — частные. Два стада двигались бок о бок, и пастухи двух поколений согласованно регулировали их количество и качество исходя из собственных интересов.

Распад советской системы в 1990-е гг. разрушил систему государственного управления оленеводством. Еще недавно называвшееся одной из самых доходных отраслей хозяйства, оленеводство вдруг оказалось в списке убыточных производств. Единственным «оазисом» в стихии кризиса оказалась западносибирская тундра, где кочевники-ненцы сумели

У чума. Елена Алексеевна Сэротэтто (бригада № 17). Ярсалинская тундра. Фото Е. Переваловой. 2014

не только сохранить традиционный образ жизни, но и в очередной раз гибко адаптироваться к новым обстоятельствам. В 1990 г. на Ямале было 400 тыс. оленей, к 1995 г. их число превысило 500 тыс. Залогом стремительного роста ненецкого тундрового оленеводства в постсоветское время стали частные стада.

Ныне частное поголовье оленей в округе превышает общественное, и это преобладание растет: в начале 2015 г. общественных оленей было около 300 тыс., частных — 370 тыс. (всего 670 тыс.), в начале 2016 г. общественных — около 305 тыс., частных — 425 тыс. (всего более 730 тыс.). Правда, картину доминирования частников дают главным образом гыданские оленеводы: в Тазовском районе частное поголовье почти впятеро превышает общественное: на 2016 г. из 243 тыс. гыданских оленей было 194 тыс. частных и 47 тыс. общественных. В Ямальском районе успехи частников скромнее (точнее, сильнее позиции муниципальных оленеводческих предприятий): в начале 2015 г. из 235 тыс. оленей 153 тыс.

числилось в общественных стадах, 81 тыс. — в частных; в начале 2016 г. из 255 тыс. общественных было 159 тыс., частных — 94 тыс. (остальные отнесены к разряду «фермерских», тоже по существу частных).

Ненцы едва ли не первыми в России со свойственной кочевникам решимостью повернули в русло отношений частной собственности и рынка, используя собственный этнокультурный ресурс — оленеводство. Осознавая угрозы, которые несет ресурсно-промышленное освоение оленеводству, их традиционному укладу жизни и культуре, ямальские оленеводы видят во взаимодействии с ТЭК определенные перспективы (строительство поселков, льготы КМНС и др.) и понимают, что эти и другие проблемы им суждено решать в контакте с недропользователями. Они уже приобрели опыт сложного диалога с промышленниками, который сулит не только частные выгоды, но и перспективы совместных проектов, в том числе по оптимизации технологий освоения Арктики.

СИСТЕМА ОЛЕНЕВОДСТВА

Со времен своего становления (XVII-XVIII вв.) тундровое оленеводство представляло собой сложную систему, ядром которой были состоятельные оленеводы (тэта), кочевавшие со своими стадами в тысячу и более голов по плоской тундре Ямала от леса до моря. Их зимние кочевья располагались в лесотундре (на Хэнской стороне) или в южной тундре (на Ямальской стороне); весной караваны двигались на север по «хребту Ямала» (Хой) — возвышенному водоразделу Карского и Обского бассейнов — и на лето расходились веером на летние пастбища, а осенью по той же магистрали шла обратная миграция. Непременной фазой годичного цикла, покрывавшего до полутора тысяч километров, была зимняя ярмарка в Обдорске, на которой шла торговля пушниной, рыбой, оленями в обмен на муку и прочие пищевые продукты, оружие, металлические и другие привозные изделия.

Оленеводческое ядро (тундра Ямала) и торгово-промышленный узел (село Обдорск) были связаны не только экономическими, но и политико-административными узами, включавшими статусно-иерархические (в том числе ясачные) и партнерские отношения. Помимо тэта, часто выступавших в роли родовых вождей (ерв), оленеводством были заняты средне- и малооленные хозяйства, совершавшие менее протяженные миграции. Кроме того, из числа тундровиков составлялись сезонные промысловые группы охотников на пушного зверя и морского зверя, которые передавали своих оленей на выпас оленеводам, а сами сосредоточивались на промысле, сообразуя с его нуждами свои перемещения (например, зимуя в тундре). Полуавтономно вели себя и рыболовы, сезонно оседавшие на богатых угодьях лесотундры и тундры, обменивая свой улов на услуги пастухов (по выпасу их небольших стад). Многие оленеводы оставляли по ходу кочевий сезонные промысловые группы, подбирая их (с добычей) на обратном пути. Таким образом, тундровая оленеводческая система включала крупностадное ядро, связывавшее своими протяженными миграциями все пространство полуострова, и периферию, включавшую сателлитные группы малооленных пастухов, охотников и рыболовов. Вне связи с оленеводческим ядром периферийные группы не могли существовать; в свою очередь тундровое оленеводство нуждалось

во вспомогательных звеньях, дополнявших его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, а на отдельных этапах хозяйственного цикла — совместными усилиями и средствами; в кризисных ситуациях промысловые станы служили убежищем для разорившихся оленеводов. Согласно ценностным установкам, каждый «сидячий» тундровый промысловик стремился «подняться на каслание» (нарастить поголовье стада и сделаться пастухом), но в случае бедствия (эпизоотии, гололеда, волчьей потравы, лихоимства соседей) оленевод мог осесть на промысловых угодьях (Головнёв 1997).

В своей динамике и мобильности система ямальского оленеводства представляется не только трансформером, меняющим конфигурацию в пространстве-времени, но и матрицей, в которой отдельные ячейки заменяются или дополняются новыми. Например, в конце XIX в. она дополнилась неводным лесотундровым товарным рыболовством, а в XX в. — целым комплексом поселковых производств и служб. В советское время роль таких магистральных оленеводов стали играть совхозные бригады. Устойчивость и одновременно динамизм тундровой хозяйственной системе придают миграции оленеводов, охватывающие все пространство тундры от морского побережья до границ леса.

Впрочем, и карта миграций оленеводов может меняться, как это случилось после коллективизации и распределения пастбищ между совхозами. На закате советской власти ямальские тундры принадлежали трем совхозам с центрами в Яр-Сале, Панаевске и Сеяхе. Нарушение прежнего режима миграций и пастбищеоборота урезало диапазон маневров кочевников, особенно в периоды бедствий (эпизоотий, гололеда), когда приходится принимать экстраординарные решения и менять маршруты движения. Однако и в новой конфигурации нашлись свои выгоды: установление зон ответственности, оснащение каждой из трех тундр (ярсалинской, панаевской и сеяхинской) своим комплексом факторий, коралей, забойных пунктов и иных элементов инфраструктуры и коммуникаций. Общее поголовье оленей на Ямале (в Ямальском районе) выросло с 205 тыс. в 2000 г. до 250 тыс. в 2016 г. Их выпасом заняты 1 210 кочевых хозяйств (5 876 чел.).

Рис. 34. Инфраструктура ямальского оленеводства

ОПТИМАЛЬНОЕ СТАДО

Механизм трансформера преобразует натуру оленя в культуру оленевода. Важными характеристиками этого взаимодействия служат размер и состав стада. На интересах и настроениях оленеводов сказываются политико-административные установки. Например, в царское время богатство оленями было почетно, в советскую эпоху — опасно (хотя ненецким лидерам на Ямале удалось добиться от местной администрации разрешения содержать до 70-80 личных оленей на семью). Этих нескольких десятков оленей в советское время хватало для кочевания потому, что частные олени паслись вместе с колхозными/совхозными, и многие потребности (пищевые, транспортные, репродуктивные) удовлетворялись за счет смешанного частно-общественного менеджмента.

Расчет стада оленей, достаточного для кочевания, обычно сводится к рациональным вычислениям годичного расхода оленей на среднюю семью из пяти человек. При этом немаловажен мотив подобных вычислений. Например, на рубеже 1920-1930-х гг., когда проходила коллективизация, такие расчеты служили обоснованием раскулачивания тундровых лидеров оленеводства и замещения их государственно-колхозной системой управления. С этой поправкой следует воспринимать доводы председателя Красноярского отделения Комитета Севера И. М. Суслова, рассчитавшего размер стада, необходимого для удовлетворения основных нужд средней семьи: 40-50 оленей для тайги, 54 — для лесотундры, 130 — для тундры (Суслов 1930:29-35).

«Классовые» интересы по ограничению частного поголовья выразились и в расчетах П. Н. Вострякова и М. М. Броднева, определивших на рубеже 1950-1960-х гг. минимум поголовья для обеспечения средней тундровой семьи на Ямале в 200-250 оленей (Востряков, Броднев 1964). Как и в предыдущем случае, речь шла о «прожиточном минимуме» кочевника, складывающегося из учета транспортных быков, репродуктивных важенок, самцов-производителей, расхода в пищу, на меховую одежду и покрышки чума. Стандартное тундровое стадо состоит наполовину — из самок-важенок, на треть — из ездовых быков-кастратов; в этой пропорции оно реализует основные функции: транспортное и пище-сырьевое обеспечение кочевья (Клоков, Хрущёв 2004).

Недавно ненецкая писательница Нина Ядне составила свой расчет базовых потребностей кочевой семьи из 10 человек (муж, жена, шестеро детей, два старика), получив суммарный итог — 550-600 оленей (Ядне 2016). В ее расчетах сложились 100 хабтов (быков-кастратов) для транспорта, 120 важенок и 10 хоров (производителей) — на воспроизводство, 25 — в пищу, 60 — на сдачу, продажу и приобретение промышленных товаров, 50 — неприкосновенный запас (страховой фонд на случай болезней, гололеда и прочих невзгод), остальные (по мере необходимости) — на изготовление одежды и покрышек для чума (на четыре нюка уходит 100 шкур), приобретение и ремонт дорогостоящей современной техники, прежде всего снегоходов (импортный снегоход стоит

Минимум по-ненецки оказался вдвое выше минимума по-чиновничьи не только потому, что в расчет принята семья из 10, а не 5, членов. Хотя Н. Н. Ядне подчеркивает, что речь идет о «прожиточном минимуме», она включает в него оленей, приносимых в жертву на святилищах и кладбищах, предназначенных для угощения и одаривания гостей. С позиции формального учета все это — дань языческим предрассудкам и нерациональным обычаям гостеприимства. Однако в тундровой реальности эти обряды и обычаи неразрывны с оленеводством и образуют его ментально-социальную основу, генерирующую мотивы и ценности оленевода (к вышеназванным «иррациональным» позициям следует добавить свободно пасущихся и никуда не расходуемых 3-5 священных оленей, которые предназначены богам, и 2-3 менаруев, служащих украшением стада). В понимании ненцев стадо — не только цех по производству мяса и шкур, но и живой организм, который должен быть здоровым, сытым, красивым и угодным богам.

Н. Н. Ядне значительную долю (едва ли не половину) стада в 550 голов отписывает в расход на приобретение современной техники — снегоходов, электростанций, гаджетов. Это новое веяние в жизни тундровиков, преобразующее традиционное натуральное ненецкое оленеводство в товарное: покупка техники предполагает сбыт оленпродукции. Вместе с тем снегоходы и прочие современные технологии снижают значение

Стадо 8-й бригады на Я-Сале. Фото И. Абрамова, 2014

транспортного поголовья оленей и смещают акцент на наращивание маточного поголовья, поскольку высокий приплод обеспечивает рост сдачи/продажи оленины и приобретение транспортно-навигационной техники. Снегоходная техника (вкупе с другими современными технологиями коммуникации, ветеринарии, эффективного окарауливания) позволяет тундровикам быстро наращивать поголовье оленей. Ограничителем этого тренда выступает оленеемкость пастбищ Ямала, уже сегодня существенно (местами кратно) превышенная и предполагающая адекватную сберегающую экологию (ныне предлагаются различные меры по сокращению стад).

По мнению многих оленеводов, полутысячное стадо — рубеж между средним достатком и богатством: в прошлом оптимальным для выпаса и самообеспечения считалось стадо в 400–500 голов (Головнёв 1993:78–83). Меньшее поголовье вынуждает оленеводов к кооперации (особенно в летный «комарный» период), большее — к привлечению дополнительных сил (в том числе наемных работников). Свыше этого числа начинается категория

тэта (богатых оленщиков). До коллективизации доля тэта (владельцев крупных стад более 500 оленей) среди оленеводов Ямала была невелика — около 6 %, но они владели четвертью с лишним (27,5 %) всех оленей и играли стержневую роль в оленеводческой экономике (Волжанина 2012:139).

Итак, минимум оленей на кочевую семью — 200-250, оптимум — 300-400 (в зависимости от протяженности маршрута). Разумеется, как во многих сообществах, в тундре кочуют и вовсе безоленные пастухи-батраки, и богатые оленщики-тысячники. Подобная имущественная дифференциация более органична для кочевого общества, чем социалистическая уравниловка. Оленеводство не может быть исключительно мелкостадным. Выше уже шла речь о том, что система тундрового оленеводства устроена так, что среди тундровых кочевников должны быть крупные (магистральные) оленеводы, связывающие своими маршрутами и взаимоотношениями всю тундру. Они же несут основную ответственность за экологию тундры, регулирование миграций и пастбищеоборота.

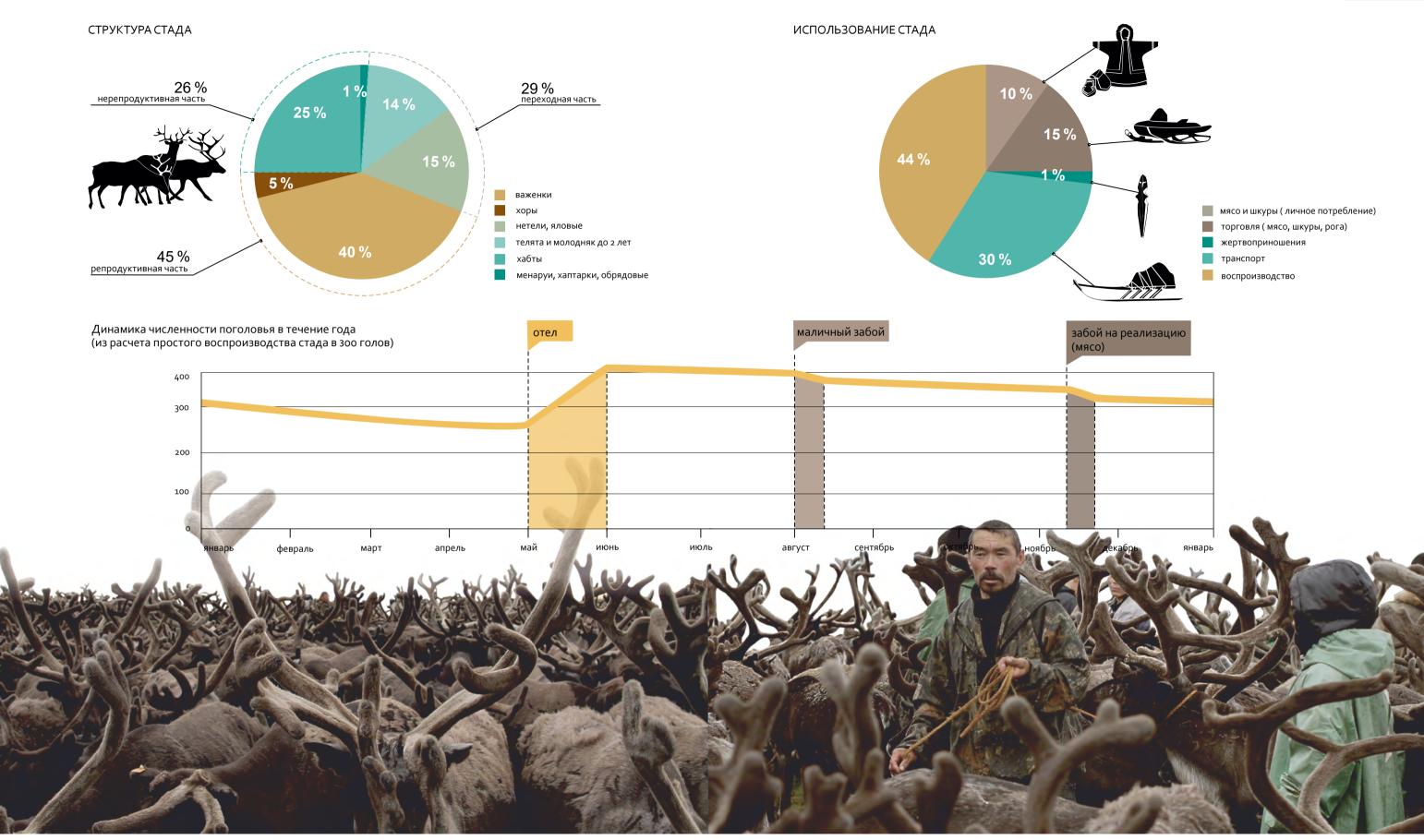

Рис. 35. Оптимальное стадо. Ямал

СЕТЬ МАРШРУТОВ

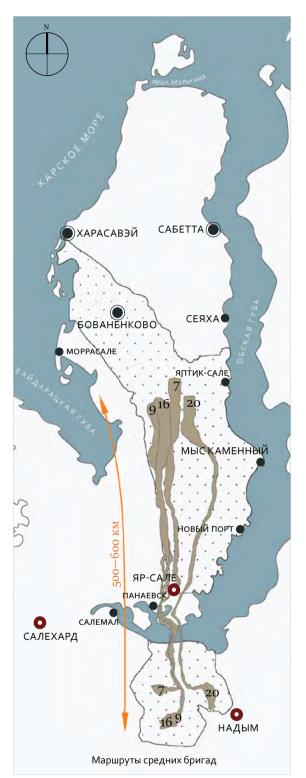
Оленеводы, приписанные к райцентру Яр-Сале, поселкам Сюнай-Сале и Новый Порт, составляют самую многочисленную группу кочующих хозяйств с 200 тыс. оленей — ядро современной оленеводческой системы Ямала. Это сообщество оленеводов «ярсалинской тундры» покрывает кочевьями львиную долю полуострова и образует его оленеводческую кочевую магистраль. Их маршруты протяженны, достигая в год до полутора тысяч километров, весной и осенью проходят близко друг к другу, создавая иногда (особенно в тумане и пурге) угрозу смешения стад. Для упорядочения движения стад их маршруты со времен совхозного оленеводства разделены на северные, средние и южные (ныне наследниками совхозов выступают муниципальные оленеводческие предприятия — МОП).

Восемнадцать бригад МОП «Ярсалинское» и частники соблюдают последовательность северные-средние-южные уже на старте весенних перекочевок, выходя на переправу через Обскую губу. В этом порядке они выстраиваются на День оленевода вокруг райцентра Яр-Сале, а затем снимаются со стойбищ и отправляются на каслание к отельным и летним пастбищам. Кочевья растягиваются по всему Ямалу и расходятся веером ближе к морским берегам. Пройдя по льду Юрибей, северные кочевья разделяются на левые севера́ (направляющиеся к Харасавэю и Карскому берегу) и правые севера (идущие в сторону Сё-яхи, к Обской губе). Средние занимают удобные пастбища в центре Ямала, южные после ухода северных и средних выбирают пастбища в южной тундре.

Северные бригады и частники — самые многооленные и мобильные. Их летние пастбища считаются самыми безопасными и удобными для нагула оленей (пастухи называют такие приморские пастбища с обилием корма и минимумом гнуса «оленеводческим раем»). Считается, что олени северных и южных стад по-разному держат маршрут: северные олени идут только вперед, не сворачивая в стороны (по словам пастухов, «их невозможно повернуть»), и они так спешат, что подгонять не надо, напротив, приходится «держать стадо с головы». Пока олени северного стада не дойдут до моря, их не остановить: «Пока он не увидит это море, он голову обратно не повернет». Впрочем, простояв всего

два-три августовских дня у моря и насытившись морской солью, стадо разворачивается в обратный путь. Средние и южные бригады по-своему решают проблему обилия гнуса на юге тундры, выбирая высокие холмистые, обдуваемые ветром места. Их преимущества состоят в обилии рыболовных угодий, в том

числе на озерах Яро-то и Нёй-то, досягаемости (независимо от капризов погоды) весенних отельных пастбищ. В целом бригады и частники образуют динамичную сеть кочевий, расходящуюся на летние и зимние пастбища, а в межсезонье сплетающуюся в поток касланий.

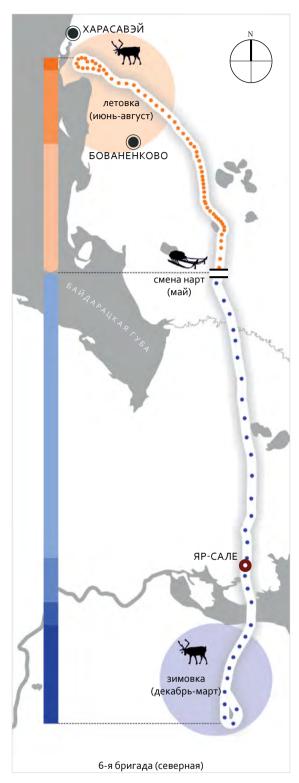

Рис. 36. Схемы миграций ярсалинских бригад

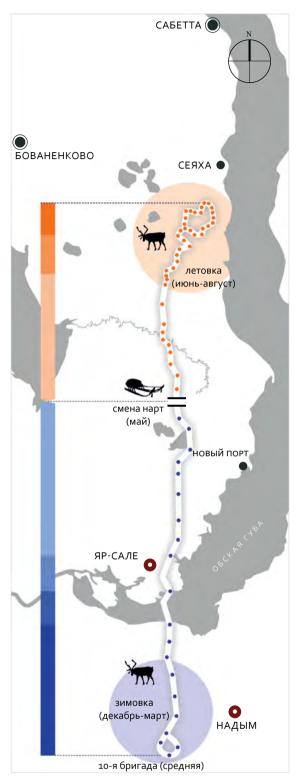
РИТМОГРАММА КОЧЕВИЙ

В течение года 17-я бригада совершает около 80 перекочевок (на маршруте общей протяженностью 700 км), 10-я бригада — 110 перекочевок (1300 км), 6-я — 120 (1500 км). В течение года кочевье от 80 до 120 раз превращается в стойбище. Зимой перекочевки редки, а стоянки длительны, и кочевье «отдыхает» (так о зимнем состоянии, несмотря на все его трудности, говорят оленеводы). Весной стоянки коротки, перекочевки стремительны и протяженны, кочевье движется к весенне-летним пастбищам; поздней весной стадо «телится» и резко снижает скорость движения, а летом спокойно «пасется» (это главный сезон нагула в году). Зимой средняя длительность стоянки в лесотундре — месяц (или полмесяца; иногда стойбище всю зиму стоит на одном месте), весной — 1-3 дня, летом и осенью — 3-5 дней. Длина перекочевки в среднем составляет 9 км (от 5 до 20) и зависит как от ситуации (перевалка через Обскую губу достигает 80 км), так и от режима окарауливания стада: ранней весной кочевье мчится на предельной скорости, делая «прыжки» по 20 км; поздней осенью оно следует за стадом (иногда при раздельном «бесчумном» выпасе с разделенным стадом), делая частые, но короткие перекочевки в 5-7 км.

Ритм в кочевье важен так же, как в музыке, но это не отсчет метронома и даже не пульс живого организма, а сложное сочетание биоэко-техноритмов, которые связаны в единую композицию. Ритм этот меняется в зависимости от сезона, маршрута, размера и состава стада, погоды и попутных событий, возраста и темперамента оленевода (к тому же сам по себе человеческий организм — «полиритмичная машина»). Оленевод наделен этим специфическим чувством ритма от рождения, и его отсутствие или замещение создает кочевнику дискомфорт в оседлом уюте. Жить в кочевом ритме означает мотивацию и программу желаний и действий на уровне врожденно-приобретенного инстинкта. Эта чувственно-рациональная программа исполняется в слитном пространстве-времени: путь к лету оказывается дорогой к морю, а зима приближается не только с падением температур, но и со сгущением леса. По традиции, рубежом между зимним и летним кочевьями служит точка сезонной смены караванов (на лето здесь остаются зимние нарты, на зиму — летние).

Эта точка достигается в нужное время в нужном месте; своевременность-уместность этого превращения обеспечивается ритмом кочевий. Способность к кочеванию определяется этим ритмом как поведенческой стратегией: кочевник не просто меняет стойбища, следуя за оленями, он выполняет этот цикл движений так

увлеченно и ответственно, словно в нем есть состязательный азарт, и его собственное предназначение немыслимо без этой гонки длиною в жизнь.

Рубеж смены нарт совпадает во времени с переходом от зимы к лету. В ненецкой традиции календарный год делится на год-зиму

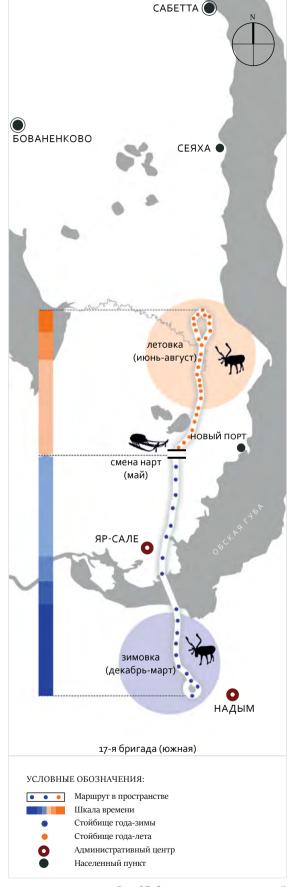

Рис. 37. Схемы годичных миграций

и год-лето, которые различаются настолько (по погоде, одежде, характеру передвижений и занятий), что считаются самостоятельными годами; оттого в старом ненецком времясчислении количество лет удваивалось. Этот рубеж в календаре называется по (букв. дверь) — так же, как год. Ритм кочевий и выпаса стада летом и зимой заметно варьируют по частоте, протяженности, ориентации на водоемы, учету направления и силы ветра.

В основе ненецкой кочевой традиции лежит принцип динамичной кооперации. Ненецкая семья, даже объединяясь с другими семьями, самостоятельно кочует, ведет хозяйство, совершает ритуалы. Она чередует состояния, называемые по-ненецки нарава (свободная, отдельная жизнь) и номдабава (жизнь в объединении). Семья может в любой момент, собрав своих оленей, откочевать прочь и, по мере надобности, присоединиться к другому стойбищу. Этика родственных и соседских отношений исключает хаотичные миграции и обеспечивает устойчивость стойбищных объединений; вместе с тем, серия сезонных объединений и разъединений составляет обычный цикл хозяйственного и социального взаимодействия.

Средняя семья оленеводов (из 5-6 человек, владеющая собственным чумом, караваном нарт и стадом оленей в 300-400 голов) начинает самостоятельную весеннюю миграцию от границы леса в тундру (слова нарава «весеннее кочевье» и нарава «отдельное кочевье» близки по звучанию и смыслу). На весенний период отела она объединяется с двумя-тремя другими семьями в стойбище (ңэсы; от ңэсянзь — «соединиться, сжаться»); затем, на комарный летний период, образует в составе двух-трех *ңэсы* «объединенное стойбище» (ноб' нэсурма). Осенью она покидает «объединенное стойбище» и, обычно в паре с другой семьей (maxa'ва — «направляющиеся в разные стороны» или тэраңу — «выделяющиеся»), кочует из северной тундры к зимним таежным пастбищам. В течение оленеводческого цикла отдельные члены семьи могут участвовать в промыслах линного гуся (летом на угодьях ябтарма), песца (осенью в составе группы ханинеда и зимой в облавной охоте таларава), рыбы (летом в составе группы халямгадабада). Кроме того, на разных этапах кочевания семья вступает в торгово-обменные отношения с морскими охотниками, стойбищами южнотундровых и лесотундровых рыболовов (таңоч, ёртяндер). В общей

сложности члены одной семьи в течение года оказываются непосредственными участниками семи-восьми различных хозяйственных объединений, вступают в торгово-обменные контакты с таким же количеством самостоятельных промысловых стойбищ, посещают многолюдные торжища (в далеком прошлом ярмарки, в последние десятилетия совхозные собрания оленеводов в поселках и на факториях). При этом ненецкая семья предпочитает взаимодействовать с другими семьями в стиле временной кооперации, а не постоянной зависимости.

Круг контактов семьи в течение года включает несколько десятков (принимая во внимание ярмарки и поселковые съезды) других семей. Этот круг настолько же постоянен, насколько устойчивы маршруты оленеводческих и промысловых миграций. Каждая семья образует свой социальный кластер — подвижную сеть контактов, растянутую между опорными точками кочевий: мядырма (место оленеводческого стойбища), ябтарма (место промысла линной дичи), носилава (место пушной охоты), ёлава (рыболовное место), тэмдолава (место торговли). Благодаря частичному совпадению и расхождению кластеров разных семей общество ненцев представляет собой социальную среду с гибкими связями и границами. Кластерная организация имеет свои узлы, где территориально и сезонно сходятся контакты многих семей: летние объединенные стойбища оленеводов и зимние ярмарочные съезды; с ними соотносятся наиболее значимые общественные ритуалы — зимний и летний «срединные дни», зимние гостевания и свадьбы.

На первый взгляд, ритм кочевья удобнее всего измерять стоянками (стойбищами), и тогда ритмограмма будет иметь вид тактов, в которых будет указана длительность статики, а перекочевки окажутся тактовыми чертами. Однако в кочевой традиции путь измеряется не стоянками, а собственно касланиями (перекочевками), и в этом варианте в такте будет длительность-протяженность перекочевки, а стоянки станут тактовыми чертами. Впрочем, те и другие состояния по-своему важны, поскольку стойбищная статика лишь по отношению к форме караванного движения выглядит остановкой, и на стойбище активируются иные формы динамики (например, женская мобильность, активация распакованных вещей и др.).

Стойбище. Ярсалинская тундра, 2017

Кочевье. Ярсалинская тундра, 2017

«МОРСКАЯ КОЧЕВКА»

Токча (Иван Пырьевич) Худи, 56 лет — частник, оленщик-тысячник (хозяин тысячного стада). Общая протяженность его годичного кочевого пути — 1 200 км. Его ненецкое имя-прозвище Токча означает «крылышко», и в шутку его называют «Крылышкин». Эта «птичья» ассоциация, вкупе с его небольшим ростом, усиливается при виде его необыкновенного проворства в действиях на стойбище и обращении с оленями. Все его движения — лов оленей, перетаскивание нарт, сбор упряжек — точны и непринужденны; кажется, они даются ему без малейших усилий. При взгляде на него понятно, почему в ненецком языке сата имеет два значения: «сильный» и «быстрый». Токча управляется со своим тысячным караваном, будто с одной упряжкой. Опыт «морской кочевки» с ним показывает, насколько эффективны в практике оленеводов быстрые решения и действия.

На стойбище Токчи два чума: его и Тимофея, его товарища (ня) по стойбищу и кочевью. В чуме Токчи две семьи — его (с женой и взрослой дочерью) и сына Андрея (с женой и малолетними детьми). В караване Токчи 22 нарты, у Тимофея вдвое меньше — 11. Кроме нарт в кочевье участвуют грузовые снегоходные нарты, груженые тяжестями вроде дров и заготовок для нарт.

Кочевья частников обычно состоят из ведущего и ведомого. Токча — ведущий, глава стойбища, *ңэсы ерв*), и взаимодействие в паре крайне важно. Когда каслающие вместе оленеводы подходят друг другу, о них говорят: *нопой енга* (в один шаг). Бывает, что соседи настолько расходятся по жизненным ритмам, привычкам спать и есть, что не могут вместе

Токча Худи, оленевод-частник. Фото А. Головнёва, 2016

кочевать. По словам Александра Сэротэтто, «если ты встал, чай попил, нарты перетянул (чтобы на новое место каслать), чум снял, а сосед еще в чуме — это плохо». В бригадах постоянно идет неформальное соревнование: кто быстрее снимет чум вслед за бригадиром; особенно внимательны к этому ритму «бригадирши», которые стараются соответствовать фольклорным эталонам, когда «женщина быстро снимает чум, будто просто проходит мимо него». У этого темпа есть свой рациональный резон: как говорят ненцы,

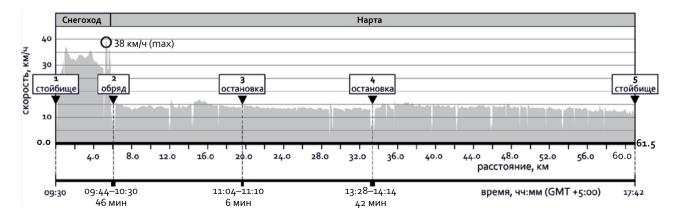

Рис. 38а. График скорости каслания Токчи. Фрагмент от точки 1 до точки 5 (28.03.2016)

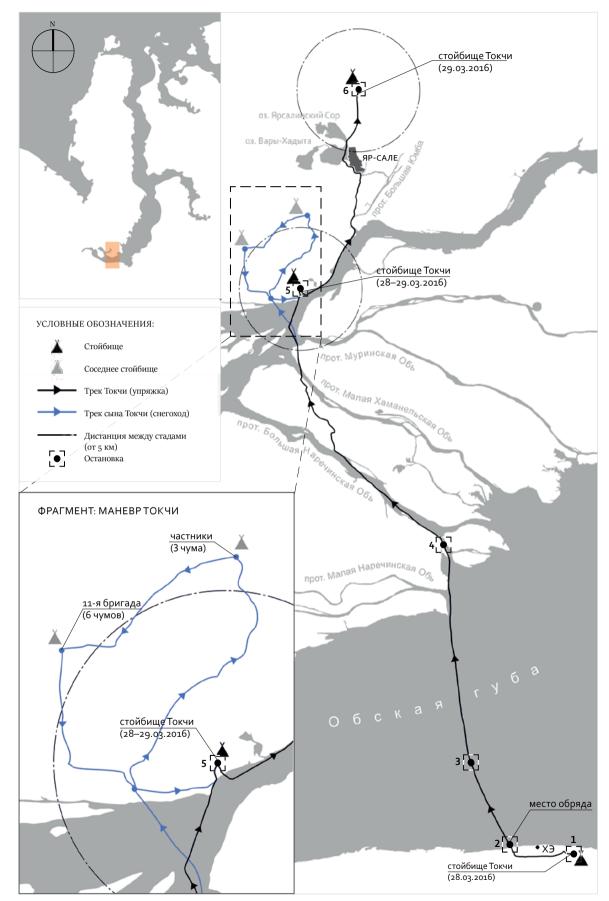

Рис. 38б. Трек перекочевки Токчи через Обскую губу

«если днем прикаслаешь на новое место, успеешь за дровами съездить в соседний лес, все будет удобно; а если вечером прикаслаешь, там ничего не видно, даже куда чум ставишь, руками все щупаешь».

Токча вел свой мюд (караван) быстро, но не загоняя оленей; при этом не останавливаясь на разговоры с проезжающими на снегоходах соседями (исключением было короткое священнодействие в честь духа вод при спуске на лед). Проезжавшие навстречу и попутно снегоходы с прицепленными к ним аргишами вызывали неодобрительную реакцию Токчи: он считает, что снегоходное каслание — «нечестное». Караван можно вести по-разному. Есть «ленивые караваны» (мюськова), есть быстрые каслания (сата мюсева). Токча миновал 60-километровое «море» всего за 8 часов (с остановками общей длительностью 2 часа). Перед его выездом на ямальский берег его сын Андрей едва успел провести снегоходную разведку берега.

Перекочевка через Обь рассчитывается так, чтобы выйти на свободный участок прибрежной тундры. Когда переваливал Токча (27 апреля), ямальский берег был уже занят северными бригадами и частниками, хотя, следуя правилам, они пользовались береговой полосой только для «подскока» (ночлега после перевалки), на следующий день отступая вглубь тундры. Выехавший на берег на снегоходе Андрей сразу увидел оленей по всему горизонту, отцепил грузовую нарту и налегке посетил ближайшие стойбища. Это были стоянки перекаславших накануне 11-й бригады (слева 6 чумов) и частники (3 чума). Последние оправдали свою медлительность (с отходом с береговой линии) тем, что у них «слабые олени», но согласились «убрать быков» (отогнать для прохода стада Токчи) и предложили «выпить кружку чаю». Андрей не промедлил ни минуты, отказался от чая и поспешил наперерез отцу, чтобы предупредить его о ситуации на берегу. Токча на ходу принял

Выход аргиша на акваторию Оби. Фото А. Головнёва, 2016

Прогон стада мимо Яр-Сале. Фото А. Головнёва, 2016

решение о смене курса и направился на ночлег на свободный остров Нагорный (все другие варианты грозили смешением стад).

Нагорный был свободен не случайно: это болотистая травянистая местность, почти лишенная ягеля. Выбирая место для стойбища, оленевод соскакивает с нарты или снегохода и первым делом зарывается в снег (иногда снаружи видны только его меховые кисы), раскапывает его до почвы и проверяет, есть ли ягель и зеленая трава, которую едят олени. Пригнав стадо, он наблюдает, зарылись ли олени мордами в снег. Если да, все в порядке: они едят, им нравится место; если они идут, значит, место им не нравится; если лежат, значит, место неплохое, они отдыхают и переваривают пищу; сочетание копания и лежания — отличная характеристика места (так на практике работает ты" ил — «оленье мышление» ненца). На Нагорном олени сразу разбрелись в поисках зелени под снегом, и Токча торопился со сном, чтобы раньше встать.

В тот же вечер к нему нагрянули гости из поселка — родня. Кажущееся несвоевременным гостевание, тем не менее, имело практический смысл: Токча получил из первых рук сведения о расположении уже переваливших на Ямал оленеводов; кроме сведений от родни он через звонки знакомым и знакомым знакомых уточнил состояние одного из предпочтительных для следующего стойбища места

поблизости от Яр-Сале. Это один из важных эпизодов сегодняшних отношений и связей в тундре. При появлении стойбища к нему немедленно едут родственники из поселка, и помимо угощений везут новости о диспозиции стойбищ. Обмен сведениями важен для выбора удобного стойбища (для поселковых дел) и последующих ходов.

Утром Токча собрал стойбище в аргиши и быстро двинулся в избранном направлении. Он вел караван и стадо прямо по зимнику (зимней дороге Яр-Сале-Салехард), и проезжающие машины испытывали затруднения с проездом (что ничуть не смущало Токчу). Мало того, он прогнал свое стадо чуть ли не по улицам райцентра — по очищенной грейдерами площадке для предстоящих праздничных гонок. Из комментариев Токчи и взглядов зевак было понятно, что это не совсем обычный вариант каслания, но Токча избрал его как ход на опережение, чтобы занять едва ли не последнюю удобную для стойбища позицию.

Выбор удобного стойбища поблизости от Яр-Сале дал Токче возможность не только полноценно поучаствовать в Дне оленевода, но и быстро завершить всякого рода дела в райцентре (закупка продуктов, оформление различных документов, разрешений, справок). Скоростные способности, вероятно, передаются по наследству: дочь Токчи Тоня — чемпионка женских гонок на оленях.

КОЧЕВОЙ МАНЕВР

Весенние и осенние миграции оленеводов по водораздельному хребту Ямала (Хой) — массовые и быстрые. Стада движутся весной на север с зимних пастбищ на летние, а осенью в обратном направлении, создавая своего рода тундровый трафик, в котором случаются пробки и аварии (смешения стад). Особенно напряженна пора начала весенних касланий после перевалки стад через Обскую губу и их скопления вокруг поселков (Яр-Сале и Панаевск) для участия в Дне оленевода, закупок продуктов и улаживания разных формальных дел. В конце марта — начале апреля в радиусе 20-30 км от поселков встают десятки стойбищ с десятками тысяч оленей, стараясь соблюдать дистанцию в 10 км от стойбища до стойбища, чтобы радиус вращения стада вокруг чума был не менее 5 км. К тому же стойбища стараются ставить в шахматном порядке для обеспечения максимального пространства для выпаса и окарауливания стад.

На время праздника строй стойбищ соответствует стартовому порядку кочевий. Крайние к северу (первыми на старте) позиции занимают северные бригады (и связанные с ними частники), которые раньше других перевалили Обскую губу; южнее встают средние бригады (и окружающие их частники); южные бригады остаются на это время на Хэнской стороне, за Обской губой, во избежание излишней сутолоки на ямальском берегу (оленеводы приезжают на праздник в поселок, но их стойбища и стада остаются на той стороне).

Скопление людей, гонки, состязания по борьбе и прыжкам, конкурсы нарядов вперемешку с рутинными делами, встречами, гуляниями (в том числе хмельными) — все это создает атмосферу праздника и одновременно напряжения. Оленеводы сравнивают этот «хаос» с состоянием коротких снов (по пять часов). По окончании праздника кочевая армада снимается со стойбищ и пускается в двухмесячную гонку, которую ненцы иногда сопоставляют с игрой в шахматы и в которой есть свои правила и отклонения.

Стартовые условия этой гонки-каслания заведомо различны. Северные не только имеют фору по расположению стойбищ, но и по повадкам и выучке оленей, которые, в отличие от относительно спокойных оленей средних и южных бригад, «сами прут» на север; их приходится не подгонять, а сдерживать (оленеводы называют этот прием «держать голову стада»). Между тем средние и южные могут уйти в сторону, особенно в туман или пургу (в 2015 г. отколовшиеся в тумане олени ушли

Лов оленей. Фото А. Головнёва, 2016

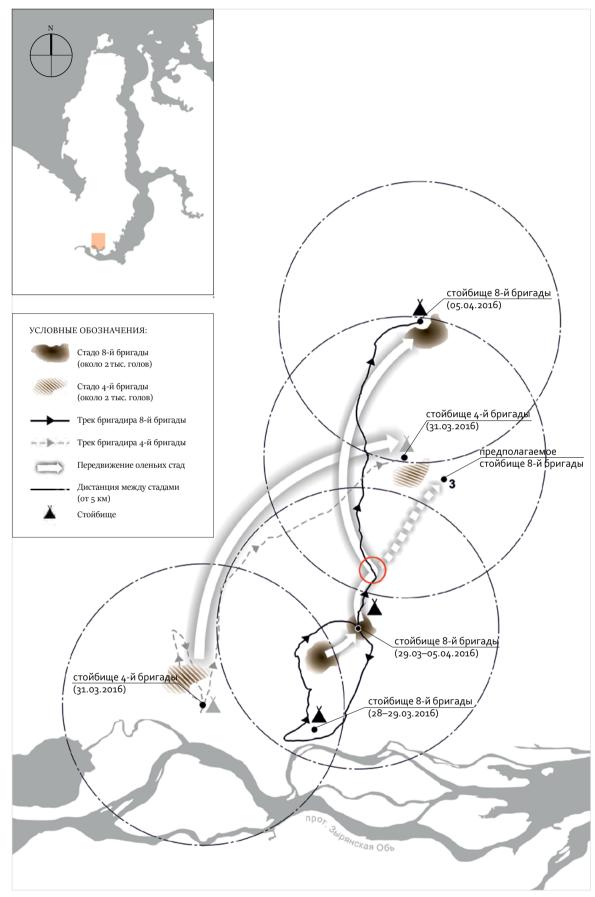

Рис. 39. Маневр 8-й бригады

Бригадир 8-й бригады Майко Сэротэтто. Фото Д. Куканова, 2016

от Яр-Сале до Нового Порта). Перед стартом в день первой перекочевки, с которой начинается большой ход, бригадир объезжает пройденное недавно пространство, поскольку там могли остаться или туда могли вернуться олени его стада. За неделю праздников олени могли разбрестись, особенно если их вспугнули (если оленей вспугнуть, они возвращаются туда, откуда только что пришли). Глава кочевья — в нашем примере бригадир 8-й бригады Майко Сэротэтто — делает большой круг по солнцу, вглядываясь в горизонт и одновременно внимательно следя за следами на снегу, нет ли следа отколовшейся и ушедшей в сторону группы оленей. Он совершает объезд на снегоходе, так быстрее и проворнее; но останавливается, глушит двигатель, вслушивается и всматривается в тундру. Бригадир замечает, где находится стадо, но проезжает мимо, возвращается на стойбище и направляет пастуха (тоже на снегоходе, хотя нередко это делается и на упряжке) пригнать стадо к стойбищу.

Когда стадо подходит к стойбищу, чумы уже собраны и уложены в нарты, аргиши выстроены рядами у темных чумовищ; к нартам остается только припрячь ездовых оленей. Бригада собирает ездовых оленей в коральный круг (ёркулава), хозяева распределяют их по аргишам и нартам. Караван 8-й бригады отправляется в путь, бригадир ведет длинную вереницу аргишей в сопровождении стада в направлении предполагаемой стоянки на расстояние около 6 км.

Однако по ходу к нему подъезжает высланный вперед разведчик на снегоходе, который сообщает, что по ходу аргиша обнаружились олени. Это означает, что кто-то из соседей по кочевью сделал ход-перекочевку раньше 8-й бригады и занял намеченное Майко для стойбища место или (как в данном случае) перегородил своим стадом ход на нужное место. Бригадир, не останавливая караван, закладывает левый «вираж» — в обход еще не показавшегося стада (когда оно появится на виду, может быть поздно, потому что стада движутся на сближение). Вскоре караван совершает остановку, чтобы дать возможность разведчику осмотреть новую траекторию во избежание иных нежелательных столкновений.

Вождение стад по тундре напоминает судоходную навигацию, когда по пути следования необходимо не только выполнять намеченный маршрут, но и учитывать множество обстоятельств, которые могут привести к «стадокрушению» — его столкновению и смешению с другими стадами.

Между бригадами успевают проскочить частники, среди которых есть *тэта* (оленщики, богатые оленеводы). За их передвижениями пристально следят, пропускают вперед и устремляются вслед. Идти впереди *тэта* или бригады мелкие частники не решаются, а маневрировать вокруг них принято так, чтобы «оленей не запутать и под бригаду не попасть».

Искусство ненца-оленевода состоит в маневре со стадом в «море оленей». Навигация среди множества стад, особенно в потоке массового кочевья по хребту Ямала, предполагает умение избегать столкновений с другими стадами и при этом не отставать (опоздавший идет по опустошенным пастбищам). Успешные маневры невозможны без поддержки родни и благорасположения соседей. В родственных и межродовых отношениях оленевод должен быть столь же виртуозен, как в обращении с арканом и упряжкой оленей.

Тундровые миграции напоминают, по словам самих оленеводов, игру в шахматы; эту ассоциацию усиливает ненецкое правило

движения: «Мы кочуем в шахматном порядке, чтобы не смешать оленей». Каждый «игрок» ведет свой аргиш по хребту Ямала, стремясь опередить соседей и первым занять лучшее пастбище. Однако постоянные ходы на опережение недопустимы, и лидер кочевья на время уступает инициативу соседу, чтобы иметь основания в нужный момент (например, при выходе на отельные пастбища) сделать критически важный опережающий ход. Традиция регламентирует попеременный выход в авангард кочевий разных бригад. В этих кочевых маневрах соединены понятия: табеко (правило, закон), тасламбава (переговоры), пировырма (конкуренция).

Упряжка бригадира. Фото Д. Куканова, 2016

КРУЖЕВНОЙ ДИЗАЙН ВЫПАСА

Ямал с его обширной низинной вытянутой от леса до моря тундрой задает сезонный ритм меридиональным миграциям оленеводов протяженностью до полутора тысяч километров с круглогодичным окарауливанием больших стад на оленьих упряжках с помощью собак-оленегонок. Столь масштабные перекочевки обусловлены нуждой в древостое и укрытии от ветров зимой и в северных приморских пастбищах летом, когда остальная тундра накрыта тучами комаров и оводов (удобную летнюю тундру называют «оленеводческим раем»).

Если миграционный ход по хребту Ямала напоминает гонку или шахматную игру. то летный выпас настроен, наоборот, на «ослабление вожжей» и свободный выпас: это время нагула стада на весь год, на летних пастбищах растут телята и набирают вес и силу взрослые олени. Судя по записям треков ямальских оленеводов, они выпасают стадо вокруг стойбища на площади радиусом около 5 км, каждый раз отгоняя оленей на новый участок, следующий по солнцу за предыдущим. Пастухи во время своего дежурства направляют стадо на ночь вдаль от стойбища, днем — к стойбищу. Следующий дежурный вновь отгоняет стадо километров на 5-7 от стойбища, но не точно в ту же сторону, куда они ходили прошлой ночью, а правее (по солнцу), причем возвращается стадо тоже не по своему следу, а еще чуть правее. Так возникает рисунок выпаса, напоминающий лепестки. Обычно таких лепестков вокруг стойбища оказывается 3-5, прежде чем стойбище снимется и перейдет на новое место, на расстояние 7–10 км. Вокруг нового стойбища стадо вновь начинает описывать петли-лепестки, затем бригада кочует на новое место, и снова пасет стадо вкруговую посолонь. В этой очередности образуется «лепестковый дизайн» движения стада.

В оленеводческом «кружеве» есть целый ряд дизайнерских находок. Во-первых, это надежный способ не сбиться с учета пройденных пастбищ, а в случае потери оленя (например, покалеченного или заболевшего) вернуться к нужному месту. Во-вторых, это удобный способ сочетания природных оснований и дополнительной дрессуры стада, которое кружит «по умолчанию» (кружение вообще заложено в этологических основаниях оленя). В-третьих, эта лепестковость

(или спиральность) — дизайнерски совершенная модель пространственно-временной слитности.

Наконец, главное достоинство этого стиля движения состоит в его экологичности. Стадо. даже крупное, в несколько тысяч голов, при таком вращении не травит пастбище, а сохраняет его по ненецкой пословице я пуна хаёда (земля после нас остается). Залог реализации этого правила состоит в постоянной динамике — не в численности стада и не в качестве растительности, а именно в динамичной и по-своему эстетичной манере выпаса. Если то же стадо остановится (например, надолго сгрудится вокруг чумов), оно «втопчется и вроется» в землю. Тогда с тундрой произойдет то, что передается другой ненецкой поговоркой: яда тахабэй (земля перевернута). По словам мастера оленеводства Сергея Сэротэтто, «когда у чума пасется большое стадо, начинается копытка». Токча Худи убежден: «Летом, чтобы олени не болели, нужно каслать через один-два дня: пастбище должно быть чистым». Нядма Худи замечает, что олени особенно страдают в жару, когда одолевают комары и оводы, нарастает угроза заражения «копыткой» (necrobacillesis) и «кашлем» (cephenomiosis). Заметив болезнь, бригадир немедленно отгоняет больных оленей в хвост стада или отправляет больной кусок в сопровождении пастушьего чума на отдельный выпас.

Этот «кружевной стиль» создает тот самый эффект движения, который мы считаем одним из основных принципов кочевых технологий: в статике стадо губит тундру, извлекая из подтаявшей мерзлоты болезнетворных бацилл, а в динамике проходит ее благополучно и экологично, будто на воздушной подушке. Не исключено, что отмечаемый ныне экологами рост песчаных обнажений и других экологических повреждений тундры — следствие не только и не столько большого числа оленей, сколько их недостаточно мобильного и искусного вождения. Сам по себе эффект перевыпаса может быть дополнительно изучен и проанализирован с позиции мобильности, а не только формальной статистики поголовья стад.

Этот же эффект следует иметь в виду при землеотводах, в том числе отчуждении территорий под промышленное освоение. На землеустроительных картах маршруты оленеводов

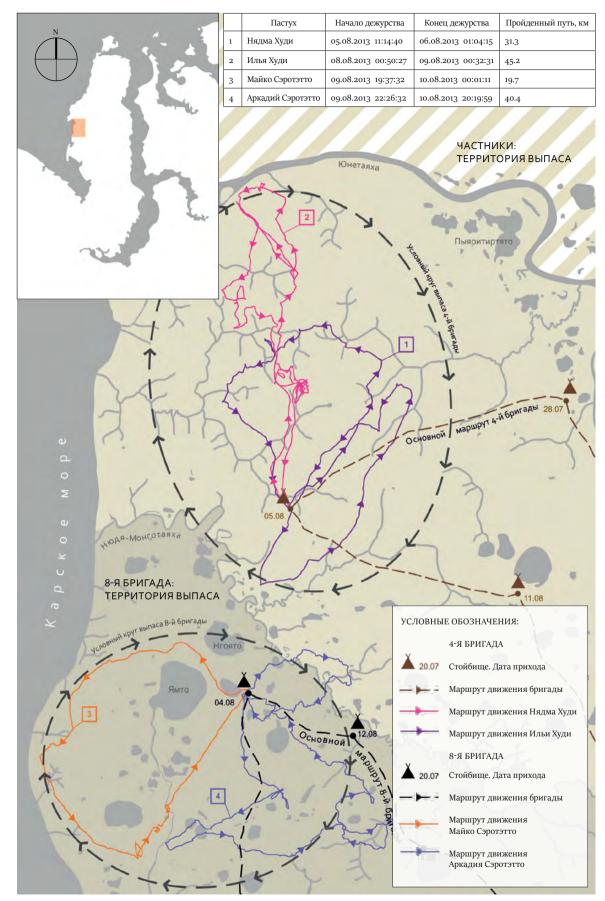

Рис. 40. Круги выпаса

прорисованы линиями. Как видно, в действительности кочевой путь — не линия, а кружево. Отвод и разграничение территорий без учета этого обстоятельства чреват потравой и истощением пастбищ.

Круговая система выпаса чем-то напоминает вращающийся маховик, который позволяет охватить большое пространство пастбищ и сберечь их кормовые ресурсы. Впрочем, этот маховик может столкнуться с подобным вращением соседнего стада, особенно в условиях тумана (пурги, гололеда, атаки волков, ошибки пастуха), что ощутимо нарушает ритм кочевий и выпаса. На «шахматной доске» кочевий многотысячное стадо представляет собой главную фигуру: оно движется быстрее мелких стад и его «маховик» охватывает огромные площади. Если большое стадо «накроет» оленей нерасторопного мелкого оленевода, ему предстоит либо трудоемкий отлов своих оленей в огромном стаде соседа, либо покорное следование за ним (Головнёв и др. 2014:32-50).

Выпас стада вокруг стойбища составляет значительную долю миграционного движения. На стойбищах кочевники как будто пребывают в фазах статике, но на самом деле они лишь меняют формы динамики. Стадо продолжает свое безостановочное брожение, но следует не по маршруту каслания, а по «лепестковому» кружеву выпаса вокруг стойбища. Оленеводы продолжают отчасти кочевать: один из пастухов каждый день выезжает караулить стадо, в течение суток следит за ним и движется с ним; если стойбище состоит из двух чумов (или одного чума с двумя семьями), то взрослые мужчины попеременно кочуют с оленями, лишь на время возвращаясь в чум. Этот ритм каждодневного отправления-возвращения обеспечивает не только смену пастухов, но и контакт людей с оленями (что важно во избежание «одичания» оленей), наблюдение за их упитанностью и здоровьем, ростом телят, состоянием шкур и рогов.

Контроль за движением этого «маховика» в динамике миграций и контактов составляет заботу главы кочевья (бригадира). Искусство тундровой навигации напоминает судовождение со своими специфическими лоциями, фарватером и мелями, но при этом ведомый караван не ограничен бортами; вернее, роль бортов играют регулярные рейды и дежурства караульщиков стада. Ведение стада по маршруту — навигационное искусство, предполагающее владение экологическими и социальными технологиями. Не случайно

трек бригадира обычно протяженнее трека рядового пастуха, поскольку он охватывает не только стадо, но и обширное пространство окрестностей. Именно бригадиру принадлежит право и ответственность поддерживать контакты и улаживать конфликты с соседями, встречаться и вести переговоры с ожидаемыми и непрошеными гостями (в том числе промышленниками и торговцами).

Бригадир может не только исправно выполнять свои обязанности и поддерживать традицию кочевания, но и проводить эксперименты, как это сделал Сергей Соокович Сэротэтто с технологией «бесчумного выпаса». Летом после отела стадо делится на две части — стада важенок с новорожденными телятами и остальных (ездовые быки, производители, прошлогодний приплод), которые пасутся отдельно: важенки в удобной пойме поодаль от стойбища, быки и прочие неподалеку от чумов. В летнее «комарное» время на пойме с утра до полудня туман, что создает благоприятные условия для роста оленят. К ним ежедневно выезжают два пастуха, причем дежурные меняются не в чуме, а в стаде. Трудозатраты на этот сложный выпас больше, но и эффект впечатляющий: например, стадо 8-й бригады за одно лето увеличилось с 2500 до 3900 голов, поскольку от 1500 важенок было получено и сохранено 1 400 телят (в отличие от обычных 60%). Впрочем, этот «сказочный приплод» (по выражению бригадира) требует соответствующей системы реализация продуктов оленеводства, во избежание кризиса перепроизводства, экологического дисбаланса и деградации пастбищ.

«Лепестковый дизайн» — в основном летний рисунок выпаса стада, хотя и в другие сезоны олени и оленеводы предпочитают круговое движение по солнцу; эта особенность отражена в обрядности ненцев, где для разного рода обходов и объездов задан вектор «посолонь», а обратное направление считается «болезнетворным» и «смертоносным». С учетом того, что лето — период максимальной нагрузки на пастбища, можно считать этот алгоритм движения экологически выверенным по ненецкому правилу я пуна хаёда. Важным принципом действия этого алгоритма является безостановочное движение стада, вернее, соблюдение излюбленного оленями ритма брожения-лежания оленей с долями (в зависимости от погоды, размера стада, внешних обстоятельств): «2 часа идут, 2 часа лежат», «1 час идут, 1 час лежат» и т. п.

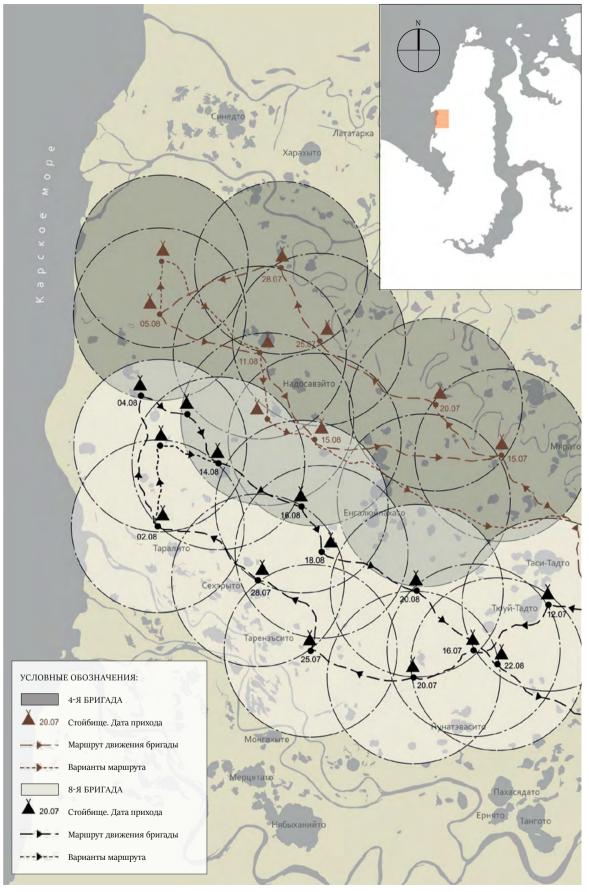

Рис. 41. Ареалы выпаса 4-й и 8-й бригад

КОЧЕВОЙ ТРАНСФОРМЕР

Что первично — кочевье или стойбище? — основной вопрос номадизма, который сами кочевники никогда не задают. Для них стойбище (ңэсы) и кочующий караван (мюд) — не два противоположных состояния, а ритм жизни. Для кочевника они неразделимы в их естественном чередовании: как караван немыслим без остановки, так и стойбище предполагает кочевье. Слова мю (кочевка) и мя (чум) созвучны, будто доли одного ритма.

В языке ненцев-кочевников, в отличие от языков оседлых народов (например, русском или английском), последним в предложении стоит непременно глагол. Скажем, выражение «по дороге движется караван» звучит по-ненецки сехэрэвна мюд миңа — букв. «по дороге караван движется». Так выглядит и жизненная динамика: у ненцев событие завершается не существительным-итогом, а глаголом-действием. Иначе говоря, движениедействие оказывается опорной категорией, если угодно состоянием по умолчанию. На бытовом уровне это заметно в том, что мужчина и женщина чувствуют себя уютно, в покое, если не бездельничают (это вызывает тревогу),

а выполняют какую-то работу (например, женщина шьет, мужчина строгает нарту). В жизненной онтологии картина примерно та же: у ненцев нет окончания движения в виде финального покоя, поскольку покойники тоже кочуют по своей потусторонней тундре; нет и исходного состояния вне каслания, поскольку младенец кочует уже в утробе матери (вместе с ней на женской нарте), а иногда рождается прямо в пути; в этом случае ему дают имя Мюсена (рожденный в кочевье, букв. «кочующий»).

Вся ненецкая культура — кочевой трансформер, перемещающийся в пространстве-времени и меняющий свой облик в разных ритмах и измерениях. В годичном цикле трансформация состоит в смене конфигурации тундровых кочевий от зимы к лету (зимой они сосредоточены в южной тундре и лесотундре, летом — рассредоточены по просторам тундры с захватом ее северных и приморских окраин). В точке перехода от лета к зиме, называемой по («дверь»; так же обозначается и весь год), происходит замена летнего снаряжения на зимнее; тем самым кочевье

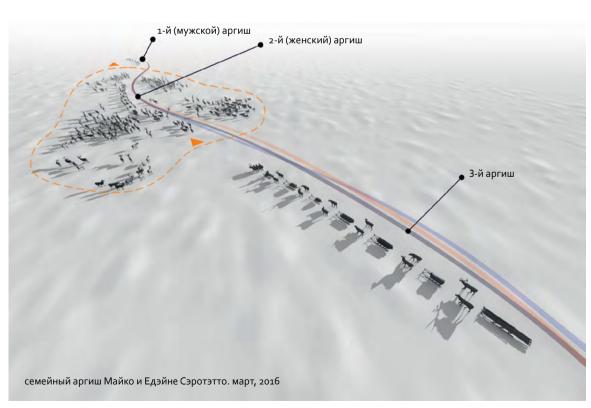
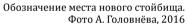

Рис. 42а. Движение семейного каравана

Аргиш в пути. Фото А. Роговой, 2014

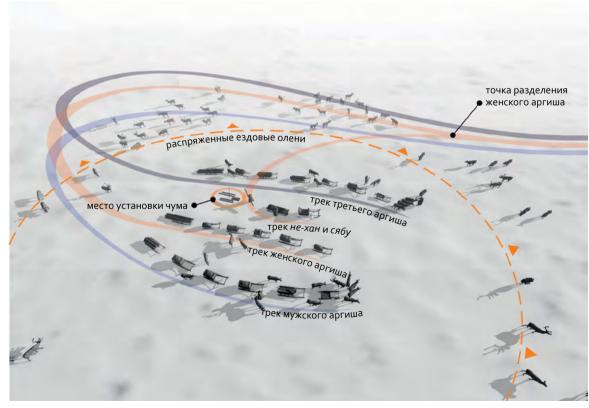

Рис. 426. Заворот каравана на новое стойбище

полностью переодевается и переоснащается. В повседневности самым очевидным выражением трансформера является превращение кочевья в стойбище и наоборот. Если принять за норму 120 перекочевок в год, то получится, что усредненный ритм этой трансформации равен двум долям стойбища и одной доле кочевья (два дня остановки, один день перекочевки), а полный пространственно-временной оборот стойбище-кочевье-стойбище составляет три дня. У малооленных и краткомаршрутных хозяйств этот ритм может составлять 5–7 дней. Кроме того, зимой ритм значительно (на порядок) замедлен — на это время приходится своего рода «сон кочевья».

Главным средством кочевья (не считая людей и оленей) является нарта (хан) и нартенный караван (мюд, аргиш), основным элементом стойбища — чум (мя), хотя нарты выполняют функции интерьера и на стойбище. Например, продуктовые нарты (няньхан, намзи-хан, ларь-хан) служат наружными хранилищами хлеба, мяса, рыбы и другой пищи, а нарты с одеждой и шкурами — удобной уличной кладовкой. Тем самым мюд никогда полностью не распаковывается; караванная упаковка продуктов и запасной одежды надежна и практична на стойбище (особенно

в ненастье), а по необходимости используемое в быту имущество может быть мобильно заменено и пополнено из стоящих вокруг чума нарт. Таким образом, интерьером стойбища можно считать не только чум, но и окружающие его нарты (остановленный и уютно расставленный обоз). Соответственно, распределение вещей по нартам имеет смысл не кратковременного перевоза, а постоянного хранения. Даже если нарта полностью освобождается от груза (например, с нуто снимаются чумовые шесты), она все равно «не расстается» со своим содержимым: нуто приставляется к чуму снаружи (со стороны си), подпирает шесты чума и служит то вешалом для сушки мяса или рыбы, то, в случае нужды, лестницей к верхушке чума.

Караван ведет глава (ерв) кочевья. Он первым выезжает со стойбища на запряженной четверкой или пятеркой оленей легковой нарте ңэдалёсь, за которой следуют мюд-хан (нарты обоза); эти нарты идут друг за другом; каждую тянет пара обозных оленей (мюд" ты). Собственный мюд главы кочевья включает несколько нарт: хэхэ-хан (священная нарта), пи-хан или пэхэрэй-хан (нарта с дровами), ңано-хан (нарта с лодкой — летом), поң-хан и яң-гу-хан (нарты с сетями и капканами), вандако

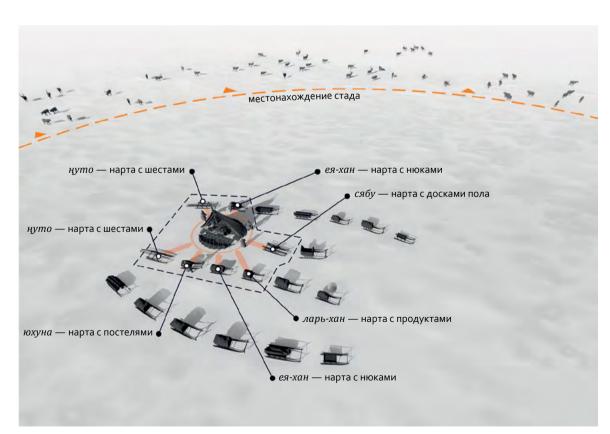
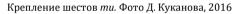

Рис. 42в. Распаковка нарт, установка чума

Заготовка дров для очага. Фото Е. Переваловой, 2014

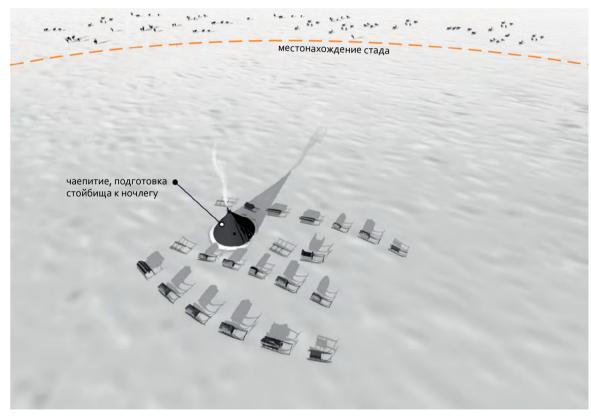

Рис. 42г. Отдых на стойбище (вечер)

(с провизией), хурумы (с инструментами и заготовками для нарт). За мюд главы семьи следуют аргиши взрослых членов семьи, состоящие из 6-9 грузовых нарт. Женский мюд начинается с крытой наподобие кибитки нехан (нарты для женщин и детей), за которой идут сябу или ся"мэй-хан («грязная» нарта для половых досок чума, циновок из прутьев, очажного листа и женской обуви), ларь-хан (для продуктов), намзи-хан (мясная нарта), юхуна (для постели, пологов и домашней одежды), еяхан (для верхних нюков), вандако (для одежды и шкур), ңуто (для шестов от чума, котлов и нижних нюков), иначе называемая ямб-хан (длинная нарта, с которой свисают шесты чумов). Общий мюд семьи может включать 4-5 аргишей, а общий семейный караван заметно удлиняется за счет того, что вместо одной нуто оказывается две, вместо одной вандако — три: нарка вандако (для верхней мужской и женской одежды), ер вандако (для выделанных шкур, меховых мешков, заготовок), нюдя вандако (для невыделанных шкур). Это зависит от того, какой чум кочует — большой (широкий, богатый) или иглоподобный (узкий, бедный).

Когда стойбище, состоящее из нескольких чумов, преобразуется в кочевье, нить каравана

растягивается от горизонта к горизонту, иногда на несколько километров. В этот момент возникает ассоциация кочевого трансформера с гигантской змеей, сворачивающейся в клубок на стойбище и разворачивающейся во всю длину в движении. Примечательно, что при перекочевке стадо не надо гнать — олени охотно пристраиваются к каравану и движутся вместе с ним. Кочевье оказывается самым органичным способом сосуществования и совместного движения людей и оленей.

Кочевье сжимается в стойбище так же впечатляюще быстро, как разворачивается. Глава кочевья втыкает свой хорей на месте нового стойбища, и тут же вслед за ним к месту стойбища подходят и в привычном порядке располагаются другие аргиши. Расстановка нарт на новом стойбище имеет свой порядок: куда бы ни направлялось кочевье, при остановке нарты ставятся носами на восход (иначе стоят только нарты покойников); кроме того, женские нарты (не-хан и сябу) не должны пересекать пространство си-няны (условная линия, идущая от очага к священному шесту симсы и далее на закат). Кстати, на каждой стоянке нарты непременно разворачиваются носами на восход. Аргиши с нартами, перевозящими чум — нуто (жерди) и ея-хан (верхние

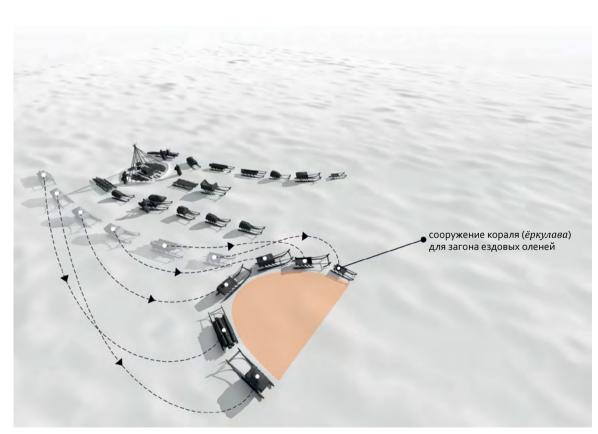

Рис. 42д. Подготовка стойбища к кочевью (утро)

Выбор упряжных оленей. Фото А. Головнёва, 2016

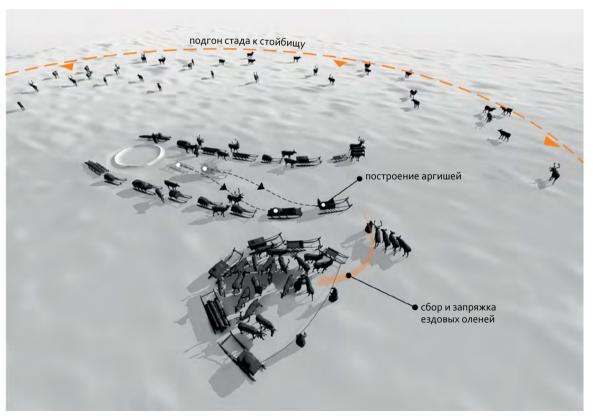

Рис. 42е. Преобразование стойбища в кочевье

нюки) — огибают место будущего чума с обеих сторон и останавливаются в нескольких шагах от окружности его основания.

У стойбища, как и у аргиша, есть свой эластичный, но устойчивый шаблон: независимо от частоты постановки на новом месте (до 120 раз в течение года) и от особенностей ландшафта (или с незначительной поправкой на ландшафт), оно, будто по трафарету, приобретает привычный облик и упорядоченную структуру. Все чумы выстроены легкой дугой, обращены входами на восход; все нарты сгруппированы в определенном порядке вокруг своих чумов и обращены носами в ту же сторону. Этой структурой все ненецкие стойбища похожи друг на друга, и только сами ненцы способны сразу уловить особенности внутреннего устройства различных стойбищ. От такой упругости и повторяемости форм создается впечатление, что «архитектура» стойбища привязана не к конкретной местности, а к условной тундровой подоснове, и больше ориентирована на большое пространство, в котором важны координаты восход-закат, чем на локальную нишу, в которой значимы склоны и водоемы. Иначе говоря, для тундрового стойбища важнее его место в цепочке кочевого пути, чем в точечном

локусе, и ненцы выбирают для стойбища место, максимально соответствующее заданному шаблону. Существенное значение для этого выбора (обычно повторяющегося на устойчивых маршрутах), помимо учета близости водоема, зарослей кустарника, ветрового и снежного режима, имеет обстановка взаимодействия людей и оленей: стойбище располагается на ровной возвышенной площадке для удобства обзора окрестностей и загона стада оленей (с учетом его величины).

Механизм кочевого трансформера работает ритмично и эффективно в тундровой экологической и социальной среде. В иной обстановке, или с изменением условий, он может давать сбои. Так происходит, когда тундровые ненцы перегоняют стадо по тайге или в «индустриальных джунглях» крупной промбазы (например, Бованенково). Впрочем, как показывает практика, опытные оленеводы способны регулировать механизм трансформера, адаптируя его к новым вызовам и обстоятельствам.

У кочевого трансформера есть свой ритм, вернее несколько ритмов в слитном пространстве-времени — годичный, полугодичный, сезонный, месячный, суточный, — в которых соучаствуют люди, олени, природные явления и общественные события.

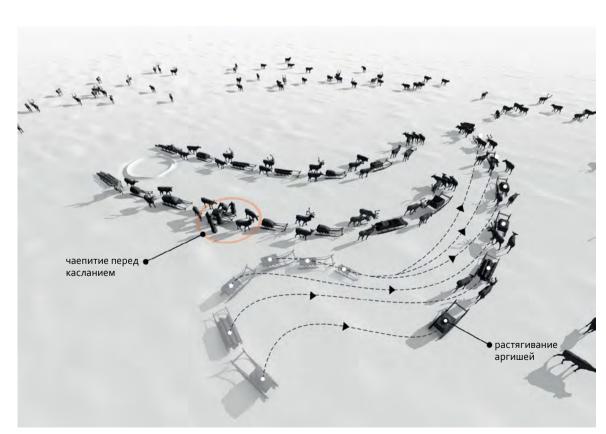
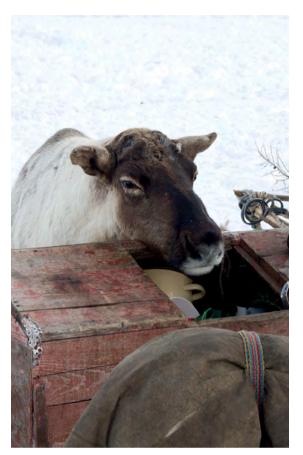
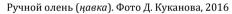

Рис. 42 е. Построение каравана

Чаепитие перед кочевкой. Фото Д. Куканова, 2016

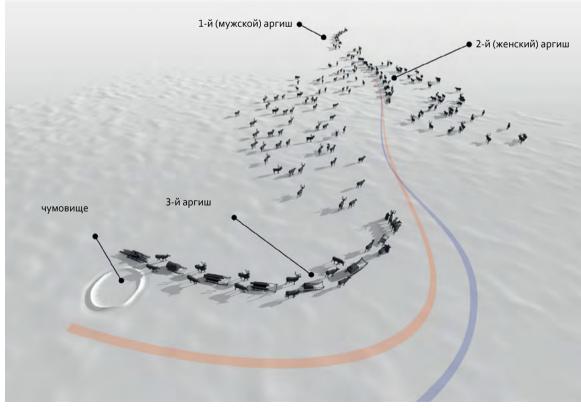

Рис. 42ж. Старт кочевья

МОБИЛЬНЫЙ МОДУЛЬ

Слово мю (мюсева) означает кочевку (перекочевку), а мюд — караван грузовых нарт, олений обоз; по-зырянски он называется аргиш (это слово часто используется на Севере). У М. Фасмера этимология слова аргиш (аргыш) соотносится с коми argyš (олений обоз), что не исключает его заимствования из тюркского (ср. уйгур. aryyš — караван). Слово мя означает мобильное жилище из поставленных конусом жердей, покрытых нюками из оленьих шкур. В русский язык оно вошло под названием «чум», происходящим из языка пермян (коми t'śom, удм. tšum).

В этой паре мю/мя или аргиш/чум сочетаются доли динамики и статики, хотя свойства эти относительны: в перекочевке выражена прежде всего мобильность миграции, тогда как персональная телесная подвижность ограничена (люди сидят на нартах и правят упряжками); напротив, на стойбище физическая мобильность (и деятельная активность) женщин и детей резко возрастает. Автономной социальной единицей, располагающей всем необходимым для самостоятельного существования, является *мяд-тер* (семья, букв. «обитатели чума»). Однако каким бы множеством движений ни наполнялась жизнь стойбища и чума, основным мобильным модулем служит мюд (аргиш), поскольку именно он обеспечивает автономию и дееспособность кочевого сообщества и его основных ячеек — кочевых семей — в пространстве-времени тундры. Проще говоря, караван включает в себя чум, а чум представляет собой лишь часть аргиша.

Мюд — своего рода матрешка: индивидуальный аргиш, который есть у каждого взрослого человека, насчитывает 6-9 нарт; семейный аргиш, состоящий из аргишей взрослых членов семьи, числом 20-40 нарт (в зависимости от размеров семьи); стойбищный аргиш, в который входят аргиши всех семей, включает до 150-200 нарт. Трудно сказать, какой из этих аргишей служит основным (или нуклеарным) кочевым модулем, отвечая требованиям минимальной самодостаточности. Сам принцип автономной мобильности предполагает возможность ситуативного схождения и расхождения этих аргишей; каждая семья (мяд-тер) может отделиться от прежнего стойбища и уйти в собственное кочевье — для этого у нее есть все необходимое, от чума до запасов пищи и топлива. Единственное, что не позволяет

сделать это в любой момент — общее стадо; для отлова и отгона своих оленей из объединенного стада необходимо не только собственное желание, но и добрая воля соседей, с помощью которых это сложное действие возможно.

Забота о благополучии оленей, привыкших держаться общим стадом, нередко делает партнерами даже не слишком расположенных друг к другу людей. Конкуренция считается едва ли не обычаем среди ненцев, и скрытое соперничество служит одним из драйверов их движения (у ненцев есть на этот счет поговорка: «У нас рога большие, они нам жить мешают»). Особенно это заметно при сборах стойбища, когда обитатели каждого чума внимательно следят за соседями, стремясь не опоздать с отправкой. Дружные спутники (среди которых обычно один ведущий, другой ведомый) говорят о себе: «Мы, когда каслаем, во всем сходимся, мы — в один шаг (нопой енга)». Кочевники с разным темпераментом обычно расходятся порознь, избегая разладов и конфликтов.

Ненецкое кочевое сообщество состоит из относительно автономных ячеек (семей, кочевых хозяйств), которые передвигаются не сплоченными массами, а эпизодически или сезонно обособляются, разъединяются, меняют партнеров. В течение года кочевая семья может примкнуть к летнему ноб' нэсурма (объединенному стойбищу, насчитывающему до дюжины чумов) или обособиться и двигаться самостоятельно в виде весеннего ңарава (отдельное) или осеннего тэраңу (отделившееся). Ныне коллективы кочующих семей более устойчивы (благодаря совхозно-бригадной системе), но и они комбинируют и варьируют взаимодействия. Кочующая семья может взаимодействовать в течение года с несколькими десятками других семей (в различных хозяйственных объединениях, торгово-обменных контактах и прочих совместных действиях), но при этом сохранять свою автономию и мобильность. Иногда приходится слышать, что ненцы стремятся в равной мере к объединению и разъединению, точнее, чередуют эти состояния. Существование автономного мобильного модуля обеспечивает устойчивость и надежность всей системы, поскольку взаимодействие основано на эффекте взаимоусиления, а не взаимоотягощения. Лишь самые богатые и мощные тэта

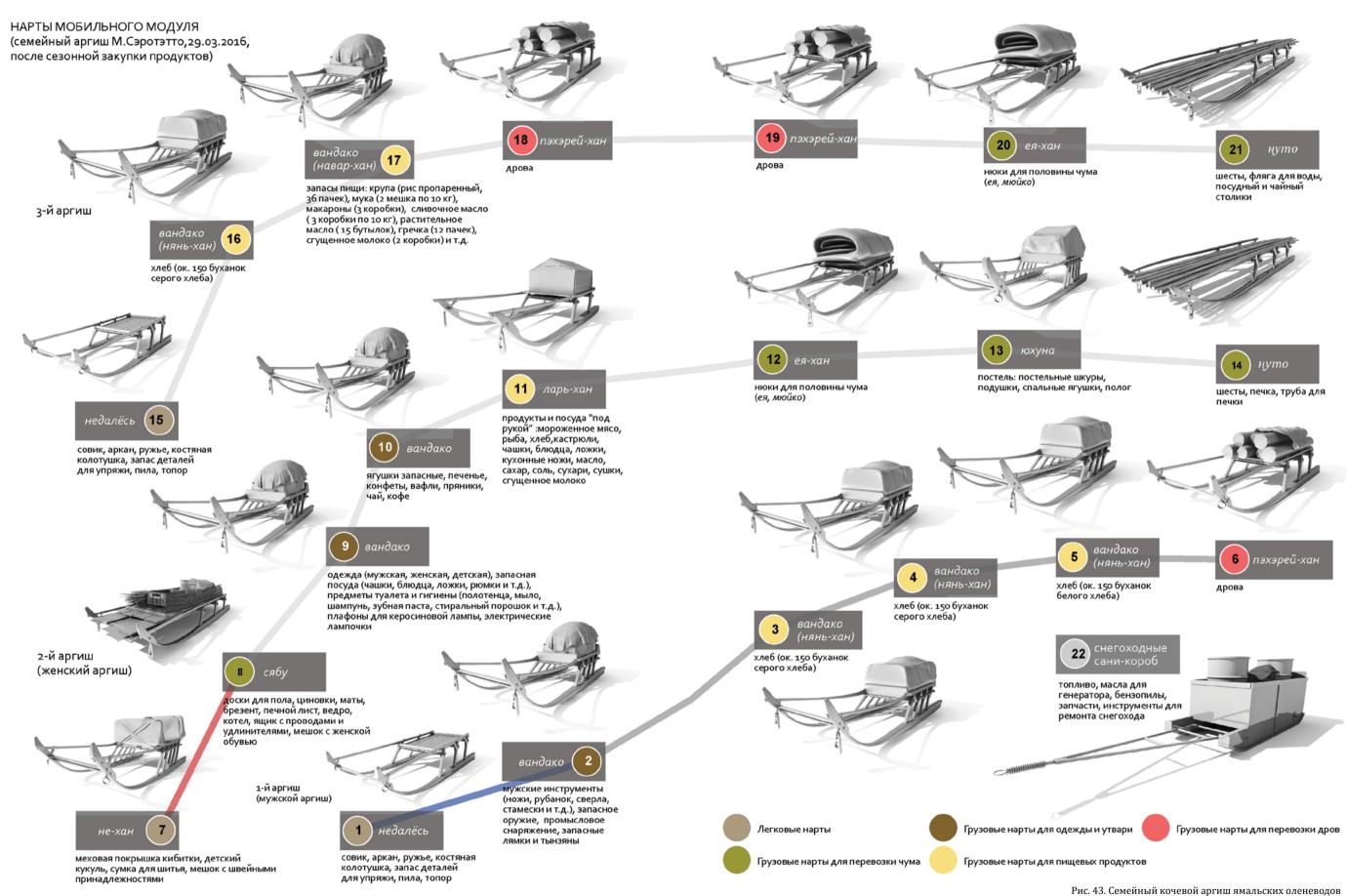

Семейный караван (мюд). Ямал, 2017

позволяли себе роскошь бескорыстной благотворительности и поддержки немощных.

Мобильный модуль включает не только караван нарт, но и стадо оленей, без которого кочевье лишено движущей силы и смысла. Искусство оленеводства во многом состоит в отладке совместного ритма и алгоритма движения людей и оленей. Реальный синтез движения людей и оленей происходит именно в кочевье, тогда как на стойбище их взаимоотношения имеют оттенки принуждения

и противоборства (загон, лов, запряжка). Именно в кочевье достигается оптимум со-движения людей и оленей, технологически выражающийся в том, что люди вместе с их имуществом буквально привязаны к оленям и мигрируют с ними «одним стадом». Технология этой «привязки» и представляет собой главный узел сплетения натуры и культуры. На принципах мобильности и модульности основано большинство технологий тундровых кочевников.

ГЕНДЕРНЫЕ РИТМЫ И ТРЕКИ

Вечный двигатель, который олицетворяют кочевники, работает на двух энергетических смесях: в природе — человека и оленя, в обществе — женщины и мужчины. Один из принципов действия этого perpetuum mobile coстоит в том, что мужчина и женщина имеют свои сферы деятельности и ответственности. Разделение жизненного пространства на мужскую (открытая тундра) и женскую (дом с очагом) доли соотносится с ритмом мужских и женских действий: если активна женщина, пассивен мужчина, и наоборот. Обычай чередования усилий и распределения деятельностных ролей женщины и мужчины можно назвать тундровым законом сохранения семейной энергии. При этом поддерживается и оптимально используется высокий индивидуальный потенциал, выражающийся, например, в замечательной способности мужчины сутками в дождь или стужу окарауливать стадо, а женщины — почти непрерывно шить (даже дряхлая старуха, уже ослепнув, продолжает шить). Переменная активность женщины

и мужчины образует ровный ритм тундровой жизни и создает ресурс энергии, достаточный для бесконечного движения кочевников.

Треки мужчины и женщины заметно различаются. Ее дневной путь сконцентрирован в жилище, особенно на привходовой стороне (нё-няңы) чума и снаружи у чума и ближних нарт с провизией, одеждой и домашним скарбом. Здесь она колет дрова и ломает ветки для очага, заготовляет воду (лед, снег) для пищи и других нужд, готовит еду, моет посуду, шьет одежду, качает люльку, кормит собак, следит за детьми. Радиус ее передвижений невелик, но их интенсивность впечатляет: за полдня она «наматывает» вокруг очага около 5 км.

Мужской трек иной. Он очерчивает большое пространство тундры, куда пастух отправляется окарауливать, собирать и перегонять оленей. Если это трек бригадира, то он еще обширнее, поскольку лидер обычно не просто выполняет задачу пастьбы стада, но и проводит рекогносцировку для выбора дальнейших действий и передвижений. Зато в своем чуме

Бригадир Майко. Фото А. Головнёва, 2013

Жена бригадира Едэйне. Фото А. Головнёва, 2013

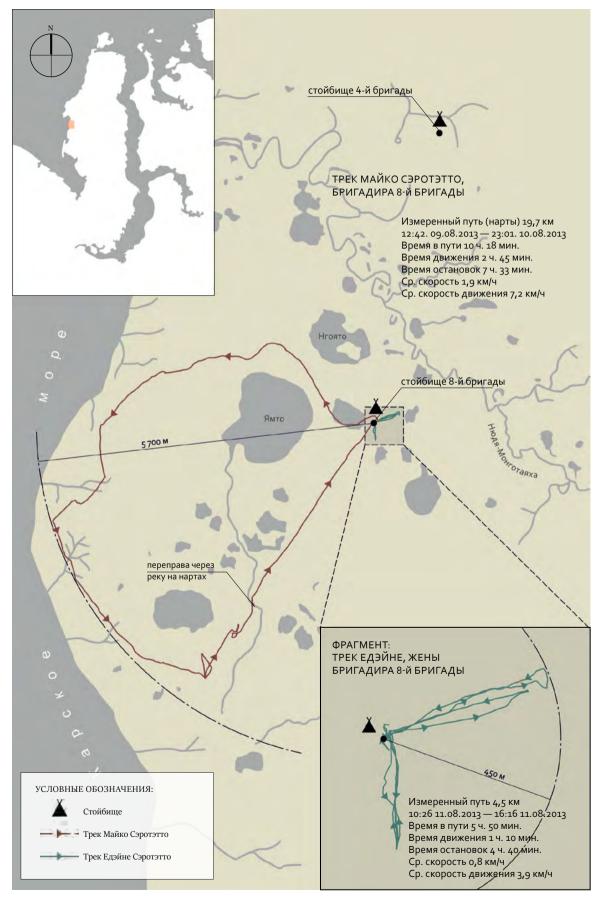

Рис. 44. Треки Майко и Едэйне Сэротэтто (лето)

Майко и Едэйне в корале. Фото Д. Куканова, 2016

мужчина почти неподвижен; он преимущественно лежит и сидит, чем создает у сторонних наблюдателей иллюзию мужчины-бездельника на фоне без устали трудящейся женщины. Если бы тот же гость предпочел ночлегу в теплом чуме дежурство в стаде, он бы сполна впечатлился обилием действий мужчины.

Самое удивительное в кочевом трансформере — активное женское участие. Казалось бы (с оседлой точки зрения), самым незыблемым и важным для женщины является домашний уют и порядок; на этот счет есть поговорки вроде «переезд хуже пожара». Между тем ненецкая женщина раз в три дня «ломает» свой чум, а затем на следующем стойбище его снова ставит. И случается это не раз и не два, а раз в три-четыре дня и продолжается всю жизнь. И делает она это не сжав зубы и собрав волю в кулак, а в хорошем расположении духа — при сборе на каслание женщина даже более общительна и словоохотлива, чем в стойбищном быту. Это отношение к касланию

передается и детям, которые день перекочевки встречают в приподнятом настроении.

Именно женщина руководит (а иногда сама полностью выполняет) разборку и сборку чума, укладку его и всего домашнего скарба в нарты. При этом она поразительно точно помнит место каждой вещи в чуме и на нарте. Нам неоднократно доводилось убеждаться в том, что если гость забыл или обронил в чуме свою вещь (даже мелкую и пустяковую), хозяйка непременно найдет ее и вернет, даже если стойбище собирается каслать в непогоду или в иных сложных обстоятельствах. Таким же таинственным образом она сумеет за один вечер, накануне кочевья, найти в своих запасах и по размеру дошить малицу гостю (чтобы не замерз в пути). Утром перед касланием она успевает не только собрать и надежно уложить все вещи, напоить и накормить свою большую семью, но и наполнить кипятком термосы в дорогу — именно женщина держит в голове и исполняет сценарий всего цикла трансформера стойбище-кочевье.

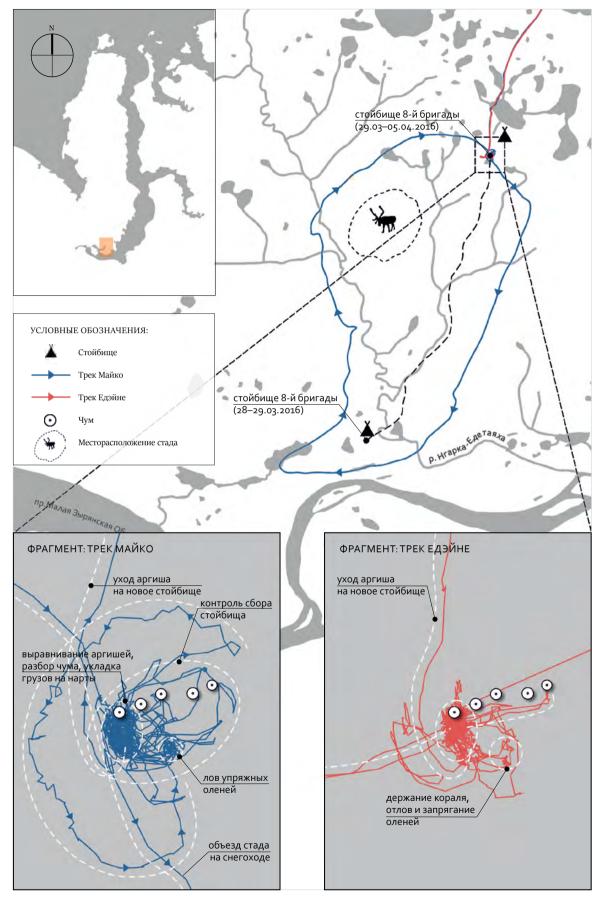

Рис. 45. Треки Майко и Едэйне Сэротэтто (зима)

НАРТОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ

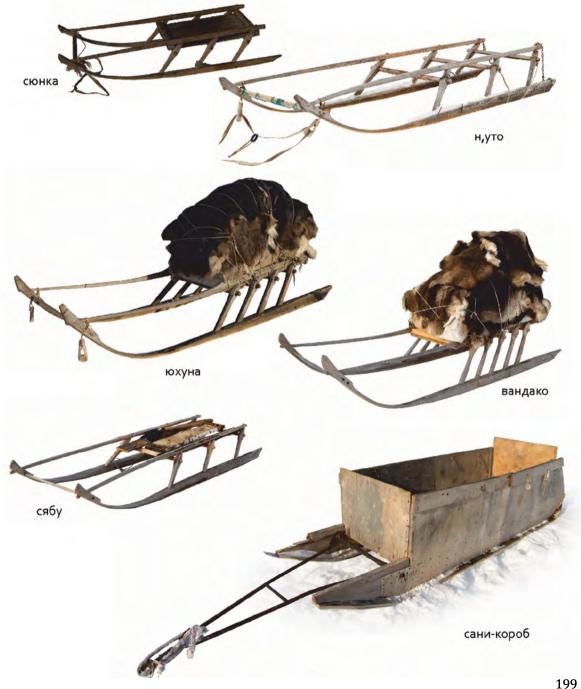
Нарта (хан) — главный элемент кочевого трансформера. Различаются летние и зимние нарты, в том числе легковые и грузовые, из которых составляются летние и зимние аргиши. В караване средней семьи идет от 20 до 30 нарт, в караване большой семьи — от 30 до 40. Однако это только половина нарт, которой сезонно пользуется кочевое хозяйство; в определенной точке весеннего маршрута летний аргиш сменяется на зимний, а осенью происходит обратная

замена (таким образом, общее количество нарт на семью достигает 80–90). Два раза в год кочевье полностью обновляется; кроме того, по пути караван подбирает (или оставляет) одиночные нарты (продуктовые, лодочные и др.). Эффект кочевья-трансформера достигается во многом тем, что нарты не только идут в аргише, но и расставлены по пути миграции, и караван получается сборно-разборным, регулярно обновляется, сменяя нарты вместе с их содержимым.

По технологии изготовления и использования нарт кочевники-ненцы достигли уровня специализированной «нартенной индустрии». В ненецких караванах используется более дюжины разновидностей нарт: нэдалёсь (легковая мужская), не-хан (женская), хэхэ-хан (священная), пи-хан или пэхэрэй-хан (для дров), нано-хан (для лодки), пон-хан и яңгу-хан (для промыслового инвентаря), хурумы (для инструментов и заготовок), вандако (для одежды и шкур), ларь-хан (для продуктов),

ңамзи-хан (для мяса), юхуна (для постели, пологов и домашней одежды), ея-хан (для верхних нюков), ңуто (нарта для шестов от чума, котлов и нижних нюков), сябу или ся"мэй-хан («грязная» нарта для половых досок чума, циновок из прутьев, очажного листа и женской обуви); есть и разного рода уменьшенные конструкции: сюнка (ручная промысловая нарта), ханоко (детская).

ТЕХНОАНИМАЦИЯ

Нарта своей упругостью и подвижностью (особенно легковая, мчащаяся за пятеркой оленей) напоминает живое существо с особыми повадками. Передок (головка) ее полоза называется хан' пыя (нос нарты), задний конец — хан' ябцо (хвост нарты), копыл — xah' μ (нога нарты). Ненцы вольно или невольно стремятся придать своим нартам черты и свойства живого организма, и в этом видится один из основных принципов их технологии и дизайна. «Живые вещи» органично движутся, адекватно взаимодействуют с природой и человеком. Кроме всего прочего, ненецкую нарту оживляет косокопыльность — установка копыльев не вертикально, а наклонно, из-за чего нарта выглядит существом, не то упирающимся, не то напрягшимся перед прыжком.

Принцип технической анимации (оживления) прослеживается и в изготовлении узлов нарты по «правилу скелета». Соединение частей и деталей нарт жесткое: на концах одних деталей выполняются четырехугольные «шипы», которые пригоняются в отверстия, сделанные с помощью сверла и ножа в соответствующих местах других частей. Все детали нарты выполнены из дерева и соединены с помощью деревянных «шипов», и ее крепость достигается за счет прочного «натурального» сращивания деталей. У нарты

образуется скелет с сочлененными узлами, «носом», «ногами» и «хвостом». Тонконогая нарта не боится ни скорости, ни тяжести; она легко идет по снежным застругам, сугробам, болотам, крутым берегам, а при необходимости — пускается в плавание вслед за упряжкой оленей.

Ненцы отличают изящную нарту от неуклюжей, причем в их оценках характеристики «красиво» и «практично» неизменно совпадают. В отношении грузовых нарт к «скелетному» строению добавляется эстетика увязки нарты: в упаковке, рассчитанной на долгое хранение и противостояние разным стихиям, сочетаются элегантность и надежность.

Ненецкое восприятие нарты как живого существа дополняется обычаем всегда при остановке, даже недолгой, поворачивать носы нарт на восход. И на стойбище нарты ставятся «носами на солнце» (юго-восток); повернутые в противоположную сторону нарты оставляются на кладбище, на них ездят покойники.

У нарты есть свой век — от 3 до 10 лет (хотя в рассказах тундровиков упоминаются нарты, которым более 30 лет). Срок службы нарт можно увеличить, если к стертым полозьям прикрепить накладной полоз (нярма) из лиственницы (а ныне — из пластика или листового металла).

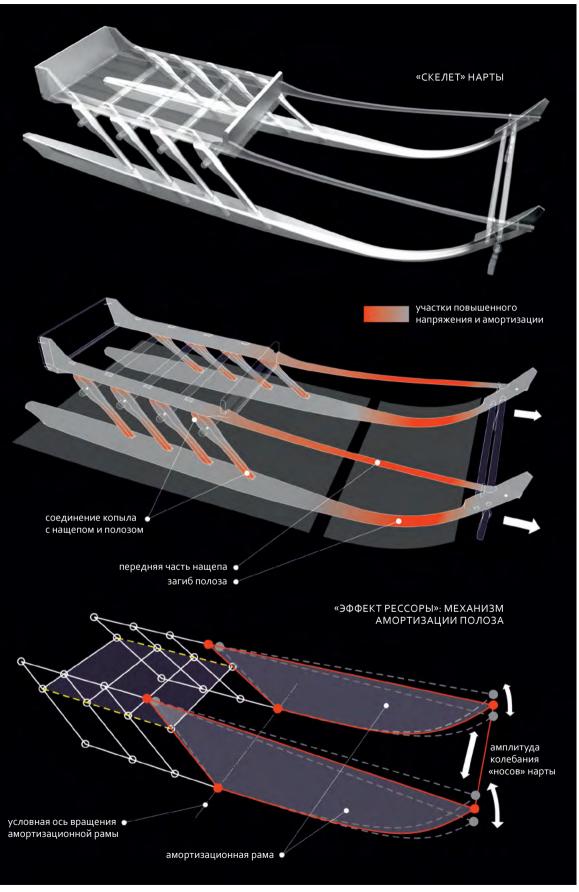

Рис. 46. «Рентген» нарты

ЭФФЕКТ ДВИЖЕНИЯ

Косокопыльная нарта устойчива в статике и динамике. Ряды наклонных копыльев делают расстояние между полозьями шире, чем сиденье, «что придает нарте устойчивость» (Хомич 1966:91). На первый взгляд, тонкие наклонные копылья, связывающие сиденье или грузовую площадь нарты с полозьями, вызывают сомнения в прочности и надежности конструкции при воздействии на них вертикальной нагрузки. Однако именно этот наклон не позволяет грузу «уехать вперед» при торможении и разбалансировать конструкцию. Соединительные узлы нарты, подобно скелету живого организма, распределяют нагрузку между всеми элементами конструкции.

Расстояние между полозьями сзади шире, чем спереди, т. е. нарта расширятся от носов к задней части. Кроме того, полозья располагаются не параллельно земле, а с опорой на внутреннюю сторону. При фронтальной проекции (вид спереди) видны «развал» копыльев (наклон внутрь и назад при равноудаленности друг от друга) и вывернутость полозьев наружу. Когда нарта движется вперед, на наружные боковые поверхности полозьев действуют силы сопротивления снега (зимой) или растительного слоя (летом). Под воздействием этих сил полозья встают параллельно друг другу на всей своей длине. При этом нагрузка — «обжим» полозьев — передается через копылья на верхние узлы крепления нарты, которые «запираются» и делаются более прочными. Наклонные копылья при движении нарты через кустарник легко отводят ветки вверх и в стороны, отчего снижается эффект торможения.

Копылья нарты достаточно высоки (полметра и длиннее), чтобы обеспечить проезд по сугробам, по болотистой и кочковатой тундре на одних полозьях, не касаясь снега, воды и очек несущей частью нарты. У тяжелых нарт (женских и грузовых) копылья длиннее, чем у скоростных мужских, для которых особенно важно качество «держать дорогу».

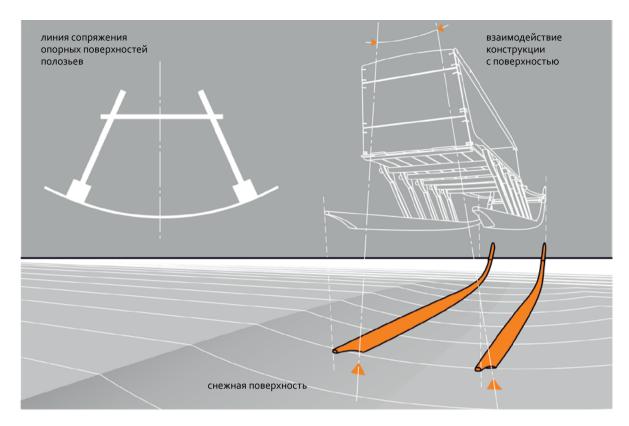
Эффект наклона (расхождения) полозьев и упора на ребра придает нарте устойчивость при движении по твердому насту, льду и на высокой скорости. Благодаря этому нарту не «ведет» и не «болтает» из стороны в сторону при проезде по склонам или на виражах во время гонок на оленьих упряжках. С увеличением груза устойчивость нарты повышается.

Длинный и плавный загиб передней части полоза позволяет избежать резких динамических перегрузок, возникающих при столкновении с препятствиями и при движении по бездорожью. При такой форме загиба наезд на препятствие происходит плавно: преодолевая глубокий и рыхлый снег или наст, полоз не разрезает снежный покров, а подминает его, постепенно уплотняя до максимальной плотности под самой тяжелой частью нарт. Благодаря такой форме полозья «заставляют» снег любого состояния выталкивать нарту на поверхность, т. е. равнодействующая всех сил сопротивления снега при езде направлена вверх (как лодки из воды во время движения). сохраняя устойчивость и управляемость.

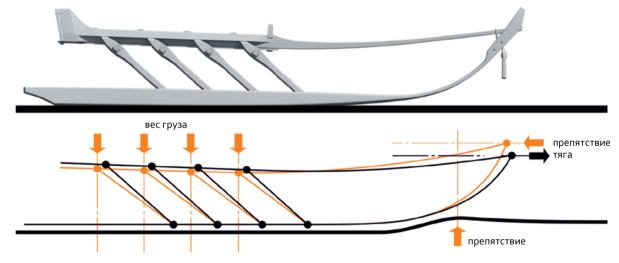
При движении нарты по летней тундре или в межсезонье конструкция работает так же, как при движении по снегу. Полозья, плавно наезжая на растительный слой, вначале загибом прижимают теплые верхние участки покрова к холодному гумусному слою, который, в свою очередь, прижимается к мерзлому слою, успевая чуть растопить и увлажнить колею (прокультивировав почву под полозьями). Таким образом, тяжелая часть полозьев (над которой расположен груз) скользит уже по смоченному растительному слою.

Проезд нарты и аргиша вследствие смешения слоев вызывает эффект культивации и создается благоприятный для роста растений режим (по-своему олень делает то же самое — не только поедает верхушки трав и лишайников, но и культивирует и удобряет под собой почвы). В результате длительного воздействия традиционного транспорта (оленьих упряжек) на хрупкий растительный покров тундры в местах постоянного каслания появляются участки, а то и целые ленты «дорог», выделяющиеся на желто-зеленом фоне тундры более пышной зеленой растительностью с обильно цветущей пушицей. Такие дороги, называемые на севере варга или недарма, становятся тем пышнее, чем больше эксплуатируется, и служат хорошим ориентиром в низинной тундре.

По тяжести и конструкции различаются нарты легковые и грузовые, летние и зимние; однако все они обладают высокой проходимостью по снегу, болотам и даже воде — благодаря плавучести и способности при переправах отчасти выполнять функции лодки.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАГРУЗКИ ПРИ ДВИЖЕНИИ

РАБОТА КОНСТРУКЦИИ НАРТЫ ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ

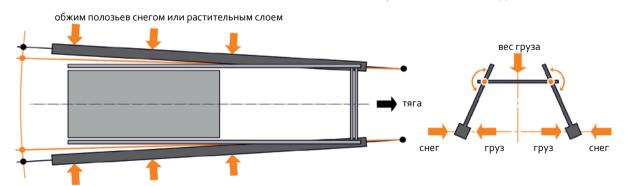

Рис. 47. Свойства конструкции нарты

ИЗГОТОВЛЕНИЕ

Если учесть, что нарта «терпит» (служит) около 3-10 лет, а большая ненецкая семья использует для перекочевок около 80 разных нарт, которые расставлены по путям миграций и сменяются на ходу, будто колеса болидов на пит-стопах, то можно представить объем заготовительных, изготовительных и ремонтных работ, которые требует этот «гараж». В прежние времена любой оленевод мог сделать нарту, и мастерство ее изготовления до сих пор считается одним из достоинств мужчины. Как женщина постоянно шьет, так мужчина значительную часть времени строгает нарты: одежду на всю семью делает женщина, а транспорт — мужчина. В погожий летний день стойбище напоминает нартенный цех, где каждый хозяин у своего чума мастерит нарту. Оленевод не только умеет, но и любит возиться с нартой; за этой работой он чувствует себя «при деле» и «в своей тарелке»; о мастере нартенного дела говорят: «чуть что — он на улице».

На нартах не только ездят, но и зарабатывают. Среди ненцев есть признанные мастера, которые «хорошо держат в руках топор». Некоторые на этом ремесле восстанавливают

204

поредевшее из-за болезни или волчьей потравы стадо: разорившийся оленевод оседает на промысловом угодье, ловит рыбу и мастерит нарты на заказ. За мужскую нарту дают быка, за женскую — важенку (с теленком в брюхе). По сегодняшним ценникам, мужская нарта стоит 10-20, женская — 40-50 тыс. рублей.

Древесное сырье для нарт запасают в ходе зимних кочевий в полосе лесов, и эта заготовительная кампания — важный мотив сезонных миграций оленеводов в лесотундру. Материалом для изготовления нарт служат лиственница, ель и береза. Заготовки для нарт кочуют вместе с оленеводами в особых нартах, называемых хурумы. На остановках в удобное время мастер обрабатывает заготовки и делает из них детали нарт, которые затем остается лишь собрать вместе, как конструктор.

Основа нарт — полозья, что понятно из названий (нарта — *хан*, полоз — *ханз*"). Вероятно, эволюция нарты состояла в наращивании конструкции над полозьями, и в какой-то мере до сих пор изготовление нарты повторяет ее эволюцию в последовательности приладки к полозьям дополнительных деталей. Во всяком случае именно лиственничные заготовки

Подрезка копыльев нарты. Фото И. Абрамова, 2014

для полозьев определяют своими габаритами (длиной, шириной, высотой) искомые параметры всех остальных деталей. Помимо пары полозьев, заготовки включают: 3 до 7 пар копыльев (в зависимости от вида нарты). столько же копыльных вязов, два нащепа, один иди два головочных вяза, сиденье или грузовую площадку.

Легковые и грузовые нарты имеют длинные загнутые к носам полозья (ханз", мн. ч. ханзад"), несколько равноудаленных пар копыльев (хаң' ңэ"), закрепленных в пазах полоза с наклоном вовнутрь и назад в задней части нарт, два нащепа — продольных бруса, которые передними концами входят в пазы на передней части полозьев, а задней — нанизываются на копылья; для большей прочности конец нащепа закрепляют в полозе с помощью деревянного шпенька. Каждую пару копыльев соединяют поперечные перекладины-вязы (нярт", мн. ч. няртад"), на которых удерживается деревянный настил для сидения или грузов (хан' лата") (у некоторых типов грузовых нарт они отсутствуют). К настилу в задней его части крепится спинка (пуняны тендер"), а в передней — деревянный бортик (нерняны тендер"). Некоторые виды нарт не имеют спинки и бортика. Носы полозьев, как и копылья, скрепляются между собой одним или двумя головочными вязами.

Заготовку для полоза вырубают из ствола лиственницы толщиной 10-20 см. В месте

ДЕТАЛИ НАРТЫ:

- 1. нос нарты (*хан пыя*)
- 2. загиб нарты (хан хармы)
- з. полоз (*ханс*)
- 4. нащеп (*нин*)
- копылья (хан ңе)
- 6. конец нарты (*вану*)
- 7. задняя доска (путяны тёндер)

Рис. 48. Конструкция нарты

- 8. передние вязки (нереч)
- 9. передняя доска (нернянты тёндер) 10. передняя часть нащепа (хан лад) 11. средняя часть нащепа (нин тел) 12. доски сидения (хан лата) 13. конец полоза (хан сяпцо)

будущего сгиба делают затес. Верхнюю часть заготовки выдерживают в воде двое суток, затем пропаривают над огнем и загибают вручную. Зафиксированный в согнутом положении с помощью распорки и стропы полоз просушивают. После просушки его вновь обрабатывают: площадке под копыльями придают форму утолщения от краев к центру; носы полозьев загибают до высоты грузовой площадки; место загиба полоза делают более тонким и плоским. Задний конец полоза для лучшего скольжения слегка затесывают кверху. Затем в полозе вырезают отверстия для копыльев и нащепа с учетом угла и стороны наклона (соответственно, правый полоз назад и вправо, левый — назад и влево). Готовые полозья нарт выглядят как братья-близнецы в зеркальном отражении (по принципу осевой симметрии или хиральности).

Нащеп вырезают из бруса длинной 250–260 см. В передней части нащеп более тонкий, а в задней (в местах насадки копыльев) — утолщен. Нащеп для легковой нарты вырезают из дерева с частью корня, так что естественный загиб служит опорой для устройства спинки; задняя часть нащепа не случайно называется хан' вано (корень

нарты) (Хомич 1966:84). Спинку и доски грузовой площадки делают из ели.

Копылья и вязы нарт вырезают из березы. Заготовками служат бруски длинной 50–60 см, толщиной 10–12 см, расколотые пополам. Копыл невысокий (около 50 см), овальный в сечении, утолщенный сверху и снизу. Посредством пазового крепления копылья устанавливаются косо — таков основной принцип устройства косокопыльной ненецкой нарты; пазовые соединения дополнительно укрепляют деревянными шпеньками (Историко-этнографический атлас 1961:11).

К сборке нарт мастер приступает, когда готовы все детали и вырезаны все отверстия. Сначала он соединяет пары копыльев копыльными вязами, затем закрепляет их в полозьях. Сверху набивает нащепы, закрепляет головной вяз деревянными шпеньками, после чего крепит доски посадочной или грузовой площадки. Стенки сиденья и борта коробов грузовых нарт крепит ременной прошивкой. На изготовление нарты при наличии всех заготовок уходит 3–5 дней. Впрочем, не всегда дело идет гладко.

Молодой оленевод из 4-й бригады, Григорий Худи, на стойбище близ Яр-Сале в начале

Изготовление нарты. Фото А. Курлаева, 2016

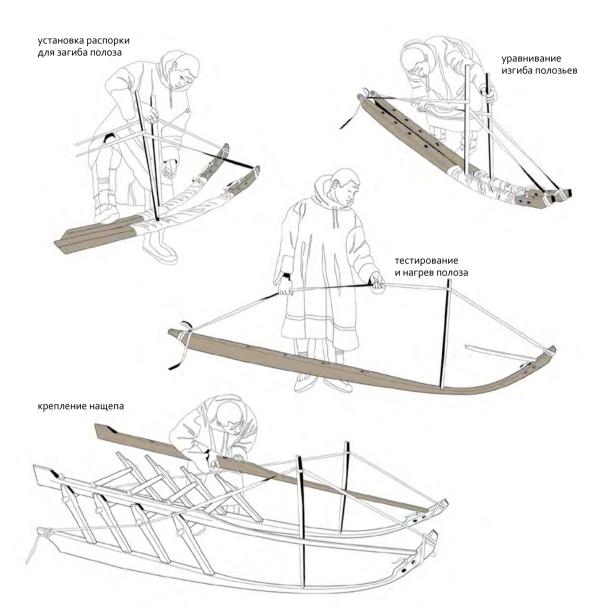

Рис. 49. Фрагменты сборки нарты

апреля 2016 г. приготовил все детали для сборки нарты. Осталась лишь мелкая доводка соединительных элементов и операция по сгибу полозьев. Для сгиба он использовал распорки, стропы и нагрев водой и огнем. Сначала закрепил стропу с распоркой, обеспечивший первоначальный изгиб. Затем место сгиба обмотал мешковиной и залил кипятком из чайника, а через некоторое время нагрел на костре, дополнительно увлажняя снегом.

Неожиданно полоз сломался — на месте сгиба оказался сучок, полоз на изгибе не выдержал, и работа по сборке нарты оказалась напрасной. Нарту пришлось полностью разобрать. Комментируя неудачу, Григорий сказал, что дело не в сучке, а в его обработке:

на изгибе над сучком следовало не срезать, а оставить толстую шишку; однако молодому мастеру хотелось из эстетических соображений подрезать выпирающую «сучковую шишку». Главная сложность состояла в замене сломанного полоза. Оба полоза должны быть одинаковыми, поэтому дерево под них подбирается заранее с учетом парности заготовок еще на зимних пастбищах. Найти подходящую замену в новом месте — большая проблема.

Оленеводы считают, что удобнее, когда изготовитель нарты сам ею пользуется. Хозяин не только мастерит нарту по своему вкусу, но и знает ее слабые места, «повадки», по звуку и на ощупь определяет состояние нарты, груза и наста.

ӉЭДАЛЁСЬ

Название мужской легковой нарты (нэдалёсь, нэдалёсь' хан) связано с понятиями нэдалава, недалава (пробег оленей), эдалё (налегке), неда, недарма (дорога). У мальчика с 7-8 лет есть своя легковая нарта. От других нарт нэдалёсь отличает легкость, скорость, маневренность и многофункциональность. На оленьей упряжке можно пройти до 250 км в сутки (15 км в час). На легковой нарте оленеводу приходится проводить почти всю жизнь, каслая или объезжая стадо, охотясь, участвуя в гонках и делая множество других дел, связанных с преодолением расстояний и мобильностью. Настил нарты покрывают оленьей шкурой, на которой сидят во время поездки. Чтобы шкура не сползала, ее привязывают к сиденью старым арканом или ремнем. В нарте оленевод возит самые необходимые вещи: у переднего бортика уложен небольшой плоский ящик с инструментами, топор, аркан для ловли оленей (тынзян), ножовка, связка костяных пуговиц (пясиков) для упряжки; справа к нарте привязывают зачехленное ружье. Все это увязывается и укрывается шкурой так, чтобы осталось место для самого хозяина.

Нарта имеет 3–4 пары косо поставленных копыльев. Длина нарты от 2 до 2,7 м, ширина

0,8 м, высота 0,6 м. Летняя мужская нарта имеет невысокую спинку и передок; зимняя отличается от летней меньшей высотой и отсутствием спинки. Мужские легковые нарты весят в среднем 35 кг, обладают грузоподъемностью 150 кг; срок их службы около трех лет (Мухачев и др. 2010:21).

На нарту садятся с левой стороны; точнее, попадают с разбега, потому что ездок отпускает вскачь упряжку оленей и тут же успевает сам боковым прыжком вскочить на нарту и удержаться на ней. На ңэдалёсь сидят боком, забросив правую ногу на сидение, а левую поставив на полоз. Такая поза эргономична, удобна и для сидения, и для управления упряжкой. В левой руке ездок держат тюр (хорей — длинный шест с костяным наконечником), в правой — узду. Надежность ңэдалёсь важна потому, что ее поломка в открытой зимней тундре чревата трагедией.

Главное в случае «нартокрушения» — не цепляться за нарту, а крепко держать вожжу, чтобы управлять передовым оленем. Умелые ездоки вообще не хватаются руками за нарту, а балансируют телом; во время гонок они могут мчаться, стоя пружинящими ногами на полозе и нарте.

Мужская легковая нарта. Фото А. Головнёва, 2013

HE-XAH

Девушке положено иметь женскую легковую нарту не-хан с 10–12 лет. На ней женщина кочует и ездит по тундре (например, в гости) в компании малолетних детей, которые размещаются в задней части нарты; там же находится небольшой запас пищи и чай, а также женская швейная сумка (остается место и для щенка — любимца хозяйки). Грудные дети в люльке располагаются рядом с матерью в передней части нарты. При желании в нехан можно спать.

Не-хан отличается от мужской нарты массивностью и прочностью, высокой посадкой (большие копылья защищают нарту от попадания снега и воды при переправах через реки) и большей площадью сидения. Она имеет значительное число копыльев (от 5 до 9 пар), высокую заднюю, переднюю и боковую стенки (до 50 см) в виде короба. Слева боковая доска отсутствует, так как по традиции женщина не может ставить ноги на нарту, а должна держать их на полозьях. Над коробом женской нарты устраивается полукруглое укрытие в виде палатки из ивовых прутьев и двухслойного покрывала из оленьих шкур (тар' пи') (0,7×3,0 м) и сукна (ной пи') (1,7×3,5 м). Эта палатка (или свод кибитки) надстраивается над бортами нарты с появлением у женщины ребенка. Женская нарта весит 45–50 кг, ее грузоподъемность — 150 кг, срок службы — 4–5 лет (Мухачев и др. 2010:21).

Не-хан — важная часть женского набора вещей. Передняя часть ее нащепов обычно декорируется яркой ровдужной бахромой (пящё-иня) цвета охры. В надежности и красоте женской нарты выражена мужская любовь: в разговоре о своей нарте женщина непременно, с теплотой в голосе, отметит: «Мне нарту муж (отец, брат) сделал». Не-хан выделяется изысканностью и декором; она издалека видна и слышна — благодаря привешиваемым к ней бубенцам.

Женская нарта легко узнаваема на стойбище и в караване по яркости своего убранства. Она ценится вдвое (или втрое) дороже мужской нарты, поскольку выполняется с особой тщательностью и предназначена для особо ценного достояния — женщин и детей. Женщина сама выбирает для своей нарты оленей и запрягает их. Есть и особая женская упряжь и женский хорей для управления легковой упряжкой.

Женская нарта-кибитка. Фото А. Головнёва, 2016

ЛАРЬ-ХАН

Одна из грузовых нарт — ларь-хан или сундук-хан (очевидно, русская по дизайну) — дополняется дощатым ларем (сундуком) с двухскатной крышей, который устанавливается на вязы между нащепами. В крыше ларя сделан небольшой люк-дверца. Во вместительной нарте-ларе хранятся пищевые продукты (хлеб, сухари, мука, мороженая рыба и мясо, соль, сахар, крупы, сливочное и растительное масло, а также ягоды, в мешках и стеклянной таре). Внутри ларь имеет несколько отделений для разных видов пищи. Прежде чем уложить продукты, дно ларя выстилают брезентом, предохраняющим его содержимое от влаги при переправах через водоемы, и рассыпают стружку, предохраняя от ударов и все той же влажности. Прочно сбитый и снаружи покрашенный масляной краской, ларь-сундук надежно защищает содержимое от снега, дождя и ветра, выполняя роль мобильного хранилища-холодильника. Потоки ветра обеспечивают вентиляцию и сухость такого хранилища (особенно в нижней, более уязвимой для влаги, части), что в свою очередь сказывается на общем влажностном режиме.

Этот маленький склад припасов всегда находится «под рукой» у хозяйки. В нем есть все необходимое, чтобы «по-быстрому приготовить чай или накормить семью»: хлеб, мука, чай, соль, сахар, сухари, замороженная рыба и мясо, масло, а также посуда. На стойбище ларь-хан располагается в шаговой доступности от чума, чтобы хозяйке было удобно несколько раз в день, невзирая на пургу или тьму (особенно во время полярной ночи), достать из ларя все необходимое, а лишнее сложить назад. Ларь на стоянке должен располагаться так, чтобы его можно было найти «на ощупь», легко открыть и распорядиться его содержимым в темноте. Ларь-хан с его конструкцией и крышкой удобен для защиты пищи от собак, чаек, мышей и других охотников поживиться запасами оленеводов.

Ларь-хан относительно недавно вошел в обиход кочевников. Прежде в качестве продуктовых использовались нарты, специально приспособленные для перевозки и хранения мяса (намзи-хан), рыбы (халя-хан) и хлеба (нянь-хан). В аргише может быть несколько продуктовых нарт, помимо ларь-хан.

Ларь-хан. Фото А. Головнёва, 2016

ВАНДАКО

Грузовая нарта вандако (вандэй) с 3-5 парами высоких (65 см) косо поставленных копыльев, дощатым настилом и бортами в виде короба; по конструкции приближается к легковым нартам (копылья сдвинуты к задней половине), но отличается от них массивностью. Вес грузовой нарты 25-30 кг, грузоподъемность 150-200 кг, срок службы около трех лет (Мухачев и др. 2010:21). Нарты этого типа используют для хранения и перевозки одежды, шкур, утвари, продуктов. Вандако — самая многочисленная среди грузовых нарт в караване. Это универсальная нарта для перевозки и хранения разного имущества, прежде всего одежды и шкур. Различаются нарка вандако — для меховой мужской и женской одежды, ер вандако — выделанных шкур, меховых мешков, заготовок, нюдя вандако — для невыделанных шкур.

Груз на нартах прочно связывается веревками и покрывается сверху берестой, шкурами или брезентом. На стойбище в чум вносится только необходимая одежда и вещи, все прочее хранится в нартах. Хорошо укрытые и увязанные нарты с зимними вещами

на лето оставляют на местах зимних кочевий, а если перевозят с собой, то оставляют у чума нераспакованными. Сезонно сменные вандако оставляют на местах летне-зимней смены нарт и по ходу каслания. На лето зимние вещи просушивают и складывают в две поставленные задками друг к другу нарты, называемые серець. На дно нарт кладут багульник для отпугивания грызунов. Здесь же оставляют железную печку-буржуйку. Сверху нарты покрывают зимними нюками, брезентом и прочно затягивают веревками. Серець' оставляют на возвышенном месте до возвращения с летних пастбищ. Иногда оставляемые на время нарты для перевозки и хранения зимней меховой одежды и мягкой клади называют хурёда или вата хан (букв. лишняя нарта) (Хомич 1966:94-95). Разновидность вандако под названием юхуна (3-5 пары высоких, длиной 65 см косо поставленных копыльев; длина нарты до 2,8 м) служит для перевозки постельных принадлежностей (травяных циновок, постелей-шкур, подушек, полога), а также одежды, меховой утвари, запасов древесной стружки.

Вандако (вандэй) с грузом. Фото А. Роговой, 2014

211

НУТО

Грузовая нарта нуто (нутос) изготовлена наподобие сябу (с 2-3 парами низких, в 40-50 см, слегка наклонных или вертикальных копыльев) и тоже используется для перевозки тяжелых конструкций чума, прежде всего шестов и очажной утвари (котлов, крюков для котла). Нарта нуто крепка, грузоподъемна и длинна (до 3 м). На ней нет настила, шесты укладываются вдоль нащепов на копыльные вязы, и, несмотря на длину нарты, концы шестов свешиваются с хвоста нуто; из-за этого к ней невозможно привязать другую упряжку, и нуто идет в аргише последней. На стойбище освобожденная от шестов нарта нуто прислоняется наклонно к чуму (с противоположной от входа стороны), чтобы своей тяжестью прижимать нюки во время сильного ветра. Здесь, в месте, называемом пой, сходятся нюки чума; их стык и прикрывает тяжелая нарта, выполняя заодно функцию сушильни, вешалки и лестницы. Нарты ңуто и им подобные, выстроенные параллельно в ряд, использовались в соревнованиях по национальным видам спорта — прыжках через нарты.

В ненецкой мифологии нарта *нуто* упоминается в караване богини Полярного Урала *Пэ-мал хада* (Старуха края гор); одна из гор, в которую превратился аргиш богини, называется *Нутос-пэ* (гора Нуто).

К грузовым нартам также относятся хурумы-хан, ңурос — разновидности ңуто, предназначенные для транспортировки тяжелых грузов (в том числе лодок, бочек, строительных материалов), а также пэхэрэй-хан — нарта для дров (в зависимости от маршрута каслания и его обеспеченности дровами таких нарт в аргише бывает несколько).

Укладка чумовых шестов в ңуто. Фото Д. Куканова, 2016

СЯБУ

Грузовая женская нарта сябу, иначе ся"мэйхан (поганая нарта), предназначена для перевозки «всего нижнего» — железного подочажного листа тюмю, досок пола, матов из ивовых прутьев, запаса дров, а также мешка с женской обувью и нижней одеждой. В фольклоре переход девочки в статус девушки соотносится с нартой сябу: «Наша женщина, шьющая одежду для кукол, уже выросла, свои пимы она положила на поганую нарту» (Куприянова 1965:599). Если в легенде говорится о том, что отрубленная голова врага брошена на нарту сябу, значит с врагом покончено навсегда. Одним из позорных наказаний для мужчины были удары лямками от сябу (грязной нарты). Поганая нарта, сочетая в себе магические свойства железного подочажного листа и женской обуви, является не просто «грязным местом», она обладает нижней сакральной силой хэйвы (хэбяха), не менее значительной, чем верхняя сила хэхэ, сосредоточенная в священной нарте хэхэ-хан. Оттого сябу и хэхэ-хан не должны стоять рядом. Они являются полюсами стойбища и располагаются

по разные стороны чума. Мужчине не положено трогать *сябу*, женщине — *хэхэ-хан* (где хранятся духи-покровители и мужское оружие) (Головнёв 1995: 214–215).

В женском аргише сябу идет вслед за нехан, составляя тем самым сугубо женскую часть каравана, а при его заворотах на месте нового стойбища эти две нарты отвязывают от аргиша, чтобы они ни в коем случае не пересекли условной священной линии си-няны, идущей от очага на закат. Когда ненцы приносят жертву владыке нижнего мира На, они забивают оленя неподалеку от входа в чум на темной стороне стойбища нё-няны, у «носов» поганой нарты сябу.

Грузовая нарта *сябу* обладает не только магической силой, но и большой грузоподъемностью. Ее конструкция позволяет перевозить тяжести, в том числе доски пола, которые сами по себе образуют настил, используемый для упаковки других грузов. *Сябу* — нарта без настила, с 2–3 парами низких (40–50 см), слегка наклонных или вертикальных копыльев. Длина нарты от 2,5 до 3 м.

Увязка *сябу.* Фото Д. Куканова, 2016

хэхэ-хан

Хэхэ-хан (хаэӊан) — «нарта духов» или «нарта богов» — походное святилище, тундровый кочующий ковчег. У каждого главы семьи есть своя священная нарта, унаследованная от отца; если взрослые братья кочуют вместе, у них одна на всех хэхэ-хан. На стойбище она располагается за чумом, с противоположной от входа стороны, называемой си и считающейся священной. Здесь стараются лишний раз не появляться женщины или, по крайней мере, не пересекать условной линии, идущей от очага к священному шесту сымзы и далее на северо-запад. Противоположным полюсом чума и стойбища считается привходовая сторона нё, где стоят женские нарты не-хан и сябу. В караване хэхэхан обычно идет первой в мужском аргише вслед за легковой нартой *ңэдалёсь*, так же как сябу идет вслед за женской нартой не-хан. Если у ненцев случается развод и дележ имущества,

то мужчина берет себе хэхэ-хан и священный шест сымзы, а женщина — нарты не-хан и сябу.

В священной нарте хранятся изображения ненецких духов и богов, в том числе Илебямбэртя (Хранителя оленей), Пэ-мал хада (Старуха края гор, которую олицетворяет камень особой формы — знак Хадам-пэ), Ямалхада (Богиня края земли), Сэр-но ирико (Белый старик), Явмал-хэсе (Бог южного неба), Яптик-хэсе (божество-посредник в облике колокола, звон которого оповещает богов), родовой дух хозяина нарты и другие памятные и важные для семьи вещи. Если в роду был шаман, то его изображение (нытарма) хранят на маленькой нарточке (нытарма ханоко) поверх священной нарты. Дух шамана и после смерти символически кочует вместе со своими потомками.

В священной нарте хранится оружие, в том числе старые копья, сабли, ружья.

Жертвенная трапеза у хэхэ-хан. Фото А. Головнёва, 2013

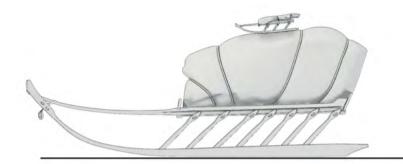

Рис. 50. Проекции нарты хэхэ-хан

По представлениям ненцев, металл — в особенном почете у богов и шаманов: в мифах богатыри и боги живут в металлических чумах, носят железные доспехи, стреляют из железных и серебряных луков, ходят на железных лыжах. Среди шаманских атрибутов много металлических изделий. В священных нартах шамана непременно есть металл: например, из железа выковывался центральный копыл у семикопыльных священных нарт. По семь зарубок наносится на перед нащупов (нин) священной нарты, а ее «носы» при жертвоприношениях смазываются кровью и жиром.

Священные нарты шаманов — кочующие капища. Например, шаман-жрец (хэхэмбэртя) Яптик-хэсе, по традиции, возит в своей хэхэ-хан обернутое тканями «большое изваяние» божества, вместе с которым он объезжает весь Ямал и «считает всех ненцев». По традиционным представлениям, кочует само божество, а жрец лишь возит его по тундрам.

Хэхэ-хан открывают редко — для священнодействий, жертвоприношений и ритуальных трапез; при этом столик из чума к нарте выносят не через дверь нё, а через священную сторону си. Богов и духов на священнодействие призывают шаманской призывной песней (самбдабц) и звоном колокола (Яптик-хэсе). В одной из шаманских песен Богиня края гор (Пэ-мал хада) откликается на призыв шамана: «У носа священных нарт я остановлюсь» (Хэхэнано пыярин нултарингувэй').

Хэхэ-хан хранит стойбище и кочевье. Злые духи, преследующие людей, страшатся священной нарты. В сказании «Клюв Белого орла» дух нижнего мира найтар, настигнув людей, приближается к священной нарте и вдруг падает перед ней на четвереньки — его руки и ноги прирастают к земле. По традиции полярно-уральских ненцев, если во время пурги потеряется олененок, для его спасения из священной нарты достают изображение

пухуча пэ (образ *Пэ-мал хада*), привязывают к хорею и ставят за чум со стороны *cu*.

В особо важных случаях люди, отправляясь на святилище, везут с собой священную нарту, в которую обычно запрягают пару оленей светлой масти. Отслужившую свой срок или оставшуюся без хозяина хэхэ-хан отвозят на святилище рода, к которому принадлежал ее владелец.

Хэхэ-хан — культовый узел кочевья и стойбища, связывающий сакральными нитями пространство чума и всей тундры. Помимо священной нарты сакральные роли на стойбище и в караване играют шест сымзы, а также бродящие в его стаде олени, посвященные духам и богам: например, яля-ты (белый олень солнца); мунгота-ты (пестрый олень молнии), ямядота-ты (бурый олень медведя), найвоседа-ты (серебристый олень святилища найвоседа), сармик-ты (темно-рыжий олень волка). Эти олени ходят среди стада, кочуют с аргишем; когда они состарятся, их забивают, а их кровью обмазывают новых посвященных оленей. Запрячь их могут только в священную нарту.

В ненецкой традиции люди и духи кочуют вместе, в одном караване, «одном стаде». Священная нарта, которая может показаться нерациональным излишеством в обозе кочевника, на самом деле обеспечивает его связь с сакральным пространством-временем всей тундры, ее богами и стихиями. Эта религиозная технология духовных связей тундры крайне важна для принятия решений, особенно в экстремальных ситуациях. Арктика с ее частыми, но всегда неожиданными рисками и угрозами предстает предсказуемой и уютной, если люди и боги постоянно слышат и видят друг друга. Религиозно-обрядовый минимализм кочевников настроен, как и в других подобных проявлениях, на охват большого пространства малыми средствами за счет высокой мобильности и прочной духовной коммуникации.

ЧУМ

Однажды к палаткам археологов на Ярте подъехали ненцы и, приблизившись к вечернему костру, спросили: «Тундру греете?» У ненца открытый огонь вызывает вопрос, поскольку тепло очага следует бережно и экономно расходовать. Ненцы возят с собой по тундре особую нарту с дровами (пэхэрэй-хан), собирают для очага карликовую березу и черный мох пармерка, ездят к морю за выброшенным на берег плавным лесом. Железная печка-буржуйка стала традицией в тундре благодаря ее свойству быстро разогревать не только чайник, но и пространство чума.

Место для нового стойбища определяет мужчина, втыкая в землю или снег хорей, а первую вещь в основание чума — железный очажный лист *тюмю* — кладет женщина. С очага начинается сооружение чума, и, возможно, в этом действии всякий раз повторяется история самого чума, который изначально был «укрытым от ветра костром».

Ненецкий чум (мя") — жилище мобильное, но не временное: скорее, он существует вне времени. Чум простоял в ямальской тундре тысячи лет, хотя и менял свое оснащение и расположение. Долговечность чума состоит в его обновляемости и мобильности. Среди ненецких жилищ есть ветхие или бедные, но они могут похорошеть и посвежеть, стоит хозяевам разжиться новыми оленьими шкурами для нюков и древесиной для шестов. Обычно чум обновляется постепенно и по частям, сохраняя статус «неопределенного возраста».

В отличие от других жилищ, чум не крепится к земле. Даже если кочевник в точности повторяет пути своих касланий и останавливается на местах прежних стоянок, он старается не ставить чум ровно на то же место, где стоял раньше, чтобы всякий раз очажное пятно было новым. Если на мядырма (месте ежегодных остановок) хозяйку чума расспросить о старых становищах, она покажет пяток-другой поросших желто-красным мхом костровых пятен и определит каждое: «Этому два года, этому пять лет, этому десять» (Головнёв 1995:209). На оставляемых стойбищах (мяды) мусор сбрасывается под откос плакора или сжигается. По поверьям, сразу после отъезда людей на чумовище является дух Мядинда, который собирает все останки, и через них (особенно брошенные ногти и волосы) может наслать порчу на беспечных хозяев (Хомич 1966:111).

Когда стойбище снимается, чум уходит почти бесследно: летний очаг еще различим по костровому пятну, а зимняя печка-буржуйка следа не оставляет. В зимнее время чум стоит прямо на снегу, и жизнь идет буквально на сугробе: маты из березовых прутьев и половые доски, настланные на снег, превращают чум в приподнятую над землей меховую «капсулу» тепла и уюта (пока чум стоит, снег под ним не протаивает, хотя местами проваливается и чернеет). Получается, что чум крепится не к месту, а к каравану, и представляет собой сборно-разборное жилье, простое, органичное и универсальное.

Благодаря возможности быстрого свертывания и развертывания (трансформер) чум обладает свойством многоразового и экстерриториального использования: для оседлого освоения той же территории пришлось бы извести весь лес в соседней тайге и застроить пастбища домами и коммуникациями. Чум легко транспортируется, так как имеет небольшой вес и объем; для его установки не требуется дополнительных приспособлений.

Обычно стойбище остается на одном месте не более полумесяца (зимой), недели (летом), двух-трех дней (весной и осенью). Около часа (зимой) или получаса (летом) тратят женщины на установку или разбор чума. В легендах героиня разбирает чум так быстро, как будто просто проходит по обе его стороны. Весь чум, вместе с его содержимым, упаковывается в несколько нарт: нюки укладываются на еяхан, шесты — на ңуто, постели — на юхана, половые доски и маты из прутьев — на сябу. Собирают чум так же быстро, как разбирают. Делают это в основном женщины, но пакуют нарты, перевязывают их и расставляют в аргиш мужчины. Некоторые элементы жилища оказываются удобными и для установки чума, и для упаковки в нарты; например, веревки нюка, с помощью которых он крепится на конусе шестов, служат и для привязывания снятого нюка к нарте.

Несмотря на простоту своего устройства: конус из жердей, укрытый сшитыми из полотен бересты (летом) или оленьих шкур (зимой) нюков, тундровый чум является своего рода достижением кочевой жизни. Речь в данном случае идет не столько о его общеизвестных замечательных свойствах противостоять ветрам, снегам и дождям, хранить тепло (зимой)

Ненецкое стойбище. Ярсалинская тундра. Фото Е. Переваловой, 2014

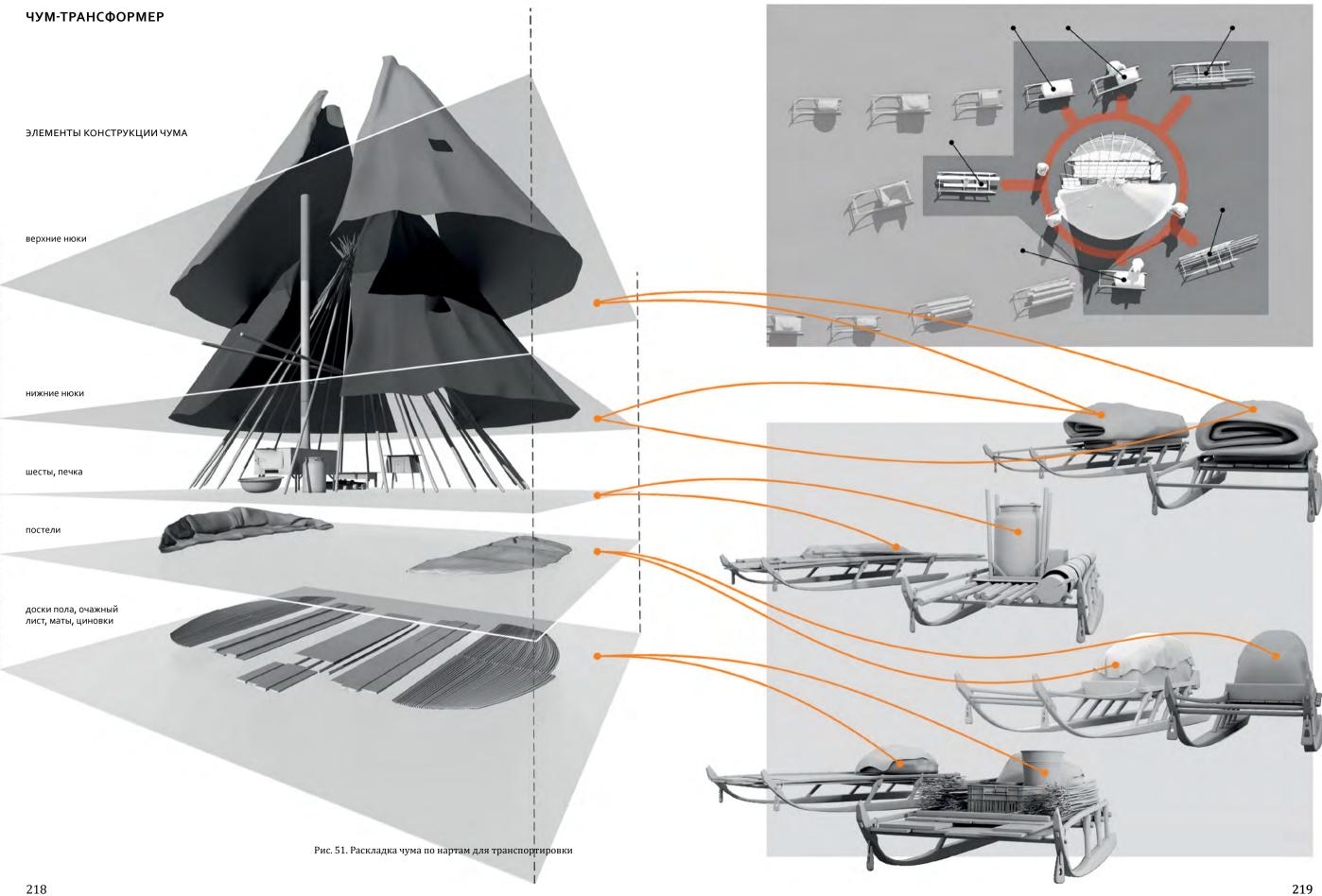
или прохладу (летом), сколько о том, что он «соткан» из всего пространства кочевий. Без него кочевание невозможно, но и он невозможен без кочевания. Его меховое покрытие — два внутренних (мюйко) и два наружных (ея) нюка — сшито из 6-7 десятков шкур оленей, выпас которых предполагает ежегодные путешествия от края тайги до края арктических морей. Шесты для его остова (числом до 4-5 десятков) и нарты для его перевозки (в количестве 5–10) изготовляются из стволов деревьев, которые можно отыскать только в полосе лесов. Топливо для очага собирается по всему пути каслания. Таким образом, кочующий чум «вырастает» в точке пересечения трех измерений: ресурсов территории, стада оленей и сообщества людей, каждое из которых по-своему обширно и мобильно.

Чум — главный признак жизни в тундре. Ненецкая загадка «Посередине тундры остроконечная куча, покрытая шкурами» (отгадка — чум) описывает эту примету обитаемого пространства. Остроконечность — один из эстетических канонов, выраженных в ненецком орнаменте, а также в описаниях одеяний и жилищ богов и героев. В равнинной тундре чум виден издалека и всегда «похож на чум», поскольку треугольником выглядит как весь его силуэт, так и одна макушка. По мере приближения путник замечает, что макушка треугольника задымила — значит, хозяева заметили гостя и кипятят чай к его

приходу. Несмотря на свой временный характер, чум служит надежным приютом не только для его хозяев, но и для скитальца: по старому обычаю, гость мог оставаться и жить в чуме сколько угодно без объяснений, извинений и оплаты (ныне из-за бурного развития этнотуризма об этом вспоминают как о золотом веке).

Ненцы-кочевники считают чум эталоном мобильного уюта, который, в отличие от прочих его разновидностей, можно носить с собой. Здесь все под рукой, всего достаточно, и нет излишеств. Чум можно считать «чистым вариантом» (или дизайн-проектом) этики минимализма.

Есть в чуме и особого свойства уют, доступный только человеку, живущему в открытом диалоге с природой. Чум остается частью тундры: в верхнее дымовое окно смотрят звезды и капает дождь, по хлопанью нюков ощутима сила пурги, треск копыт снаружи оповещает о приходе оленей. В свое время В. Иславину довелось ночевать в избах с его проводниками-самоедами и наблюдать, как они среди ночи, «один за другим выходя из избы, оставались на дворе и проводили ночь, кто скорчившись на саночках, а кто просто развалившись на снегу» (Иславин 1847:28). Неприязнь кочевника к «глухому и слепому» дому иногда граничит с клаустрофобией, и он предпочитает ночлег в хоркы-мя («куропачьем чуме» — куропатка спит в снегу, пробив с воздуха лунку в насте) сну в тесной избе.

КОНСТРУКЦИЯ

У народов Севера имеется немало своеобразных жилищ, различающихся по типам, форме, конструкции, материалу: заслоны и шалаши, землянки и срубные дома, яранги, вигвамы, вежи, иглу. Чум (мя) оленеводов-кочевников Ямала по архитектурно-строительной классификации относится к типу временных укрытий или переносных жилищ. Это легкое мобильное сооружение, состоящее из двух типоэлементов — длинных деревянных шестов (ну) и меховых (берестяных, брезентовых) покрышек-нюков (внешние ея, внутренние мюйко).

Каркасом (остовом) чума служат 25–50 шестов, поставленных конусом: к двум основным опорным шестам (макода, или мя' хасава — букв. «чумовые мужчины») на одинаковом расстоянии друг от друга приставляются остальные; нижние концы шестов втыкаются по кругу в землю или снег. Веревка, продетая сквозь отверстия вверху опорных шестов, образует петлю (макода' иня), в которую продевают верхние концы остальных шестов. Переплетение концов шестов в вершине чума служит одним из основных конструктивных узлов чума.

От количества и длины шестов зависит устойчивость и размер чума: чем больше шестов и шире расстояние между опорами, тем вместительнее жилище. В фольклоре ненцев чум бедняка рисуется «иглоподобным», чум богатого оленевода — в форме тупого конуса. Летний чум обычно меньше зимнего.

Шесты изготавливаются из тонкоствольной ели или сосны длиной от 5 м и более. Шест — не просто длинная жердь со слегка обработкой поверхностью, а сложный конструктивный элемент. Заготовка для шеста выбирается тщательно: особое внимание уделяется расположению и количеству сучков, ровности и легкости дерева. Шест обрабатывается в соответствии с законами сопротивления материала: поверхность его обстругивается и ошкуривается по всей длине таким образом, чтобы он с обоих концов постепенно утолщался к середине и имел овальную (эллипсовидную) форму сечения, что соответствует эпюре распределения сил. С нижнего конца шест заострен. Два основных опорных шеста прямоугольные в сечении.

При монтаже чума шест ставится ребром к нагрузке (ветровой, весу нюков). На каждой новой стоянке при очередной сборке чума

шест поворачивается на 180° вокруг своей продольной оси — для исправления и недопущения прогиба. При сильных порывах ветра все шесты чума прогибаются одновременно и одинаково, создавая направление равнодействующей силы строго вниз, обеспечивая прижимание конуса к земле.

Нижние концы чумовых шестов от длительного нахождения в снегу или во влажной земле подгнивают. Удаление подгнившей части приводит к тому, что со временем шест «стачивается». По высоте вершин торчащих из макушки чума шестов можно определить их возраст. Короткие, еле выступающие над конусом чума вершины шестов — старые (их подгнившие комли много раз подрубались), длинные — свежие. Тундровики-оленеводы берегут и ценят чумовые шесты. В тундре деревьев нет, и заготовки для шестов можно вырубить только зимой во время пребывания в лесотундровой зоне. Обычно за зиму подбирают и обрабатывают не более 10 штук.

На остов чума натягивают нюки из оленьих шкур (зимой) и бересты или брезента (летом). В верхней части чума (мяд'сарва) оставляется отверстие для выхода дыма — дымовое окно (макода'си). Вход (нё) чума прикрывается краем нюка, образуя откидную дверь.

Зимние и летние покрышки (нюки) различаются. Для зимнего чума шьют нюки из толстых (зимних) шкур взрослого оленя сухожильной нитью. Зимних покрышки четыре: две наружные мехом наружу (ея) и две внутренние (поднючье) мехом вовнутрь (мюйко). Все четыре покрышки имеют форму трапеции (усеченной половины развернутого конуса) и примерно одинаковы по размерам. К верхним углам покрышек пришиты «уши» (ея' ха, мюйко ха), в которые вставляются жерди для поднимания (подкидывания) нюка на остов чума. К «ушам» пришиты веревки (манг), которыми нюки крепят к каркасу чума, обматывая по спирали (сверху вниз) вокруг остова и привязывая концы к основаниям шестов.

На один нюк расходуется не менее 15–20 оленьих шкур, на полный комплект (четыре нюка) — 60–80. Наружные (верхние) покрышки шьют из новых шкур, а в качестве поднючья (нижних или внутренних покрышек) используют старые, вытертые наружные нюки, которые переворачивают ворсом внутрь. Если поднючье шьют из новых шкур, то шерсть

Разборка чумов. Фото Д. Куканова, 2016

на них подстригают. При хорошем уходе (постоянном выбивании снега зимой, просушке и хранении в проветриваемом месте) меховые покрышки хорошо сохраняют тепло. Поднючья предохраняют нюки от перепадов наружных и внутренних температур, предотвращая их быстрый износ. Двухслойность покрышек значительно улучшает теплозащитные свойства чума.

Для летнего чума сегодня используют покрышки из брезента и грубого сукна, реже выношенные зимние нюки в один слой. В старину покрышки для летнего чума (тиски) делали из бересты. Берестяные покрышки не намокают от дождя и хорошо пропускают воздух, поэтому чум хранит прохладу летом. Снятую рулоном бересту очищали от наростов и верхнего (белого) слоя, вываривали в воде (иногда с рыбьим жиром) в течение суток, отчего она становилась эластичной и прочной. Затем куски бересты сухожильной или толстой растительной (конопляной, льняной) нитью сшивали в длинные трехслойные (два продольных и один поперечный слой) полотнища (тэ). Для покрытия летнего чума требовалось 4-5 берестяных полотнищ: два верхних и два-три нижних. Дверь берестяного чума представляла собой прямоугольное или трапециевидное полотнище, края которого для прочности обшивались кожей. Подвешивалась дверь на двух веревках к одному из шестов. Перевозились и хранились берестяные покрышки свернутыми в рулоны. Берестяные покрышки служили 8–10 лет. Изготовление берестяных покрышек трудоемко, поэтому ненцы нередко покупали берестяные покрышки, как и чумовые шесты, у хантов и манси, которые специально изготавливали их для оленеводов.

В комплект чума входят 4–8 широких досок, которые настилаются на пол (для зимнего чума), а также маты из прутьев, травяные циновки и постели (шкуры). Маты, сплетенные из ивовых или березовых прутьев (ху"нер), укладываются на землю или снег. Поверх матов стелются циновки из сухой травы (ңумпэңа, ңутяр') или старые оленьи шкуры, а на них, в качестве «постели», цельные шкуры взрослого зимнего оленя (пэңа, хоба). Маты и циновки предохраняют «постели» от намокания и намерзания снега. Многослойная конструкция со всех сторон (и снизу) создает чуму теплоизоляцию и прочность.

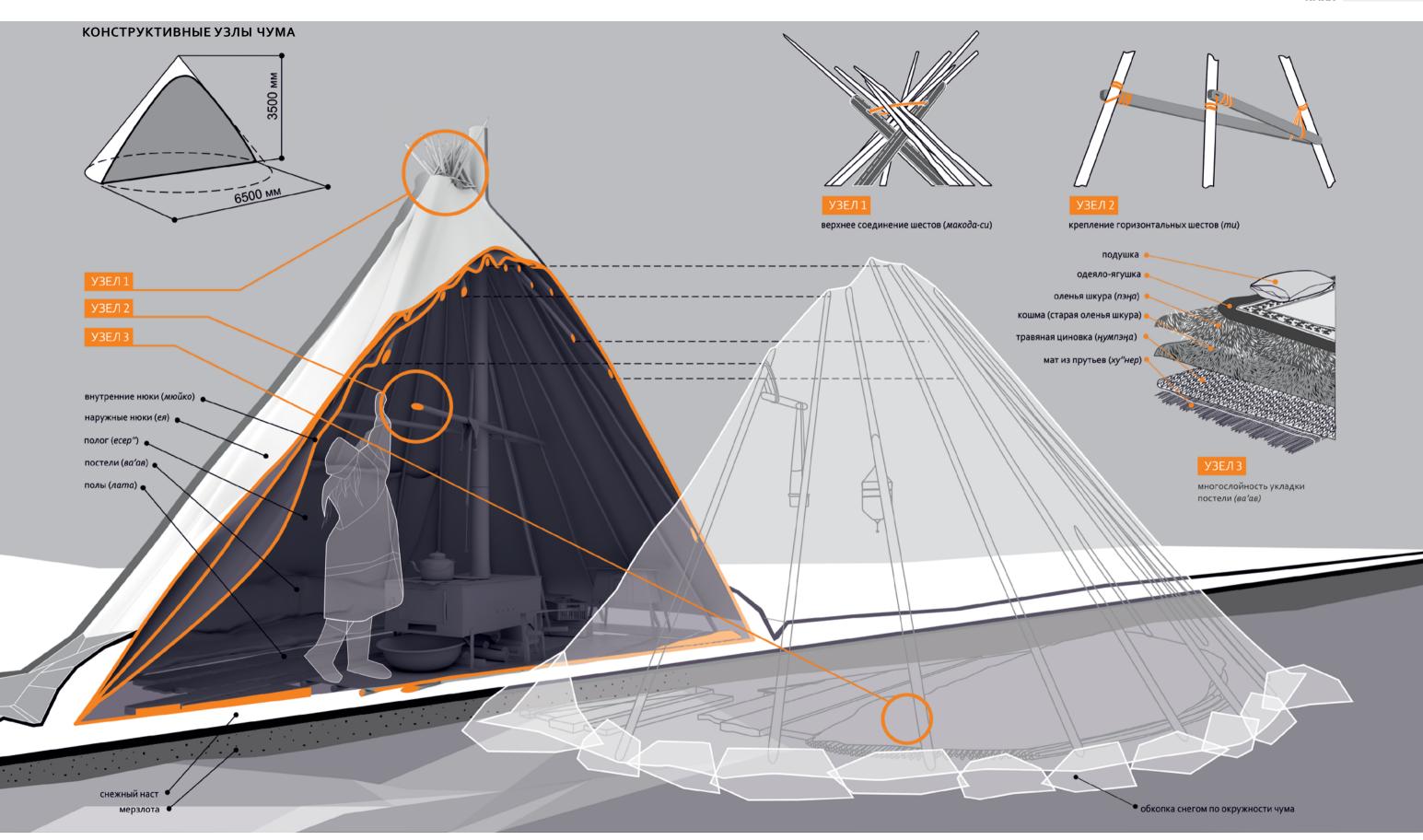

Рис. 52. Конструкция и основные узлы чума

СБОРКА

Последовательность сборки чума важна, поскольку позволяет (а) в нужной очередности скрепить конструкцию, (б) адаптировать ее к месту постановки чума, (в) соблюсти точность сборки-разборки «трансформера», (г) минимизировать и довести до автоматизма усилия по устройству жилья. Строгий порядок и темп сборки — черта мобильности, в том числе в условиях, которые в любой момент могут стать экстремальными. В этом смысле искусство установки чума — залог безопасности и выживания в Арктике. Нам не довелось слышать о случаях, когда по какой-либо причине (болезни, немощи, разгула стихий) оленеводам после каслания не удалось поставить чум. Разборка чума производится в обратном порядке (для последовательности укладки в нарты), однако она не столь критична в своей точности и темпе, как сборка, поскольку начало кочевки более регулируемо и предсказуемо, чем ее завершение.

Место для стойбища и чума выбирает мужчина, обозначая центр воткнутым в землю или снег хореем. Зимой для стойбища подыскивают закрытое от ветра пространство, летом, наоборот, открытое и хорошо продуваемое. Площадка вокруг чумов должна быть относительно ровной (для загона оленей), иметь источник чистой воды, но главное — находиться среди хорошего пастбища. Именно состояние кормов в первую очередь проверяет глава кочевья, определяющий местонахождение очередного стойбища.

Глава кочевья останавливает свой аргиш на том месте, где будет стоять чум; его выход всегда ориентирован на восход (юго-запад). Остальные аргиши выстраиваются по бокам от него, параллельно друг другу. Женщина и ее вещи не должны пересекать священную территорию за чумом (со стороны си-няны), поэтому мужчина выходит навстречу женскому аргишу и «размыкает» его, отделяя не-хан и сябу от следующих за ними нарт. Женщина ставит свои две нарты неподалеку от дверей будущего чума (со стороны нё-няны), а остальные нарты мужчина ведет по дуге вокруг будущего чума к месту их расположения. Таким образом, первым действием оказывается расстановка нарт вокруг площадки будущего чума.

Затем мужчина расчищает жилую площадку, после чего ведущая роль в сборке чума переходит к женщине. В дальнейшем мужчины лишь помогают постановке чума, перетаскивая вещи и поддерживая шесты. Главным действующим лицом и «инженером» в установке чума выступает женщина. В прежние времена сборка чума считалась сугубо женским делом. Как заметил В. П. Евладов, мужчины и «не умеют хорошо поставить чум». Оттого неженатый ненец, «даже имеющий достаточное количество оленей, но ни одной женщины в семье, не считает себя в состоянии кочевать, так как некому поставить чум» (Евладов 1992:161). В фольклоре родители девочки отвечают на предложения сватов, что она еще мала, «не сможет поставить чума на новом стойбище» (Терещенко 1990:27).

Установка чума занимает сорок минут час, в зависимости от сноровки хозяйки, наличия помощников и погодных условий. Первым делом женщина развязывает груз на сябу, достает железный очажный лист (тюмю) и кладет его на землю или на 3-4 опорные жерди. Затем по обеим сторонам от очага встык укладывают доски пола (лата). В прошлом по наличию досок судили о зажиточности семьи: «если у очага по одной доске с каждой стороны, то это чум бедняка, по три — середняка, по семь — богача». Следом заносят печку и габаритную утварь (столы, сиденья в виде чурок, ящиков, пенопластовых кубов-«поплавков»). С нарты сябу берут маты из прутьев и циновки и укладывают на ветки-лапник или прямо на снег (летом на землю) с двух сторон от досок пола, образуя две полукруглые постели-лежанки. С нарты юхоны снимают узел с постелями и оставляют на циновках до завершения установки чума.

На очереди установка опорных шестов, которые хозяйка, развязав веревки, достает из нарты нуто. В установке шестов-опор ей помогает мужчина или другая женщина. Перекрещенные ниже веревочного кольца шесты ставят так, чтобы они располагались за постелью на одинаковом расстоянии от входа и противоположной стороны, определяя диаметр чума. Верхние концы шестов кладут на стоящий за печкой столик, а нижние упирают в точки установки на равном расстоянии от входа и противоположной стороны, а затем синхронно поднимают их. Остальные шесты ставят с двух сторон в определенной последовательности. Основные шесты придерживают до тех пор, пока каркас не приобретет устойчивость.

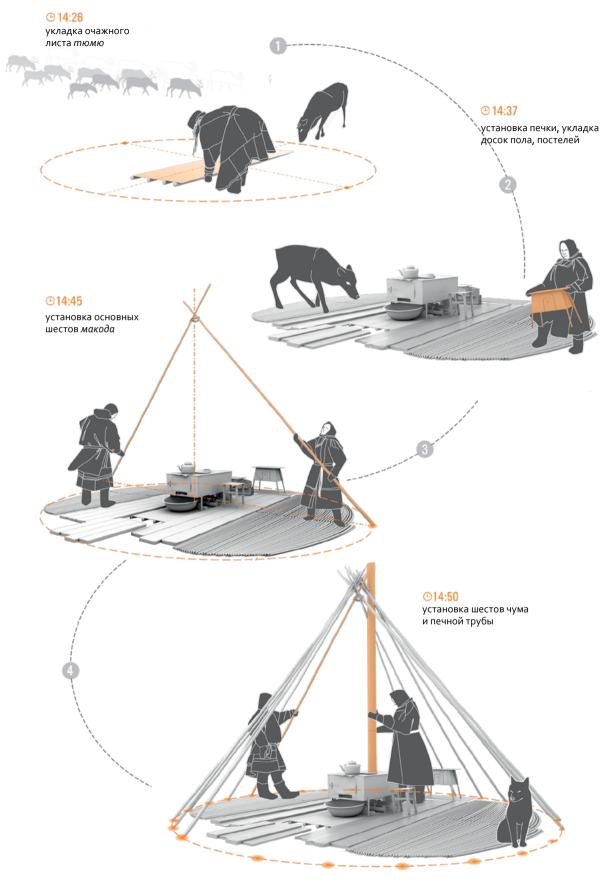

Рис. 53. Сборка чума (28.03.2016, стойбище Сэротэтто)

Хозяйка разбирает связки шестов на нуто и по одному устанавливает их по радиусу чума, заводя верхний заостренный конец в петлю шестов-опор. При этом она соблюдает известную только ей очередность шестов, перекладывая их на нарте, выбирая подходящий и устанавливая его в нужном месте. Движения женщины экономны и рациональны — перехватывая длинный шест в точке равновесия, она поворачивается спиной и закидывает конец шеста себе на плечо. Короткое движение — и шест занимает равновесное положение на плече. Несколько шагов — и нижний конец шеста опускается на землю. Точное движение — и острие заводится в петлю, а нижний конец упирается в землю на границе воображаемого круга. Расстояние между шестами должно быть равное.

Сначала хозяйка устанавливает по восемь шестов с каждой стороны чума, справа и слева от опорных, выстраивая боковые стенки (хуни). Открытыми остаются входовая (нё-няны) и противоположная (си-няны) стороны. В это время мужчина подпирает основные шесты, придавая им устойчивость. Затем заносят предварительно собранную из трех колен дымовую трубу. Ее верхний конец прислоняют к сплетению шестов со стороны си-няны. Затем женщина доставляет шесты со стороны си-няны, «оплетая» ими трубу. Когда веревочная петля основных шестов оказывается заполненной, остальные шесты кладут сверху. Завершается монтаж каркаса установкой двух шестов, образующих вход (нё).

Последним напротив входа устанавливается священный шест сымзы. Нижняя его часть ставится за очагом, а верхняя крепится в месте соединения основных шестов (макода). К двум привходовым шестам и *сымзы* приблизительно на высоте человеческого роста на веревочных петлях крепится надочажная конструкция в виде двух слегка расходящихся горизонтальных жердей (ти). Они темные, основательно прокопченные. Так как ти не касаются снега и влажной земли, они не подгнивают и не подрезаются, отчего сохраняются дольше опорных. Один из ненцев рассказывал, что шестам ти в его чуме более ста лет, они остались от первого набора шестов, доставшегося ему от дедов; по ти и исчисляется возраст чума. Поперек ти над очагом укладывается железный стержень (пад'ню) с крюком (па') для подвешивания котла. С помощью отверстий на верхнем конце крюка

регулируется высота расположения котла или чайника над огнем.

После установки каркаса на него натягивают нюки. Покрытие чума — самая тяжелая операция. Выполнить ее в одиночку и даже вдвоем сложно. Обычно двое мужчин (или женщин), вставив в «уши» (карманы) покрышек две специальные жерди (есенабць'), синхронно толкают (поднимают) полотнища вверх. А хозяйка, взявшись за нижний край, «хлопает» полотнищем нюка, облегчая скольжение, и одновременно растягивает его. После того как нюк занимает свое место в верхней части каркаса, люди с шестами, воткнутыми в «уши» нюка, расходятся в стороны, оборачивая верх покрышки вокруг шестов. Женщина закидывает веревки, пришитые к боковым сторонам нюка, на противоположную сторону и фиксирует их, завязывая у основания шестов. В зимнем чуме сначала натягиваются внутренние покрышки, затем внешние. На противоположной от входа стороне (пой), где сходятся нюки, их нахлест скрепляют (подпирают) нартой нуто, к которой привязывают веревки последнего верхнего нюка. К каркасу прислоняют жерди, предназначенные для сборки-разборки чума (в том числе для продевания в «уши» нюков). Мужчина обкапывает чум по радиусу, присыпая и прижимая снегом (летом дерном) «подол» жилища, закрывая щели и предотвращая сквозняк. Чтобы дым не задувало ветром внутрь чума через дымовое окно (макода'си) с наветренной стороны прикрывают зимой куском шкуры, а летом — куском бересты или брезента (регулирование тяги).

Пока мужчина обустраивает чум снаружи, женщина скрывается внутри, разводит огонь, вносит оставшийся домашний скарб, застилает постели: на матах из прутьев и циновках раскладывает оленьи шкуры; в изголовье валиком (ханзо) укладывает свернутую одежду, спальные ягушки-одеяла (то") и подушки (пыркабыт").

После установки чума мужчины сматывают и укладывают упряжь, а затем собираются на мужские посиделки хасавадё на стороне си-няны, чтобы обсудить прошедшую перекочевку. Чум оживает, когда в нем загорается костер или печь. Оттого, в какой последовательности задымили верхушки чумов, видно, кто из хозяек оказался на этот раз проворнее. Со светом огня и запахом дыма чум мгновенно обретает домашний дух, будто и не было никакой перекочевки.

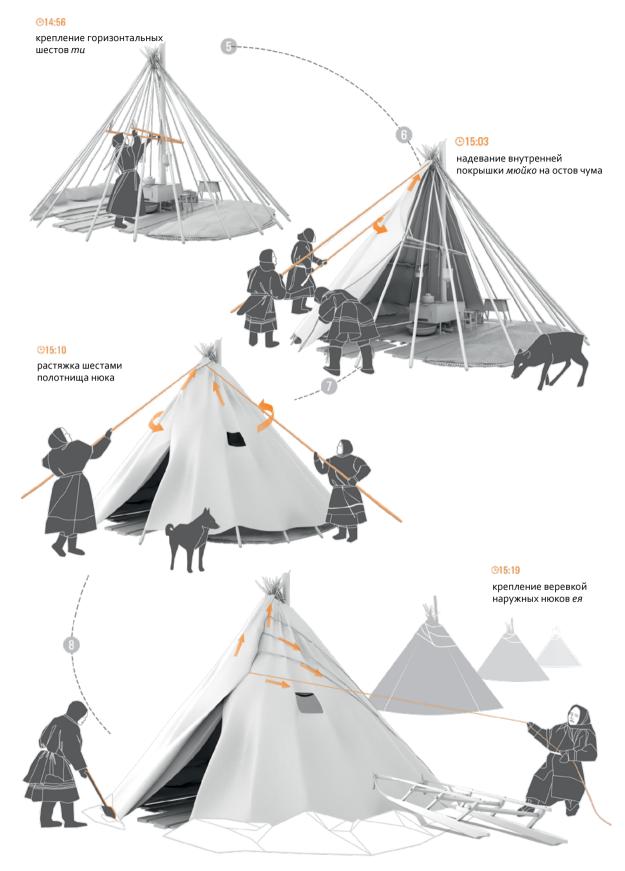

Рис. 54. Сборка чума (продолжение)

ТЕПЛООБМЕН

В Арктике важна быстрота согревания, пусть даже она пропорциональна быстроте остывания. Кочевники Севера научились управлять холодом. И в этом немалая заслуга чума, его конической формы и внутреннего устройства. Очаг (летом костер, зимой железная печка-буржуйка) располагается в середине чума. Поэтому каждый из «углов» жилища находится на равном от него расстоянии. Как бы ни располагались люди в чуме, они оказываются сидящими или лежащими вокруг огня. Кроме того, в чуме важными источниками тепла выступают сами люди, а также собаки (температура тела собаки на 1-2 градуса выше человеческой, благодаря чему спящие рядом с хозяевами псы служат «живыми грелками»).

Мобильное жилище кочевников отличается особым температурным режимом: послойное распределение воздушных потоков по внутреннему объему конуса позволяет свести к минимуму зависимость от внешних источников тепла. Измерения суточных колебаний температуры внутри чума в зимний, наиболее суровый, период показали, что даже в ночное время, когда не топится печь, и температура в помещении снижается до минусовой, в «жилых ячейках» (в развернутых пологах) воздух остается теплым — в комфортном диапазоне от +10 до +13°C, а в непосредственной близости от спящего человека и вовсе достигает +20°C.

Секрет комфортной жизни в чуме заключается в создании и поддержании своеобразной «тепловой капсулы» (идеального баланса температуры и влажности). Габариты «тепловой капсулы» варьируют от коллективного/семейного пространства (днем) до приватного пространства под пологом (ночью). Тепловизионная съемка интерьера чума демонстрирует оптимальное распределение тепла в дневное время: границы «капсулы» равноудалены от горячего центра-очага на расстояние, равное росту человека. Так формируется зона наиболее комфортной температуры, где располагаются люди, занимающиеся повседневными делами.

Понять процесс рационального распределения и сохранения тепла внутри чума можно, наблюдая за поведением дыма от открытого очага. Движение воздушных потоков в ограниченном объеме конуса проходит три стадии:

равномерное заполнение пространства, вертикальное расслоение и стабилизация: (1) с момента розжига огня дым сразу не поднимается кверху, а равномерно заполняет все внутреннее пространство чума, весь его внутренний объем; (2) через 5-10 минут, в зависимости от времени года и атмосферного давления. воздух над огнем начинает прогреваться и вытягиваться вертикально вверх, образуя своеобразный теплый «столб», по которому тепловые/дымовые потоки, уплотняясь с набором высоты, поднимаются к отверстию в верхней части чума, где образуется зона повышенного давления и тепла; (3) к этому времени остальной дым, заполнивший внутреннее пространство чума, прогревается настолько, что тоже начинает подниматься. Эта основная масса дыма, накопленная с момента розжига очага, устремляется вверх вдоль внутренних стенок конуса, постепенно уплотняясь. Достигнув определенной высоты (чуть выше человеческого роста), дым стабилизируется на этом уровне до тех пор, пока горит очаг. В результате образуются локальные участки с постоянной температурой и концентрацией дыма: в верхнем отверстии конуса образуется «термопробка»: она блокирует потоки холодного воздуха, препятствует образованию сквозняков в чуме, ее также не могут преодолеть гнус и комар. «Термопробка» удерживает часть дыма от очага внутри чума, создавая идеальные условия для термодымовой обработки меховой одежды и нюков (покрышек чума), просушке и копчении пищи.

Хорошо сохраняют тепло и двойные меховые покрышки, создающие эффект «термоса» (оболочка в оболочке). Для уменьшения объема и веса олений волос на внутренних нюках подстригают, оставляя лишь третью часть его длины. На первый взгляд может показаться, что с укорачиванием меха уменьшается и теплозащита стенки жилища. Однако все, что предпринимают кочевники для снижения веса и уменьшения объема поклажи при касланиях, положительно влияет на внутренний климат в чуме. Подстриженные внутренние нюки не обмерзают. При продолжительных стоянках в зимний период в мех набивается снег, у мездры он подтаивает и образует тонкую ледяную корку, которая, нарастая, утяжеляет нюк, шесты прогибаются, корка не дает нюку «дышать». В результате он отсыревает,

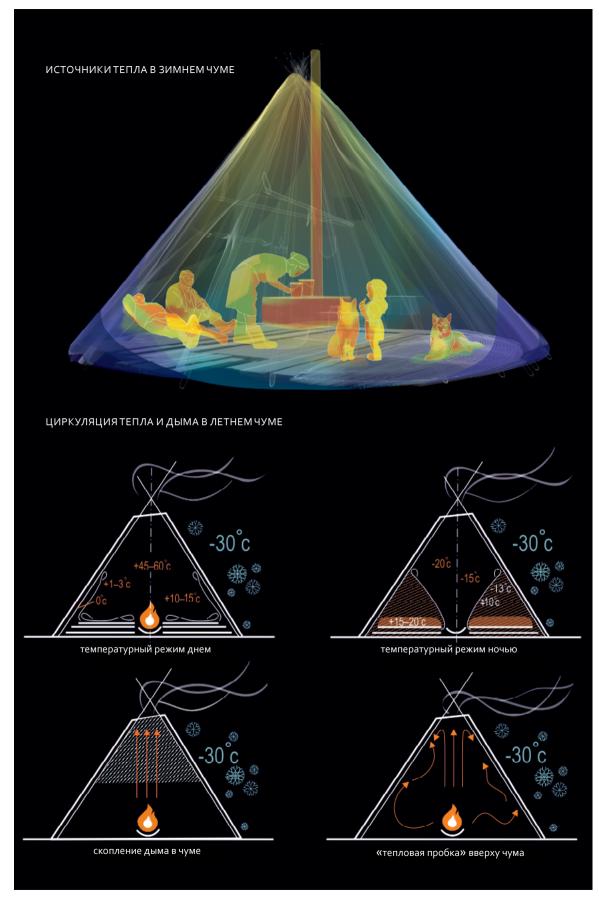

Рис. 55. Схема теплообмена и циркуляция воздуха в чуме

Чаепитие. Фото А. Головнёва, 2013

Снятие внешнего нюка (ея). Ямал, 2017

размокает его внутренняя сторона, а если нюк плохо прокопченный, то расползаются соединительные швы, и покрышка приходит в негодность. Когда волос на шкурах нюка длинный, лед удобно выбивать. Тяжелый нюк трудно снять (демонтировать) и крайне затруднительно натаскивать его на каркас чума на новой стоянке.

Излишек тепла на Севере так же недопустим, как и его недостаток. Каждое утро хозяйка чума специальной палкой в виде сабли (янгач) выбивает нюки на доступной высоте. И никогда не разведет чрезмерно большой огонь в очаге. Промеры температуры в максимальной близости от внутренней поверхности нюка (стены чума) стабильно показывали от 0°С до -3°С.

Спальные полога, днем собранные и привязанные к шестам чума, на ночь распускаются. Они делят внутреннее пространство чума на отдельные зоны — «комнатки». Несмотря на то, что шьются полога из обыкновенного ситца, они в значительной степени способствуют сохранению тепла зимой и защищают от гнуса летом.

При промерах температуры внутри чума во время сна его обитателей, при остывшем очаге и наружной температуре воздуха в –30°С, в чуме на 10–15 градусов выше, то есть от –15°С до –20°С, а внутри «комнатки» за пологом (при условии, что там спит один или два человека) –5°С, а то и 0°С. Во время сна тундровики укрываются (часто с головой) ягушкой (распашного кроя женской шубой), используемой в качестве одеяла. В сильные морозы используют кукуль — меховой спальный мешок. Путем создания «оболочки в оболочке», без дополнительного источника тепла можно значительно, почти в два раза, повысить температуру.

ТЕХНОАНИМАЦИЯ

Когда шесты чума скрипят под напором вьюги, а нюки хлопают, будто крылья огромной птицы, кажется, что чум живой и из последних сил борется со свирепыми арктическими стихиями. Когда, невзирая на ветра и холода, атмосфера чума наполняется дымом потрескивающего очага и запахом оленьего меха и мяса, возникает ощущение женско-материнского тепла. Независимо от гендерных вариаций образа (в чуме все же преобладает женское начало), он представляется живым существом. В прошлом кочевники выражали это в мифах и ритуалах, включавших срубание железными стрелами «головы чума» (в знак истребления врага) или стягивание верхушки железным обручем (обозначение смерти всех обитателей чума).

Верхушка чума действительно соответствует понятию головы (нэва) — и не только по своему верхнему расположению, но и по функции увязки всей конструкции чума. Она представляет собой узел, который держит все шесты и весь каркас. Верхние концы шестов образуют пучок сцепления, в котором сходятся и перераспределяются силовые импульсы. Особую нагрузку несут опорные шесты макода и священный шест сымзы, на который завязан второй важный узел чума — очажный. На шесте сымзы держится надочажное устройство (горизонтальные шесты ти, крюк па', котел ед), по нему в верхнее окно (макода си) идет дым «из дома в небо». Шест сымзы раньше отмечался семью вырезанными личинами, а в чуме шамана он венчался фигурой мифической птицы Минлей. Священный шест (вместе с очагом) не разделяет пространство чума на священное и обыденное, а объединяет его, играя роль своего рода позвоночника.

Крепость шестов, несмотря на тяжесть двойных нюков, определяется не только качеством древесины и толщиной жердей, но и их формой и установкой. Прочность опорным шестам макода придает прямоугольное сечение. У остальных шестов сечение овальное, и становка их ребром овала вверх (навстречу нюку) усиливает их прочность и устойчивость к тяжести.

Геометрическая форма чума — конус — самая устойчивая из всех фигур; в тундровой природе такой формой наделены горы и сопки. Коническая форма придает жилищу исключительную устойчивость: воздушные потоки, огибая конус, прижимают его к земле по всему

периметру, поэтому при сильных ветрах чум никогда не опрокидывается, а лишь сильнее прижимается к земле. Чум-конус отражает всевозможные внешние воздействия в виде ветра, снега, попыток сдвинуть его с места или перевернуть. Не было случая, чтобы правильно поставленный чум (угол образующей не более 50°) при сильном ветре переворачивался или рассыпался, хотя отдельные шесты чума ломались (обычно из-за изъянов древесины или неверной установки).

Еще одна ценность конической формы чума — он никогда не заносится снегом. С крутой и гладкой поверхности конусообразного чума снег легко скатывается, и его можно очистить, не снимая покрышек, постучав по нюкам специальной колотушкой янгач. Лаконичный силуэт чума органично вписывается в окружающую среду, не нарушая пейзажа тундры — ее плоскостей и фактур. Коническая форма для тундры своя, «родная». Самое характерное в облике чума (его мгновенная узнаваемость) — конусообразная форма (угол наклона 45–50°).

Сходство чума с живым организмом вызывают его наружные (ея) и внутренние (мюйко) покрышки, сшитые из оленьих шкур (каждая из 15–20) и вызывающих ассоциацию: чум — это существо в огромной оленьей шкуре. Подобие усиливается его «живой температурой» — собственным внутренним микроклиматом, притом что зимний чум устанавливается прямо на снежный наст. Маты из березовых прутьев, уложенные на снег в основание чума, образуют воздушную теплоизоляционную подушку.

Всё и все находящиеся внутри чума называются *мяд-тер* (содержимое чума, обитатели чума). В этом смысле люди и вещи относятся к одному разряду существ, объединенных общим качеством — местонахождение в чуме. Более того, чум оказывается вместилищем разного характера духов: мяд пухуча (хозяйки чума), ту пухуча (хозяйки огня), ңытарма (духа покойного шамана) и других. Можно сказать, что чум обладает собственной душой (или служит обителью душ): например, мяд пухуча, которая помогает женщине рожать, «живет» в чуме на подушках женской постели, а в кочевье едет вместе с женщиной в не-хан, охраняет чум, если хозяева почему-либо временно его покинули.

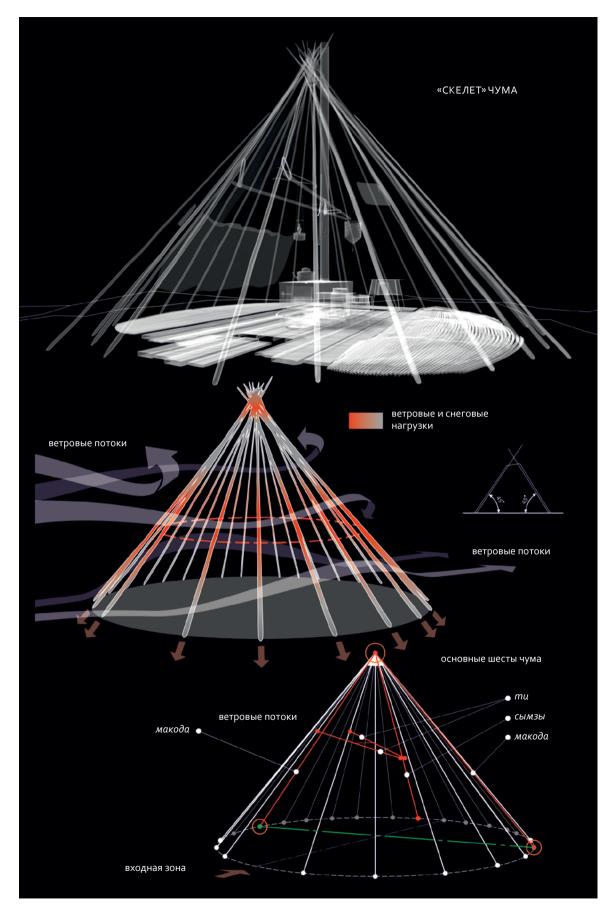

Рис. 56. «Рентген» чума

ВЕЩЕОБОРОТ

Центром жилища является очаг (костер, печка-буржуйка). Дальнее от входа пространство (си-няңы, синекуй) считается мужским, а у входа (нё-няны, нёний) — женским. Если от очага провести линию через си за пределы чума, то она выйдет на священную нарту хэхэхан, если линию провести в обратном направлении через нё (вход), она укажет на женскую «грязную» нарту сябу. Однако, несмотря на разделение чума на *си* и *нё*, все его пространство оказывается в той или иной степени женским. Не случайно чум — место девичьих игр, тогда как мальчики в основном резвятся снаружи. От вида полного преобладания в чуме женской воли и деятельности «напрашивается на язык не совсем точное определение, что жилище мужчины — это чум его жены» (Головнёв 1995:219).

Когда оленевод возвращается из тундры, он оставляет верхнюю меховую одежду совик-гусь на нарте и входит в чум «полураздетый» — в малице. На пороге он обивает снег с кисов и подола малицы женской домашней колотушкой (янгач), тогда как свою мужскую колотушку-лопатку он оставляет на нарте. В чуме мужчина снимает с себя малицу, меняет уличные кисы на домашние мякэця (старые меховые пимы). Свернутый пояс с амулетами и ножами он кладет в изголовье своей постели. Ложась спать, он укрывается мякы то' (женской ягушкой-одеялом). Таким образом, при переходе из тундры в чум он полностью меняет обличье, становясь мякэ (домашним, чумовым) и отдаваясь под покровительство женщины и очага. У ненцев в тундре — патриархат, а в чуме — матриархат: жилище ставится и снимается, обогревается и обустраивается женщиной.

Дальняя от входа (мужская, или священная) часть чума является и самой спокойной, защищенной от бесконечной суеты, заносимых через дверь клубов холода или комаров и беготни собак (в двух углах синекуя обычно располагаются псы-доминанты). По старому обычаю, здесь хранятся культовые предметы, а также мужские инструменты для домашнего ремесла, стоит светильник (обычно керосиновая лампа), часы, радиоприемник. Сегодня в синекуе вместе со священными предметами, или вместо них, располагаются компьютеры, зарядные устройства для гаджетов (сюда подведена линия электропитания от наружных электрогенераторов); это пространство оказалось удобным для жидкокристаллических

экранов «чумовых кинотеатров» (по вечерам нынешние жители тундры предпочитают просмотр киносериалов). В синекуе хранится посуда, пища, столик для еды. Чаще всех в синекуе, несмотря на его формально мужскую принадлежность, оказывается женщина, извлекающая отсюда несколько раз в день столик с посудой и пищей.

По традиции, женской считается привходовая часть чума и весь его низ — пол, застланный досками, циновками и подочажным листом (содержимым нарты сябу). У дверей сушатся дрова, висит умывальник, находятся веник, колотушка янгач, наружная обувь и одежда, снятые при входе в чум. На женской стороне висит люлька (ебц'), хранятся швейные и другие рукодельные принадлежности (женская сумка туця, мешок с заготовками пад, скребки яделабц', есей и т. д.).

По обеим сторонам от очага располагаются спальные места (ва'ав). Каждый член семьи в зависимости от возраста и статуса (положения) занимает определенное спальное место. Глава семьи, его жена и младшие дети располагаются в центре ва'ав, под основными шестами (места у макода — наиболее почетные). Неженатые сыновья размещаются ближе к переднему углу, а незамужние дочери — ближе к двери. Ближний от середины к си-няны угол, самое почетное место, занимают старики. Другие брачные пары (женатые сыновья, братья или работники с семьями) располагаются на противоположной половине чума. Обычно в чуме проживают одна-две семьи, каждая из них занимает свою половину. Гостей размещают, придерживаясь той же схемы: мужчины — от середины к священному углу, женщины — от середины к входу. Ситцевые полога (есер") на день полог заправляется за валик или свертывается в рулон и привязывается к шестам над постелью.

Постельные шкуры, которыми выстилаются спальные места, требуют регулярного обновления. Женщина всегда отличит свежую постель от несвежей. Из двух слоев меховых постелей в нижнем слое лежат старые шкуры. Смена постельных шкур происходит постепенно, по мере их износа.

Для вещеоборота в чуме характерно постоянство местонахождения вещей при высокой частоте их сбора и раскладки при перекочевках. Все они возвращаются точно на свои места,

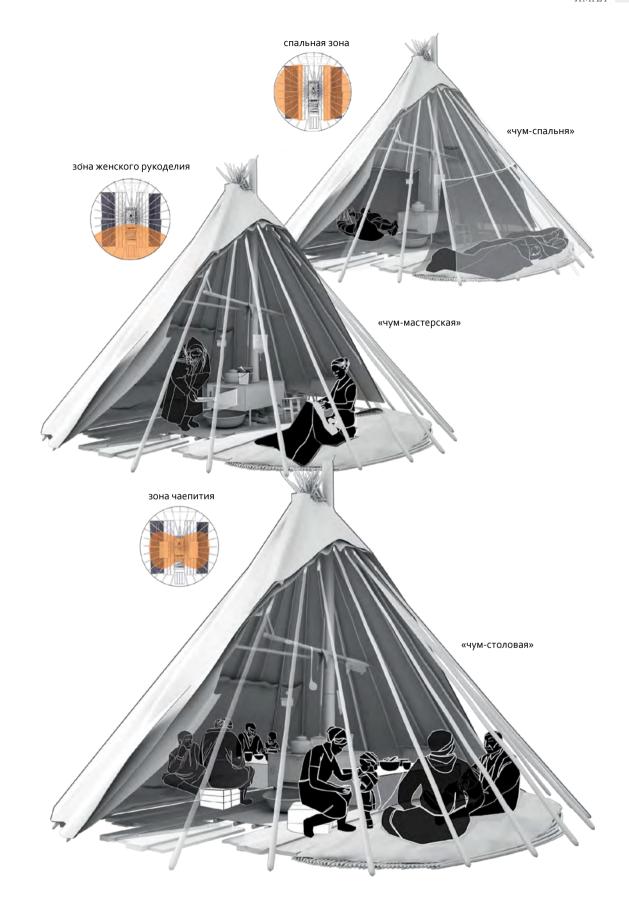

Рис. 57. Ритм жизни чума

Выделка шкуры. Фото А. Головнёва, 2013

а при потере или поломке заменяются копиями. Примечательно, что этот порядок соблюдается всеми ненцами-оленеводами, и мало кто из них импровизирует с интерьером (последней импровизацией, притом опять-таки коллективной, можно считать «компьютеризацию синекуя»).

Другим принципом кочевого вещеоборота можно считать четкое разделение наружных и внутренних (по отношению к чуму) вещей. Наружные хранятся на нартах, внутренние — в чуме, и путаница, если случается, немедленно ликвидируется хозяйкой. Промежуточным пространством для пограничных вещей (обуви, верхней одежды, дров, мусора) служит порог, находящийся под контролем женщины. В целом комплектация вещевого реквизита чума — ответственность женщины.

Внутри чума определяются три основные функциональные зоны: (1) кухонно-столовая,

включающая очаг, синекуй (где хранятся столовые реквизиты, включая столик и посуду) и приочажные зоны, куда ставятся столики для «чая» (всякая трапеза, независимо от меню, называется «чай»); (2) спальная, состоящая из меховых постелей и полога, раскладывающихся на ночь и сворачивающихся днем; (3) мастерская, распределяющаяся на мужскую и женскую части. Каждая из функциональных зон по-своему «кочует» по чуму, будучи сборно-разборной.

В ритме жизни чума обнаруживаются три основных состояния: (1) еда, (2) ночлег, (3) рукоделье (в основном женское). Интерьер чума меняет свой облик в соответствии с правилом трансформера: чум превращается поочередно в спальню, столовую и мастерскую. В этом отношении внутренняя жизнь чума отвечает кочевому принципу пространственно-временной слитности.

Копчение (дымление) шкур и рыбы на ти. Фото А. Головнёва, 2013

МАЛИЦА, ЯГУШКА, ПАРКА

Малица (мальця) — мужская одежда глухого покроя с капюшоном и рукавицами, шьется из осенней шкуры теленка (около шести неблюев) ворсом внутрь. Из шести оленьих шкур пять идут на спинку, перед, бока и панду; на рукава идут обрезки, на капюшон — отдельная шкура теленка; рукавицы шьют из камуса. Ненец среднего достатка имеет две-три малицы: новую для выездов в гости и зимних кочевий, демисезонную и рабочую. В качестве демисезонной и летней используется вытертая зимняя одежда. В плохую погоду поверх малицы надевают суконный совик. Весной и осенью мужчины также носят глухую одежду с капюшоном из сукна, сходную по покрою с малицей, но короче. Как и женская ягушка, малица со временем и износом меняет свой статус от новой до (через три года) демисезонной рабочей, а затем (еще через три года) до летней ровдужной. Старение малицы особенно видно по подолу, который иногда «болтается как собачьи хвосты».

Целостность кроя меховой одежды (малицы, совика) способствуют, аналогично чуму, сохранению и концентрации тепла в районе спины, груди и плеч. Трапециевидный крой и утяжеление подола нашивной пандой повышает устойчивость к сильным порывам ветра. Ветровой фактор способствовал складыванию традиции пришивать к верхней одежде шапку (малица) и рукавицы. Плотно облегающий голову капюшон (мальця сава, сёбя) из шкуры пешки (в два слоя, мехом наружу и внутрь) на вздержке-шнуре пришит к стану малицы и не спадает с головы при быстром движении и езде. Красивым считается капюшон из темного меха. В старину богатые ненцы шили капюшоны из меха бобра и соболя.

Подол малицы надставляется широкой полосой-опушкой (панд') из оленьего (шкура осеннего теленка или летнего взрослого оленя с коротким и плотным ворсом, в два слоя мехом наружу) или собачьего меха. Над пандой нашивается одна-две полоски сукна или меховая вставка-узор (нэсо), например, пять узких чередующихся по цвету полосок меха. Панда утяжеляет нижний край малицы. Во время езды на нарте панда, облегая ноги каюра, препятствует продуванию. Поверх малицы для предохранения мездры от воздействия влаги и загрязнения надевают навершницу или маличную рубаху (имбыт', мальця'

танга) из сукна или плотной ткани. По покрою она повторяет малицу без капюшона и рукавиц, только кроится несколько шире.

Рукава малицы, узкие у запястья и широкие у проймы, дополнены ластовицами и обшлагами, обшитыми тканью. Рукавицы (ноба) шьются из камуса ворсом наружу, с тыльной стороны они наглухо пришиты к рукаву, на запястье со стороны ладони имеется разрез, прикрываемый широким клапаном. Поскольку разрез находится с внутренней стороны в месте сгиба кисти, щель между рукавицей и клапаном остается закрытой, защищенной от ветра. Благодаря разрезу руку можно легко освободить из рукавицы, не снимая одежды, что очень удобно для стрельбы, разжигания костра, курения, различных работ, которые невозможно или сложно выполнить в рукавицах.

Носят малицу с поясом, делая над ним напуск, так что за пазухой (ма') можно, как в кармане, держать разные предметы, необходимые в дороге или при работе, особенно те, что нужно хранить в тепле и сухости. Покрой малицы (широкий стан и глубокая пройма) позволяют, не снимая одежды, высвобождать руки из рукавов, чтобы поправить или подтянуть лямки кисов, достать из внутренних карманов, если имеется нательная одежда, патроны, спички, набить трубку, почесаться и др. Изрядную часть времени, проводимого на стойбище, оленевод лежит или полулежит на постели в чуме, сидит на нарте, неторопливо ходит или стоит, вынув руки из рукавов и спрятав их в глубинах малицы. Зато в самый лютый мороз пастухи ловят оленей, сбросив рукавицы и капюшоны малиц, что обеспечивает оперативный обзор и точность действий руками, а также предохраняет тело от перегрева, при этом сохраняя в тепле наиболее уязвимые части тела — спину и грудь. С эргономической точки зрения покрой малицы и напуск над поясом не сковывают движения при работе с топором, бросании аркана, управлении упряжкой. Эргономика сочетается с безопасностью в экстремальных ситуациях, когда необходимо экстренное облачение или переодевание на морозе, в темноте или в кочевье: покрой малицы позволяет легко снимать и надевать ее на ощупь, одним движением — по ненецкой загадке «в одну дыру входишь, в три выходишь» (входишь головой в подол малицы,

Перед кочевкой. Фото Д. Куканова, 2016

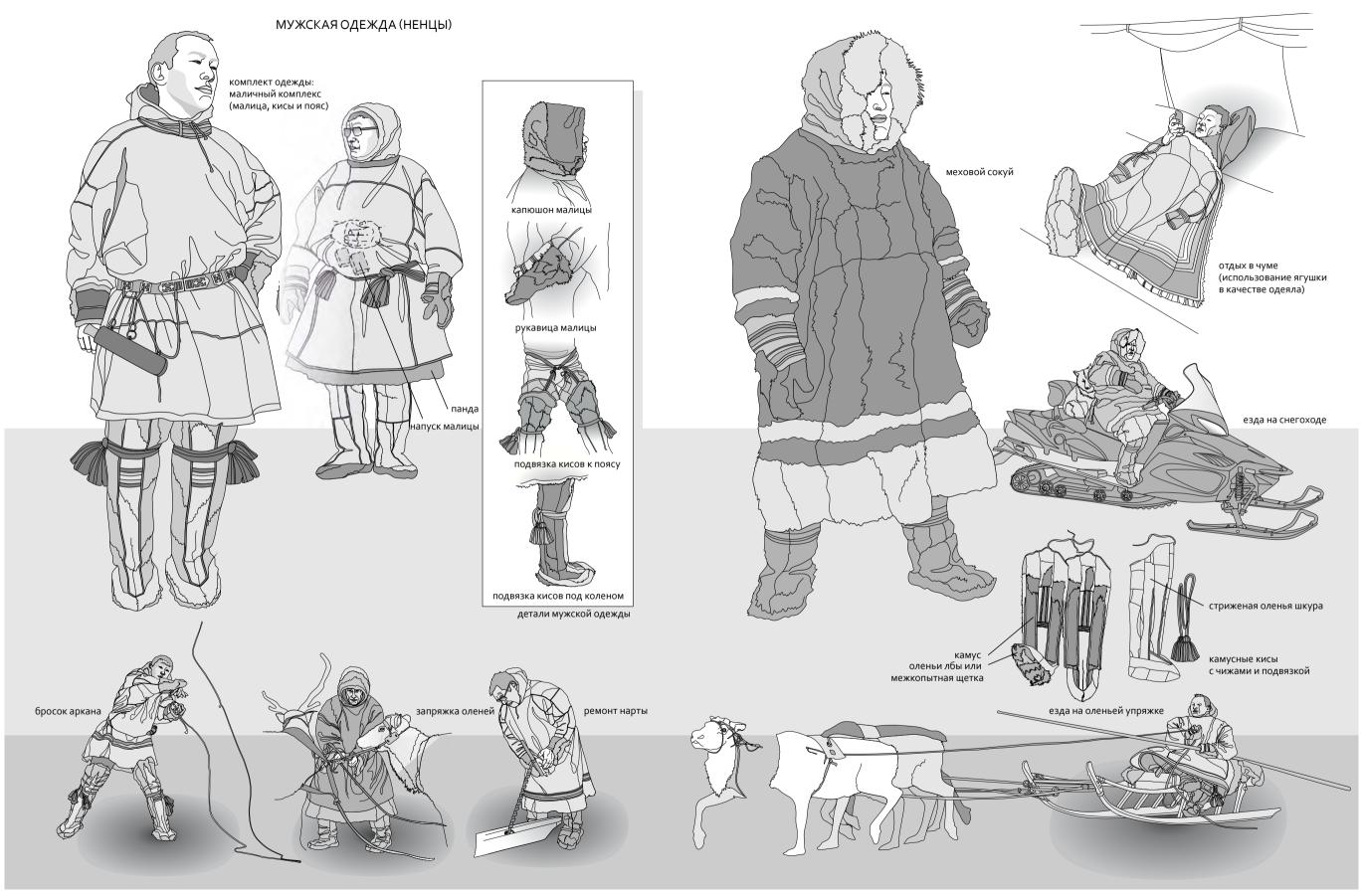

Рис. 58. Одежда ямальских оленеводов (мужчины)

выходишь в ворот и рукава) — без создаваемого современной одеждой риска потерять контроль над ситуацией, запутавшись в пуговицах и молниях.

Прагматика маличной конструкции вполне эстетична. Благодаря широкой пройме и толщине меха объем плечевого пояса в сравнении с объемом бедер (где малица подвязана поясом) укрупняется. Подпоясанная малица «усиливает» пропорции мужского тела и формирует мужественный силуэт «плечистого оленевода». Ненец в малице — олицетворение мобильности и северной эстетики (в проекции соответствия формы и функции вещи).

Малица — ядро «джентльменского набора», в который входят кисы (с чижами), совик (в холодное время), пояс, меховые или ровдужные штаны (в прошлом). В старые времена мужчины носили штаны (nu'мя) из пешки ворсом к телу. Они были широкими и до колен, на талии поддерживались с помощью вздержки, штанины заправлялись в меховые чижи.

В сильные морозы и пургу или во время дальних переездов поверх малицы надевают глухую одежду с капюшоном — совик (нен. савак, соок, рус. сокуй, кумыш, гусь), сшитый

из зимних или осенних шкур оленя (постели или неблюя) ворсом наружу. По покрою он — копия малицы, только сшитая мехом наружу, без рукавиц. Размеры его превышают габариты малицы настолько, чтобы совик можно было свободно надеть поверх нее. Шкуры для совика тщательно подбирают по цвету: белый, темный, пятнистый. Затылочная часть капюшона выполняется из шкуры с головы оленя, в ушки вшиваются суконные кисти. В швы на спине вкладывают кисти из цветного сукна. Подол совика, как и малицы, надставляется полосой меха (часто контрастного цвета). Капюшон оторачивают опушкой из шкуры оленя с длинным ворсом или двух песцовых хвостов. Носят совик без пояса. Совик относится к уличной одежде, его не вносят в чум, а снимают и оставляют в нартах. В пути при необходимости совик, надетый на малицу, заменяет спальный мешок: в нем ложатся прямо

Мужской пояс (ни) делается из сыромятной (коровьей) кожи. К нему на металлических цепочках крепятся: слева — нож (хар) в ножнах (хар' се', харанзе'), справа — точильный камень (сия) в кожаном чехле (сия се'). Пояс

В летних малицах. Лечение оленя от «копытки». Фото А. Головнёва, 2013

В летней малице. Лов оленей арканом. Фото А. Головнёва, 2013

декорируется латунными или костяными ажурными бляшками. Со стороны спины его украшает гирлянда медвежьих или волчьих клыков (тибя). По представлениям ненцев, клык медведя охранял мужчину от злых духов, приносил удачу в охоте и предохранял от боли в спине. С боку на поясе висит набор пясиков (продолговатых, круглых, квадратных костяных пуговиц для оленьей упряжи), а также костяное шило в чехле (савлюй лы — «острая кость») для развязывания узлов (особенно в холодную и сырую погоду). На поясах можно увидеть «записные книжки» (оттама пя) — деревянные палочки, на которых оленевод отмечает ему понятными значками сведения о стаде (количество телят, больных и привитых оленей).

Основная женская одежда, двухслойная зимой и однослойная летом — ягушка (нен. паны; не' паны, рус. паница, ягушка). В отличие от мужской глухой одежды, женская — распашная, что связано с кормлением ребенка грудью и необходимостью быстрого реагирования на температурные перепады внутри и снаружи чума.

У ягушки длинная жизнь, вернее, несколько жизней. Новая шуба, пышная и нарядная,

используется для выездов на праздники и в гости (в том числе в поселок и город), а затем в регулярных касланиях. Три года спустя она увядает и тускнеет, ее мех редеет и выпадает: ягушка становится демисезонной рабочей одеждой. Еще через три года она теряет остатки меха, превращается в летний замшевый халат и служит до полного обветшания или до момента, когда на ее место подоспеет следующая демисезонная ягушка. Таким образом, женская ягушка переживает три состояния — зимнего наряда, демисезонной робы и летнего халата. При взгляде на ее старость не всегда удается узнать в ней первоначальную праздничную красоту.

Женщины, в отличие от мужчин, могут пересчитать, сколько у них за жизнь было ягушек. Например, 45-летняя ненка в семье среднего достатка сшила за свою взрослую жизнь дюжину ягушек, т. е. в среднем она раз в два года шила себе новую ягушку. Таким образом, в гардеробе кочевницы постоянно используются как минимум три ягушки, при этом какая-то из них может храниться в оставленном на месте смены нарт сезонном аргише. Хозяйка чувствует себя уютнее, если для работы у печи у нее есть старая роба,

для коральных работ — теплая и добротная, а в вандоку лежит запасная ягушка. Кроме того, ночным одеялом каждому мужчине служит опять-таки ягушка (всегда найдется «ночная одежда» и для гостя); такая специально сшитая шуба называлась тон (одеяло). В обычае хорошей хозяйки иметь в общей сложности четыре-пять ягушек. Есть среди ненок и кутюрье, которые шьют ягушки на выставки и продажу, есть любительницы изысканного рукоделья, например, пошива шубы из ушей оленя. Одежда — самовыражение женщины, в ней проявляются персональные предпочтения и вкусы мастериц.

На пошив ягушки идет восемь и более неблюев. Верхнюю часть кроят из шкур оленя, а подкладку — из шкурок водоплавающих птиц или зайца. Стан состоит из спинки и двух пол: рукава втачные, пройма широкая. Спинка кроится из трех полотнищ, среднее обычно пятнистое или контрастное по цвету, борта и подол чаще темного цвета. Между станом и подолом вшивают полоски белого и темного меха (до четырех). Правая пола несколько заходит на левую; полы закрепляются пятью-шестью парами ровдужных завязок. Ягушка имеет воротник из песцовой (иногда лисьей) шкуры или хвостов, украшение составляют орнаментальные полосы, выполненные в технике меховой мозаики, а также разноцветные суконные полоски и кант. К ягушке пришивают рукавицы из оленьих камусов.

Ягушку обычно носят с поясом. Это плетеная из разных цветов овечьей шерсти или гаруса лента с большой медной или латунной пряжкой в виде кольца. Пояс складывается вдвое, опоясав талию, длинный конец продевают в кольцо и оба конца связывают вместе. Пряжкам, достигавшим в прошлом больших размеров, придавалось особое (сакральное) значение.

Женский зимний комплект одежды составляют, кроме меховой ягушки, шапка-капор и обувь. В качестве демисезонной и летней одежды употребляется поношенная зимняя (обычно без подкладки) или суконная ягушка (ной паны, нояця) без подкладки и рукавиц. В комплект летней женской одежды входят, помимо суконной ягушки, платья и платки.

Женские головные уборы (сава' нэ) — шапки-капоры из шкуры с лап росомахи на подкладке из шкуры оленя и шапки-капоры из шкуры с головы оленя с опушкой из песца или лисицы. Шапки двухслойные: внешний слой мехом наружу, внутренний (подклад)

мехом внутрь. Внешняя часть шапки из оленьего меха сшивается из трех частей: теменной, затылочной и шейной. Затылочная часть выкроена из шкурки с головы оленя.

Глазные отверстия зашиты кусочками меха и полосками сукна, концы которых свободно свисают. В ушки вшиты полоски сукна и кожи. Между основными деталями вставлены полосы меховой мозаики из белого и темного меха, в шов вложен кант из сукна. Украшением шапки служит опушка из песцовых хвостов или белого оленьего меха. Внутренняя часть шапки сшита из кусочков оленьей шкуры мехом вовнутрь. Завязывается под подбородком парой кожаных ремешков. К краю затылочной части шапки на ремешках и цепочках крепятся металлические бляхи мануфактурного производства, но особенно ценятся старинные бронзовые бляхи, которые передаются по наследству и служат оберегом. Когда женщина надевает шапку, бляхи опускаются на спину. Они значительно утяжеляют шапку, не давая ей наползать на лицо и не позволяя ветру сдуть головной убор.

Женская камусная обувь отличается от мужской деталями кроя: наличием треугольной вставки и более низким расположением горизонтальных полос в передней части, а также вшитого треугольника из меха контрастного цвета на пятке. Разница между мужскими и женскими кисами отражена в загадке: «У старика нос плоский, у старухи острый». Женская обувь не подвязывается под коленом. Летняя женская ровдужная обувь отличалась от мужской только способом завязывания ремешков: на женской он продевается спереди назад, на мужской — наоборот.

В праздничные дни, а раньше постоянно, женщины, девушки и девочки (начиная с 6-7 лет) носили накосные украшения или ложные косы (ңэбт). Они состоят из затылочной накладки и пары прикрепленных к ней длинных кос-жгутов. Затылочная накладка продолговато овальной формы выполнена из полосы кожи, обтянутой с обеих сторон сукном. С лицевой стороны на накладку нашивали металлические пуговицы, бусины и бисер. Закрепив накладку на затылке, женщина плотно приматывала косу-жгут полосками сукна или шерстяной тесьмой к собственным волосам. Концы кос украшались треугольными кусочками сукна или ровдуги, расшитыми бусинами, пуговицами. Между собой косы в нескольких местах соединялись цепочками и украшались металлическими

В зимней ягушке. Фото Е. Переваловой, 2014

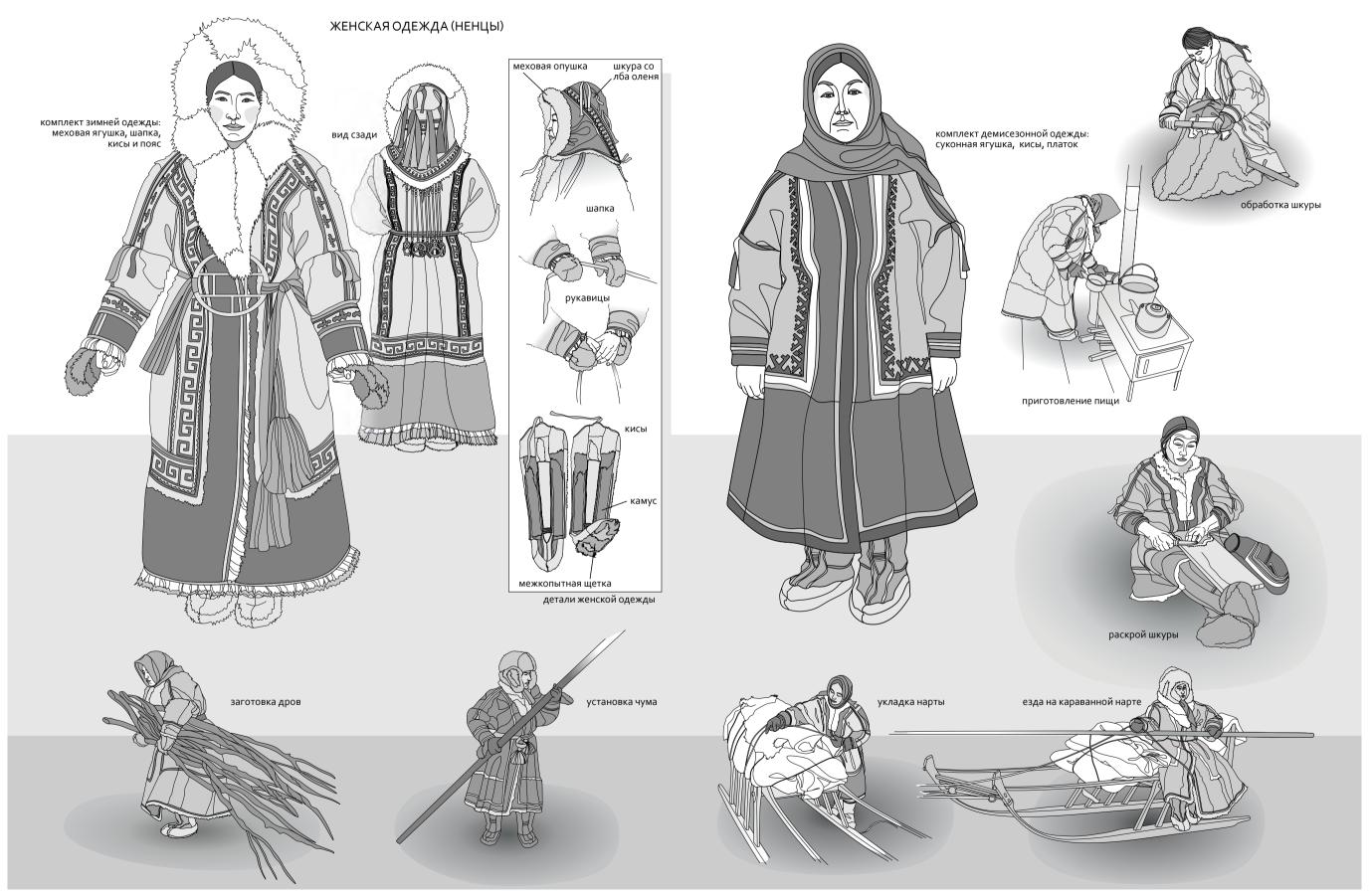

Рис. 59. Одежда ямальских оленеводов (женщины)

бляшками (в ход шло все — от старинных блях до деталей часов). Косы спускались по спине ниже колен. Когда женщина надевала меховую или суконную ягушку, косы заправляла за пояс. В настоящее время в будние дни женщины и девушки, имеющие косы, связывают их за спиной лентой или тесьмой, чтобы не мешали при работе.

С рождения человек ощущает себя в оленьем облачении. В момент выхода из материнской утробы он оказывается на оленьей шкуре-подстилке, и обрезанную пуповину ему перевязывают оленьей жилой. Затем младенца укладывают в люльку (ебц'), которую он покидает, начав ходить. Ребенка в колыбели называют хобатна (шкурный), и он действительно находится внутри овальной деревянной люльки обернутым в меховое оленье одеяло. В качестве пеленок используют мягкие шкурки пешки или песца. Внутрь одеяла под ребенка подкладывают измельченные гнилушки, сухой мохсфагнум и стружки. Затем гнилушки и мох выбрасывают, а меховые пеленки чистят и сушат.

Ненецкая люлька удобна простотой и легкостью своей конструкции: деревянный обод,

овальное дно и дуга служат оправой для мехового одеяла с меховыми пеленками, в которых располагается младенец. Его удобно кормить грудью, не вынимая из колыбели. Люлька сопровождает мать в удобных для нее позициях: часто она просто стоит на меховых постелях, иногда висит и по необходимости раскачивается на подвешенных к шестам чума ремнях. В комарное время на деревянную дугу, где обычно висят погремушки, крепится платок, предохранявший ребенка от гнуса. В морозную погоду на люльку надевают меховой чехол вроде кукуля, покрытого тканью (по функции — наружный слой меха). Колыбель с младенцем кочует с матерью в нарте-кибитке не-хан.

Покинувший люльку годовалый младенец — ядэрта нацекы (ходячий ребенок). С этого возраста до пяти лет он носит детскую парку — двухслойную меховую одежду (мехом внутрь и наружу, из пешки или другой мягкой шкуры), напоминающую по покрою малицу с рукавицами. К рукавичкам, спинке и капюшону пришивают яркие полоски сукна, а к рукавам — маленькие колокольчики, чтобы отпугивать злых духов и напоминать,

Игра на стойбище. Фото А. Головнёва, 2016

Девочки из рода Белооленных. Ямал. Фото А. Головнёва, 2013

где ребенок. К спинке парки крепят кольцо, чтобы привязывать ребенка подальше от костра к шестам чума (Хомич 1988:67). Детские комбинированные штаны-чижи шьют из мягкой шкуры пешки (или выпоротка), оставляя прореху между штанинами. Это отверстие позволяет малышу справлять нужду, не снимая штанов. Особый детский комплект представляет собой переносной двухслойный меховой мешок для детей двух-трех лет, удобный для перекочевки в холодное время.

С четырех-пяти лет детская одежда различается по полу: для девочки и мальчика шьют соответственно ягушку и малицу уменьшенных размеров. Детская одежда часто собирается из лоскутов шкур, заготовленных для взрослой одежды. Нередко детскую одежду шьют старшие сестры, для которых это служит опытом рукоделья.

Взрослеющие девочки участвуют в материнских занятиях кройкой и шитьем. Девочки подбирают остатки-кусочки меха, шьют маленькие сумочки для себя и одежду для своих кукол *нухуко*, изготовленных из клювов гусей и утки с туловищами из суконных полосок. Куклам тоже шьют одежду и одевают

сообразно полу в малицы и ягушки. У каждой девочки есть свои *туця* и *падко* с лоскутками меха и сукна, сухожильными нитками, копытцами новорожденных телят, бисером. Девочки изготовляют игрушечные колыбели из тряпочек и косточек птиц, мальчики играют миниатюрными арканами, луками и ножами, запрягают щенков в маленькие нарточки *ханоко*. В 7–8 лет, когда девочка уже может вести аргиш, а мальчик участвовать в пастьбе, ловле и запряжке оленей, они переходят в следующий разряд — *ңэдаледа ңацекы* (ездящий ребенок).

Таким образом, с меховых пеленок ребенок растет вместе с оленем и одевается пооленьи: сначала он кутается в шкуру пешки, затем надевает шапку или капюшон, сшитые из оленьих лбов и с оставленными для красоты (и соответствия) глазными прорезями, а также обувь с голенищами из камуса и подошвами из «щётки». Это буквальное копирование в своем облачении человеком оленя (разумеется, с добавками других шкур и материалов) экологично, технологично и эстетично. Традиционный набор одежды соответствует принципу техноанимации — уподобления живому существу.

Колыбель. Фото А. Головнёва, 2013

Пупта Сэротэтто. Ярсалинская тундра. Фото Е. Переваловой, 2014

Рис. 60. Одежда ямальских оленеводов (дети)

МОГОШКУРНОСТЬ И МНОГОСЛОЙНОСТЬ

Шкура оленя различается в зависимости от его возраста и времени снятия: «пешка» (шкура новорожденного теленка), «неблюй» (шкура четырех-пятимесячного теленка после первой линьки), «выросток» или «большешерстный неблюй» (шкура шестисемимесячного теленка), «постель» (шкура взрослого оленя, в том числе осенняя короткошерстная и зимняя длинношерстная). Кроме того, особенными качествами обладают: «камус» (шкура с голени оленя), «щётка» (шкура с межкопытной части ноги оленя) и «лоб» (шкура с головы оленя). Пешка используется для пошива детской одежды и головных уборов. Неблюи — основной материал для изготовления мужской и женской одежды, а также замши (ровдуги, шкуры без ворса). Осенними «постелями» выстилают спальные места в чумах. Зимние «постели» идут на покрышки для чума, подстилки для нарт и покрывала для клади, а также используются как спальные принадлежности. Кроме того, из шкур взрослых оленей изготовляются детали упряжи и верхней одежды. Камус идет на обувь (голенище), рукавицы и орнаментальные вставки. Из «щеток» и «лбов» выкраивается подошва для обуви. Из ровдуги шьют обувь, штаны, узоры.

Шкура олененка обладает лучшими качествами для пошива одежды: она мягкая, с густым, нежным и стойким ворсом. Чем старше олененок, тем толще у него кожа и длиннее шерсть. У взрослого оленя мех длинный и теплый, однако волос ломок и легко выпадает.

При раскрое и пошиве меховых изделий (чумовых нюков, одежды, обуви, женских сумок) шкуры подбираются так, чтобы ворс всегда был направлен вниз. Это обеспечивает скатывание капель дождя, мокрого снега, иначе загнивание шкуры без дымотермической обработки неизбежно.

Волос на ногах и голове оленя не полый, а плотный и гладкий. Камус — гладкий, крепкий, с толстым мездровым слоем и коротким блестящим волосом — обладает высокой прочностью. Из камуса шьют обувь, рукавицы зимней одежды (малиц и ягушек), женские сумки. Им подбивают лыжи для лучшего скольжения и ограничения обратного хода (соскальзывания на подъемах) за счет жесткой однонаправленной ости. Часть шкуры снятой с головы оленя — лобаш (или лоб) — используется

при пошиве летней мужской обуви и женских сумок. «Щётка» — небольшие кусочки шкуры между копытами оленя, используемые на подошвы кисов. Это очень жесткий и грубый волос на прочной коже с толстым мездровым слоем. Волос на щётке упругий, закрученный по спирали, благодаря чему исключает скольжение по снегу. Другое преимущество щетки состоит в том, что она не забивается снегом, даже если нога ступила сначала в наледь, а затем в сухой снег; упругость и жесткость волоса препятствует намораживанию ледяной корки.

Одна из главных особенностей меховой одежды (особенно обуви) северных кочевников — водонепроницаемость. Секрет заключается в термообработке (копчении-дымлении) шкур. Технология термообработки проста: меховые вещи и заготовки развешивают в чуме на горизонтальных шестах ти на уровне зависания дымового слоя (чуть выше среднего человеческого роста). Временно сшитые между собой кусочки шкурок долго коптятся в дыму. Их готовность для шитья определяет мастерица на ощупь или делая небольшой срез. После этого заготовки кроят и сшивают плотным швом, сухожильной ниткой и трехгранной иглой. Затем изделие (например, обувь) выворачивают мездровой частью наружу и вновь коптятся в дыму с более высокой температурой. В это время и происходит спайка или оплавление швов. Прокопченный в дыму камус становится непромокаемым, а сшитая из него обувь служит очень долго. Сегодня старая технология пошива водонепроницаемой обуви уступает место покупкам резиновых сапог.

Многослойность изделий из меха — универсальная технология теплозащиты. Однако во всех случаях это не раз и навсегда сшитое изделие, а сборно-разборная конструкция, соответствующая правилу кочевого трансформера. Другими словами, число слоев теплозащиты зависит от ситуации, и кочевник никогда не наденет лишний слой во избежание перегрева и потоотделения. Эффект теплоизоляции усиливается при сдвоенности шкур, например, в сочетании нижних и верхних покрышек чума (на лето оставляется один слой нюков). По тому же принципу изготовляется и носится одежда: как чум служит «самой верхней из одежд» для кочующей семьи, так и одежда оказывается «маленьким чумом».

Среди меха и шкур. Фото Д. Куканова, 2016

Когда оленевод, слегка сгорбившись и расставив ноги, сидит на нарте, он силуэтом напоминает чум. Зимняя одежда надевается в той же последовательности, что и покрышки чума: сначала обращенная мехом внутрь малица (как мюйко чума), затем широкий, мехом наружу, совик-гусь (как внешний нюк ея). Из двух слоев состоит и обувь.

Как и в чуме, многослойность создает «эффект термоса» (оболочки в оболочке). Дело и в другом качестве двухслойной одежды: нижний слой прилегает к телу, отдает максимальное количество тепла, а верхний защищает мездру от вытирания, высыхания и загрязнения.

Традиционная обувь кочевников — двухслойная с высоким голенищем (до паха) — благодаря сложному покрою повторяет форму ноги, что обеспечивает свободу движений. Верхнюю часть зимней обуви (кисы) шьют из обладающего большой прочностью камуса (пена) ворсом наружу. Подошва выкраивается из шкуры со лба оленя или из «щёток» (вэра) — нижней части ног. Ворс на подошве направляется вперед, чтобы избежать скольжения при ходьбе. В швы для прочности прокладывается кант из разноцветного сукна. Носится зимняя обувь с чулками (либт', тобак') из оленьей шкуры (обычно шкура пешки, у которой мягкая кожа и нежный мех) ворсом внутрь.

Сначала надевают чижи, затем — кисы. Обувь крепят к поясу ровдужными ремешками (тем, те' мищь'), мужскую дополнительно под коленом стягивают плетеными из разноцветной шерсти подвязками с кистями. Зимняя обувь богато орнаментируется меховой мозаикой, полосами и кантами цветного сукна. Теплозащитный зазор между ступней и холодной почвой (снег, лед) столь мал. что для его увеличения между подошвами кисов и чижей прокладывают стельку из сухой травы. К концу дня при длительной ходьбе стелька настолько уплотняется и увлажняется, что теряет свои свойства. Вечером хозяйка достает траву и сжигает, а на ее место в просушенную за ночь обувь кладет свежие стельки. Вообще меховая обувь требует тщательного ухода (просушки и починки). У хорошей и заботливой хозяйки обувь членов ее семьи и гостей всегда сухая.

В сильные морозы или при длительной езде на нартах поверх традиционной пары (кисы и чижи) надевают еще один слой обуви — няры, сшитые из оленьей шкуры с длинной шерстью, мехом наружу, длиною до колен. Кочевник, одетый в меховую композицию малица-совик-чижи-кисы-няры, непробиваем для мороза и ветра, хотя и несколько скован в движении (ловить оленей в таком наряде сложно, но ехать на нарте комфортно).

МАГИЯ ЖЕНСКОЙ СУМКИ

Все, что сшито из разных шкур и тканей, от огромного зимнего нюка ея до детской куклы нухуко, сделано руками женщины. Как мужчина связывает арканом, упряжью и веревками стадо и караван, так женщина сшивает сухожильными нитями весь набор укрытий и одеяний, включая покрышки чума, постели, одежды, подстилки, покрывала. Женщина несет ответственность за всю переработку шкур в одежду и жилище.

Традиционно символом женщины считалась швейная сумка туця (в сопровождении мешка *пад*). Невесту принято выбирать по красоте не лица, а шитья. По одежде, сшитой для себя и своих близких, судили о достоинствах женщины. Выросшей из пеленок девочкой считалась не та, что научилась ходить или выговаривать слова, а та, что «держит иглу». День, когда девочка впервые осмысленно брала в руки иглу, становился маленьким женским торжеством. Бабка или мать изготовляли ей швейный мешочек и игольницу. С той поры и до последнего своего дня женщина шила. Умение «обращаться с иголкой и наперстком», «шить одежды из звериных шкур» в большей степени, нежели возраст и телесная зрелость, определяли готовность женщины к замужеству. Девочку могли отдать в жены в 7-8-летнем возрасте. Но, как повествуют сказки, если девушке уже пятнадцать лет, а она «не может пришить подошву к своему пиму», «не умеет шить даже рукавичек», ей замуж выйти не суждено.

Судя по фольклору, особую роль в судьбе женщины играла сумка для рукоделия *туця*. В описываемых легендами свадьбах невеста рисовалась непременно «одетой в хорошую одежду» и «держащей меховую сумку». При переезде из дома отца в дом мужа невесту укладывали на отдельную нарту, ее вещи (приданое) — на другую. Лишь один предмет, помимо одежды, принято иметь при себе — *туця*.

В швейной сумке рядом с иглами и нитями женщина хранила свои амулеты и предметы для очистительного окуривания: шкурки бобра, чагу. В сумке туця мать берегла пуповины своих детей. Женщина была неразлучна со своей сумкой, даже когда ей приходилось отправляться в иной мир. Когда женщина умирала, ей в изголовье клали туця.

Шить приходится много — всю жизнь. Пока старуха способна двигать руками, она шьет.

Даже если она уже слепа, ее руки продолжают шить. Печаль по поводу наступающей старости выражалась словами: «Мои глаза не видят края моего шитья, мой наперсток стал дырявым» (Ненецкие сказки 1984:86). При всей занятости женщины у очага, основное время она проводит, сидя у входа, за скоблением, разминанием и раскройкой шкур, сучением нитей из оленьих сухожилий и шитьем.

За магией женской сумки и искусством шитья скрыта технология шва. Для швеи особую заботу и ценность представляла нить: в XIX в., по свидетельствам очевидцев, когда женщине приходила очередь (после мужчин и гостей) отведать свежей оленины, она не только ела, но и вытягивала зубами жилы для шитья (Абрамов 1857:354).

Нити для шитья одежды получают из сухожилий оленя. Самые длинные и прочные сухожилия из ножных и спинных мышц оленя используют при сшивании покрышек чума и наружной одежды. Изготовление сухожильных нитей — занятие кропотливое, и каждая тундровичка обучена приемам обработки жил с детства. Как правило, заготовка нитей происходит в зимнее время года, чтобы к лету (длинный световой день) иметь необходимый запас ниток. Сухожилия извлекаются из ножных и спинных мышц оленя при разделке туши. Удалив ножом с сырых сухожилий остатки мышечных волокон, их сушат, подвесив на веревке в чуме или снаружи. Хорошо высушенные сухожилия могут долго храниться. Перед дальнейшей обработкой их «разбивают» (обухом топора или молотком). Расщепленное сухожилье разделяют зубами на части, а потом «теребят» — разделяют на тонкие волокна специальным инструментом таскатченан.

Нитки для шитья одежды делают только из спинных сухожилий. Их осторожно раздергивают пальцами на тонкие волокна и скручивают друг с другом. Конец одной пряди берут в рот, смачивают слюной, присоединяют к ней следующее и скручивают. Нитка должна получиться одинаковой толщины. Известно несколько способов скручивания ниток: правой ладонью на бедре, на щеке или на левой ладони правой рукой. Готовую нитку протаскивают сквозь зубы, чтобы она была ровной.

Сухожильные нити сматывают на крепилки, сделанные из подъязычной кости оленя, кости предплечья гагары или лебедя, из рога или

За рукоделием. Фото А. Головнёва, 2013

бедренной кости оленя. К крепилкам особой петлей за середину нити привязывают 10 прядей по 10 нитей в каждой и сплетают в косы — всего 100 нитей. Петля позволяет вынимать по одной нитке из пучка с помощью игольного ушка.

Сухожильная нить отличается по цвету (темные — летней заготовки, светлые — зимней), толщине сучения, длине и назначению. Самые тонкие нити предназначаются для вышивки бисером, средние — и для шитья меховых орнаментальных деталей одежды, а более толстые и крепкие — для пошива обуви. Сухожильная нить эластична, прочна и не поддается гниению. В одежде минимальное количество швов. Конструктивные швы выполняются в местах, менее всего подвергаемых прямому продуванию: стан сшивается по бокам, рукам с внутренней стороны, дополняют их плечевой шов и шов проймы.

При шитье меховой одежды и сборке элементов меховой мозаики часто применяется потайной шов «через край» с изнаночной стороны. Для прочности и сохранения тепла в швы прокладывается кант из цветного сукна, который, кроме того, усиливает декоративный эффект меховой мозаики. В старину вместо сукна использовали подшейный олений волос. Пористые материалы, будь то олений волос или сукно в несколько слоев (обычно два-три), делают шов более эластичным, но сохраняют плотность и непродуваемость. Шов не только прочен и долговечен, но и эстетичен (одна из иллюстраций ненецкого принципа «красиво то, что практично»).

Искусство шитья сыграло ключевую роль в освоении Арктики, хотя кажется метафорой выражение: вся многоообразная меховая культура ненцев происходит из маленькой женской сумки.

РУССКАЯ ЛАПЛАНДИЯ

Кольский полуостров, известный в прошлом как Кола, Колопермь, Терь, Мурман или Русская Лапландия, расположен в Заполярье и омывается на севере и северо-востоке Баренцевым морем, на юге и юго-востоке — Белым морем. Площадь полуострова составляет около 100 тыс. км², а площадь Кольского края (полуострова с прилегающей материковой частью) — 145 тыс. км², 0,8 % площади РФ. Административно полуостров входит в Мурманскую область.

На западе Кольского полуострова располагаются горные массивы Хибины (высота 1 191 м) и примыкающие к нему Ловозерские тундры (высота 1 120 м). На востоке у морских берегов в рельефе преобладают впадины, плато и террасы, покрытые лесом, лесотундровым редколесьем, горными и приморскими тундрами. По ландшафтной зональности Кольский полуостров состоит из тайги и тундр. Важные для кочевников-оленеводов открытые пространства тундр тянутся неширокой (около 100 км) полосой по морскому побережью (вдоль Мурманского берега, огибая полуостров с востока, сходят на нет в районе Чаваньги на Терском берегу Белого моря). Особенностью Кольской тундры является почти полное отсутствие мерзлоты. Реки полуострова принадлежат бассейну Баренцева и Белого морей и отличаются порожистостью. Среди них выделяются Кола, Поной, Тулома, Воронья, Варзуга, Нива, Печенга; самые большие озера — Имандра, Ловозеро, Умбозеро (Природные условия и ресурсы... 2018; Кольский полуостров 2009:357).

С праисторических времен полуостров находился на путях миграций и коммуникаций между западом (Скандинавией) и востоком (Русским Севером). В заселении севера Фенноскандии, начавшемся около 11 тыс. лет назад, сошлись западноевропейский и восточноевропейский потоки мигрантов, предков скандинавов (индоевропейцев) и финнов (уральцев), образовавших цепь раннеголоценовых культур маглемозе-фосна-комса-аскола-кунда (Шумкин 2001:17-24). Береговые стоянки кольского арктического палеолита датируются концом VII — началом VI тыс. до н. э. Кольскую провинцию осваивали предки саамов, связанные культурными и генетическими узами с лежащим к югу и востоку уральским этнокультурным массивом.

Древнейшие обитатели Кольского края были охотниками на оленя и морского зверя, а в эпоху раннего металла (судя по изображениям оленей на скалах и, особенно, рисунку оленя в загороди на одном из костяных предметов) в Фенноскандии развивается оленеводство (Гурина 1997:131-137). В IX в. скандинавские финны (саамы) и норвежцы содержали стада домашних оленей; например, у халогаландца Оттара «было шестьсот прирученных животных, которых... называют оленями [hranas]; среди них есть шесть оленей-манщиков [stælhranas], которые очень ценятся у финнов, так как с их помощью они ловят диких оленей [wildan hranas]» (Alfred 1855). В эпоху викингов отмечается заметное оживление северных берегов Норвегии и плаваний скандинавов на восток (Hofstra, Samplonius 1995). Пути по морю и по суше не только пересекались, но и дополняли друг друга: оленные кочевья начинались там, где кончались морские, и были их сухопутным продолжением (в скандинавской и северорусской практике они дополнялись конным транспортом). Саамский очаг оленеводства находился в прямой связи с морской скандинавской культурой, и кочевья саамов примыкали к бьярмийскому пути норманнов (Головнёв 2009:311-356).

Русские ладожане и новгородцы унаследовали от северных норманнов морские пути и контакты в Бьярмии и на Кольском полуострове. В XII в. новгородцы владели волостью Тре (Терским берегом), а к концу XIII в. освоили всю Кольскую Лапландию, основав поморские селения Варзуга и Кола. Поморы совершали промысловые и торговые рейды от Норвегии до Ямала, поддерживая навигацию по Северному морскому пути. Благодаря поморской торговле к концу XVI — началу XVII в. Кольский острог становится главным русским опорным пунктом и международным торговым портом в Заполярье (Озерецковский 1804:6-9; Ушаков 1960; Ушаков, Дащинский 1983:10-14).

В советское время Мурманск (в прошлом Романов-на-Мурмане) стал опорным портом Северного морского пути и (с 1938 г.) центром области, имеющей для СССР и России особое геостратегическое и промышленное значение. На западе она соседствует с Финляндией и Норвегией, на юге — с Карелией, на востоке — с Архангельской областью. Сегодня

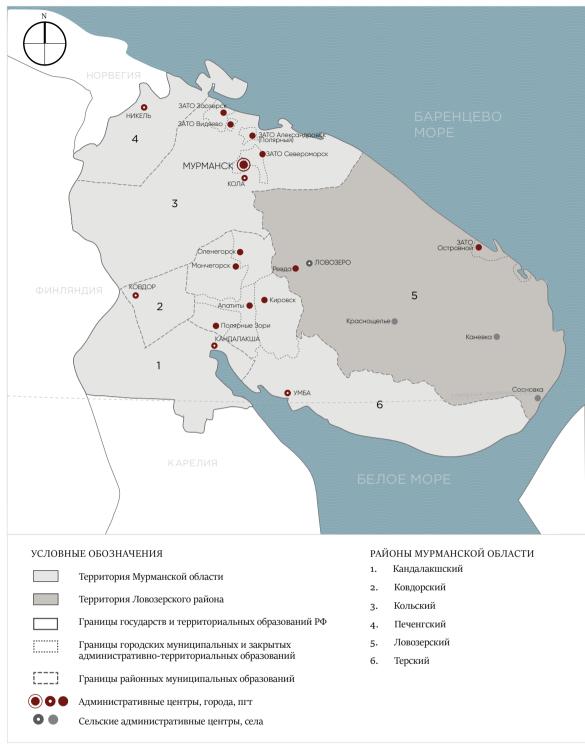

Рис. 61. Административно-территориальное деление Мурманской области

Мурманск — самый крупный город в мире за Полярным кругом (около 300 тыс. чел.). В целом Мурманская область — высоко урбанизированный регион: большинство населения проживает в городах и поселках городского типа (Апатиты, Мончегорск, Оленегорск,

Кировск и др.) (Территория Арктики 2018; Социально-экономическое развитие... 2018). Вместе с тем на востоке Кольского полуострова, в Ловозерском районе, сохраняется оазис традиционного саамского и коми-ижемского оленеводства.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ

Крупнейший порт и единственная незамерзающая глубоководная гавань в российской Арктике Мурманск сочетает в себе функции главной базы Северного морского пути и Северного флота (военного, атомного ледокольного, торгового, тралового, морского рыбного), форпоста геополитики России на севере Европы и центра рыбной промышленности Баренц-региона. На Кольском полуострове расположены пункты базирования Северного флота России, подведомственные Министерству обороны — закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО): Североморск, Видяево, Заозерск, Островной и Александровское с городами Полярный, Гаджиево и Снежногорск. В Североморске размещается штаб Северного флота, на авиабазах Оленья, Североморск-1 и Североморск-3 дислоцирована авиация Северного флота (Территория Арктики 2018:89-111).

Уходящая корнями в поморские промыслы, мурманская рыбопромышленность охватывает акваторию от Атлантики до Новой Земли, специализируясь на вылове и консервации трески, пикши, морского окуня, краба, зубатки, черного палтуса, сайды, морской камбалы, мойвы и др. К промысловым полуморским и речным видам относятся семга, горбуша, форель, ряпушка, сиг, хариус, корюшка, снеток, ерш и другие виды, переработку которых обеспечивает целый каскад рыбокомбинатов на Кольском побережье. В Мурманской области производится почти каждая шестая тонна товарной пищевой рыбной продукции, вырабатываемой в России (Мурманский рыбокомбинат, один из крупнейших в стране, работает с 1932 г.) (Природные условия и ресурсы... 2018). Инфраструктура морских водных путей составляет основу мурманской системы коммуникаций. Речной транспорт на Кольском полуострове не развит, поскольку реки полуострова короткие и порожистые.

На суше становление кольской индустрии связано с разработкой полезных ископаемых, начало которой положило открытие в середине XVII в. серебряных и медных рудников на Поное. Открытие в начале 1920-х гг. экспедицией А. Е. Ферсмана минералогической кладовой Хибин, в том числе самого крупного месторождения апатитов и ряда месторождений редких металлов, определило

перспективы промышленного освоения региона. В 1929–1930 гг. для освоения рудников в Хибинах был создан трест «Апатит», заложен город Хибиногорск (Кировск) и запущен каскад ГЭС «Нива» (с 1934 г.). В 1935 г. к ним добавились «Североникель» и Мончегорск. В 1955-1965 гг. на базе железорудных месторождений Оленегорское и Ковдорское были созданы горно-обогатительные комбинаты (ГОК) по производству концентратов (Магидович И. П., Магидович В. И. 1986:49; Ушаков 2001; Пожиленко и др. 2002). Ныне сеть горнодобывающей и горно-перерабатывающей промышленности включает: ГОК «Апатит» (Апатиты, Кировск) — производство фосфатного сырья, Кандалакшский алюминиевый завод (Кандалакша) — производство первичного алюминия, Кольскую горнометаллургическую компанию (Мончегорск, Заполярный, Никель) — производство никеля, рафинированной меди, серной кислоты; Оленегорский ГОК (Оленегорск) — производство железорудного сырья; Ковдорский ГОК производство апатитового, бадделеитового и железорудного концентратов (Территория Арктики 2018:21-61). Современная добывающая промышленность вышла за пределы суши: на шельфе Баренцева моря ведется добыча нефти, разведано одно из крупнейших в мире Штокмановское газовое месторождение.

Энергетическую систему образуют: «Нива» (ГЭС–I, II и III), Кольская АЭС, Апатитская ТЭЦ, Мурманская ТЭЦ, Нижнетуломская, Верхнетуломская, Пазские, Княжегубская, Иовская, Серебрянские и Териберские ГЭС, а также Кислогубская приливная электростанция (Природные условия и ресурсы... 2018).

Транспортную сеть образует железнодорожная магистраль (построена накануне революции, в 1916–1917 гг.) Санкт-Петербург-Петрозаводск-Мурманск с ветками на Североморск, Никель, Заозерный, Мончегорск, Кировск, Ковдор, Алакурти. Аэропорты Мурманска и Апатитов связывают Кольский полуостров с отдаленными населенными пунктами области, городами России и зарубежных стран. По Мурманской области проходит автомагистраль (федеральная трасса) Р-21 (М-18) «Кола» от Санкт-Петербурга через Петрозаводск, Мурманск, Печенгу до Норвегии; в Мурманской области общая протяженность автодорог — 2 566 км (из них 2 472 км, или

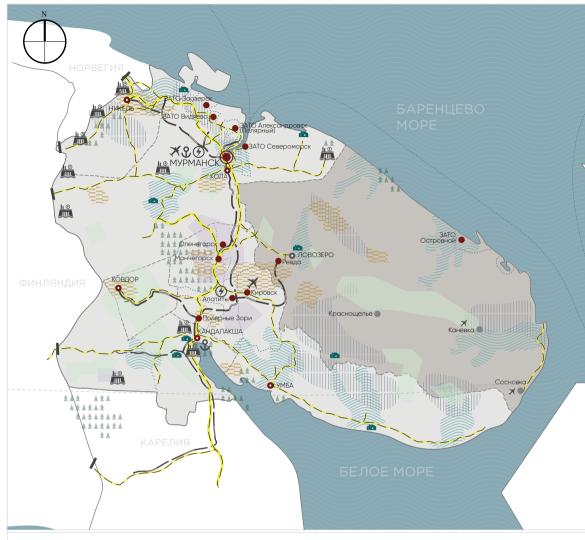

Рис. 62. Промышленная и транспортная инфраструктура

Туристская райда из саней «Метелица». Ловозерские тундры. Фото Ю. Коньковой, 2018

96,3% — с твердым покрытием). Приграничное положение и развитая транспортная инфраструктура создают хорошие условия для внутреннего распределения и экспортирования продукции (Кольский полуостров 2009. Т. 2:56).

Ловозерский район (площадь 53,8 тыс. км², более 1/3 территории Мурманской области; численность населения — 11 тыс. чел.) выглядит пасторальным оазисом в плотном индустриальном кольце, однако и его не миновала доля промышленного развития. Под оленьи пастбища выделено 50 % земельного фонда Ловозерского района (19 % территории Мурманской области). Выходное поголовье оленей по району на 1 января 2017 г. составило 50 001 голов (СХПК «Тундра» — 24 260 голов, СХПК ОПХ МНС «Оленевод» — 25 741), на 1 января 2018 г. — 50 177 голов (Отчет Главы Ловозерского района 2017). Оленеводство и животноводство соседствуют здесь с горнорудными разработками (градообразующее промышленное предприятие района — 000 Ловозерский горно-обогатительный комбинат — по добыче комплексных редкометальных и редкоземельных руд единственный в стране производитель ниобия

и тантала). Промышленной добычей редких полезных ископаемых заняты жители поселка городского типа Ревда, сельским хозяйством — население (в том числе коренное) сел Ловозеро, Краснощелье, Каневка и Сосновка (Комплексный инвестиционный план 2015).

Ландшафтные и климатические особенности региона (близость тундры, лесотундры и тайги, белые ночи и полярное сияние), огромный культурно-исторический потенциал в совокупности с транспортной доступностью (относительная близость к Санкт-Петербургу и Москве, наличие аэропорта Мураши) способствуют развитию туризма. Туристический бизнес становится частью экономики и одним из главных направлений развития малого бизнеса, в том числе этнических общин. Туриндустрия (рыбалка, сплав, спорт, природа, этнография) привлекает в Ловозеро до 200 тыс. чел. в год, среди которых немало китайцев и тайцев, проявляющих особый интерес к северному сиянию и рыбалке (по наблюдениям местных жителей, иностранные туристы «фотографируются с каждой пойманной рыбой»). Ловозеро считается резиденцией саамского Деда Мороза (Мунь Каллы).

Военные корабли. Порт Мурманска. Фото Е. Переваловой, 2018

СААМЫ И КОМИ-ИЖЕМЦЫ В КОЛЬСКИХ ТУНДРАХ

Кольские саамы (саами, лопь, лопари) — восточная группа коренного народа Фенноскандии Sami (Sámi), общей численностью более 80 тыс. чел. (из них около 2 тыс. живут в России), относящаяся по языку к уральской языковой семье. Саамы населяют северные районы четырех государств: Норвегии, России, Финляндии и Швеции. Традиционно страна саамов называется Лапландией (фин. Lappi, швед. Lappland, норв. Lapland) или, по-саамски, Sápmi (Sámeednam).

В прошлом пределы восточной Лапландии распространялись южнее, до Ладоги и Онеги (Валонен 1982:59-96). Есть версии более широкого их расселения — до Волхова на юге и Мезени на востоке (Лукьянченко 1990:205-215). В Карелии до середины XVIII в. сохранялось несколько лопарских погостов (Озерецковский 1804:60, 61). В конце XIX в. саамы занимали почти весь Кольский полуостров, за исключением части Терского берега от Кандалакши до р. Пялицы, где преобладали русские поморы. Административно территория расселения лопарей делилась на Понойскую (с управлением в с. Поной) и Кольско-Лопарскую (с управлением в с. Кола) волости. В середине 1930-х гг. на территории кольских лопарей было создано два национальных района — Саамский и Ловозерский, население которых состояло из саамов, комиижемцев, ненцев и русских. В 1964 г. Саамский район был объединен с Ловозерским, где сегодня живет основная часть кольских саамов (Лукьянченко 1971:7, 10).

В течение XX в. численность кольских саамов оставалась на одном уровне, но их удельный вес в Кольском крае снижался, особенно резко в 1930-е гг. с началом индустриализации: в 1926 г. насчитывалось 1 708 кольских саамов (7,47 % от общей численности населения), в 1939 г. — 1 755 (0,60 %), в 1956 г. — 1.687 (0.30 %), B 1989 - 1.615 (0.14 %), в 2002 — 1 769 (0,20 %), в 2010 — 1 599 (0,20 %) (Всесоюзная перепись 1926; 1939; 1956; 1989; Всероссийская перепись 2002; 2010), в 2017 — 2045 чел. По данным Ассоциации кольских саамов и Администрации Ловозерского района, большинство саамов (1 200) проживает в Ловозерском районе, остальные в Ковдорском (300) и Кольском (245); еще 400 саамов рассеяно по городам Мурманской

области. В 2010 г. в с. Ловозеро проживало 639 саамов, в г. Ревда — 148, в Краснощелье, Сосновке и Каневке, соответственно, — 69, 10 и 7.

Кольский полуостров, как Чукотка и Ямал, издавна был оленеводческим краем, а традиционный саамский образ жизни определялся как полукочевой. В хозяйстве саамов оленеводство играло если не главную, то важную роль наряду с рыболовством и охотой. Олень использовался преимущественно как транспорт и манщик в охоте на диких оленей (дикарей), память о которых сохранила поговорка: «Куда дикарь, туда и лопарь». Стада оленей у саамов были немногочисленны от 5-6 до нескольких десятков голов на семью (стадо в несколько сот оленей было редкостью и считалось богатством). Зимой саамы «жили в оленях» — содержали их вблизи жилья с использованием изгородей, отчего кольское оленеводство называют «избным». После отела оленей отпускали на лето в приморскую тундру на свободный выпас, а осенью вновь «имали» (собирали) под зимний избный надзор. Ездили, впрягая одного оленя в керёжу (повозку в виде лодки), а груз перевозили на вьючных оленях (ташка-быках) (Харузин 1890:104-108; Чарнолуский 1930; 1972:17-21, 111-117, 162-197, 215-227, 256; Хомич 1999:17).

В конце XIX — начале XX в. саамы заимствовали многие черты коми-ненецкого оленеводства (чум, нарты, веерная запряжка, глухая меховая одежда, технологии выпаса), благодаря чему их стада заметно выросли. В 1926–1927 гг. в Мурманской губернии числилось 371 саамское хозяйство, в том числе 85 оседлых и 286 кочевых. У оседлых было 1769 оленей (в среднем по 20 на хозяйство), у кочевых — 19845 (по 60–70 на хозяйство) (Хомич 1999:17, 73). Эти перемены сопровождались утратой саамами лидерства в региональном оленеводстве под напором коми-ижемцев.

Коми-ижемцы (изьватас) — северная группа коми-зырян, сформировавшаяся в XVIII в. на р. Ижма на основе заимствованного у ненцев оленеводства. Технологически обновленное оленеводство позволило им поднять его на уровень «тундрового капитализма» и в XIX в. широко расселиться по Печоре, Большеземельской тундре, на севере Западной Сибири и Кольском полуострове.

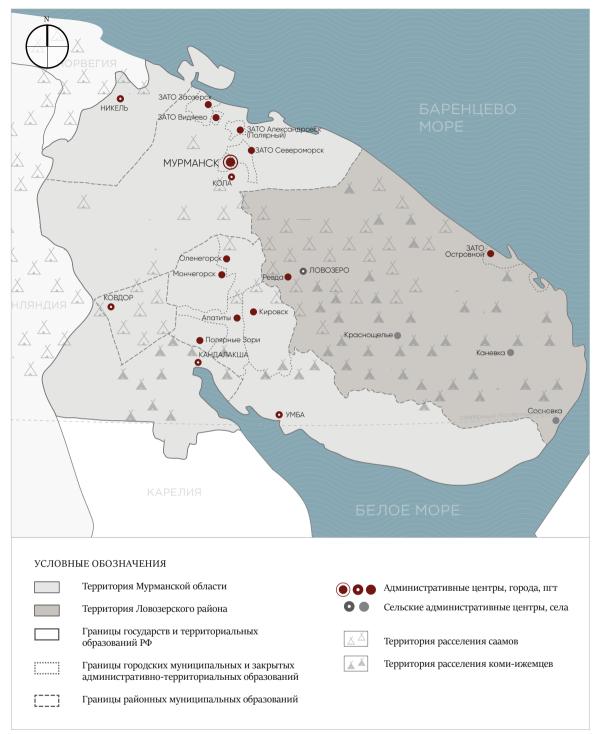

Рис. 63. Расселение саамов и коми-ижемцев

В середине XIX в. в поисках ягельных пастбищ ижемские оленеводы двинулись на восток за Урал, во второй половине столетия — на запад к Кольскому полуострову. Помимо хозяйственных мотивов, движущей силой расселения ижемцев по Российскому Северу были эпидемии копытки и сибирской язвы у оленей. Желанием сохранить свои стада от сибирки

была вызвана первая волна миграции ижемцев из бассейна Печоры и Большеземельской тундры на Кольский полуостров в конце XIX в. (Истомин 2015; 2017; Шабаев, Истомин 2017).

В 1882 г. ижемские оленеводы отправили на Кольский полуостров своих посланцев для выявления доступных пастбищ и состояния ягельников. На следующий год несколько

Гаврил Кириллов (саам). Фото Д. Куканова, 2018

состоятельных оленеводов-ижемцев (Иван Терентьев, Поликарп Рочев, Федор Канев, Степан Филиппов) погнали объединенное стадо в 8-9 тыс. оленей вдоль берега Белого моря, через Карелию в Кольский край. К весне 1884 г. переселенцы достигли Кандалакшского залива и по льду переправились на Кольский полуостров, а к зиме 1886/1887 г. добрались до Ловозерских тундр. По ходу переселения они пытались найти прибежище в Канинских тундрах и на Кандалакшском берегу, но встретили отпор. Поначалу воспротивились их вселению и ловозерские лопари, жаловавшиеся на то, что «стада ижемцев выбивают ягель, и что ижемцы убивают лопарских оленей или уводят их в свои стада». Местные власти неоднократно в 1889-1896 гг. пытались выселить ижемцев, но те проявили упорство и умение находить общий язык с должностными лицами: в 1897 г. мигранты были приняты в местное общество Ловозерского саамского погоста, которое в ту пору представляло собой два десятка изб и небольшую деревянную церковь с колокольней на левом берегу р. Вирма (Хомич 1999:17). Вскоре на Кольском полуострове

кочевало уже 117 ижемцев, а в 1915 г. они составили большинство населения Ловозера (439 из 690 человек), продолжая мигрировать с Ижмы вплоть до 1930-х гг. В 1917 г. на р. Поной появилась ижемская деревня Ивановка, в 1924 г. — Красная Щель, в 1925 — Каневка (Черняков 1998:54). Кольская группа комиижемцев постепенно сближалась по численности с кольскими саамами: в 1926 г. на полуострове проживало 715 коми-ижемцев (3,13 % от общего числа жителей в Мурманской области), в 1939 г. — 1 121 (0,38 %), в 1956 г. — 1 659 (0,29%), 1989 r. — 2 167 (0,19%), 2002 r. — 2 177(0,24 %), 2010 г. — 1 649 (0,21 %) (Всесоюзная перепись 1926; 1939; 1956; 1989; Всероссийская перепись 2002; 2010). Основными центрами расселения ижемцев на полуострове стали саамское село Ловозеро (ныне — центр Ловозерского района Мурманской области), где до 1950-х гг. ижемцы составляли большинство населения, а также основанные самими ижемцами села Краснощелье, Каневка и Ивановка.

Ижемцы превратили оленеводство в прибыльное товарное производство, включавшее

Игорь Чупров (коми-ижемец). Фото Е. Переваловой, 2018

ежегодный массовый осенний забой на продажу, изготовление и торговлю меховыми и кожаными изделиями (в том числе зырянской замшей и меховой обувью), наем работников-пастухов. Освоив кольские просторы, мигранты коми-ижемцы добились стремительного наращения размеров стад и наладили широкую торговую сеть сбыта продукции оленеводства. «В начале XX в. оленье мясо в замороженном виде отправлялось ими в Архангельск, финский порт Улеаборг и даже в Норвегию, а оленьи шкуры — в Москву и Петербург» (Конаков, Котов 1991:66). Коми-ижемская технология оленеводства позволила им значительно нарастить свои стада: 1891 г. — 10 тыс., 1909 г. — 30 тыс., 1910 г. — 36 тыс., 1914 г. — около 40 тыс. оленей (Конаков, Котов 1989:65).

Сегодня два крупнейших оленеводческих хозяйства Мурманской области — кооперативы «Тундра» в Ловозере и «Оленевод» в Краснощелье — объединяют большинство оленеводов Кольского полуострова (Проект организации территории... 2008; Сельскохозяйственный производственный

кооператив «Тундра» 2018). Несмотря на начавшееся еще в позднесоветские времена сокращение численности коми, количество проживающих на Кольском полуострове ижемцев примерно равно числу саамов (в Мурманской области проживает 1 649 коми и 1 599 саамов) (Всероссийская перепись 2010), однако среди оленеводов ижемцы доминируют: они составляют большинство работников предприятия «Оленевод» Краснощелья и половину работников предприятия «Тундра» Ловозера; оба оленеводческих крыла СХПК «Тундра» возглавляют ижемцы Владимир и Юрий Филипповы, и даже в левом крыле, где раньше работали исключительно саамы, ныне преобладают ижемцы и ненцы. На языке коми говорят оленеводы Краснощелья и Каневки. В Ловозере саамы и ижемцы образуют сообщество, говорящее на одном (русском) языке и практикующее общую систему оленеводства. В Ловозерском районе ежегодно проводят общие для саамов и ижемцев праздник Севера и День оленевода, отмечают Международный день саамов (6 февраля) и ежегодный «Коми

ОЛЕНЕПРОИЗВОДСТВО

Оленеводство Кольского края обладает целым рядом особенностей технологии, инструментария, социальной организации выпаса и переработки продукции. Самобытность его обусловлена как историей развития в XIX — начале XX в. (взаимовлиянием саамской и ижемской систем оленеводства), так и внешними факторами (природная среда, относительная, по сравнению с другими регионами Российского Севера, населенность и развитость экономической инфраструктуры, приграничное положение, обеспечивавшее к нему особое внимание в советский период и позволившее местным хозяйствам легче найти рынки сбыта в постсоветский период).

Сегодняшнее кольское оленеводство производственная сфера, профессиональный род занятий, а не образ жизни, как на Чукотке и Ямале. Соответственно, олени представляют собой сырьевые ресурсы, бегающую оленину, предназначенную для переработки, продажи и, частично, личного потребления. Личные олени здесь — не частные стада, а доля (своего рода акция) работника в общем оленеводческом капитале; их процент, по одним данным, не превышает 10, по другим, достигает 20 (Север и Северяне 2012:262). В этом смысле выработанный еще до революции коми-ижемский тундровый капитализм сохраняет в Кольском крае свои функции и особенности, несмотря на деформации в эпоху социализма.

Главное оленеводческое предприятие края — сельскохозяйственный производственный кооператив «Тундра» в Ловозере сочетает черты разных пережитых им форм (колхоза, совхоза, коллективного долевого товарищества), а статус оленеводства в его профиле адекватно передается названием «оленеводческий цех» (наряду с цехом по переработке мяса, молочной фермой и др.). При этом оленцех — единственное в кооперативе рентабельное отделение, продукция которого формирует 50-60 % прибыли предприятия и компенсирует убытки других цехов (Отчет Главы Ловозерского района 2017). Возможности сбыта продукции (близость крупных городов, наличие дорог (Лебедев 1931) с дореволюционных времен задали кольскому оленеводству в его ижемском менеджменте ориентацию на рынок, рентабельность

и технологические инновации. Для него значимы бренды и марки: в последние годы СХПК «Тундра» неоднократно становился лауреатом конкурса «Лучшие товары и услуги Мурманской области» и программы «Сто лучших товаров России» (Сельскохозяйственный производственный кооператив «Тундра» 2018).

Постсоветский кризис вызвал спад поголовья оленей в Мурманской области: в 1990 г. насчитывалось 77,5 тыс. оленей, в 2000 г. — 70,0 тыс., в 2010 г. — 62,47 тыс., в 2011 г. — 58,9 тыс. (Север и Северяне 2012: 260). Однако в последние годы оно стабилизировалось и даже пошло в рост: в 2014 г. — 54,4 тыс., 2015 г. — 56,2, в 2016 г. — 56,8, 2017 г. — 58,1. Львиная доля (90%) кольского поголовья оленей приходится на СХПК «Тундра» (Ловозеро) и СХПК «Оленевод» (Краснощелье, Каневка, Сосновка), владеющих стадами по 24-25 тыс. оленей. Остальные 10 % приходятся на общины и фермерские хозяйства, использующие оленей в ассортименте туриндустрии.

Сегодня территория «Тундры» разделена на два крыла — левое (западное) и правое (восточное). В левом крыле состоят три (4-я, 6-я, 7-я) бригады с 15 пастухами и общим стадом около 14–15 тыс. голов. В правом крыле — четыре (1-я, 2-я, 8-я, 9-я) бригады с 13 пастухами и общим стадом около 9–10 тыс. голов (9-я бригада пасет свое стадо отдельно). Объединение бригад в крылья для совместного выпаса позволяет обходиться меньшими силами пастухов, снаряжая их поочередно попарно на дежурство согласно циклу перегонки стада в общем пространстве пастбищ и изгородей, а также слаженно проводить совместные коральные работы.

В «Тундре» ответственность за оленепроизводство в значительной мере несет начальник оленцеха коми-ижемец Владимир Константинович Филиппов. По его словам, поголовье оленей несложно нарастить, но лучше этого не делать по причине убыли пастухов в цехе и во избежание перегрузки пастбищ. Численность оленеводов в СХПК «Тундра» снизилась с 83 (10 бригадиров и 73 пастуха) в 1977 г. (Черняков 1998:55) до 48 в 2014 г. и 38 в 2018 г., при одновременном «старении» пастухов и дефиците молодежи. Это обстоятельство в числе прочих вынуждает перейти от привычного бригадного выпаса

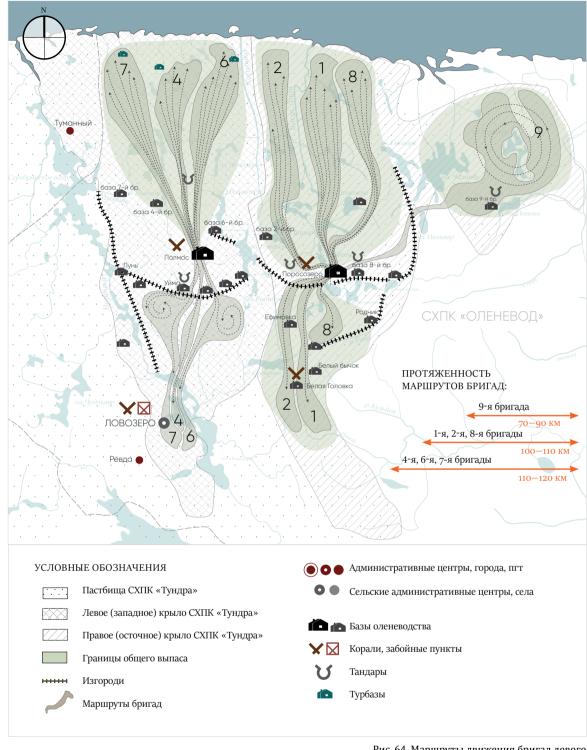

Рис. 64. Маршруты движения бригад левого и правого крыльев СХПК «Тундра»

отдельных стад (остаточного кочевания со стадами) к схеме управления движением сборных стад правого и левого крыльев, а в перспективе, возможно, объединения крыльев для централизованного выпаса всего цехового стада в 24–25 тыс. голов. Эта реформа,

проводимая В. К. Филипповым, преобразует кочевое оленеводство в структурированное оленепроизводство, основанное на снегоходной мобильности вахтовиков-пастухов, единой схеме управления и замкнутой инфраструктуре изгородей и баз.

ОЛЕНИ — КАПИТАЛ

Увидев в тундре торчащий из снега олений рог. Алексей Филиппов сказал: «О, доллар нашел!» И тут же поправился: «Не доллар, а юань» (рога поставляют по большей части в Китай и Корею). Ижемец обладает способностью конвертировать оленя в валюту, а в обстоятельствах и эпизодах оленеводства мгновенно различать выгоды и потери. Эта манера поведения и мышления предполагает не только соответствующий диапазон знаний и интересов, но и своего рода деловую мобильность. Сегодняшние лидеры кольского оленеводства продолжают традицию тундрового капитализма, привнесенную ижемцами-мигрантами в конце XIX в., включающую эффективное воспроизводство поголовья, рациональный пастбищеоборот, разветвленную торговлю, увязку производственных задач и персональных интересов.

Устойчивое воспроизводство стада СХПК «Тундра» в 24 тыс. голов обеспечено тем, что его половину составляет маточное поголовье (важенки), а выход телят (приплод от числа важенок) — 70 %. Если представить стадо как банковский вклад, то его годовой доход

превысит 30 %. При рациональной «капитализации вклада» — включении отборных сыриц (годовалых важенок) в маточное стадо и с учетом того, что в кольских тундрах нередко рожают даже годовалые самки. — доходность оленекапитала еще более возрастает. Разумеется, олени — не деньги, а тундра не банк, и часть стада расходуется на потребление, но все же рентабельность оленеводства высока (затраты на поселковую администрацию СХПК и оленеводов примерно равны). Сокращение штата пастухов, с одной стороны, ставит под угрозу традиционное оленеводство, с другой — открывает путь бизнес-оленеводству, для которого выгодно сокращение числа пастухов при их техническом переоснащении. То же происходит с корализацией: вместо нескольких рассеянных по тундре малых бригадных коралей-тандар наращивается пропускная мощность централизованного кораля на Полмосе. Бизнес-оленеводство выигрывает и от того, что СХПК «Тундра» увеличивает осенний забой полугодовалых телят. поскольку за первое полугодие жизни олень

Коральные работы на базе Полмос. Ловозерские тундры. Фото И. Абрамова, 2014

набирает до 30 кг веса, а затем скорость привеса заметно снижается. Другими словами, если оленей представлять биомассой, то темп ее прироста пропорционален фертильности и молодости стада. Прямые затраты «Тундры» на оленеводство составляют около 30 млн рублей (включая зарплату 44 человек, расходы на топливо около 100 т), а реализации оленцех дает на 40 млн руб.

Руководство оленцеха не стремится к бесконтрольному наращиванию поголовья во избежание истощения пастбищ; более того, сохранение резерва (общая оленеемкость пастбищ «Тундры» составляет 35 тыс. голов, т. е. около трети остается «под пар») обеспечивает высокое качество кормов и возможность маневра в случаях климатических и иных потрясений (например, гололеда или сопровождаемой болезнями жары). От обилия кормов зависит летний нагул стада, определяющий как качество оленины, так и воспроизводство стада. Иными словами, пастбищная страховка служит не только гарантией, но и стимулом оленепроизводства. Если же «рогатый капитал» дает

избыточный прирост, с которым не справляются пастухи и корали, излишки оперативно отправляют на бойню, а произведенную продукцию на рынок.

Ижемское оленеводство всегда было высокотоварным. Продажа шкур и рогов дает львиную долю прибыли, но с реализацией мясопродукции есть проблемы. В. К. Филиппов делится наблюдениями: «Прикидываю так (хотя я не экономист), что мы придем к показателю забоя по крылу в 2 500 тонн (по плану 2 100). В основном у нас забой телячий. Мы стараемся телят одного года забивать, чтобы лучше продажи шли. В этом году сделали больше трёх с половиной тонн забой, совхозных, без частных. И все в ступоре — мясо продать не можем...»

В последние годы, благодаря близости Скандинавии и развитию транспорта, ассортимент продажи пополнился шкурами, которые идут на экспорт в Финляндию. «Все шкуры уходят в Финляндию. Они все подряд берут, лишь бы [свищей от] овода было поменьше...» Со слов Алексея Филиппова, «шкуры раньше

Начальник оленцеха В. К. Филиппов на просчете. Фото А. Головнёва, 2014

не нужны были никому, а теперь за евро их продаем. Хороший доход дает, например, камус (в местном варианте — койба, шкура с нижней части ног; четыре камуса с четырех ног называются «ход»): телячий ход — 1 300 рублей, бычий — 1500, белый и пестрый — 1600» (примечательно, что расчет производится все же в рублях, а не в евро). Этот экспорт сколько-то компенсировал упадок производства знаменитой коми замши и прекращение маличного забоя ввиду замены меховой одежды фабричной униформой. Менее процента, но символически значимую долю прибыли составляет продажа оленей (обычно белых и ветвисторогих) Дедам Морозам по всей России, вплоть до Краснодарского края, и за рубеж.

Мотивация оленеводов во многом определяется не зарплатой (12–20 тыс. рублей в месяц), а реализацией собственного пая в стаде (до 100 голов, но самых красивых и упитанных). Из 24 тыс. оленей «Тундры» 4 тыс. приходится на частное поголовье. Частная прибыль обеспечивается долей в общем стаде, что в кольских реалиях означает и долю в общем сбыте. Частники отбирают и клеймят своих телят обычно осенью («маленький — в совхоз, большой — себе»), в декабре этого же

года значительная часть телят идет под нож. Оленеводческий пай наращивается и реализуется так, что, по словам оленеводов, «100 голов хватает на нормальную жизнь». При этом на продажу идет всё: «рога, мясо, шкуры, кости, ноги, жилы». В Кольской тундре деньги делаются на всем, включая рыбу, грибы, панты, сброшенные рога, ягоды (цена на морошку достигает 500–600 рублей за кг, при цене на оленину 350 руб. за кг). Пока олени на летнем выгуле, бригадные базы работают в режиме заготовительных пунктов.

Профессия оленевода остается наследственной. Как поясняет В. К. Филиппов, многих в кооперативе держат частные олени: «Это своего рода привязка к стаду, нет привязки — нет желания работать. И тут велико значение стартового (наследственного) оленкапитала».

Кочевая мобильность на Кольском полуострове преобразовалась в предпринимательскую мобильность, и скорость движения по тундре сменилась скоростью движения по рынку. Впрочем, среди тотального расчета сохраняется и доля эмоций: ижемцы и саамы ценят и любят оленеводство не только за прибыли, но и за то, что в нем «все-таки воля есть, понимаешь!»

Заготовка оленьих шкур. Фото А. Головнёва, 2014

Иван Карсавин в корале. База Полмос. Фото А. Головнёва, 2014

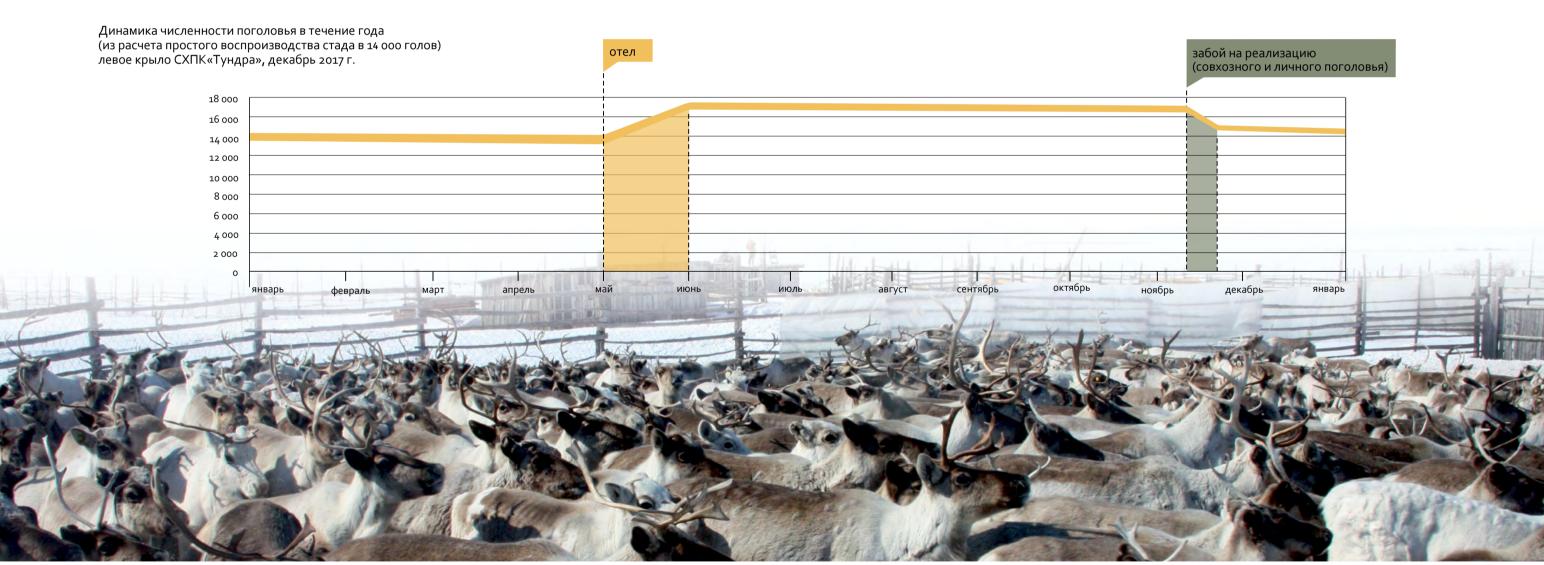

Рис. 65. Оптимальное стадо. Кольский полуостров

ОТ КОЧЕВЬЯ К ВАХТЕ

XX век на Кольском полуострове начался конкурентным взаимодействием двух оленеводческих культур — полукочевой саамской и кочевой ижемской. На первых порах верх одержал ижемский многооленный товарный «тундровый капитализм». И, как вспоминают старожилы, «за пастухами пришли плотники, те, кто в Большеземельской тундре кочевал со стадами, в Кольском крае обзавелся домами». Ландшафт Кольского края предлагал свои условия: обилие леса и узкая полоса приморской тундры позволяли не держать оленей круглый год «в руках» (постоянно окарауливать), а отпускать их на полувольный выпас, контролируя и направляя движение стад деревянными изгородями.

Первые колхозы в конце 1920-х гг. создавались по национальному признаку: в Ловозерье было организовано два колхоза — саамский «Лопарь» и коми-ижемский «Оленевод». Однако этнокультурное размежевание вскоре ушло в прошлое: в 1934 г. из 14 кольских колхозов лишь один был саамским, остальные — смешанными, состоявшими из саамов, коми, ненцев, русских, финнов. Привнесенная тундровая ненецко-ижемская кочевая культура быстро срослась с местной полукочевой «избной» саамской. В оленеводстве слились коми-ненецкие (кочевание, окарауливание стада)

и саамские (использование изгородей и изб) приемы (Хомич 1999:75).

До середины XX в. оленеводство в Кольском крае было во многом сходно с ненецко-ижемским в Большеземельской тундре и на Ямале. Территория совхоза «Тундра» была разделена на бригадные маршруты-коридоры, тянущиеся с юга на север от гор до морского побережья. Каждая бригада кочевала по своей кочевой дороге (оленьей тропе), из года в год ставя чумы в одних и тех же местах. На лето, с июня до сентября, бригадная райда (караван) вставала стойбищем на рыбном угодье. обычно в устье впадающей в море реки. Пара пастухов отправлялась пешком или на упряжках караулить стадо, ночуя в легкой палаткекуваксе или просто «на земле под рогожей». Несколько раз за лето пастухи возвращались в чум, сменяясь другой парой караульщиков. Так в кольском оленеводстве сложился бесчумный летний выпас оленей, в котором можно усмотреть саамский элемент в ижемской системе оленеводства.

Саамским элементом считаются и изгороди, хотя саамы прежде не делали их большими (Чарнолуский 1930:41–44; 1972:259). Коллективизация способствовала строительству длинных изгородей для коллективных стад. В первую очередь огораживали места

Перегон стада. Ловозерские тундры, 2018

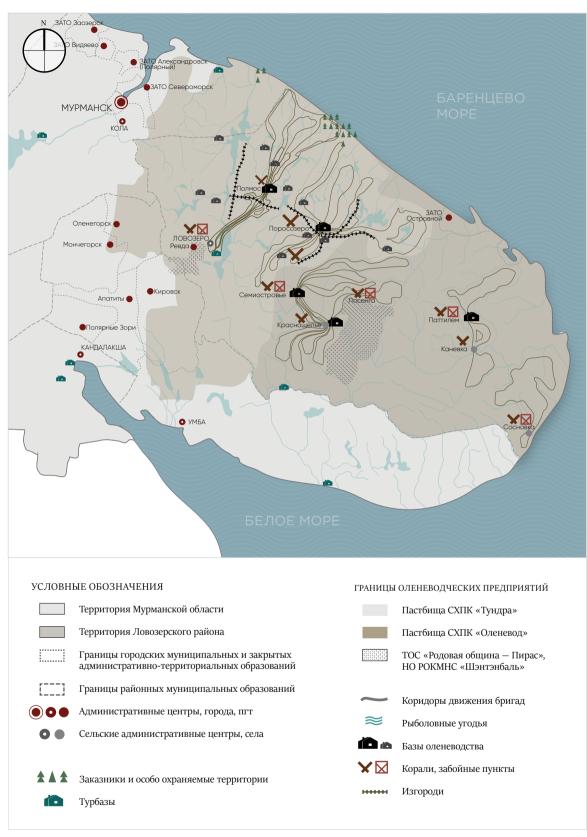

Рис. 66. Инфраструктура кольского оленеводства

Кораль базы Полмос. Фото Ю. Коньковой, 2018

отела, а также осенние пастбища, на которых собирали оленей после летнего нагула. В 1950–1960-е гг. протяженность и сложность изгородей возросла ввиду их использования для отделения зимних пастбищ от летних и ситуативной специализации: например, одна из ловозерских гор была опоясана изгородью для стада быков, которых «держали специально для зверофермы, и по две головы в день песцам и норкам колхозным скармливали». Изгородями разделили территории совхозов «Тундра» и «Оленевод», а также участки бригадных пастбищ.

С 1960-х гг. бесчумный выпас постепенно сменился полувольным отпуском оленей — «летом отпустил, осенью собрал», — что связано с огораживанием пастбищ и истреблением на полуострове хищников, следовательно, возможностью увеличения срока безопасного и свободного летнего нагула оленей. К концу 1970-х гг. мобильные чумы сменились стационарными избами-базами (промежуточной формой были перевозимые тракторами или оленями вагончики на полозьях). На базы, выстроенные цепью вдоль маршрута стада (оленьей тропы), по санному пути забрасывались запасы продуктов,

топлива, инструментов. В течение года, по мере движения стада по тропе, пастухи переезжали с места на место, используя, наряду с оленьими упряжками и караванами, вездеходы и снегоходы.

Переход к технологии баз, изгородей и вахт вместо кочевий сопровождался «транспортной революцией»: снегоходы и вездеходы пришли на место оленьих упряжек и вьючных ташка-быков. В первую очередь вышли из употребления грузовые нарты, из которых состояли райды (караваны). Олений транспорт использовался уже только для весеннелетнего осмотра стад и, все реже, зимнего выпаса. Еще в 1960-е гг. оленеводы с семьями большую часть года жили на базах и только к Новому году оказывались в Ловозере, после чего весной возобновляли переезды от базы к базе. В 1990-е гг. снегоходы дали возможность нести пастушескую вахту прямо из села Ловозеро. Выражение райдаэнмунны (идти райдой, кочевать) вышло из употребления, поскольку райды на Кольском полуострове ушли в историю. Зато появились слова «моряки» и «огородники», обозначающие вахтовиков, выезжающих на сбор стада к морю или дежурящих на базах при изгородях.

Домик 7-й бригады. Фото Д. Куканова, 2018

ДВИЖЕНИЕ ОЛЕНЕЙ И ОЛЕНЕВОДОВ

Территория кольского оленеводства, ограниченная берегом моря и промышленными зонами, напоминает огромный вольер, в котором пасется и перемещается 50-тысячное стадо оленей. Сходство усиливается тем, что пастухи не кочуют со стадами, а перегоняют оленей на снегоходах по маршрутам выпаса среди изгородей и наволоков (участков, ограниченных водоемами). Протяженность маршрутов от зимних пастбищ в Ловозерских тундрах до летних пастбищ у Баренцева моря не превышает 100-150 км; благодаря компактности и удобному рельефу пастбищной территории возможен летний вольный отпуск оленей: как говорят оленеводы, «у нас сам Кольский пасет».

В кооперативе «Тундра» сочетают саамский полувольный выпас с июня по ноябрь и управляемый коми-ижемский выпас с декабря по март. Ареалы этих практик выпаса обусловлены природной зональностью: полувольный выпас соответствует тундре, управляемый — таежной (лесной) зоне. Для облегчения сбора оленей, двигающихся от берегов Баренцева моря на юг и обратно, в 1970-х гг. в совхозе «Тундра» на границе природных зон возвели многокилометровые изгороди широтного направления, отделив зимние пастбища от летних. По маршрутам кочевий построили избы, базы и корали (Проект организации территорий... 2008).

Бригады и пастбища «Тундры» делятся на два крыла — левое и правое. Ими руководят два Филиппова, коми-ижемцы, не близкие родственники, но ровесники (в прошлом одноклассники): Владимир Филиппов — начальник левого крыла и оленцеха, Юрий Филиппов — начальник правого крыла и главный зоотехник. Обладая равноуровневыми должностями и равновеликими стадами (по 12 тыс. голов), два лидера не только взаимодействуют, но и конкурируют, создавая атмосферу соревнования и технологического поиска в кольском оленеводстве.

Юрий Филиппов сохранил в правом крыле бригадные маршруты и автономию передвижения 1-й, 2-й, 8-й и 9-й бригад с их опорными базами-избами и малыми (легкими) коралями-тандарами. В этом крыле каждая бригада окарауливает свое стадо. Владимир Филиппов объединил бригадные стада и контролирует

выпас общего стада левого крыла силами всех (поочередно) пастухов 4-й, 6-й и 7-й бригад. В правом крыле существенны маневры каждой отдельной бригады, в левом — ход большого стада, для которого особое значение приобретает крепость и надежность изгородей. С этими целями в левом крыле произошло новое разделение труда на «моряков» и «огородников».

«Моряками» называют высококлассных пастухов, способных собрать оленей в приморских гористых тундрах. К ноябрю одни «куски» разбредшегося оленьего стада могут дойти до лесотундры, а другие остаться у моря на прибрежных пастбищах. Поиск и своевременный сбор приморских «кусков» связан с риском и требует оленеводческого мастерства. Группа «моряков» на снегоходах формируется из четырех-шести опытных оленеводов трех бригад. Они распределяются попарно, выбирая партнеров с расчетом взаимозаменяемости и психологической совместимости. Пара пастухов объезжает последовательно приморские ущелья и долины, «подсекая» следы и собирая оставшиеся «куски». Выслеженный «кусок»

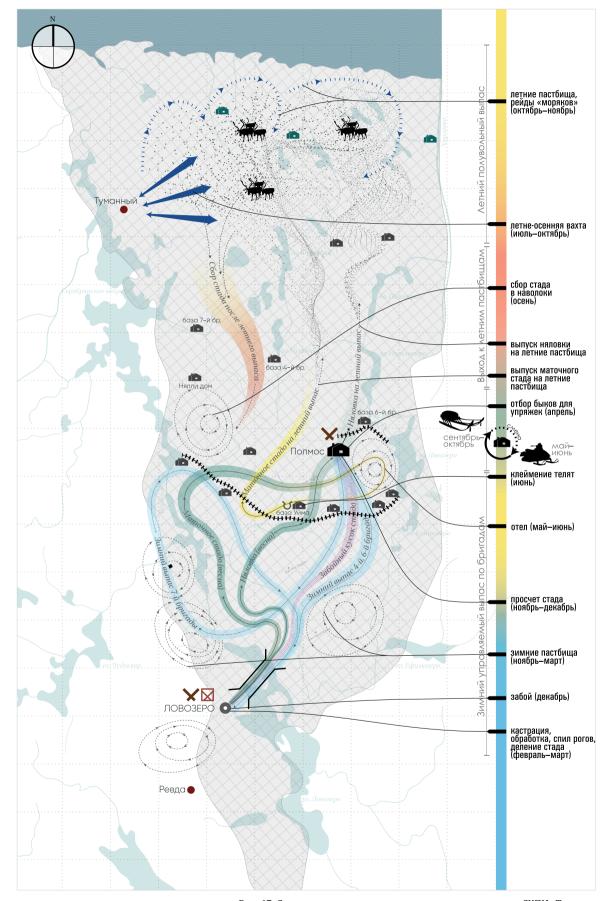

Рис. 67. Схема годового цикла оленеводства левого крыла СХПК «Тундра»

гонят в ближайший наволок, а затем соединенное «кусок за куском» стадо направляют к коралю, проходя за день 20–30 км. На ночь собранных оленей оставляют на возвышенном ягельном месте, а пастухи уезжают в ближайшую избу или на базу. Пара старается не терять визуального контакта по соображениям безопасности: перевернувшийся (что в горных тундрах случается нередко) трехсоткилограммовый снегоход «Viking» в одиночку крайне сложно поставить на лыжи. Время возвращения определяется равным запасом топлива (250 л) у всех «моряков».

Выезд к морю — всегда приключение с непредсказуемым итогом. Так, «моряки», могут вернуться, не найдя оленей, если они всем стадом уже сместились к изгороди или ушли в другое крыло. Помимо поиска, рейды к морю имеют представительскую функцию: своим присутствием оленеводы подтверждают права на приморские угодья. Каждый выезд неизбежно сопровождается встречами на береговых турбазах и показательным визитом в пос. Туманный, где живут обслуживающие сооружения водохранилища на р. Вороньей гидроэнергетики и откуда исходит угроза браконьерства (Кучинский 2007:81).

Иную мобильность демонстрируют «огородники», живущие в избах при изгородях. Риск прорыва оленей за огороды столь велик (особенно с помощью мощных лосей), что рациональнее регулярно осматривать и чинить изгороди, чем разыскивать и собирать рассеянные «куски». В левом крыле «Тундры» «огородники» несут дежурство в избах с августа по октябрь (в правом крыле «на изгородях не сидят»). На упряжках или пешком они совершают ежедневные рейды вдоль изгороди на 10-20 км в разные стороны от избы. На эту вахту обычно ставят пожилых оленеводов или семейные пары. Почерк мобильности «огородников» разительно отличается от треков «моряков», что связано как с используемым транспортом, так и с выполняе-

Цикл кольского оленеводства делится на весенний отел, летний нагул, осенний сбор, декабрьский кораль, зимовку, а также реализацию товарной продукции. Кораль — узел современного оленеводства, место и время осмотра, сортировки и утилизации стада. К декабрю левое крыло кооператива «Тундра» направляет оленей к коралю на Полмосе, где ведет просчет, распределяет приплод,

Выбор нового пастбища. Ловозерские тундры. Фото Е. Переваловой, 2018

Стадо на отдыхе. Фото А. Головнёва, 2018

выделяет «убойный кусок» и гонит его к Ловозеру, в забойный цех.

Рубежным этапом в кольском оленеводстве является декабрь, когда ведутся просчетные коральные работы, однако точное время их проведения зависит от погоды и хода осеннего сбора стад. Левое и правое крылья СХПК «Тундра» имеют отдельные корали — Полмос и Пороска. Левое крыло после осеннего сбора загоняет оленей на кораль в Полмос одним стадом (прогон 9-10 тыс. голов осуществляется в три этапа) и после выбраковки убойных (товарных) оленей разделяет его на бригадные стада для зимнего выпаса. «Убойное» стадо гонят в Ловозеро, где расположен забойный пункт и цех по переработке мяса. Основное стадо движется к Ловозеру параллельно убойному, «крутится» по горам до Черной речки, а затем расходится по бригадным маршрутам на зимние пастбища.

В конце февраля — начале марта 4-я, 6-я и 7-я бригады возвращаются к Ловозеру и поочередно «кусками» прогоняют стадо через кораль, где проходит кастрация, спил рогов и ветеринарная обработка. Маточное поголовье (важенки) отделяется от няловки (молодняк и смешанное стадо) и ездовых быков. Маточное стадо и няловку ведут к Полмосу, на наволоки близ Лявозера и в низовья р. Няльмйок. Быков гонят на Полмос в кораль, чтобы отобрать 80–90 голов на упряжки для выезда к стадам в период распутицы. Запрягать быков начинают во второй половине мая.

Няловка и быки в сопровождении пастухов на снегоходах, пока позволяет снег, направляются к Баренцеву морю. Выпускают стадо между реками Рындой и Харловкой, «чуть толкнув их в нужном направлении», подальше от пос. Туманный. Маточное стадо после разделения продвигается к отельным местам. Стадо движется медленно, поскольку с каждой «лежкой» прибавляются новорожденные оленята. Первые телята появляются в конце апреля — в первых числах мая, пик отела приходится на 15-25 мая, последние рождаются в середине июня. Становясь «тяжелее», стадо идет все медленнее. Рано отелившиеся важенки сами уходят к морю. В июне маточное стадо перемещается на р. Уйму, где в тандаре проводят клеймение телят. После

клеймения важенки с телятами по речным водоразделам отправляются к морю. Летом стадо «расширяется», выпасается свободно, расходясь «кусками» по морскому побережью, где олени находят спасение от комаров. После отправки няловки и маточного стада к морю большинство пастухов уходит в отпуск.

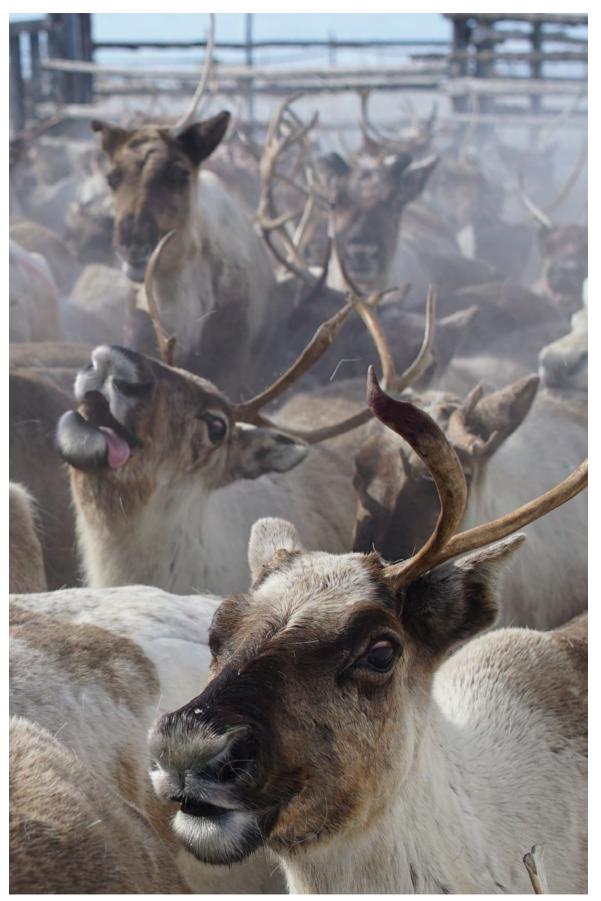
В августе-сентябре олень бежит за грибом — «не остановить даже собаками». С началом гона (середина сентября) хоры прижимают «куски» к воде и наволокам («кто, когда выпустит», «кто-то прыгает еще и в октябре», «кто-то в охоту позже придет, из-за этого телята поздние бывают, но таких немного»). Когда гон заканчивается (середина октября), олени собираются в большие «куски» и начинают двигаться от моря к лесу. «Олень всегда сам подымается, когда время приходит, только раннее замерзание может его остановить». Основной поток идет вдоль Рынды, Олёнки через Муду, вдоль Лопарского водохранилища до Луни. У изгороди стадо заворачивает и «набивается» в ближние наволоки. Однако

часть оленей может остаться у моря, поэтому по первому снегу на поиски отставших и потерявшихся «кусков» отправляется отряд «моряков». Собрав оленей по горным «карманам», оленеводы выгоняют «куски» на вэргу (тропу), по которой они движутся в южном направлении и скапливаются возле изгороди. Полный сбор стада в зависимости от погодных условий завершается 20 ноября — 10 декабря.

Сеть баз и изб позволяет пастухам перемещаться от одного жилища к другому, не удаляясь от стада более чем на 20–25 км. При таком раскладе приемлемым оказался вахтовый метод работы. Длительность вахты зависит от времени года и специфики работы. С января по апрель вахты длятся две недели (зимние стоянки находятся в 20–50 км от Ловозера). С мая по июнь (отел) и с ноября по декабрь (просчет) оленеводы работают бессменно (65–90 км от Ловозера). С июля по сентябрь часть оленеводов остается на базах или в избах при изгородях, а часть живет в поселке, отправляясь на двухнедельные вахты к морю.

Прикармливание хлебом. Фото Д. Куканова, 2018

Дыхание стада. Фото А. Головнёва, 2018

СТАНЫ И КОРАЛИ

Кольские лопари в прошлом вели полукочевой образ жизни, передвигаясь с небольшими стадами оленей между зимними (лесными) и летними (приморскими) погостами, через весенние и осенние временные стоянки (Лукьянченко 1971:84-88; Хомич 1999:24). С приходом ижемцев и ненцев с большими стадами в конце XIX в. кольские тундры наполнились кочевьями, однако и они были привязаны к постоянным селениям. Со временем оленеводы обосновались в крупных селах (Ловозеро, Краснощелье и др.), выезжая вахтами на выпас оленей в лес и тундру. где в качестве промежуточных станов использовали срубные избы, жердевые чумы и куваксы. Снегоходная революция сделала возможными вахтовые выезды на одну-две недели в стадо с ночлегами в избах и работами в коралях. По существу сегодняшнее оленеводство больше напоминает дозор, чем кочевье, когда пастух окарауливает оленей на снегоходе, используя для станов ближайшие к стаду базы или избы. Существующая в пастбищном пространстве сеть изб позволяет оленеводам простроить любой вариант маршрута и переждать любые ненастья.

У современного кольского оленевода левого крыла несколько «домов»: летом он живет в селе Ловозеро с выездами на тундрово-лесные «дачи», осенью — на центральной базе-корале Полмос, зимой — снова в Ловозере, весной на Полмосе и на базе Уйма (время отела и клеймения). Самый продолжительный период безвыездного пребывания в тундре приходится на весну и длится два месяца с апреля до июня. В остальное время смена пастуха колеблется от двух до трех недель в зависимости от погоды; отпуск приходится на лето и совпадает с вольным выпасом оленей. С распространением снегоходов частные кратковременные поездки из тундры в поселок стали возможны вплоть до схода снега в середине мая. Позднее начинается бездорожье, когда передвижение возможно только на вездеходе.

Село Ловозеро (бывший зимний погост) — благоустроенное село, центральная усадьба СХПК «Тундра», административный центр Ловозерского района Мурманской области. В Ловозере оленеводы имеют квартиры в типовых многоквартирных домах (пятиэтажки) или частные дома (до 1970-х гг. рубленные пятистенки с сенями). При получении квартир

саамы как коренные жители имеют льготы. Пятиэтажки, особенно новостройки, оленеводы не жалуют, предпочитая строить свои дома-коттеджи.

Полмос — центральная база левого крыла СХПК «Тундра» (4-я, 6-я и 7-я бригады) — находится в 65 км от села Ловозеро. Название базы происходит от названия гор Большой и Малый Полмос (в саамском варианте Песьха — 'Березовый лес'). Полмос расположен на пересечении весенних и осенних оленеводческих маршрутов, что и послужило основанием постройки большого кораля. Поездка с базы Полмос до села Ловозеро на снегоходе занимает от двух до трех часов в зависимости от времени года и погоды. Внедрение снегоходов и сокращение числа пастухов в бригадах с 10-12 до 4-6 человек послужили главными факторами реорганизации системы выпаса и организации пространства. Базу Полмос сделали центральной в левом крыле, для каждой бригады был возведен или отремонтирован дом. Старые бригадные базы стали использовать исключительно как промежуточные пункты во время разъездов и выпаса стада. Полмос стал центром управления оленеводством левого крыла, базой сбора пастухов и работников («моряков» и «огородников»), а также топливной базой с общим запасом ГСМ. Количество сотрудников СХПК «Тундра», работающих на Полмосе, в разное время года колеблется от 1 до 17 человек.

Оленеводческие станы рассеяны по всему пространству пастбищ. В левом крыле «Тундры» со времен бригадного выпаса сохранились три бригадных базы с домами, сараями, банями и тандарами. По маршруту выпаса стада у левого крыла есть еще несколько изб, используемых в качестве станов: Щучья, Ванька-дом, Порозеро, Лузьмаськ-дом, Пачозеро, Нёлли-домик, Лагерный, Карп-дом, Каро-дом, Пельпака-дом, Нло-дом, Федька Плакал, Сарай, Уйма, Манварек и др. Кроме того, пастухи левого крыла иногда останавливаются в избах, принадлежащих правому крылу (Черная), а также в домиках турлагерей у моря (Рында, Харловка, Олёнка).

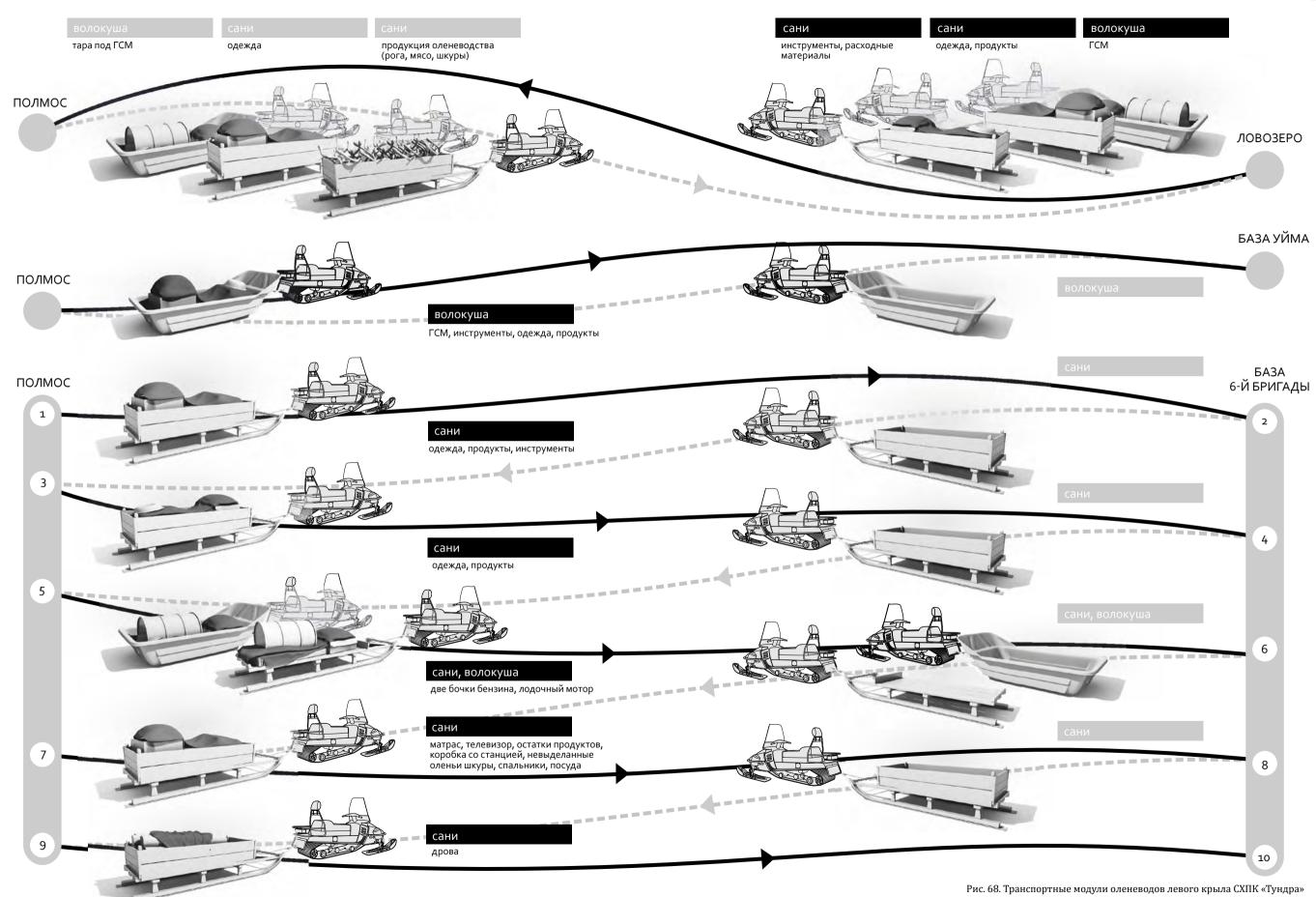
Часть изб привязана к изгородям. Вдоль большого огорода, разделяющего лес и тундру, тянущегося от Лявозера до р. Воронья, стоит шесть баз с интервалом в 20 км: «сарайчик с печкой» на Лявозере (конец изгороди),

Упряжка у избы на Уйме. Ловозерские тундры. Фото А. Головнёва, 2014

В корале Полмоса. Фото Ю. Коньковой, 2018

Подготовка кораля к загону стада. Фото Ю. Коньковой, 2018

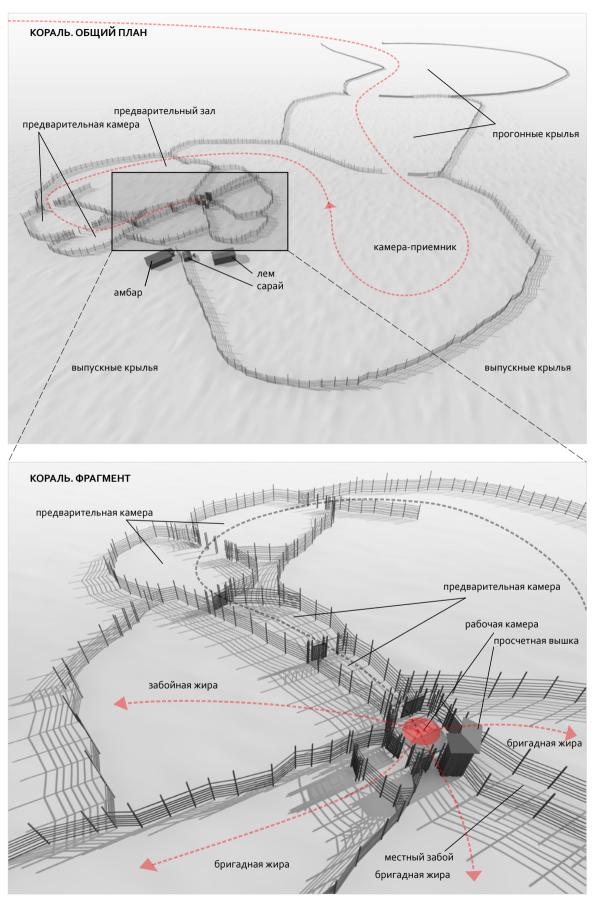

Рис. 69. План просчетного кораля базы Полмос

Кузрот, Рындышек, Уйма (с действующей тандарой), 7-й домик с вагончиком, изба на р. Лунь. Чуть обособлено по отельной изгороди стоит 6-я база («шестой домик»).

Сложная инфраструктура оленеводческих вахт сложилась не по единому проекту, а путем проб и опытов. Полвека назад, в 1960-е, изгородь, разделяющая тундру и лес, была построена силами совхоза и стройотряда. Затем изгородь обветшала, и олени стали уходить в лес. В 1990-е гг. решили восстановить изгородь, начав с постройки избы на Уйме.

«Сначала построили один домик — половинку бревенчатую, где жило два человека. Потом построили тандару. Остальные пастухи жили в чумах. А потом стали строить для одной бригады, чтоб не в чумах жить. Построили полсарайчика. Где-то назанимали материал, перестроили. Потом я вагончик в экспедиции выклянчил. И так потихонькупомаленьку обросли. Потом и баня появилась (гуманитарная помощь от финнов или шведов). Построена плохо, но мыться можно» (В. К. Филиппов, Полмос, 2018).

Тандара — небольшой кораль для оленеводческих работ (клеймения, кастрации, забоя). Раньше у каждой бригады было несколько тандар, отдельные для маличного забоя, для кастрации; когда «стада еще в руках держали, тандары даже на море стояли». Правильно найти место и поставить тандару — большое искусство («бывает сделал тандару, а олени туда не идут»). Корали и тандары нужны не только для конкретных целей, но и для «осмирения» оленей. На воле олень дичает, а надо его «приучать к рукам, поэтому каждую смену пастухи заходят в стадо, подкармливают оленей хлебом».

Тандара левого крыла «Тундры» находится на р. Уйма. Она предназначена для клеймения телят и кастрации быков, хотя кастрация нередко проводится в корале Ловозера. Тандара имеет загонное крыло, входные ворота, шторки (отсечка перед большим приемным залом), предварительную камеру с открылком, большую камеру-приемник, еще одну предварительную и рабочую камеры. Тандару поставили в 1998 г. силами трех бригад, потом расширяли в течение двух лет и делали вторую камеру. Сначала ее

Отлов упряжных быков. Фото Е. Переваловой, 2018

Перекрытие входа в кораль. Фото Ю. Коньковой, 2018

планировали под загон быков, но потом стали использовать для клеймения оленят: «так было удобнее, потому что весной олени идут в сторону моря и сами туда заходят».

Большой просчетный кораль на Полмосе включает прогонное крыло длиной 2,5 км (с переходом через речку в разных местах), большую камеру-приемник или предварительный зал, где олени успокаиваются после кружения, затем следует еще один зал, четыре предварительных камеры, рабочая камера, забойный отсек («забойная жира»), три бригадных жиры и между ними один отсек — местный забой; от забойного крыла до первой предварительной камеры тянутся выпускные крылья. Помимо зимнего просчета здесь проходит выбраковка, обработка (от кожного овода) и разделение стад (няловка, быки, важенки). Осенний загон в кораль Полмоса начинается в середине ноября, когда отбирают свежих быков («меняем летних — они доходяги»). Затем кусками стадо загоняют на просчет: отделяют забой от основного стада и делят по бригадам. Весной этот же кораль используется для отбора быков на упряжки и распределения

на маточное стадо (стельные важенки) и няловку (остальные олени).

В апреле 2018 г. в корале проводился отбор быков на упряжки и отделение маточного поголовья от няловки в стаде 6-й бригады, которая не смогла вовремя отделить важенок от няловки. Каждый пастух отбирал себе упряжку для поездок в стадо на период распутицы, когда использование снегохода невозможно. На одного оленевода приходится по 5–15 быков (4–5 оленей на упряжку, 1–2 запасных и 1–2 для выучки). Еще три упряжки остаются на все лето в изгороди на Полмосе, для их использования при осеннем сборе стада. Всего на крыло отлавливают 80–100 голов. Запрягать начинают во второй половине мая, как сходит снег.

Самый крупный забойный кораль расположен рядом с селом Ловозеро, в 60 км от Полмоса, в конце миграционного маршрута. По конструкции ловозерский кораль сходен с полмосовским, но размерами его превосходит. Прогонное крыло у ловозерского кораля достигает 7 км, охватывая участки леса и озера. Основные работы, которые производятся в корале Ловозера — забой, кастрация, спил рогов.

РЕЙД «МОРЯКОВ»

В оленеводстве немало дел, требующих особых навыков, и довольно ситуаций, граничащих с риском, однако нет ничего сложнее и опаснее осеннего сбора оленей в приморских скалистых тундрах. Там почти нет дорог, зато полно обрывов, и в поисках затерявшихся в горных карманах «кусков» приходится проделывать опасные фигуры высшего снегоходного пилотажа. Мастера рискованного снегоходства, называемые «моряками», считаются элитой оленеводства. Побывать в рейде «на море» мечтает каждый юный оленевод, но далеко не всем удается удачно пройти это испытание и, тем более, войти в регулярную команду «моряков».

Ноябрь 2014 г. выдался малоснежным, что затрудняло движение снегоходов, тем более по каменистой гряде. В рейд на побережье двинулась команда из четырех «моряков» СХПК «Тундра»: Иван Апицын (4-я бригада), Иван Красавин (6-я бригада), Андрей Сорванов (6-я бригада), Юрий Яковлев (7-я бригада). Первая неделя (13–19 ноября) поисков в районе пос. Туманный окончилась безрезультатно:

команда, разделившаяся на две пары, прошла параллельными курсами по приморским наволокам, проверяя следы возможного откола части стада на пограничные пастбища правого крыла, но не обнаружила ни следов, ни оленей. Лишь на десятый день (22 ноября), повернув от побережья вглубь тундры, «моряки» нашли первый «кусок» в 400 голов. Его уже начали пасти волки — хищники используют сходную с пастухами тактику сопровождения стада. Волков в приморских тундрах не встречали уже пять лет, и сейчас они напомнили о своей «доле» в оленеводстве.

Отнятый у волков «кусок» стада в последующие три дня оленеводы перегнали на 60-70 км к югу, попутно обнаружив еще один кусок в 500 голов. Собранное на севере стадо в 900 голов пастухи оставили на расстоянии перегона от Полмоса и двинулись на базу для согласования действий и пополнения топлива. К этому времени (27 ноября) «моряки» почти полностью израсходовали запасы топлива (около 1 200 л бензина); кроме того, двухнедельный поиск обошелся поломкой поршня

Взгляд пастуха. Ловозерские тундры. Фото И. Абрамова, 2014

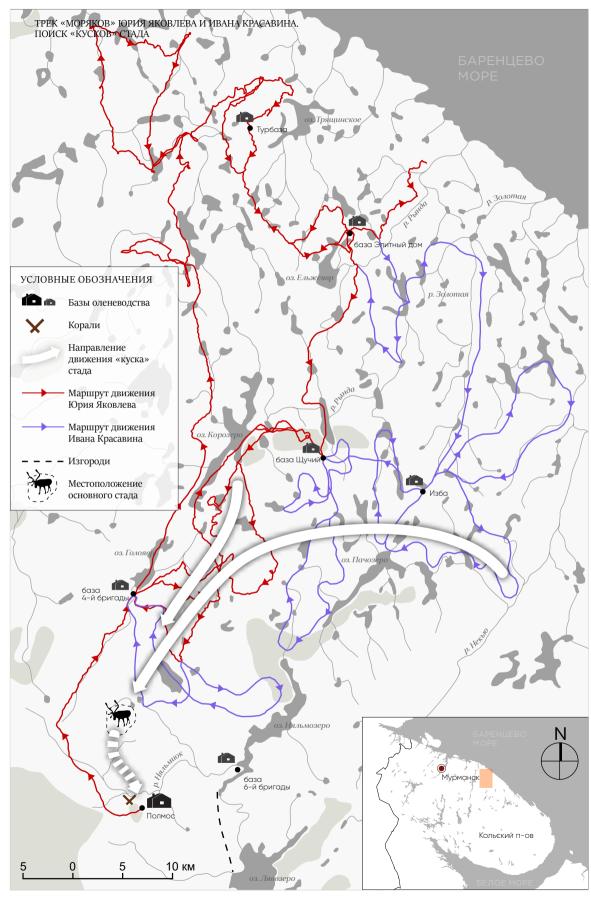
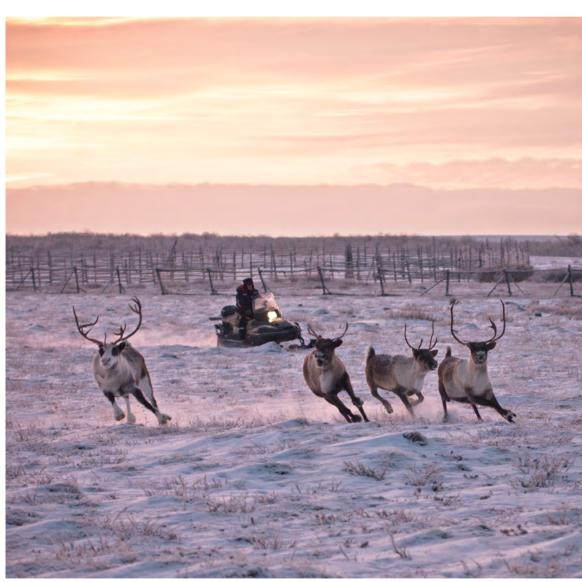

Рис. 70. Осенний сбор оленей в приморской тундре

и саней. Каждым из четырех снегоходов было пройдено от 500 до 650 км, и треки «моряков» исчертили все пространство приморской тундры. Общая площадь территории, на которой велся поиск, составила около 1000 км².

На следующий день, 28 ноября, два пастуха (Иван Апицын, Андрей Сорванов) вернулись к оставленному «куску» и сдвинули его еще на 10 км к югу с расчетом, чтобы на следующий день завести его в кораль Полмоса. На это ушло три с половиной часа неторопливого движения со средней скоростью 15 км/ч, включая час остановки: после длительного вольного отпуска (одичания) и перед загоном стада в кораль следует чередовать быстрые прогоны и медленное движение, а также остановки для взаимного привыкания оленей и людей.

29 ноября начался загон собранных 900 голов в кораль. Три пастуха на снегоходах завели стадо в трехкилометровый огороженный коридор, ведущий в предварительный зал кораля. Четыре пеших работника страховали коридор, в первую очередь участок речного берега, где изгородь прерывается. На особенно уязвимых направлениях рабочие растягивали мешковину — тормозной парашют от самолета, который олени воспринимают как непреодолимую преграду. Несколько раз олени порывались прорвать кольцо окружения, и некоторым это удалось, хотя далеко от стада они не отошли. Неудача загона случается, когда из окружения сумеет вырваться большая группа оленей, образующих самостоятельное стадо; тогда загон откладывают на день-два (для успокоения оленей), причем

Загон оленей в кораль. Фото И. Абрамова, 2014

Наблюдение за стадом. Фото Е. Переваловой, 2018

каждая следующая попытка требует все больших усилий. На этот раз маневр удался, хотя олени больше часа кружили перед устьем коридора, вынуждая пастухов лавировать, сжимая и ослабляя окружение. По коридору стадо шло рывками: олени то начинали кружить, то устремлялись дальше; оленеводы вторили ритму движения стада, не форсируя событий. Загон в кораль длился четыре часа, средний километраж снегоходчиков-загонщиков составил 26 км, сложившихся из двухчасовых активных маневров со стадом и двухчасового пассивного перемещения в оцеплении стада. Следующие четыре часа «моряки» провели в активных действиях по распределению стада по камерам внутри кораля, где средний трек каждого составил полтора километра.

После заведения в кораль морского «куска» предстояло подогнать к Полмосу основное стадо левого крыла числом около 8 тыс. голов,

которое в это время находилась на обширном наволоке у Серебрянского водохранилища в 30-40 км к западу от кораля. До получения известия о прибытии в Полмос «моряков» пастухи основного стада не спешили с маневрами, тем более что из-за малоснежья они были затруднены. Ежедневно объезжая наволок по периметру до 90 км, они отслеживали выходы и отколы групп. Получив сигнал из Полмоса, пастухи «толкнули» стадо в восточном направлении и известили Полмос о расчетном времени приближения стада к коралю. Полмос (начальник оленцеха В. К. Филиппов) отреагировал назначением даты начала просчета 7-8 декабря и мобилизацией рабочих рук, в том числе из Ловозера, для самого масштабного события оленеводческого года — общего просчета и распределения оленей перед массовой забойкой и перегоном стада в лес на зимние пастбища.

ПЕРЕЕЗД «ОГОРОДНИКОВ»

Как мобильные пастухи караулят движущееся стадо, так сидячие «огородники» досматривают свой 10-километровый участок изгороди, по 5 км в обе стороны от избы. На первый взгляд, задача у «огородника» простая: чинить и поддерживать в целости изгородь, совершая регулярный ее обход. Однако это предполагает и целый набор экологических знаний, включая повадки зверей (изгородь должна выдержать напор не только робких олени, но и настырных, особенно во время гона, лосей), и умение обеспечить свое автономное существование на «вахте» в течение длительного срока. С весны «огородники» укрепляют изгородь, одновременно обеспечивая свои участки необходимым реквизитом и провизией, многие остаются в станах на лето, занимаясь ловом рыбы и сбором ягод (морошки). В начале осени «огородники» еще раз «поновляют» изгородь (на участки завозят до 500 бревен), готовясь к встрече стада. «Поновление огорода» включает замену и укрепление столбов, натягивание поволоки.

На базе 6-й бригады такую вахту несет семейная пара пожилых людей, связанная

взаимопониманием и общими интересами. Андрей и Татьяна Кирилловы по окончании весенних коральных работ на Полмосе отправляются в «шестой домик», к началу изгороди, при слиянии рек Няльма и Харловка. У Андрея участок особый, от Лявозера до Харловки, и чуть больше стандартного — 12 км. На других промежуточных базах на летовку тоже остаются оленеводы: Яков Юрьев на Кузроте, Гаврил Кириллов на Уйме, Николай Юрьев в «седьмом домике», от Луни до р. Вороньей — Василий Пидгаецкий (украинец, владеет стадом оленей более 80 важенок).

Андрей Кириллов — саам, проработал в оленбригаде четверть века, сейчас на пенсии, но дома сидеть скучно. У него есть свои олени — в пределах дозволенной сотни. Ушная метка для оленей досталась ему от деда. Конец весны, все лето и начало осени они с Татьяной проводят на базе. Андрей ремонтирует изгородь: из завезенных бревен делает столбы, распилив бревна вдоль напополам и затесав углом. Он знает, где надо усилить изгородь, где просто поправить; знает, где на лодке можно подъехать, а где только пешком. В реке

Подвоз дров на базу 6-й бригады. Фото Ю. Коньковой, 2018

Разгрузка вещей. Фото Ю. Коньковой, 2018

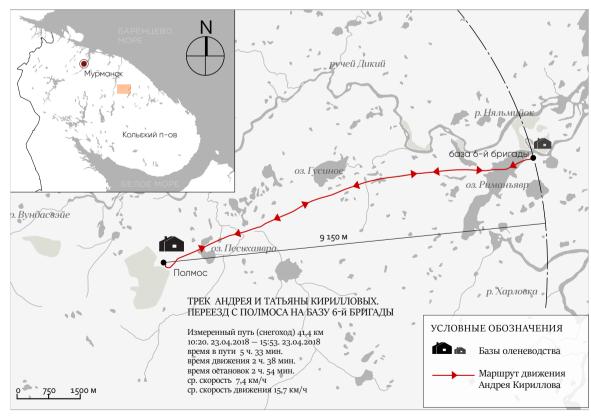

Рис. 71. Переезд «огородника»

и на озере он рыбачит, имея на правах коренного саама квоту на вылов рыбы. Он доволен, что сумел получить эту квоту, потому что прежде это было труднее поиска оленей в горах: квоту оформляли в Мурманске и давали только на вылов морской трески, которой в Ловозерской тундре в помине нет. Саамы брали эту квоту и продавали капитанам судов, а те привозили треску и отдавали за квоту по 25 кг. Теперь саамы могут получить квоту и на лов в Ловозере: «Сейчас квоты берут через Национальный центр; у человека семь кровей намешано, а он все равно в саамы записывается из-за квот».

Переезд из Полмоса в «шестой домик» занимает два дня. Сборами руководит жена Татьяна — формально «оленевод 3-го разряда, чумработница». Она русская, из Вологды, выросла в Ловозере и, по отзывам местных жителей, «без тундры не может, ей уже шестьдесят лет, а она все равно бежит в тундру; шьёт не хуже саамских и ижемских женщин» (она же получила заказ от начальника оленцеха на изготовление его младшему сыну Алексею новой малицы, для которой он купил шкуры особого качества в Краснощелье). Она встает первой около 8 утра, топит печь, встречает пробудившегося мужа утренним кофе.

Переехать можно и за день, но «торопиться некуда». В первый день сделали два рейса, увезли сезонную одежду и продукты. Ехать недалеко, на снегоходе с санями четверть часа. Во второй день еще двумя рейсами увозят оставшиеся вещи, бензин и дрова (нарту дров нынче выделил В. К. Филиппов, а обычно «огородникам» приходится самим запасаться дровами). Перевезти бензин Андрею помогает Алексей Филиппов, сын начальника оленцеха, и Александр Фефилов (оленевод 4-го разряда); двумя снегоходами они везут прицепленные волокушу и сани с загруженными в них двумя бочками бензина по 200 л. В сани, помимо бочки, уложен лодочный мотор. На 6-й базе бочка с бензином и лодочный мотор выгружают в сарай. В Полмос за оставшимися вещами возвращаются не сразу, и вообще эти поездки своей размеренностью и спокойствием больше напоминают променад, чем напряженный переезд. Взяв топор и пешню, Андрей и Александр идут на озеро, неспешно долбят лед. Рубили недолго, поскольку проступили поверхностные воды, а ледобура с собой не оказалось, и в такой ситуации сложно было остаться сухими.

Поразмыслив (допуская возможность растяжения переезда на третий день), Андрей и Татьяна решили сделать второй рейс. Вернулись в Полмос, на грузовые нарты поставили короб, в который Татьяна загрузила оставшиеся вещи. В коробе оказались шкуры, на них матрац, поверх завернутый в одеяло телевизор, коробка с пищей, коробка с радиостанцией, доска для выделки шкур и невыделанные оленьи шкуры, спальники, подушки. В багажник снегохода Татьяна поставила посуду. Поверх санной поклажи привязали щенка, а кота посадили в мешок. Татьяна села в сани.

Старая база 6-й бригады — два деревянных дома на четыре однокомнатных квартиры с общим коридором и двумя пристроями-кладовками. В одной линии с домами поставлен сарай (бывшая баня), новая баня и ледник, за домами, на взгорке, — сарай на два отделения. Около домов две шлюпки и деревянная лодка: одна шлюпка Андрея Кириллова, вторая шлюпка и деревянная лодка — «совхозные». Когда-то на таких лодках, оснащенных моторами, ловили по местным озерам и рекам рыбу для совхоза. Сейчас ловят только по квотам; Андрей и Татьяна в прошлом году насолили бочку 60 л. Часть рыбы отдали брату Андрея в обмен на картошку («сами огорода не держат, у оленеводов нет такой возможности»).

О своем летнем проживании на базе Татьяна и Андрей рассказывают: «Дел тут немало, надо дрова заготовить. А так есть телевизор, не скучно. Есть рация, можно всегда связаться с другими бригадами». В 2017 г. Андрей подрабатывал — вместо ЧОПовцев охранял эти территории от браконьеров (заработал 24 тыс. рублей). Основной заработок приносит сбор морошки: за лето набирают до 300 кг морошки, часть (60 кг) запасают в баках, под гнетом, в холодном месте, а остальное продают с выручкой до 100 тыс. рублей. Кроме того, Татьяна (она курит) уверена, что сушеный лист морошки помогает от кашля.

После чаепития Андрей решился на третью ходку в Полмос: забыли ящик с мясом, и где-то потерялась собака. На Полмосе Андрей заправился, загрузился, пообедал и к вечеру вернулся на 6-ю базу. По приезде установил на крыше дома спутниковую антенну «Триколор». Из одеяла извлекли телевизор и долго его настраивали. Затем занялись разгрузкой дров. Остальные вещи разбирать будут завтра. Впереди целое лето.

Установка спутниковой антенны. Фото Е. Переваловой, 2018

МАНЕВРЫ И КРУЖЕНИЕ

В конце апреля 2018 г. на базе Полмос собрались оленеводы левого крыла (начальник оленцеха, ветврач, 12 пастухов, 3 чумработницы) для разделения 12-тысячного стада на маточное стадо и няловку (прочие), а также отлова «езжалых» (или «ученых») быков на упряжки. К тому времени няловка в 6,5 тыс. голов паслась отдельно от маточного стада числом 5,5 тыс. на р. Уйме; уже с марта, после кастрации, общее стадо было разделено на важенок и няловку, однако в няловке, наряду с самцами-хорами, годовалыми телятами, ураками (бычками-двухлетками), вонделками (двухлетками самками-нетелями) и ездовыми быками, оказались важенки 6-й бригады, которых не успели отделить от основного стада. Между тем отел приближался, и оставшихся в общем стаде важенок следовало отделить и направить к маточному стаду, пасшемуся в стороне от беспокойной няловки. Для этого от общего стада (6,5 тыс. голов) следовало каждый день откалывать кусок в 800-1 000 голов, пригонять в Полмос, загонять в кораль, отделять важенок от прочих и вылавливать упряжных быков, пока вся няловка не пройдет фильтрацию. Размеренные, на первый взгляд, действия всякий раз могут обернуться неожиданностями, в зависимости от погоды, действий пастухов и поведения оленей.

Утром 28 апреля два снегоходчика во главе с начальником оленцеха направляются на Уйму, где стоит окарауливаемое двумя пастухами смешанное стадо, от которого предстоит откалывать «куски» и гнать в Полмос. После короткого совещания на базе Уйма четыре снегохода движутся к находящемуся неподалеку шеститысячному стаду.

Начальник оленцеха Владимир Филиппов. Фото Е. Переваловой, 2018

У начальника оленцеха и трех пастухов не вполне согласованные установки: он, с учетом эффективности сортировки, настаивает на отколе тысячи голов; они, желая поскорее завершить коральные работы, предпочитают отколоть сразу до полутора тысяч. В маневрах видна эта разница диапазонов: пастухи совершают глубокие заезды вокруг стада, начальник цеха въезжает в его середину. Игра одного против трех оборачивается его быстрым успехом — от стада откалывается кусок

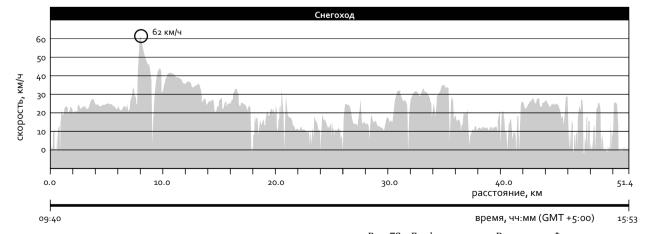

Рис. 72a. График скорости Владимира Филиппова при перегоне «куска» стада от базы Уйма к Полмосу

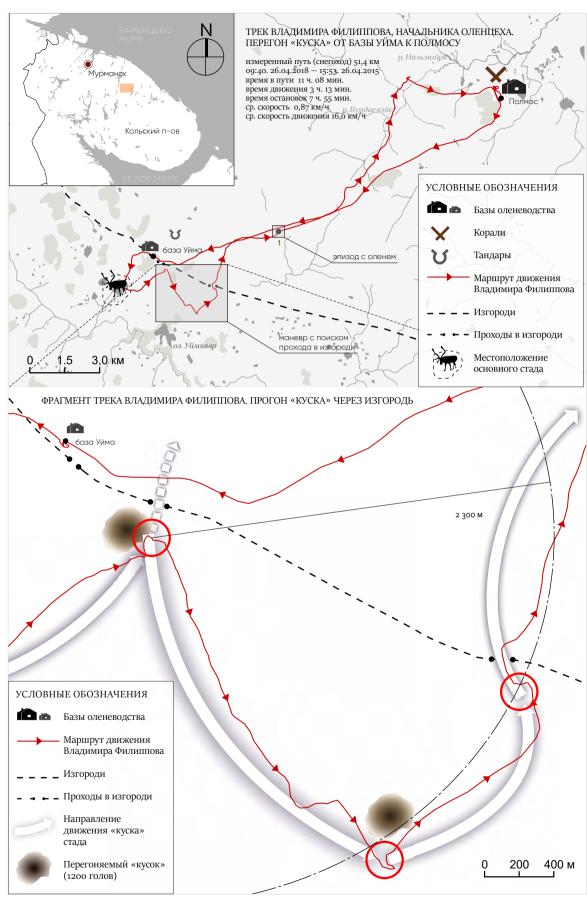

Рис. 72б. Перегон стада к коралю

в 800 голов, и начальник цеха решительно гонит его к изгороди. С некоторой досадой старший пастух, «моряк» Иван Красавин, отгоняет остальных оленей в сторону от прежнего места на отдых, лежку и успокоение (на следующий день выяснилось, что встревоженное стадо ушло за ночь на 20 км к западу).

Маневры осложняются тем, что в общем стаде много стельных важенок, которых лучше не пугать и не гонять. Наст в конце апреля коварный: на ночь замерзает и утром режет оленям ноги, а днем оттаивает и превращается в няшу, в которую проваливаются даже важенки, не говоря уже о тяжелых быках.

Оторванному «куску» предстоит миновать изгородь, отделяющую лес от тундры — отныне олени переходят на летние пастбища. Накануне Иван Карсавин накатал снегоходную дорогу для оленей через довольно узкие ворота (чуть более 2 м); олени охотно следуют по примятому снегу, и «тротуар» может провести их через изгородь.

Три снегохода и собака, подпирая «с пятки» и чуть сжимая с флангов стадо, направляют его к воротам. Перед проходом стадо, зажатое с трех сторон, начинает кружение.

Неоднократные попытки поддавить его к воротам не приносят успеха, олени ведут себя все тревожнее, запрокидывают головы, спотыкаются в беге по кругу. Пастухи знают, что самое опасное в такой ситуации — паническое бегство куда глаза глядят, грозящее разбродом стаду и выкидышами важенкам.

Начальник оленцеха решает перегнать стадо дальше вдоль изгороди, где есть широкий проезд, используемый для подвоза дров к Полмосу на вездеходах. Пастухи гонят стадо в обход лесистого холма, за которым сразу открываются широкие ворота в изгороди, и стадо с разбега устремляется в них.

Скорость бега стада около 15 км/час, предстоящая дистанция — 20 км. Впереди открытое пространство тундры до самого Полмоса. Первой бежит матерая важенка, мать нескольких матерей, за которыми бегут их оленята. Именно старая важенка обычно ведет остальных. За ней вытягивается стадо, в голове которого вскоре оказывается легкая молодь, а в хвосте — тяжелые быки, которых не выдерживает наст, и они время от времени проваливаются по брюхо. Как назло, припекает солнце, и наст на глазах

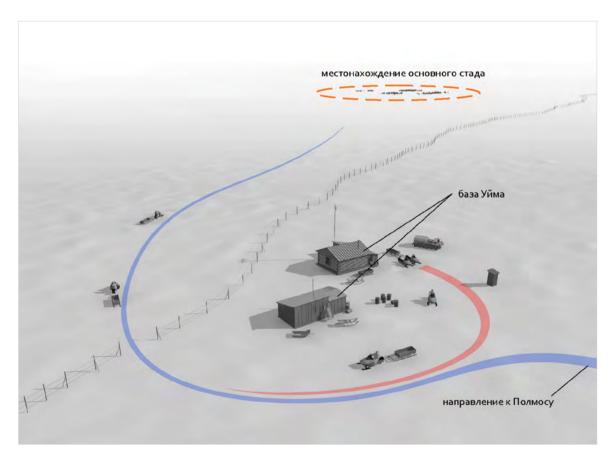

Рис. 73а. Выезд в стадо. Перегон стада от базы Уйма к Полмосу

Ход стада по насту. Фото А. Головнёва, 2018

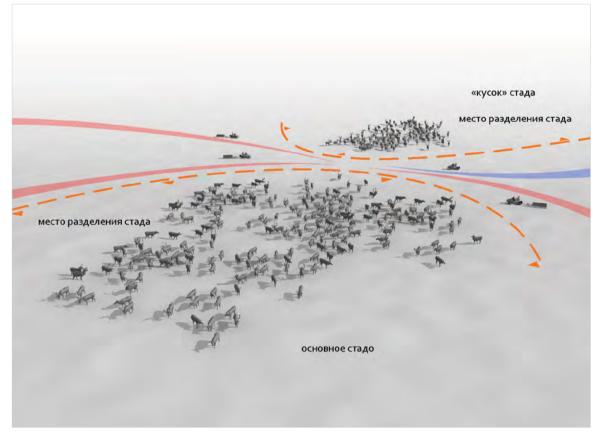

Рис. 73б. Отрыв «куска»

размякает. Особенно тяжело быкам, которые недавно пережили кастрацию. Один такой бык бежит последним. Прошлой осенью, до кастрации, он провел сильный гон, собрав и покрыв больше десятка важенок. Вскоре по осени у него в числе первых отвалились от изнеможения рога, а по весне его настигла кастрация. Незажившая рана мешает бегу, и бык ложится на снег.

Теперь последним бежит крупный ездовой бык, хороший в упряжке, но сейчас почти беспомощный. Он выбился из сил, все чаще останавливается и, наконец, ложится. Пастухи прекращают гонку, давая возможность стаду «покурить» (пощипать ягель и перевести дыхание). Пастухи решают взять быка на нарты: иногда случается, что оленевод везет оленя. Бык принадлежит не им, а болеющему в поселке пастуху, но это не имеет значения. На трех снегоходах они подъезжают к лежащему оленю, набрасывают ему на шею аркан, переваливают на бок, спутывают ноги. К одному из снегоходов подцеплена волокуша, которую отцепляют, бортом подсовывают под оленя и «зачерпывают» тушу внутрь. Обеспокоенный олень вертит головой и сучит

копытами, но его привязывают веревками к волокуше. В виде багажа олень быстрее стада добирается до Полмоса, где попадает в руки Гаврила Кириллова, а затем на привязь и пастьбу.

По пути в Полмос стадо еще раз кружит — не перед препятствием, а посреди ровной тундры — из-за того, что небольшой его «кусок» откололся и за ним ринулся один из снегоходчиков, оставив свой фланг подгона пустым. Когда он возвращается, стадо размыкает круг и вновь вытягивается в бегущую колонну. Перед коралем олени еще раз кружат, затем продолжают кружить в корале, даже разбитые на несколько групп. Вход в кораль устраивается по солнцу, «под кружение стада». При виде сверху кажется, что в отделениях кораля в этот момент вращаются огромные маховики оленной индустрии.

Зачем олени или оленеводы устраивают круговорот? Всем, кто видит это вращение с высоты птичьего полета, оно напоминает магический танец, вроде суфийского зикра. Но у оленей своя «магия»: так стадо останавливает свой бег, когда сталкивается с неизвестностью или опасностью: «Волк показался,

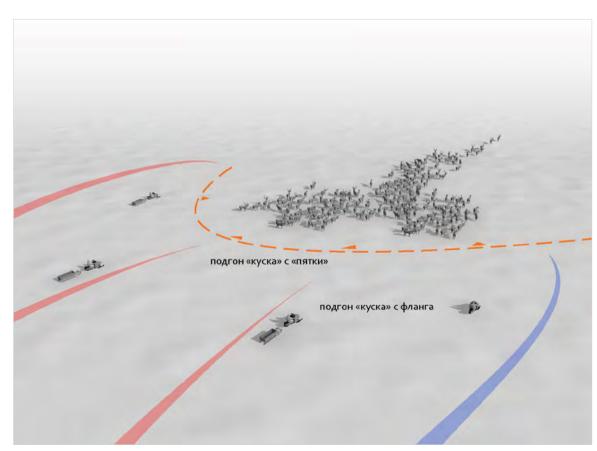

Рис. 73в. Движение «куска» по тундре. Перегон стада от базы Уйма к Полмосу

Погрузка обессиленного оленя в волокушу. Фото Ю. Коньковой, 2018

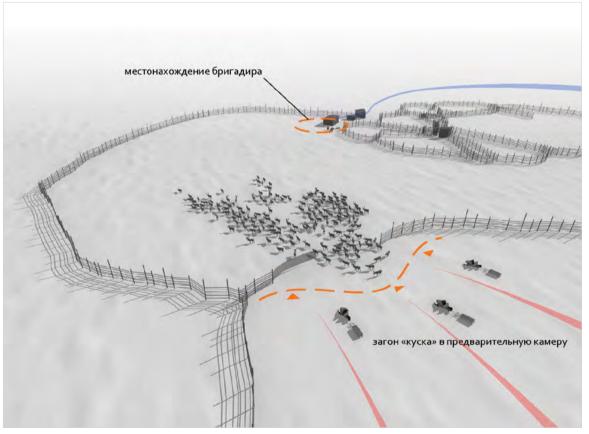

Рис. 73г. Загон «куска» в кораль

олени в кучу сбиваются и кружат, впереди река или люди тормознули стадо — олени обязательно начнут крутить» (С. Н. Галкин).

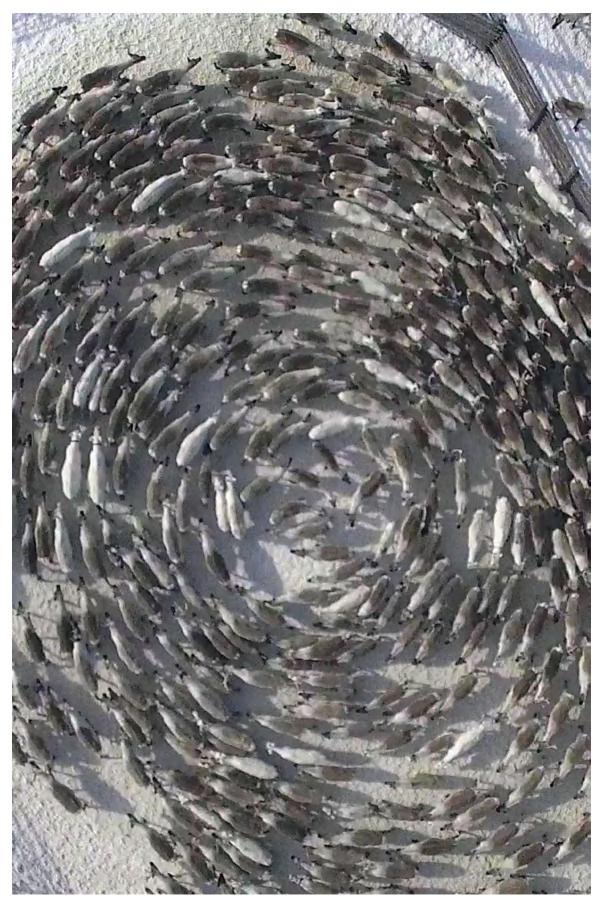
Кружение — стадный жест замешательства. Вращаясь на месте, стадо не сбавляет ход, не ложится, не разбредается, а ждет действия своего вожака, вернее вождихи, той самой матерой оленухи, которая его ведет. Стадо само начинает кружение в жаркое летнее комарное время (особенно в безветрие), спасаясь тем самым от гнуса. «В центре круга олени стоят, а вокруг пыль такая поднимается, что туда ни овод, ни комар не летят, и запах пота такой, что гнус туда не летит. Те олени, что в середине, отдыхают, а те, что по внешнему кругу — бегут, потом меняются» (В. К. Филиппов). Есть и другие поводы вращения, например, болезнь

«вертячка», которая доводит оленя до измождения и смерти.

Говорят, старики раньше умели «крутить стадо», используя его вращение вместо кораля, умудряясь отловить в вертящемся круге нужных для упряжки оленей. Обычно стадо кружит по солнцу, но пастухи говорят, что можно закрутить его и в обратную сторону. Кружение с отловом оленей «на вольной» (без использования тандары или кораля) — это своего рода дрессура: по словам оленеводов, вращение способствует «осмирнению стада». Они крутятся, пока не успокоятся от усталости или не найдут выхода в открытое пространство, и тогда круг стада в одно мгновение вытягивается во вьющуюся по тундре пеструю ленту.

Стадо в корале. Фото Д. Куканова, 2018

Кружение оленей в корале. База Полмос. 2018

ТРАНСПОРТНАЯ СМЕСЬ

Если разнообразие нарт у ненцев выросло из развития оленного транспорта, то пестрота средств передвижения на Кольском полуострове являет собой «сток» разных культур и технологий. В мозаике транспортных средств здесь соседствуют вьюк и квадроцикл, вездеход и волокуша. В последнее время роль смесителя этих ингредиентов играет снегоход, который стал главным двигателем «снегоходной революции», превратив остальные средства передвижения в свои аксессуары. Если в восточных тундрах снегоходная революция только набирает обороты, то в Кольском крае она уже победоносно завершилась.

В соседней Скандинавии, по словам Х. Бича, «растущая плотность дорожной сети, наряду с появлением снегохода, довольно скоро устранила регулярную нужду в использовании упряжных оленей для семейных транспортных караванов... Как следствие, движение оленей, пастухов и их семей оказались разделенными и не связываемыми вместе миграциями караванов» (Beach 2013:88–89).

На Кольском полуострове оленные караваны (райды) ходили до середины 1970-х гг. Это были «керёжно-санные поезда», состоявшие из нескольких (5–6) следующих одна за другой керёж или саней (нарт). Семейная райда могла состоять из одного-двух керёжно-санных поездов, и для ее перевозки требовалось от 50 до 100 тягловых оленей-быков. Райду вела ездовая керёжа или «езжалые сани» (езжало), следом цугом — несколько «возовых саней». В каждую керёжу запрягали одного оленя, в сани (нарту) по два и более. В возовых санях (грузовых нартах) перевозили запасы пищи, вещи, инструменты, домашний скарб, конструкции построек.

Масштабное вторжение механического транспорта в тундру началось в эпоху индустриализации Севера (1960–1970-х гг.). На смену райдам пришли трактора с обозами и малая авиация. По воспоминаниям старожилов, «в 1970-х г. перестали ездить райдами и жить в чумах; к каждой бригаде прикрепили вездеход, на вездеходах стали перевозить весь скарб до баз» (А. Н. Юрьева).

За последние десятилетия Кольский полуостров испытал вторжение, поочередно и в смешении, транспортных средств советских строителей, военных, геологов, зарубежных транспортных и туристических

фирм. По воспоминаниям жителей Ловозера, «в 1990-е вездеход у вояк [в воинских частях] можно было купить, как оленя, за бутылку водки!» Ныне на смену тяжеловесам на гусеничном ходу пришла техника малых форм и высоких скоростей, изменившая локальные практики передвижения по бездорожью. Стремительное распространение снегоходов и квадроциклов обновило стратегии и приемы содержания стад, движения и мышления оленеводов.

Если не считать спортивных гонок и катаний туристов, остались два периода использования оленьих упряжек: ранняя осень и поздняя весна, когда из-за отсутствия снега езда на снегоходе затруднительна или невозможна. К тому же опытные оленеводы по-прежнему ценят преимущества упряжки в сравнении со снегоходом: «Сентябрь-октябрь на упряжках ездят, пока болота и озера не застынут. На оленях хорошо, стадо не так пугается» (С. Н. Галкин). В это же время для перевозки тяжелых грузов используются вездеходы.

Оленеводы, искушенные в технических переменах последних лет, предсказывают скорое заполнение этой временной ниши квадроциклами. Пока «квадрики» появились только у самых зажиточных, но мечтают о них все, «чтобы не зависеть от вездехода, чтобы сел и сам приехал на работу осенью и весной, а летом за морошкой». Ожидается, что квадроцикл окупится за счет сбора и продажи морошки, уже сегодня тандем «квадрик-морошка» работает эффективно (например, А. Филиппов купил себе квадроцикл за 325 тыс. руб. «на морошке»; за высокие прибыли морошку в Ловозере называют «марихуаной»).

Список транспортных новинок кольских тундр недавно пополнился пассажирским прицепом «Метелица», который используется турфирмами. Конструкция обеспечивает плавный ход прицепа по неровной снежной или ледовой поверхности. Сверху прицеп закрывается откидным тентом из прочной ткани. Весной 2018 г. нам довелось встретить «райду» из нескольких прицепов «Метелица» с дюжиной австралийских туристов, выехавших в ловозерскую тундру «поглядеть на оленей». В туристской «райде» они чувствовали себя вполне комфортно среди непривычных для южан снежных ландшафтов.

Технопарк базы Полмос. Фото С. Усенюк, 2015

Упряжка на Полмосе. Фото С. Усенюк, 2014

КЕРЁЖА

Лодка-сани (кересь, кереж, керёжка), традиционная саамская повозка в виде лодки (корыта) с острым носом (килем) и срезанным под прямым углом задком (кормой). По конструкции и технике изготовления в деталях повторяет лодку, что указывает на прямое происхождение керёжи от лодки и/или целенаправленное комбинирование в ее дизайне свойств водного и наземного транспорта. Корпус сшит из тонких гибких досок, укрепленных на остове с четырьмя или более ребрами жесткости (по 4 шпангоута на борт), отходящими от крепкого деревянного полоза-киля. Керёжа использовалась как для езды, так и для перевозки клади. Легковая (ездовая) керёжа снабжалась крытым передком и верхом (обтянутым шкурами или тканью остовом из деревянных обручей). Ездок сидел с вытянутыми ногами или вытянув правую ногу и свесив левую на левый борт саней. Женская и мужская керёжи идентичны (Лукьянченко 1971:70-73, 79).

В керёжу запрягается один олень. Управление — с помощью одной вожжи и кнутовища. Упряжь состоит из: (а) хомута, (б) отходящего от него тяжа, который проходит под брюхом между передними и задними ногами оленя, и прикрепляется к саням, (в) пояса с медным или костяным крючком, перекинутого через спину оленя и свободно крепящегося к тяжу, (г) лямки, идущей по левому боку оленя (в виде полосы цветного сукна, подбитой с изнанки другой тканью), которая привязана одним концом к хомуту, другим — к поясу, (д) недоуздка в виде петли из нескольких ремешков и вставленных между ними одной или нескольких оленьих косточек, (е) вожжи, идущей от недоуздка по левому боку оленя (Лукьянченко 1971:73-76). Упряжь украшалась колокольчиками, расшивалась полосками цветного сукна и тесьмой, бисером, пуговицами и кисточками.

В конце XIX — начале XX в. бытовали грузовые керёжи, по конструкции ничем не отличавшиеся от легковых, но они были больших размеров и имели невысокую спинку. Уложенный в керёжу груз закрывался тканью и зашнуровывался веревками, для продевания которых в бортах саней имелись специальные отверстия. Запряженный в керёжу олень мог везти до 100 кг груза.

Одно из ранних сообщений об оленьем транспорте у кольских лопарей принадлежит С. Герберштейну, который отмечал, что они пользуются оленями в качестве вьючных животных, а также впрягают их «в повозку, сделанную наподобие рыбачьей лодки» (1908:188). Сани-челнок в легковом (pulka) и грузовом (achkio) вариантах, употреблявшиеся шведскими лапландцами для езды и перевозки клади, обстоятельно описал И. Шеффер в XVII в.: «Ездовые сани походят на челнок, разрезанный пополам с высоко вздымающимся вверх носом и тупо срезанной плоской кормой. Корпус этого челнока сшивается из тонких гибких досок, равных ему по длине и укрепленных на остове из четырех или более ребер, сколоченных деревянными гвоздями, которые отходят от более крепкого и толстого деревянного киля. Этот киль, толщиною в руку, поднимается спереди кверху, переходя в нос. Под этими санями нет никаких полозьев. Нижняя часть их, совершенно напоминающая лодку, не плоская, а слегка закруглена так, что они могут легко наклоняться то на один, то на другой бок, что представляет большие удобства при быстрой езде по очень глубокому снегу» (Шеффер 2008:208).

Замена традиционной саамской керёжи ижемско-ненецкой нартой произошла в первой половине ХХ в.; в Ловозерье керёжа сохранялась до 1940-х гг. (Лукьянченко 1971:76-77). В настоящее время керёжа как средство транспорта используется только у скандинавских саамов. В 2000-х гг. в Ловозере была возрождена традиция изготовления керёжи, для чего Д.В. Барудкин был направлен на обучение в Норвегию. Сегодня в Ловозерском национальном культурном центре есть две керёжи в рабочем состоянии. Гонки на керёжах включены в программу проведения Дня Севера и других национальных праздников. Однако умеющих управлять керёжей остается все меньше.

О разнообразии оленных транспортных средств бывший оленевод 6-й бригады Н.С. Галкин рассказывает: «Раньше саамы на керёжах ездили, в лесу очень удобно. Я уже не застал керёжу, а в Норвегии, Швеции и Финляндии на них до сих пор ездят. Райдами ходили. В райде пять саней друг за другом идет, что на одной керёже-то увезешь?»

Керёжа. Ловозеро. Фото Е. Переваловой, 2018

ТАШКА-БЫК

Ташка-бык — вьючный олень (коми название «ташечный бык», саамск. — канти-ельк). Вьючное седло (ташка) представляет собой две скрепленные между собой «замком» деревянные (сосна, ель, тальник) дугообразные дощечки (иногда просто толстые ветки), которые накладываются поперек спины оленя. Нижние их концы связываются с помощью ремня или веревки под брюхом животного. Чтобы конструкция не ерзала, ее дополнительно закрепляют, протянув еще один ремень к нижним концам дощечек. Специальные мягкие вьюки или просто грузы цепляются за верхние торчащие концы дощечек и спускаются по бокам ташка-быка. Под вьюк подкладывают оленьи шкуры, парусину или брезент для предохранения спины оленя от натирания поклажей (Лукьянченко 1971:59-60). В коллекции Ловозерского музея имеются вьючные сумы из замши с деревянной накладкой-ручкой по устью.

По рассказам ловозерских оленеводов, ташечные быки использовались в летний период до начала 1980-х гг. Саам С. Н. Галкин вспоминает: «Ташка-быка долго использовали в бригадах. Хороший бык мог нести до 50 кг (в среднем 40 кг). У каждого свой. Летом пастухи идут в стадо, навьючат ташка-быков и пошли. Седло было въючное. Все олень несет, ты хоть в рубашечке иди. По сопкам да болотам идти-то тяжело, это не по дороге. Оленей собирать хорошо: где ночь застала, там и заночевал. Продукты, спальные вещи с собой надо брать, вот и вьючили. Саамы раньше и верхом на оленях ездили. Дежурить на одном быке летом хорошо. Если бык тащит 60 кг, чего ему сделается, лопари-то мелкие. Ташка-быками ходили на маличные забои. На 2-3 человека один бык: люди налегке идут, а быки вещи (постель, продукты) тащат. Перестали ташечных быков держать, когда вездеходы появились».

Ташка-бык. База Полмос. Фото Д. Куканова, 2018

Гаврил Кириллов запрягает ташка-быка. Фото Ю. Коньковой, 2018

ЕЗДОВЫЕ САНИ (НАРТЫ)

В Кольском крае нарты — ездовые и грузовые — называют на русский лад санями. Переселенцы коми-ижемцы в конце XIX в. привнесли на Кольский полуостров косокопыльную нарту самоедского типа (запряжка веерная в 3-4 или 5 оленей, управление с помощью вожжи и хорея), заимствованную у ненцев во второй половине XVII в. По сравнению с ненецкой, ездовая нарта ижемцев несколько выше и имеет меньше копыльев (3-4 пары при 4-5 у ненцев), устанавливаемых близко друг к другу в задней части нарт, под сиденьем. Два продольных нащепа передними концами вставлены в пазы передней (загнутой) части полозьев. К нащепам крепится дощатый настил, в задней его части невысокая спинка, а в передней — деревянная планка, отделяющая часть настила, предназначенную для сидения, от передней его части, предназначенной для перевозки

вещей. Сверху настил покрыт оленьей шкурой мехом вверх, на которой сидят во время поезлки.

Ездовые сани в Ловозерье делают большими, поскольку «оленевод на смене бывает от нескольких дней до двух недель, и все необходимое нужно везти с собой». Когда пастух едет на смену, в его ездовых санях должны лежать: аркан, продукты, топор, котелок, плащ (или другая защита от дождя), бинокль, оружие.

Ездовые женские нарты отличались от мужских наличием кибитки (будки) для детей. В будку помещались 1–2 ребенка, да еще один сидел спереди; здесь же находился запас пищи на дорогу. Запрягали в женскую нарту до пяти оленей.

На изготовление нарт идут ель и береза. По словам Г. Е. Кириллова, «дерево на полоз выбираешь — смотришь, чтобы оно загнуто было.

Ездовая нарта. Фото Д. Куканова, 2018

На упряжке по Полмосу. Фото Ю. Коньковой, 2018

Чем больше загнуто, тем легче потом гнуть. Для спинки нужна часть ствола с комлем. Длину меряешь своим шагом». Старый оленевод И. С. Чупров делится опытом: «Каждый пастух мастерит сани под себя, однако не все молодые парни сегодня могут их сделать. Сани служат года три. Быстрее всего ломается нартенный полоз, так как береза быстро гниет и становится хрупкой. В мужской нарте непременно есть топор, пила-ножовка, пассатижи и клещи, гвозди, веревка для связывания оленей, аркан. Сверху нарта застилается оленьей шкурой зимнего забоя.

Современные нарты красят черной краской. В советское время красили растворенным в бензине гудроном. Так она меньше сохнет на солнце. Полозья нарты и саней подбиваются "полиэтиленом" (полосой пластиковой трубы). Это значительное облегчение и людям, и оленям. Пластик прекрасно скользит по снежной и влажной поверхности, даже если снега мало. Вместо традиционных костяных блоков и кожаных ремней используются металлические кольца и металлические цепи».

Оленья упряжка используется в гонках на праздниках День Севера и День оленевода. Участие в гонках считается престижным,

хотя число участников с каждым годом сокращается.

«Гонки уходят, некому соревноваться: правое крыло не хочет участвовать в соревнованиях, обычно у них затягивается кастрация оленей, и они не успевают вернуться в Ловозеро на Праздник Севера. А у нас, в левом крыле, нормальные гонщики, между собой соревнуются. В Краснощелье неплохо проходит праздник, хорошие гонки проводятся, много упряжек» (В. К. Филиппов, Полмос, 2018).

Для гонок на оленьих упряжках делают специальные скоростные нарты, которые по конструкции идентичны обычным, но меньше по размеру и легче на ходу. Многократный победитель гонок Андрей Сорванов рассказывает: «У меня пять легковых нарт: две гоночных (вдруг одни сломаются!) и три ездовых (их держу в тундре, чтобы в Ловозеро не перевозить). Обычно ездовые нарты делают с 3–4 парами копыльев, а деды делали по две пары нащепов и 5 пар копыльев. Ну, чтобы свое мастерство показать. Я попробовал, получились».

ГРУЗОВЫЕ САНИ (НАРТЫ)

В прежние годы грузовые (возовые) сани шли в аргише вслед за ездовыми. Сегодня они делаются «исключительно под бураны» (снегоходы) и подгоняются под ширину следа снегохода. Раньше возовые сани были шире и прочнее: для перевозки грузов жители Кольского полуострова использовали низкие сани на трех (реже четырех) парах прямых копыльев. Подобные грузовые нарты-сани известны многим народам Европейского Севера, включая русских, карел, финнов, ненцев. У саамов они появились, вероятно, от русских или карел (еще до прихода коми-ижемцев), поскольку распространены преимущественно в западных районах полуострова и у финских лопарей (Лукьянченко 1971: 78).

Коми-ижемцы принесли с собой грузовые нарты ненецкого типа. Для разновидностей этих нарт значимо наличие или отсутствие настила (пола) и стенок, а также местоположение копыльев, соединяющих верхнюю часть нарты с полозьями. Грузовая нарта без настила и стенок с равноудаленными друг от друга копыльями использовалась для перевозки шестов, нюков и лат (досок пола) чума. Нарта с настилом и равноудаленными копыльями была предназначена для перевозки крупных тюков с одеждой, шкурами и прочих крупных предметов. Мелкие предметы и пища перевозятся на вандей, нарте с настилом и стенками, образующими длинный ящик на полозьях. Грузовая нарта сябуча предназначена для перевозки постельных принадлежностей. Сыпучие вещества и мелкие предметы складывают в яшшык — большой ларь, снабженный крышкой и установленный на полозья с помощью четырех равноудаленных копыльев. Внутри ларь имеет несколько отделений для разных продуктов. Груз на нартах связывается веревками и покрывается сверху берестой или брезентом. В грузовые нарты запрягают от двух до четырех оленей. При перекочевках соединяли грузовые сани с запряженными в них оленями одни за другими в караваны (райды), возглавляемые ездовыми нартами.

Сегодня возовые сани используются исключительно как прицеп для снегохода и чаще всего дополняются деревянным коробом — съемным, фиксируемым веревками. Для крепления нарты к снегоходу делают металлическое «рулило». Длина грузовых саней без короба — 295 см, ширина — 79 и 74 см,

высота — 36 см; длина с коробом — 307 см, ширина — 95 и 84 см, высота — 70 см.

На изготовление грузовых (возовых) саней идут береза и ель. Есть мастера, которые делают нарты на заказ: легковая нарта стоит от 12 до 20 тыс. руб. Подержанные сани можно купить за 15 тыс., новые под оленей — за 20 тыс., под буран — за 18 тыс. руб.

Н. С. Галкин вспоминает, что в прежние годы было за правило, чтобы отец-оленевод наставлял сына: «Сани сделаешь, пойдешь в оленеводы». Его дядя в 14 лет сделал сани, запряг в них оленей и поехал. Но «наука эта точная, на миллиметр ошибешься, потом будут сани косить».

Саам-оленевод Андрей Сорванов делает и чинит сани. Научился, когда пошел работать в тундру: «Я делаю сани с 1996 года. Дядя учил, подсказывал... Мне не надо рулетки, я на глаз и на ощупь все делаю. Какую толщину надо, определяю пальцами, они у меня чувствительные». Сейчас он делает сани, которые собирается зимой продать (деньги нужны на новую машину). Он замочил заготовки для полозьев в болотной жиже рядом с оленьей оградой. Для загибания полозьев их долго вымачивают, затем гнут, обернув целлофаном и обдавая кипятком. «У седьмой бригады, вспоминает он, — был "станок" для загиба полозьев — железное корыто, куда опускался полоз, а затем нагревался над костром». У ездовых саней полоз должен круче загибаться. Полоз из ели легче, но из березы крепче, хотя быстрее гниет. «На ездовых и на грузовых еловые полозья, но копылья всё равно березовые делаю, они крепче. Гудроном промажешь. Они так дольше служат. Лучше, конечно, краской чёрной по дереву».

Один копыл он уже испортил — слишком много отпилил, получилась щель. «Это потому, что без души взялся делать. Просто знаю, что надо делать, вот и делаю. И тороплюсь к тому же. Если даже сани кривые-косые получаются, говорят: "Главное, что след на снегу остается, и ладно". Себе бы я так, конечно, не стал делать. Себе бы с нуля делал, рубанком потихоньку. Для хорошей нарты дерево заранее готовится, ему вылежаться надо».

За весну он умудрился сломать трое саней: «Одни сани я два раза за лето ломал. В первый раз неученый бык был сзади привязан. Он упал, сани перевернулись, упали боком,

в кочку уперлись, полоз сломался. Нарастил нащеп да голову соорудил. А потом голова отлетела. На полиэтилен её присобачил. Через неделю копылья сломал. Поехал я на смену. На камень так наехал, что все четыре копыла развалились. На базу с упряжкой без саней пришел. Другие подцепил и поехал. Коля Селиванов не вышел на работу, я на его упряжке. В большой камень ударился полоз. Упряжь порвалась. Сани сломал. Сначала не увидел, что полозья у саней разошлись. Часа три ремонтировал. Пока заготовки подсушил... Инструменты — топор, нож да верёвка. А дерево всегда найти можно. Где ручьи,

березки всё равно растут». (Накладка на сломанную деталь называется «налим»). Раньше, когда жил на базе, за лето по пять саней мастерил. Делал шестикопылки (надо 22 отверстия сверлить) и десятикопылки (38 отверстий; видел, как делают такие в Краснощелье, и сам пробовал). На гоночных санях Сорванов ездит только на Праздник Севера, все остальное время они стоят в сарае. Не раз его спрашивали, не продаст ли, двух оленей предлагали: «Не продал и не продам — столько труда вложено». При этом вырывается признание: «Сани делать уже нет большого желания. Мне интересней с техникой».

Грузовые сани. Фото Ю. Коньковой, 2018

ВОЛОКУША

Кольским саамам были известны сани-волокуши из оленьей шкуры *тылле-сан*, использовавшиеся зимой (обычно на промысле) для перевозки грузов в том случае, когда под рукой не оказывалось грузовой керёжи. *Тылле-сан* делали из двух шкур, укладывая одну на другую (шерстью наружу) и замораживая таким образом, чтобы они приняли форму лодки. В нее впрягали оленя, как в обычную грузовую керёжу (Лукьянченко 1971:74).

Пару лет назад для транспортировки грузов ловозерские оленеводы стали использовать пластиковые волокуши фабричного производства, которые все больше «входят в моду». Покупаются стандартные заводские варианты (по цене 16 тыс. руб.) и «доводятся» владельцем на месте по вкусу. Усиливается рама — обваривается металлическими полосами или профильной трубой большого сечения («полиэтилен»). Короб скрепляется сквозными винтами вместо штатных саморезов. Меняется «водило» (металлический

прицеп), поскольку заводское приспособление слишком слабое и не выдерживает активной (почти ежедневной) эксплуатации. Днище усиливается за счет полос, изготовленных из ПВХ труб — две полосы нашиваются на днище и двумя полосами укрепляются углы. Помимо большей жесткости, доработанные волокуши получаются менее «рыскающими, лучше держат направление».

Волокуша удобнее саней, поскольку имеет низкий центр тяжести. 200-литровую бочку бензина или солярки в нее можно «закатить» в одиночку, подведя борт волокуши под бочку: «опрокинул на бок, катнул бочку, и волокуша встала на место уже с бочкой внутри. После загрузки бочку расклинивают парой автомобильных покрышек. Пластиковая волокуша легкая, что экономит бензин и позволяет передвигаться с большей скоростью. Волокуша хорошо идет второй, после саней. Две волокуши крепить нельзя, «первую порвет».

Груженая волокуша. Фото Д. Куканова, 2018

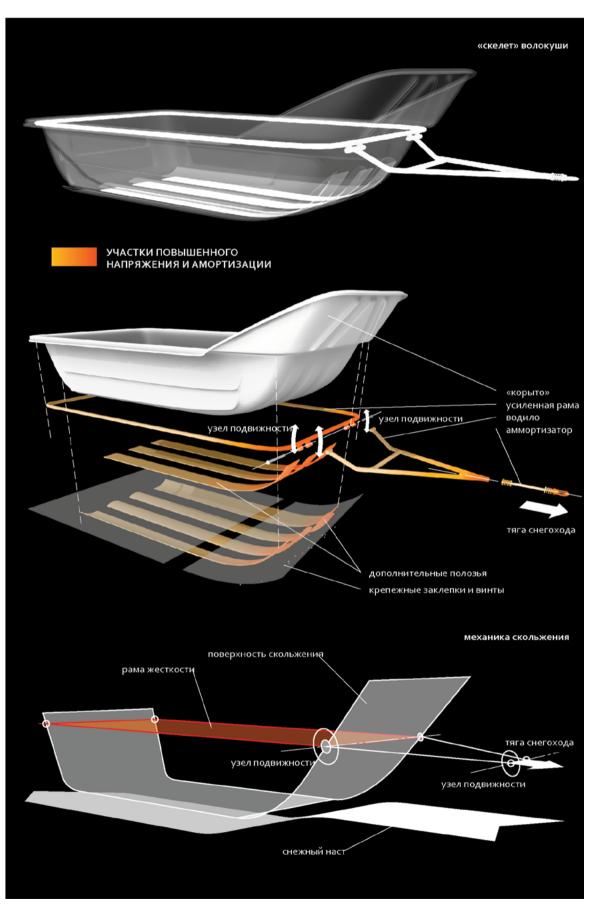

Рис. 74. «Рентген» волокуши

Саам Андрей Кириллов пока не обзавелся волокушей, но говорит, что «она хороша по насту, а по рыхлому снегу тормозит, упирается передней частью, надо бы сделать уклон положе, как у лодки». Главный минус волокуши — ограниченное использование

в морозы, поскольку пластик при низких температурах становится хрупким. Но волокуша не гниёт; кроме того, к ней можно приделать уключины и получить лодку (в этом проглядывает свойственная саамам тяга к повозкеамфибии вроде керёжки).

УСЛОВНАЯ ПРОДОЛЬНАЯ СХЕМА РАБОТЫ КОНСТРУКЦИИ ВОЛОКУШИ

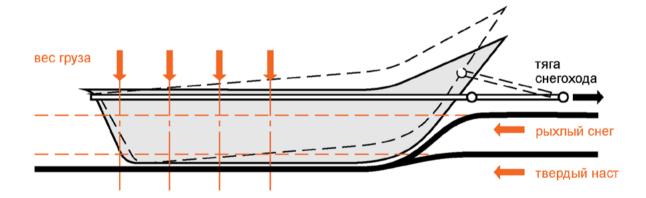

Рис. 75. Свойства конструкции волокуши

Осмотр волокуши. Фото Д. Куканова, 2018

АССОРТИМЕНТ ЖИЛЬЯ

Кольской традицией можно считать не конкретное жилище, а многообразие жилищ. Это связано с вариативностью ландшафта, культурной многослойностью и сочетанием динамики и статики в образе жизни. Тайга и тундра в их горизонтальном (зональном) и вертикальном (горно-долинном) сочетании в череде сезонов создают мозаику ресурсов для обустройства селений и стоянок, а соседство разных культур стимулирует обмен технологиями.

Саамы Скандинавии и Кольского полуострова издавна использовали набор жилищ и сооружений, комбинировавших свойства стабильности и мобильности. Оленеводы кочевали от зимних селений — погостов с избами (пырт, тупа) по пастбищным и промысловым угодьям, на которых ставили каркасные вежи (куэдть) или жердевые чумы (лавву, кувакса). Впрочем, даже стационарные саамские селения были по-своему временными: погосты с вежами стояли несколько лет на одном месте, а затем переносились на новое место, с учетом истощения промысловых и пастбищных угодий. По описанию лопарей середины XVI в., «свои шалаши они прикрывают древесною корою и нигде не имеют определенных жилищ, но, истребив на одном месте зверей и рыб, переселяются в другое» (Герберштейн 1908:190).

Уступая по интенсивности протяженным миграциям ненцев и порывистым маневрам чукчей, саамы практиковали перемещения в размеренном ритме в ограниченном пространстве (диаметром 50-150 км), осуществляя «обмен веществ» разных промыслов и оленеводства. Даже мобильных горных оленеводов Скандинавии можно лишь с долей условности причислить к кочевникам, поскольку они располагают постоянной резиденцией со стационарными жилищами. Саамы обычно не перевозят с собой жилища, а передвигаются по цепочке жилищ, и их походные станы, собранные из подручных материалов, оказываются скорее частью окружающей среды, чем переносным кочевым реквизитом.

Располагая сетью жилищ на маршруте выпаса стада, оленеводы обходятся минимальным обозом и экономят тягловую силу, практикуя запряжку одного оленя в сани (керёжку, нарту). Этот минимализм, пронизывающий всю традиционную культуру саамов, выразился в замене оленьих шкур на более

легкие и доступные материалы для покрытия «шалашей». В Скандинавии эта замена произошла так давно, что не сохранилось письменных свидетельств об использовании в этих целях оленьих шкур. Их место заняли суконные покрывала радно, которые изготовлялись приморскими саамами с 1500-х гг. (судя по шведским налоговым реестрам), а возможно и с эпохи викингов (судя по факту описания оленеводства Оттара); с XII в. в дополнение к ним распространилось льняное и конопляное полотно, достигавшее севера по каналам ганзейской торговли (Bjørklund 2013:72-74). У кольских лопарей «ветхие оленьи кожи» все же применялись для покрытия переносных жилищ, но наряду с хворостом, дерном, берестой, холстом, сукном и войлоком (Георги

Саамская вежа (куэдть) — непереносная каркасная постройка конической или трапециевидной формы. Ее каркас образуют две пары перекрещенных наверху опорных жердей (часто с дугообразными вершинами); перекрестья соединены «дымовой» жердью, к которой приставлены шесты и доски, покрытые снаружи корой, берестой, дерном, торфом, а изнутри — толстым сукном и шкурами. С распространением срубных домов на зимних поселениях вежи служили укрытиями на весенних, летних и осенних стоянках, а к середине XX в. сохранились только на летних промысловых станах ловозерских, каменских и семиостровских саамов. У восточных кольских саамов сооружались вежи с укрепленным основанием — срубом в 3-4 венца. Скандинавская разновидность вежи (гоахти, гоатти) отличается большей мобильностью: она собирается и разбирается за несколько минут, вмещает две семьи (8 человек) и может перевозиться зимой на двух керёжках (сканд. geris), каждую из которых везет один олень, а летом на двух вьючных быках (Лукьянченко 1971:90-95; Bjørklund 2013:73). Из убранства в веже были только низенькие столики, постельные шкуры, пеньки и ящички.

Последняя в ловозерских тундрах вежа стояла в середине 1960-х гг. на базе 4-й бригады рядом с бригадным домом. «Раньше и в поселке, и на базах вежи ставили, а не чумы. — рассказывает саам С. Н. Галкин. — И их делали большие (8×8), детей-то по восемь человек было. Все материалы из-под топора. Для вертикальных

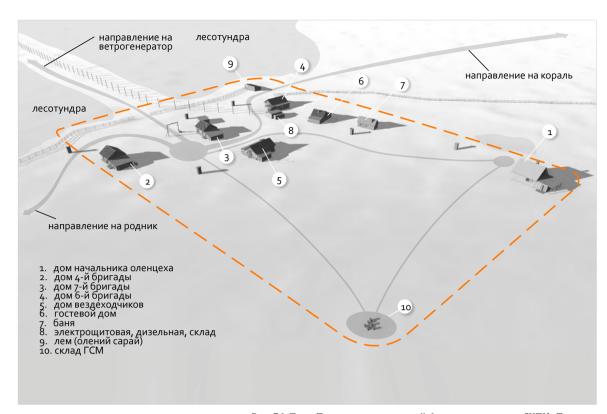

Рис. 76. План Полмоса, центральной базы левого крыла СХПК «Тундра»

Домик базы Полмос. Фото Д. Куканова, 2018

стоек материал специальный — дерево с загибом, такое дерево еще пойди найди. Сверху каркас берестой покрывали, на бересту дерн укладывали; когда все срастается вместе, никакой ветер не сдует» (Ловозеро, 2018).

Помимо вежи, стационарным жилищем служила бревенчатая постройка, называемая у скандинавских лопарей *тупа*, у кольских пырт. Эти срубные дома, распространившиеся у саамов в средневековье под влиянием скандинавов и новгородцев, ставились на зимних селениях (погостах). В них важное место занимали спальные нары (позднее деревянные кровати), привходовой очаг-камелек, сушила, слюдяные (позднее стеклянные) окна, дощатая крыша, укрытая дерном и берестой. Со временем пырт расширялся по площади, оснащался сенями, двускатной крышей, разделялся на кухню и комнату, приобретая черты северорусской избы; при этом он сохранил свое название в качестве хозяйственной части жилища, и иногда в срубном доме сочетались «чистая половина» с печью и пырт с камельком. Случалось, что к ним снаружи во дворе добавлялась вежа, игравшая роль летней кухни; таким образом, жилая композиция включала в себя разного времени и назначения постройки, напоминая домашний музей (Лукьянченко 1971:99-108).

Пастушеским укрытием-жильем служила кувакса (саам. ковас) — легкое сооружение конической формы из 12-15 (малая кувакса) или 25 (большая кувакса) шестов, поставленных вкруг с опорой на три основных шеста. На конический каркас зимой натягивались покрышки из оленьих шкур, летом — из бересты, парусины или брезента. В куваксе горел очаг, готовилась пища, сушились вещи, коптилось мясо; важную роль играл очажный железный лист (алаш), предохраняющий дерн от прогорания (полов в куваксе нет), а обитателей — от пожара: «куваксы очень быстро горят». Малая кувакса служила кровом для 2-3 пастухов, в большой могла ютиться пара семей или бригада пастухов из 8 человек. Постели вокруг костра делались из лапника, накрытого оленьими шкурами. В отличие от вежи, кувакса до сих пор используется кольскими оленеводами в качестве временного жилища, если поблизости нет изб и балков; особенно удобна кувакса во время отела, когда пастуху следует быть рядом с маточным стадом. Брезент для куваксы оленеводы берут с собой в маршрут, когда предвидят стоянки в открытой незамерзшей

весенне-летне-осенней тундре. Шесты для куваксы оставляют в тундре, а затем перевозят с места на место, привязывая по 4–5 к саням. Бывший бригадир 1-й бригады А. П. Филиппов вспоминает: «Из прошлого у нас в оленеводстве только и остались — кувакса и нарта. Куваксу пастухи всегда с собой берут, если нет домиков впереди. Два человека едут, у каждого по 4–5 шестов привязано к саням и брезенты. Это если на упряжках идут в сентябре-октябре, пока болота и озера не застынут. Где нашел место подходящее, там и поставил» (Ловозеро, 2018).

Помимо кувакс оленеводы использовали пурушку — легкое укрытия для двух человек наподобие шалаша или палатки из подручных материалов. Для случайного ночлега подходили перевернутые и укрытые брезентом сани: «снег потоптал, залез и спи». С собой возили ровушку — спальный мешок из шкур осеннего забоя (неблюя), выдерживавшим сорокоградусный мороз. Сегодня «продвинутые оленеводы» оснащены финскими палатками с печкой.

В XIX в. арсенал мобильного жилья в кольских тундрах пополнил ненецко-ижемский чум (коми чом), заимствованный ижемцами у европейских ненцев в начале XVIII в., а затем дополненный рядом интерьерных обновлений (деревянный пол из крашеных досок, расположение женского «угла» в дальней от входа стороне рядом со священной полкой ен джадж, на которой устанавливали тройной складень). По прибытии ижемцев на Кольский полуостров чум служил им кочевым жильем, а затем (до появления изб при тандарах и коралях) использовался в качестве походного жилья пастухов на время отела и коральных работ. Каркас чума состоит из 32 шестов (ов), два опорных связаны между собой ременным кольцом (макота), к которому крепятся верхние концы остальных шестов. В XX в. вместо макоты в зимний период стали все чаще использовать треногу (куим кок, треног), представляющую собой три шеста, концы которых соединены между собой ременным креплением. В центре чума устанавливали очаг (бипур ув) — низкий прямоугольный металлический ящик, в котором разжигался огонь. Двойные покрышки покрывают чум с перехлестом краев. В прошлом зимние покрышки состояли из верхнего мехового (нюк) и нижнего берестяного (поднича) слоев; летом оба слоя изготовлялись из берестяных тисок; позднее вместо бересты стали использовать для поднича сукно, а для летнего нюка — брезент. Саамы,

В избе на Уйме. Фото Е. Переваловой, 2018

жившие в бригадных чумах, не слишком жаловали чумы, замечая: «Чум летом брезентом трепещет, ветра-то сильные, а вежа — нормальный дом».

Многооленные горные саамы Скандинавии при переезде на большие расстояния в открытой тундре перевозят с собой легкие конические конструкции, называемые *lávvu* (норв.) или laavo (швед.) и внешне напоминающие ненецко-ижемский чум. Примечательно, что именно лавву, а не исконный саамский гоахти, стал сегодня символом оленеводства и саамской культуры в Фенноскандии. Это связано с делами не столько оленеводческими, сколько политическими: в 1980 г. лавву был выставлен напротив парламента Норвегии в качестве знака протеста против гидроэнергетических сооружений на реке Альта-Каутокейно. С тех пор конический силуэт лавву стал «логотипом» различных саамских организаций и учреждений; здание Саамского парламента в норвежском Карасьоке построено «в стиле лавву»; конические символы распространились в детских, образовательных учреждениях, индустрии туризма; растущее число компаний стали выпускать hi-tech варианты лавву со складными металлическими шестами, печами, водозащитным покрытием (Bjørklund 2013:77).

Промежуточной и пробной формой мобильного жилища в 1960-х — начале 1970-х гг. был балок (брезентовый или дощатый дом на полозьях). По воспоминаниям оленеводов, балки «по ходу стада перетаскивали. Три-четыре оленя нужно было запрягать. Но помещение на 2–3 человек слишком маленькое». Сегодня балки, перевозимые в снегоходных санях, изготовляются из сэндвич-панелей или пеноплекса и обшиваются толем, но в них летом прохладно, а зимой душно (А. Ф. Лукин). Эти и другие подобные времянки (геологические вагончики «воркутянки», «бочки») разнообразят сеть укрытий, жилищ и селений в современном Кольском крае.

Одновременно, с урбанистической стороны наступают технологии оседлости в виде многоквартирных домов и коттеджей («шведских», «финских» и др.), больших селений с транспортной, производственной и жилой инфраструктурой. У всех оленеводов есть благоустроенные квартиры в Ловозере, в том числе в районах «старых коттеджей» (двухэтажных домов с отдельным входом для каждого хозяина) и пятиэтажек.

В истории базы Полмос читаются основные тренды развития современных жилищ и поселений. Первый дом на базе оленеводов был поставлен в 1990-х гг.: сруб был привезен

и собран заново, в доме был земляной пол. После ремонта в 2000-х гг. его отдали под гостевой домик. Второй дом был перевезен из Ревды (прежде в нем размещалась типография). Сейчас он тоже считается гостевым: в нем останавливаются вездеходчики («мазутчики-танкисты»), чтобы не подселяться в бригадные дома. В течение последних лет на Полмос перевезли три бригадных дома с сараями для техники и продуктов (дом 4-й бригады привезли из поселка Воронья, разобранный еще в 1970-е, когда поселок был затоплен при строительстве Серебрянской ГЭС). Брусовые дома 6-й и 7-й бригад на базе ставили совхозные строители: в доме 7-й бригады сначала была баня, лет семь назад на базе поставили отдельную баню, но она сгорела в тот же год, и на ее месте поставили новую. Сараи и гаражи к домам пристроили позже, когда разжились снегоходами.

Последний дом в Полмосе был поставлен совсем недавно — в 2017 г. Начали его строить силами кооператива, но «достраивал уже В. К. Филиппов» (строительство обошлось в 1 млн рублей). Материалы завозили снегоходами. Сруб установили на «сваях» разрезанных пополам и залитых цементом бочках. В первый год строительства дом завели под крышу, на второй год зашили окна, на третий выполнили внутреннюю отделку. Дровяник и гараж для снегоходов ставили вместе с домом, мебель собирали «с миру по нитке» (кровати, например, базе подарил туристический центр). Дом оснащен спутниково-цифровым телевидением «Триколлор ТВ» и спутниковым доступом в интернет «KiteNet» (еще недавно сотовая связь и интернет были только мечтой). Сегодня именно в новом доме останавливаются, а зимой в нем живет пастушеская смена, когда стадо выпасается рядом; бригадные дома на зиму «замораживаются».

Кроме жилых бригадных домов с хозяйственными постройками на территории поставлены дизельная-мастерская и мини-бензоколонка. Под нее отведен бывший олений сарай (олени не стали туда заходить, пришлось строить новый). Мини-бензоколонка оборудована под окнами нового «филипповского» дома. Запас дизельного топлива (солярки) хранится рядом с ветро-дизельной энергетической установкой.

Предметом гордости, переживаний и хлопот жителей Полмоса является «ветряк», который оказался на оленеводческой базе по инициативе

директора заказника «Сейдозеро» Ивана Вдовина. Однажды на совещании Вдовин высказал эту затею, но начальник оленцеха и Полмоса В. К. Филлипов возразил: «Нам оленей не на что пригнать, бензина нет, ещё какой-то ветряк!» Вдовин упорствовал и через двенадцать лет добился своего. Как-то приехал швед, его товарищ по спорту — бегу по пересеченной местности. Побегал, в баньку сходил, все посмотрел. Потом в Нью-Йорк они летали. Там консилиум или конгресс какой-то был: индейцы... типа как саамы. Деньги на ветряк выделили. Полтора миллиона совхоз добавил, и кабель мы сами покупали. Завозили сами вертолетом дорого, поэтому обошлись вездеходами. В марте 2016 г. ветряк привезли, поставили на сухом возвышенном месте на краю Полмоса и запустили».

Обслуживающий установку Константин Филиппов считает: «У нас уходило 3 тонны солярки, когда дизель в пять вечера заводили и крутили до полуночи. А сейчас ветряк работает круглосуточно. Но наш ветряк — не очень выгодное приобретение. Сейчас он круглосуточно дает электричество, хотя зимой на базе только сторож остается. Внутри вагончика стоят аккумуляторы, которым нельзя замерзать, и обогреватели, обеспечивающие тепло. Вот и получается, что один человек живет в доме и потребляет со всеми экономлампочками 300 Вт, что может обеспечить одна малюсенькая станция, а приходится гонять ветряк, потому что станцию нельзя заглушать. Станция сама себя обогревает и на себя же тратит энергию (потребление 2,5 кВт). Ошибка была в чем? Мы думали, что на Полмосе ветер нормальный, то есть ветряк будет постоянно крутиться и заряжать аккумуляторы. Но здесь не морское побережье, ветра постоянного нет. Все оборудование немецкое и канадское, очень дорогое. По проекту мы платили только за доставку, плюс 18 % НДС и за растаможку. Само оборудование не покупали, но все равно получилось дорого. На эти деньги можно было цистерну солярки купить и новый дизель. Нам бы этой солярки на 20 лет хватило. А для ветряка срока окупаемости нет. Или солнечные панели поставили бы, их в России делают, это намного дешевле (панель стоит 12 000 руб. за штуку, дает 250 Вт, нам хватило бы восьми штук, чтобы получать 2 кВт; даже во время полярной ночи панелям 3-4 часа света хватает зарядиться). В копейки бы обошлись панели по сравнению с нашими пятью с чем-то миллионами затрат».

Ветряк. База Полмос. Фото Е. Переваловой, 2018

ОДЕЖДА КОЛЬСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ

«Одежда их состоит из оленьих шкур. Одежда туникообразного покроя, штаны, сапоги, рукавицы — все это сшито из оленьих шкур, шерстью наружу, благодаря чему они сами напоминают каких-то диких зверей, покрытых щетинистыми волосами» (Шеффер 2008:236).

Так в XVII в. представлялись шведам обитавшие на северных окраинах королевства лапландцы. Их зимней одеждой была «косматая мудда», летней (женской) — облегающая тело и «ниспадающая до земли широкими складками» вольпи. На голове мужчины — «род шлема из оленьей кожи, закрывающий и плечи, в котором оставлено лишь небольшое отверстие для лица»; на ногах — обувь с подошвой, сшитой из кусков оленьей шкуры так, «чтобы шерсть в них была направлена в разные стороны во избежание скольжения». Женские пояса с множеством подвесок и сумочек, общим весом до 20 фунтов, издавали при ходьбе звон, который считался «приятнейшим звуком» и «оповещал о приближении красавицы» (Шеффер 2008:234-239).

Поздние описания саамской одежды также содержат указания на оленьи шкуры и яркий орнамент. В сильный мороз кольские лопари носили на голое тело торк мехом внутрь и печок мехом наружу. В иные дни под печок надевали суконную юпу — рубаху из белого (у женщин) или серого (у мужчин) сукна, которую носили и летом; ее ворот, подол и рукава украшали бисером, цветной тесьмой, аппликациями в форме ромбов и треугольников. Рукавицы шили из оленьих шкур ворсом наружу или вязали из крашеной овечьей шерсти. У скандинавских саамов цветные полосы плечевых швов на верхней одежде напоминали погоны. Мужской кожаный пояс украшали медными ажурными бляхами и оснащали подвешенными на цепочках ножом в кожаных ножнах, мешочком с огнивом, кошелем с деньгами, амулетами и кольцами; на женском поясе, сплетенном из крашеной шерсти, крепилась, кроме того, сумочка с иголками и нитками. Особенно яркими и разнообразными у лопарей были головные уборы: мужская шапка с высокой четырехугольной (женская с круглой) тульей и наушниками из цветного

сукна, украшенная опушкой из лисьего меха, бисером, жемчугом; экзотично выглядел и вязаный из овечьей шерсти лопарский колпак с огромным цветным (обычно красным) помпоном. Обувь из оленьих шкур (камусов, лбов и щеток) — каньги (с короткими до щиколотки голенищами) и яры (до паха) — дополняла «лапландский дизайн» круто загнутыми вверх носами, подошвой без каблука и цветными плетеными обмотками (см. Харузин 1890:92–96; Лукьянченко 1971:126–131; Хомич 1990:30–34).

Понятно, что на промыслах и в быту саамы обходились более сдержанными колерами, а стиль «фейерверк» имеет отношение в основном к празднествам. Судя по всему, причудливость лапландских нарядов, в перекличке с колдовством «полуночных стран», повлияла на европейскую рождественскую атрибутику, и, наоборот, встречный спрос русских и скандинавов стимулировал лапландскую экзотику нарядов (один из ранних примеров товарносувенирного прироста этнической специфики).

Мобильность саамов относительно моды, наряду с прагматическими соображениями, объясняет их открытость к заимствованиям одежды русских, скандинавов, карел, коми-ижемцев, ненцев. При этом в одном «шкафу» оказались русские сарафаны (сариван) и ко-кошники (шамшура), кафтаны (кяхтан) и рубахи, ненецко-ижемские малицы (глухая одежда из оленьих шкур с капюшоном и рукавицами) и тоборки (камусная обувь с голенищем до колена или до паха, надеваемая с липтами — меховыми чулками ворсом внутрь). «Переодевание» оленеводов имело практические основания:

«Саамы переняли одежду у коми вместе с оленеводством еще до колхозов. Саамы-то у богатых коми служили батраками, те их по своей культуре и одевали. До прихода коми саамы носили каньги с обмотками типа портянок, меховые штаны (из шкуры оленя зимой, из дубленой кожи летом) и такую же куртку. В каньгах меха-то внутри нет, один шерстяной чулок. Они воду не держат — снег забило, и все мокрое. А комяцкие тоборки имеют высокую голяшку, можно

Саамы в праздничных одеждах. Ловозеро. Фото Е. Переваловой, 2018

Саамский женский футбол. Ловозеро. Фото Е. Переваловой, 2018

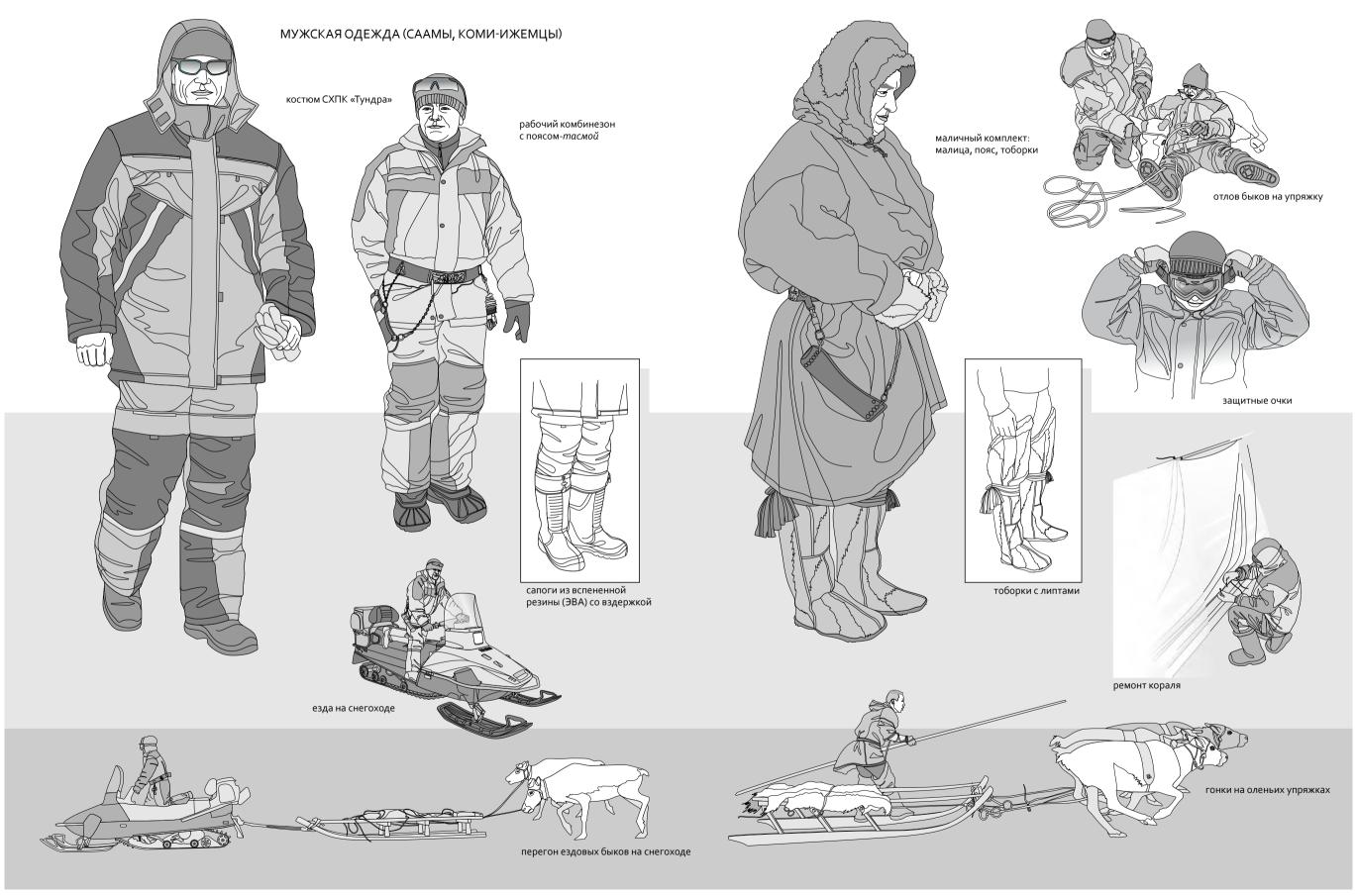

Рис. 76. Одежда кольских оденеводов

в любой сугроб ступать. Саамская куртка пристегивалась к штанам, шапка тоже надевалась отдельно. Пристежка есть пристежка, все равно дует, как ни крути. А малица как скафандр — даже самая старая, одна кожа, и то теплее. Малицу и надевать-снимать быстрее. Так что для оленеводства более удобной и практичной оказалась коми-одежда, особенно когда мороз или длинный переезд. Райда-то ступком (т. е. шагом) идет, сидишь на санях по 3–4 часа, замерзаешь, если по озеру движешься, вскочишь и бежишь рядом с санями, греешься» (А. Ф. Лукин, Ловозеро, 2018).

«Саамов приучили к коми-одежде. У них шуба, рукавицы, головной убор — все отдельно было. Пошивочный цех зырянскую одежду для оленеводов шил: малицы, тоборки, пимы. Некому стало шить саамскую одежду: мастериц не стало, а молодежь не хотела» (А. П. Филиппов, Ловозеро, 2018).

«В совхозные времена малица полагалась пастуху на три года, тоборки — на два года, головки тоборок и рукавицы — на сезон. В середине августа проводили маличный забой. Чумработнице малица выдавалась на 10 лет» (А. Н. Юрьева, Ловозеро, 2018).

Каньги с шерстяными чулками, сарафан с фартуком, головные уборы и другие элементы саамской (главным образом женской) одежды сохраняются до сих пор в качестве этноритуальных (праздничных) нарядов. «Маличный комплекс» (малица, совик, тоборки, пояс-тасма), привнесенный ижемцами, вытеснивший лопарскую одежду и почти на век утвердившийся в качестве униформы кольских оленеводов, ныне тоже отходит в разряд резервной промыслово-оленеводческой и отчасти праздничной одежды. Мотив удобства для оленеводства сменился мотивом удобства для поселковой жизни. Малица, служащая превосходной капсулой для автономного благополучия в открытой тундре, избыточна в благоустроенной квартире. «На всякий случай» она легла в багажники снегоходов, но случаев таких — блужданий и поломок — происходит все меньше ввиду совершенствования техники и распространения gps-навигаторов.

Старшее поколение хранит еще верность оленеводческой одежде:

Рабочий костюм оленевода СХПК «Тундра». Фото Е. Переваловой, 2018

«У меня одна малица в поселке, другая — в тундре. В малице пастух всегда в тепле, а в куртку задувает везде (рукава, шея, поясница). Если ты в малице, захотел спать, лег и спи, а если еще брезент с собой, так спишь как дома» (А.П. Филиппов, Ловозеро, 2018).

Малица, считают ловозерские пастухи, удобна для работы, а особенно для езды на дальние расстояния. Даже если малицу не надевают, ее берут с собой в поездку. Как правило, пастухи надевают малицу и тоборки, когда пересаживаются на оленьи упряжки в конце весны и начале осени. Старейший пастух левого крыла, Игорь Степанович Чупров, зимой всегда в малице. А бывший оленевод А. Ф. Лукин не надевал малицу вот уже восемь лет и с усмешкой говорит, что нынешним оленеводам она не нужна: «стадо проверил и в избушку». Предпочитающий двигаться на снегоходе начальник цеха В. К. Филиппов поясняет: «Пешком в малице не пойдешь, хотя я ходил, по 30 км, а куда деваться? А так, конечно, надо фуфайку с собой возить. Слез

Бригадир Иван Апицын в малице. Фото Е. Переваловой, 2018

с "Бурана", если застрял, ты малицу-то скинь, фуфайку надень, потом обратно малицу надень и дальше поезжай».

Ушел в прошлое «маличный забой» оленей, ради которого еще недавно (15-20 лет назад) оленеводы в начале августа уходили к морю, к стадам. На Ильин день ловили арканами и забивали оленей «на панды» (нижняя оторочка малицы). В середине августа собирали стада в тандары и отлавливали арканами оленей (телят) на малицы (на одну малицу нужно 4-5 шкур-няблюев, пыжик на капюшон и полшкуры взрослого оленя на панду), а также на либты, тоборки, рукавицы. Там же на месте, в куваксах, женщины по две-три шкуры в день обрабатывали, затем шкуры отправляли в пошивочный цех. Сегодня, по словам старожилов, «маличный забой не ведется, а нынешние чумработницы ни шкуру выделать, ни тоборок сшить не умеют». Саам С. Н. Галкин наблюдает: «Маличный забой прекратили давно, а недавно и мехцех закрыли, посчитали нерентабельным. А как мороз, так они малицу ищут. У меня хоть и старая малица, пух один остался, но все равно — надел, шапка и рукавицы не нужны, главное не продувает, значит выдержу любой холод. Есть у меня и хорошая малица, на случай сильных морозов. Сейчас у пастухов спецодежда, не на улице уже спят, в домиках ночуют. На сапоги перешли, они до минус сорока выдерживают. Но когда сильно холодно, пастухи все равно надевают тоборки. Женщинам из бывшего маличного цеха заказывают, они пока еще шьют» (Ловозеро, 2018).

Причин свертывания «маличного комплекса» называют немало: долгий вольный выпас до осени (тогда как шкуры-неблюи нужно снимать в августе, иначе они становятся тяжелыми), трудности обработки на месте забоя (необработанная шкура быстро преет и гниет), транспортировки шкур (удорожание вертолетных рейсов), отсутствие швей. Однако ясно, что это связано с уходом в прошлое оленьих упряжек, пастушества как образа жизни и фактическим превращением оленеводства из сельского (пасторального) хозяйства в отрасль индустрии. Потребительская ценность старой оленеводческой одежды снижается ввиду того, что она действительно плохо стыкуется с современными технологиями. «С меховой одеждой много возни. — говорит А. Ф. Лукин. — Меховые тоборки нельзя на батарее, как

валенки, сушить. Через пару месяцев при такой сушке уже не пригодными будут... На иномарке едешь, там обдув и сырость, меховые *тоборки* за два рейса угробишь. Сушить надо на руках: мукой черной посыпать и разминать руками» (Ловозеро, 2018).

Семь лет назад кооператив «Тундра» перестал выдавать оленеводам меховую спецодежду, которую составляли: малица на пять лет, маличная головка на два года, киписи (маличные рукавицы) на полгода (быстро стираются при работе, особенно от хорея), тоборки (меховая обувь) и липты (меховые чижи) на два года. Вместо изделий окончательно ликвидированного в 2016 г. мехового пошивочного цеха (в нем было 70 рабочих мест) сегодня руководство СХПК «Тундра» обеспечивает своих работников «социальным пакетом оленевода». В него входит рабочая одежда и обувь — теплая куртка, штаны-комбинезон и сапоги; над карманом куртки размещена нашивка-логотип кооператива — «СХПК "Тундра". с. Ловозеро». Зимний костюм обходится в 3 500-5 000 руб., пара сапог — в 1 200 руб. Зимнюю спецодежду среди 44 работников кооператива, в том числе 23 оленеводов, распределяют раз в три года. Летнюю одежду пастухи покупают сами. Спецпакет дополняется солнцезащитными очками (предпочтительно импортными) и надеваемым в ненастье «хим-дым-плащом». Старый оленевод А. Ф. Лукин заметил: «Лет тридцать назад человека в такой спецовке посчитали бы заключенным».

От маличного ижемского комплекта, как и от старого саамского, остается только его символическая «пуповина» — пояс-тасма. Не только потому, что он удобен и красив, но и потому, что вобрал в себя память об уходящей традиции. Ижемский кожаный пояс, охотно заимствованный саамами, — широкий, богато украшенный, с целым набором инструментов и оберегов (нож в ножнах, огниво, набор пясиков для упряжи, шило для развязывания узлов, кошелек, клыки медведя и волка, медные ажурные бляхи, кольца, фигурки) всегда был знаком достоинства его владельца. Хорошая старая тасма в высокой цене у молодых оленеводов. «Особо ценятся рубежки (сердечки и ромбики); иной человек может весь вечер их переставлять, чтобы красиво было» (А. П. Сорванов). Традиционный костюм, вместе с непременной тасмой, утратил место в производстве и быту, но остался атрибутом этнических праздников народов Севера.

Андрей Сорванов в комбинезоне с поясом-тасмой. Фото Е. Переваловой, 2018

КОНТУРЫ НЕОНОМАДИЗМА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Сегодня номадизм уже не рассматривается как признак «нецивилизованности»; напротив, в высокой мобильности видится и исконное свойство человечества, и драйвер его развития, и перспектива прорывных технологий. XXI век стал свидетелем ренессанса движения, охватившего страны и народы в виде туристического бума, миграционных волн, кибер-коммуникаций. Другими словами, неономадизм (новое кочевничество) не просто входит в моду, но и приобретает стратегическое значение.

На рубеже веков в мировой антропологии обозначился теоретический сдвиг, названный «мобильным поворотом» и вызванный стремлением заместить устоявшееся в науке статичное мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности. Среди ключевых концепций быстро развивающейся антропологии и философии мобильности можно назвать ризому и номадологию Жиля Делёза и Феликса Гваттари (Deleuze, Guattari 1987), человека путешествующего Эрика Лида (Leed 1991), мобильно-автомобильность и мобильный поворот Джона Урри (2013), экологию путей Тима Ингольда (Ingold 2011), антропологию движения одного из авторов этой книги (Головнёв 2009; 2018). В России северная номадология представлена также рядом перспективных разработок (Гарин 2009; Davydov 2013; Истомин 2015: 2017: Адаев 2016: 2017: Карлов 2016; Шабаев, Истомин 2017; Давыдов 2018).

Судя по всему, номадизм — не отжившее, а вечно возвращающееся явление, и элементы кочевничества пронизывают всю нашу жизнь. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в новейших стратегиях мобильности. Диапазон этого применения огромен — от собственно кочевых арктических практик (как традиционных, так и инновационных) до виртуального кочевания кибер- и глобал-номадов. Состав неономадов не только обширен и пестр, но и едва ли внятно распознаваем по ролям, которые в недалеком будущем им предстоит сыграть. Если туристы и веб-туристы образуют самый массовый поток (потоп?) мобильности, растущий синхронно с самой мощной и быстро развивающейся индустрией современности

(туриндустрией), то сообщества подрывающих устои государств агрессивных неономадов, о которых с холодком писали Делёз и Гваттари, могут составить самую неуправляемую и непредсказуемую группировку человечества. Сегодня понятие «номадизм» нередко смыкается с категорией «беженцы» и в ряде случаев приобретает тревожный, если не зловещий, оттенок «мигрантов», «бродяг», носителей «терроризма» и возбудителей «экстремизма».

Как всякое универсальное явление номадизм обладает не плохими и хорошими качествами, а мощным потенциалом, который может быть использован в разных целях с созидательными и разрушительными последствиями. Во многом сегодняшняя актуальность номадологии состоит как раз в осознании потенциала номадизма и траекторий его реализации. В случае с северными кочевниками это относится как к собственно арктической действительности, так и к использованию кочевых принципов и алгоритмов в широком спектре инновационных технологических разработок, прежде всего в проекции мобильности.

Соотношение традиций и новаций, коренных и пришлых культур на Севере обычно рассматривается как конфликт ценностей и интересов. В действительности это взаимодействие насыщено встречными воздействиями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. Многие технологические новшества, прежде всего транспортно-навигационные, не разрушают, а преобразуют кочевую культуру. В свою очередь традиционные технологии жизни-в-движении представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики. В «северном измерении» России уместно осмысление и применение стратегий арктического номадизма, в том числе полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности традиций коренных северян. Северная мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики. Во всех случаях, когда в Арктике вместо мобильных технологий применялись тяжеловесные стационарные, происходили системные сбои, выражавшиеся в тех или

Дополнительным стимулом актуализации рассматриваемой тематики оказались недавние кризисные явления в Арктике, связанные с глобальным изменением климата и сопутствующими острыми природными и социальными вызовами, например, вспышкой сибирской язвы 2016 г., мором оленей от обледенения тундры 2014 г. и др. (Перевалова 2015; Головнёв 2016в). Сложность вызовов состоит в том, что они обрушились на самые успешные кочевые сообщества тундры, которые, достигнув высокого уровня оленеводства, перешагнули его и оказались в парадоксальном состоянии «кризиса перепроизводства». Сегодня на стыке различных практик и наук (биологии, этнологии, экологии, социологии, права) идут жаркие дискуссии и поиски решений относительно оптимизации/реорганизации кочевых практик у оленеводов Российской Арктики, возможного сокращения (или перераспределения) поголовья оленей в северных хозяйствах, принятия регионального/федерального закона об оленеводстве.

Опыт проведенных по проекту исследований показывает, что кочевая модель жизнедеятельности и культуры обладает высоким потенциалом маневренности и гибкости, а ее давление на природную нишу органично самой тундровой экологии, столь же изменчивой и динамичной. Изучение маневров кочевников в обстоятельствах кризисов и рисков показало, что тундровой экосистеме и традиционной этносистеме органична динамика, а не статика. Всякая задержка нарушает общий ритм движения, а стационарные сооружения значительнее ранят тундру, чем проходы больших оленьих стад. Иначе говоря, не общая масса стада, а режим его движения определяет экологическое благополучие тундры.

Актуальность и практическая значимость определяется, с одной стороны, географией проведения исследований и последующей имплементации их результатов (Арктика), с другой — их направленностью на теоретическую и практическую разработку столь сложного явления как движение (особенно в гуманитарных науках), имеющего очевидные перспективы в различных областях современной деятельности, обозначаемых понятием «мобильность». В числе других научно-практических вариантов использования результатов

исследований, они могут послужить основой совершенствования и оптимизации стратегий освоения Арктики (с учетом традиционных кочевых технологий), разработки совместных проектов коренных северян-кочевников и ресурсодобывающих корпораций.

Северный кочевник, обычно представляемый примитивным пастухом, давно пересел на снегоход и освоил GPS-навигатор. Высокая адаптивность кочевников демонстрирует динамизм в восприятии и освоении культурных и технических новинок — от снегоходов и мотолодок до коммуникационных hi-tech изделий. Сегодняшний скандинавский опыт подсказывает, что самым эффективным методом сбора оленей служит вертолет — «летающая собака-оленегонка», и его дороговизна вполне окупаема снижением затрат на содержание пастухов (Beach 2013:94-95). Во всяком случае, компактные пастушеские вертолеты и дроны могут сыграть важную роль в регулировании наиболее критических зпизодов оленеводства — осеннего сбора стад после летнего вольного отпуска, поиска оленей, разбредшихся в тумане и др. Кстати, исследуемые нами арктические кочевники со своей стороны именно под таким углом наблюдали за работой съемочных дронов, отмечая их способность подгонять оленей и интересуясь дальностью облета и ресурсом батарей. Судя по всему, использование дронов в оленеводстве — почти реальность. В этом отношении среди технологий неономадизма обозначается перспектива hi-tech контроля над пространством и обновления пространственных стратегий за счет кибер-мобильности.

Мы не видим грани между фундаментальными и прикладными исследованиями. В нашем случае эти направления (или качества) сочетаются, дополняют и стимулируют друг друга. Все наши концептуальные решения и теории взяты из реальной жизни как обозначения наиболее значимых свойств, общих мест, точек пересечения, связей всего того, что можно отнести к практикам и реалиям северного номадизма. К числу таких концептов (или принципов) относятся: слитное пространство-время, кочевой трансформер, техноанимация, эффект движения, вещный минимализм, мобильный модуль, северная эстетика (Головнёв 2017).

Слитное пространство-время — основное измерение номадизма. В отличие от оседлой картины мира, где пространство и время существуют и воспринимаются раздельно, в ментальности кочевника они не расчленены. В этой слитности образуется особый ритм пространства-времени. Для кочевника время движется (кочует) по пространству: например, у апреля и июля есть локальные отметки; и наоборот, пространство не существует вне времени, вернее, меняется по ходу времени. У каждой вещи есть не только размеры и местоположение в пространстве, но и свое время — изготовления, использования, участия в кочевье. У вещи есть своя «ритмограмма активности», показывающая ее востребованность и участие в повседневной жизни, в том числе в кочевье. Замер участия вещи в кочевье особенно значим для изучения номадизма. Контроль над пространствомвременем (в том числе социальным пространством-временем) оказывается мотивом и искусством кочевника.

Кочевой трансформер — цикл изменчивости кочевья в различных ритмах и измерениях, в состояниях динамики и статики. Самый очевидный пример — превращение стойбища в кочевье и наоборот. В более широком диапазоне это все региональное сообщество кочевников, меняющее сезонно свою конфигурацию (зимой это скопление на лесотундровых зимних стойбищах, летом — россыпь стойбищ на летних стойбищах и рыбоугодьях, весной и осенью — цепь кочующих аргишей). Летний караван, сменяя нарты и вещи, превращается в зимний караван. Стадо оленей — тоже своего рода трансформер, поскольку оно периодически убывает и прибывает, превращается в материальный и технологический мир кочевья.

Техноанимация — выраженное в вещах кочевников стремление придать изготовляемой вещи свойства живого организма. Этот принцип можно считать ключевым в этнодизайне арктических кочевников (как и других народов Северной Евразии, которым в древности был присущ «скелетный» или «рентгеновский» стиль в искусстве). При прорисовке нарт мы заметили, что некоторые их узлы (например, копылья) похожи на суставы. Благодаря прочным и гибким естественным крепежам (ремням, клиньям и др.) они приобретают качества «живого движения». Передвижное жилище тоже обладает некоторыми чертами живого организма: его остов выполняет опорно-центрирующие функции скелета (и мы

используем скелетно-рентгеновский стиль для показа этих особенностей); оно «толстеет» (по числу шестов и размерам нюков), когда семья разрастается и богатеет, и «худеет», когда семья уменьшается и бедствует.

Эффект движения в антропологии сопоставим с правилом динамического равновесия в физике и экологии, причем баланс кочевья как целостной композиции достигается именно в условиях сложной динамики. Кочевое общество устойчиво в движении. Стоит кочевнику остановиться, он тяжелеет мыслями и телом, теряет свои конкурентные преимущества. В древности это выражалось в том, что кочевники конкурировали, в том числе конфликтовали, в тонусе повышенной мобильности (мобилизации). Кочевые технологии в полной мере проявляют свои достоинства именно в состоянии динамики, уступая первенство иным технологиям в состоянии статики. Существует и обратная зависимость: технологии, удобные для статики (например, оседлости), не всегда эффективны в динамике (кочевье). Кочевые технологии основаны на движении, которое придает жизненным стратегиям людей и функциям вещей особые качества, нереализуемые в состоянии покоя и статики. Например, достоинства каравана (аргиш, мюд, мууриль, райда) или конструкции нарты обнаруживаются только в условиях кочевья.

Вещный минимализм состоит в том, что кочевник возит с собой только те вещи, которые обеспечивают контроль над пространством и движущимся по тундре стадом. Все остальное он производит и получает по ходу и на ходу. Дело не только в том, что в караване (и тем более в легковой нарте) не должно быть ничего лишнего ввиду естественных лимитов тягловой силы оленя или крепости нарты, но и в своеобразии связки инструмент-ресурс: в кочевых технологиях эффективность инструмента достигается за счет пространственного маневра. Например, манипуляция разного рода «веревками» (от аркана до подвязок) позволяет контролировать стадо, «сматывать и разматывать» кочевье. Набором «веревок» кочевник, как сетью, охватывает и обуздывает пространство с его ресурсами. Динамика дает возможность осваивать максимум ресурсов минимумом инструментов, более того, регулировать потребление усилением и ослаблением этой «узды». Мобильность вещей предполагает их ситуативную и функциональную сменность: например, на Ямале зимние нарты

плохо идут по весенним проталинам, и если оленевод вовремя не сменит их на летние, он рискует не дойти до летних пастбищ.

Мобильный модуль — одна из особенностей кочевого поведения, организации людей и вещей в пространстве-времени. Основным таким модулем выступает семейный аргиш, в чем-то сопоставимый с организмом, поскольку обладает автономией в движении и жизнеобеспечении. Качества модуля есть у чума и яранги, так как в них (в фазе статики, на стойбище) тоже сочетаются свойства элементарной автономной целостности. В одних случаях семейный аргиш и передвижное жилище совпадают, в иных различаются. Отдельными характеристиками мобильного модуля обладают индивидуальные караваны, отдельные нарты (например, мужская с набором нужных инструментов и женская с оборудованием для перевозки детей). Принцип автономной мобильности свойствен многим кочевым конструкциям и комбинациям, от увязки нарт до оснащения женского швейного мешка.

Северная эстетика — представления о красоте и пользе, имеющие не созерцательное, а деятельностное выражение. В мобильной культуре движение создает для человека взаимосвязь (нерасчлененность) себя и окружающего мира. У северных кочевников красиво и практично — одно и то же. Их привлекает действие, а не созерцание. Любование оленями сочетается с наблюдением за стадом, его управлением, а также с «оленьим мышлением», азартной «игрой в оленей» (с детства) и многосторонней практикой использования и утилизации оленя. Эстетика у северных кочевников (как их религия и мифология) метафорична и образна, но практична и рациональна.

Эти принципы присущи кочевым культурам, для которых характерны черты отличия от культур оседлых:

- Ментальность движения, предусматривающая восприятие кочевья как благополучия, а оседлости как состояния бедности, болезни, кризиса; мотивация движения как залога превосходства и успешной персональной самореализации;
- Искусство мобильного контроля над обширным природным и социальным пространством, включая лидерство и следование, координацию миграций, эффективную коммуникацию в родственно-соседской сети.
- Этика взаимопомощи на основе родства и партнерства, а также межличностной

конкуренции, повышающей персональную ответственность в динамике кочевок и стоянок.

- Состязательность в скорости, маневренности и быстроте решений в повседневности, детских играх и празднествах с их популярными соревнованиями (гонки на упряжках и снегоходах, борьба, прыжки и др.).
- Установка на активность и неприятие пассивности, умение мобилизовать и мобилизоваться, персональная ответственность по всему спектру деятельности от лова оленей и увязки нарт до выполнения культового жертвоприношения.
- Эстетика движущегося стада оленей, напряжения гонки, пейзажа открытого пространства, пластики шкуры и меха, форм оленьих рогов и силуэтов чумов.

Из трех рассмотренных традиций оленеводства и номадизма самым выразительным следует признать ямальский (ненецкий), сохраняющий алгоритм совместного движения каравана и стада, ритмичной работы алгоритмов трансформера, техноанимации и других. Чукотский опыт содержит комбинацию нескольких уровней движения (пеший, оленный, механический) то в регулярных сочетаниях, то в случайных сцеплениях и кризисных деформациях. Кольская картина транспортно-технологической «смеси» и замены традиционного оленеводства промышленным производством оленины представляет собой не столько номадизм, сколько механизм (вахт, загонов, забоев и т. д.).

В противовес сложившемуся, в том числе в науке, стереотипу о противоборстве традиций и новаций, кочевники Арктики — чукчи, ненцы, саамы и коми-ижемцы — демонстрируют варианты сочетания старого и нового, своего и чужого, природного и индустриального. Достигается это не за счет сращивания или сплющивания разных по природе явлений, а путем их последовательной активации в движении, ибо в динамике действует то, что бездействует в статике. Кочевой опыт можно рассматривать как вклад в систему восприятия мира — импульс к концептуальной замене конфликта в статике маневром в динамике. Природа Арктики и кочевой мир настоятельно рекомендуют современной цивилизации учиться легкости и маневренности, основывать свои стратегии на натуральных алгоритмах мобильности, гибких и автономных модулях движения (каковыми являются кочевья) и других технологиях номадизма.

источники

- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 10.06.2018).
- Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 10.06.2018).
- Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php (дата обращения: 10.06.2018).
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 10.06.2018).
- Всероссийская перепись населения 2002 года. Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12 (дата обращения: 10.06.2018).
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. 1. Национальный состав населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 10.06.2018).
- Доклад о состоянии и использовании земель в Чукотском автономном округе за 2010 г. // Росрестр. Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Магаданской области и Чукотскому автономному округу. URL: https://refdb.ru/look/1159467-pall.html (дата обращения: 06.10.2018).

района. 2015 // Ловозерский район. Официальный сайт. URL: http://www.lovozeroadm.ru/investicii/normativka/1553/ (дата обращения: 06.10.2018).
О городском округе Певек // Официальный сайт

Комплексный инвестиционный план Ловозерского

- О городском округе Певек // Официальный сайт городского округа Певек. URL: https://go-pevek.ru/ (дата обращения: 21.11.2018).
- Отчет Главы Ловозерского района о деятельности администрации Ловозерского района в 2017 году // Ловозерский район. Официальный сайт администрации. URL: http://www.lovozeroadm.ru/ekonomika/doklady_glavy/2921/ (дата обращения: 16.10.2018).
- Постановление Правительства Чукотского АО от 17 июля 2017 г. № 285 «О внесении изменений в Постановление Правительства Чукотского АО от 22 января 2014 г. № 25 "О предоставлении субсидий на развитие отрасли животноводства и реализации продукции животноводства"». Приложение 2, 3. Певек, 2018. Архив МП СХП «Чаунское».
- Проект организации территорий оленьих пастбищ СХПК «Тундра» Ловозерского района Мурманской области / ОАО «Мурманское землеустроительное предприятие». Мурманск, 2008. Архив СХПК «Тундра».
- Сельскохозяйственный производственный кооператив «Тундра» // Ловозерье. Ловозерский район Мурманской области. URL: http://lovozerie.ru/2011-02-01-14-39-44/239-selskokhozyajtsvennyj-proizvodstvennyj-kooperativ-tundra.html (дата обращения: 06.10.2018).
- Социально-экономическое развитие. Вводный очерк // Кольская [электронная] энцикло-педия. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/murmanskaya_oblast/5237/#100368 (дата обращения: 15.10.2018).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. РГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.
- Адаев В. Н. Ненецкие приемы ориентирования в пути: использование помощи оленя и собаки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 133–141.
- Адаев В. Н. Горные ненцы Полярного Урала: особенности традиционной культуры и ландшафтного освоения // Урал. ист. вестн. 2017. № 2 (55). С. 25–34.
- Антропова В. В., Кузнецова В. Г. Чукчи // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 896–933.
- Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. Омск, 2004
- Бабошина О. Е. Сказки Чукотки / Записала О. Е. Бабошина. М., 1958.
- Богданов В. Д., Головатин М. Г., Морозова Л. М., Эктова С. Н. Социально-экологические условия промышленного освоения полуострова Ямал // Экономика региона. 2012. № 3. С. 141–150.

- Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымской округе. СПб., 1900. Ч. 1: Образцы народной словесности чукоч. Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III. Т. XI. Ч. 3.
- Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей. СПб., 1901. (Сборник МАЭ. Т. 1. Вып. 2).
- Богораз В. Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 84–85. № 1–2. С. 1–36.
- Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.
- Боруцкий Б. Е. Легендарные экспедиции Ферсмана: апатит «пробивает окно» в Европу // LiveJournal. URL: https://nick-k56.livejournal. com/78718.html (дата обращения: 17.06.2018).
- В оленеводческих хозяйствах Чукотки подсчитали оленей. 30 декабря 2011. Новости Дальнего Востока // 27 Region (27R.ru). URL: https://27r.ru/news/far-east/40291-v-olenevodcheskix-xozyajstvax-chukotki-podschitali-olenej (дата обращения: 10.12.2017).
- Валонен И. Ранние лопарско-финские контакты: Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник М., 1982. С. 59–96.
- Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. Вып. 1. С. 63–87.
- Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1965.
- Волжанина Е. А. Традиционные механизмы поддержки кочевого образа жизни Ямала в первой трети XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 131–140.
- Володин А. П., Скорик П. Я. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки: сборник. М., 1996. С. 23–39.
- Вуквукай Н. Мир кер-кера // Северные просторы. 2004. № 1-2. С. 80-84.
- Гарин Н. П. Этнодизайн: «Необходимое и достаточное как формула идеальной вещи // Многонациональная Россия: Этнология и киноантропология. Екатеринбург, 2009. С. 58–60.
- Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 1.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 3.

- Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.
- Головнёв А. В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 94–108.
- Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Головнёв А. В. Ненцы: оленеводы и охотники // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск. 1997. С. 80–90.
- Головнёв А. В. Пространственный эскиз петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 185–188.
- Головнёв А. В. Морские кочевники Арктики: модели адаптации // Северный археологический конгресс. Доклады. 9–14 сентября 2002 г. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 94–111.
- Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
- Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
- Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 9–10.
- Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и неономадизм // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 133–138.
- Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015а.
- Головнёв А. В. Чукотский дневник: размышление о движении // Урал. ист. вестн. 2015б. № 2 (47). С. 6–16.
- Головнёв А. В. Арктическая мобильность: технологии и стратегии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016а. № 4 (13). С. 7–11.
- Головнёв А. В. Кочевники Арктики: стратегии мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016б. Т. 44. № 4. С. 131–140.
- Головнёв А.В. Риски и маневры кочевников Ямала // Сибирские исторические исследования. 2016в. № 4. С. 154–171.
- Головнёв А. В. Арктический этнодизайн // Урал. ист. вестн. 2017. № 2 (55). С. 6–15.
- Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.

- Головнёв А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А. Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). Екатеринбург, 2016.
- Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург, 2014.
- Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург, 2015.
- Голубчиков Ю. Н. География Чукотского автономного округа. М., 2004.
- Гурвич И. С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М. 1980. С. 211–226.
- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997. С. 131–137.
- Гусев С. В. Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе // II Диковские чтения. 2002. С. 356–364.
- Давыдов В. Н. Мобильность как рефлексивный и креативный процесс: использование инфраструктуры эвенками Восточной Сибири // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60). С. 24–30.
- Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.
- Дьячков Г. Анадырский край. Записки общества изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. 2.
- Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень, 1992.
- Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. 1938. Т. 4. С. 73–87.
- Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII XVIII век). Новосибирск, 2009.
- Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
- Истомин К. В. Кочевая мобильность Коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация // Урал. ист. вестн. 2015. № 2 (47). С. 17–25.
- Истомин К. В. О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // Урал. ист. вестн. 2017. № 2 (55). С. 16–24.
- Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.; Л., 1961.
- История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / под ред. А. И. Крушанова. Л., 1987.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. Н. Дикова, Т. В. Мальчиковой. М., 1989.
- Калинников Н. Ф. Наш край Северо-Восток. СПб., 1912.

- Карлов В. В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 131–153.
- Кибер [А. Ф.]. Чукчи / пер. с фр. Е. Певцова // Сибирский вестник. СПб., 1824. Ч. 2. Кн. 9-10. С. 87-126.
- Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). Магадан, 2003.
- Клоков К. Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России // Север и Северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2012. С. 38–51.
- Клоков К. Б., Хрущёв С. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России СПб., 2004.
- Козлов Н. В. Сказки народов Северо-Востока. Магадан, 1956.
- Кольский полуостров. Кольская энциклопедия: в 5 т. СПб.; Апатиты, 2009. Т. 2. Е–К.
- Конаков Н. Д., Котов О. В. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 51–79.
- Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
- Куприянова З. Н. Этнические песни ненцев. М., 1965. Кучинский М. Г. Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. М., 2007. Вып. 33. С. 58–89.
- Лебедев В. В. К северным народам (путешествие к лопарям). М., 1931.
- Лебедев В. В. В яранге все живое // Северные просторы. 1991. № 45. С. 40–43.
- Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М., 1983.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М.; Л., 1958.
- Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова в конце XIX XX в. М., 1971.
- Лукьянченко Т. В. Вопросы этногенеза и этнической истории саамов // Памятниковедение. Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 205–215.
- Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1986. Т. 5: Новейшие географические открытия и исследования (1917–1985).

- Меновщиков Г. А. Сказки и мифа народов Чукотки и Камчатки. М., 1974.
- Мерк К. Г. Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. Составление и перевод рукописи К. Мерка, З. Д. Титова. Магадан, 1978. С. 98–155.
- Мироненко О. Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств // Новости оленеводства. URL: http://academnet.neisri.ru/ academnet/infocentr/f_f/oleni/1-2000/5.html (дата обращения: 17.10.2018).
- Михайлова Е. А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб., 2015.
- Мухачев А. Д., Харючи Г. П., Южаков А. А. Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология тундровых ненцев. Екатеринбург, 2010.
- Нейман К. К. Исторический обзор действий Чукоткой экспедиции // ИСОИРГО. 1871. Т. 1. № 4-5. С. 6-31.
- Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей. Середина XVII— начало XX века. СПб., 2003.
- Нувано В. Н., Етылин О. В. Оленеводство Чукотки в период перестройки экономических отношений // Новости оленеводства. URL: http://academnet.neisri.ru/academnet/infocentr/f_f/oleni/1-2000/5.html (дата обращения: 10.10.2018).
- Обручев С. В. В неизведанные края. Путешествия на Север 1917–1930 гг. М., 1954.
- Озерецковский Н. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.
- Олегович В. Рогатое достояние Чаун-Чукотки // Крайний Север. URL: http://www.ks87. ru/20/28/1034.html (дата обращения: 10.07.2018).
- Первоначальное заселение Арктики человеком в словиях меняющейся природной среды. Атлас-монография / отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. М., 2014.
- Перевалова Е. В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Урал. ист. вестн. 2015. № 2 (47). С. 39–49.
- Перевалова Е. В., Куканов Д. А. Мобильное жилище чукчей-оленеводов: традиции и новации // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60). С. 40–49.
- Пожиленко В. И., Гавриленко Б. В., Жиров Д. В., Жабин С. В. Геология рудных районов Мурманской области. Апатиты, 2002.
- Природа и ресурсы Чукотки. Магадан, 1997. (Труды НИЦ «Чукотка». Вып. 5).

- Природные условия и ресурсы. Вводный очерк // Кольская [электронная] энциклопедия. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/murmanskaya_oblast/5237/#100368 (дата обращения: 12.05.2018).
- Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- Север и Северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М., 2012.
- Синкевич Р. Под убойный пункт подыскали площадку // Крайний Север. URL: http://www. ks87.ru/20/28/6372.html (дата обращения: 15.08.2018).
- Суслов И. М. Расчет минимального количества оленей потребного для туземного населения туземного середняцкого хозяйства // Советский Север. 1930. № 3. С. 29–35.
- Терещенко Н. М. Ненецкий эпос. Материалы исследования по самодийским языкам. Л., 1990.
- Территория Арктики. Открой для себя Мурманскую область. Мурманск, 2018.
- Урри Дж. Мобильности. М., 2012.
- Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854): Военноисторический очерк. Мурманск, 1960.
- Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время. Мурманск, 2001.
- Ушаков И. Ф., Дащинский С. Н. Кола. Мурманск, 1983. Федорова Н. В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. № 3. С. 4–12.
- Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Труды Этнографического отдела; Т. 10; Т. 66).
- Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966.
- Хомич Л. В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 63–79.
- Хомич Л. В. Саамы. СПб., 1999.
- Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М., 1972.
- Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского п-ва. Л., 1930.
- Черняков 3. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми, 1998.
- Чубарова Л. Шьем вместе // Северные просторы. 2004. № 1-2. С. 62-64.

- Шабаев Ю. П., Истомин К. В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изьватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 99–114.
- Шеффер И. Лапландия. М., 2008.
- Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1.
- Шумкин В. Я. Древнейшее население Фенноскандии // Очерки исторической географии. СПб., 2001. С. 17–22.
- Ядне Н. Зачем ненцу много оленей? // ИА «Ямал-Про». 5 декабря 2016. URL: http://www. yamalpro.ru/2016/12/05/zachem-nentsumnogo-oleney (дата обращения: 05.11.2018).
- AHDR (Arctic Human Development Report) / N. Einarsson, O. R. Young (eds.). Akureyri, 2004.
- Alfred, King of England. A Description of Europe, and the Voyages of Ohthere and Wulfstan, written in Anglo-Saxon by King Alfred the Great. London, 1855.
- Beach H. The Devitalization and Revitalization of Sámi Dwellings in Sweden // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North. New York; Oxford, 2013. P. 80–102.
- Bjørklund I. The Mobile Sámi Dwelling. From pastoral necessity to ethno-political master paradigm // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North. New York; Oxford, 2013. P. 69–79.
- Bogoras W. Tales of Yukagrhir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia. New York, 1918. (Anthropological Papers of American Museum of Natural History. Vol. XX. Pt.).

- Comrie B. The Languages of the Soviet Union. Cambridge, 1981.
- Davydov V. N. People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen // Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines. 2013. T. 43–44. P. 1–3
- Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis; London, 1987.
- Dunn M.-J. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra, 1999.
- Golovnev A. V. Peoples and Borders of the Russian North // Scandinavian-Canadian Studies. 2000–2001. Vol. 13. Special Issue on the North. P. 22–34.
- Golovnev A. Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities // Arctic Anthropology. 2017. Vol. 54. № 2. P. 40–51.
- Hofstra T., Samplonius K. Viking Expansion Northwards: Mediaeval Sources // Arctic. 1995. Vol. 48 (3). P. 235–247.
- Ingold T. Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description. London; New York, 2011.
- Krupnik I. Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Hanover, New Hampshire, 1993.
- Leed E. J. The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism. New York, 1991.
- Pelto P. J. The Snowmobile Revolution: Teaching and Social Change in the Arctic. Menlo Park, CA, 1973.
- Vaté V. Dwelling and the Lanscape among the Reindeer Herding Chukchis of Chukotka // Landscape and Culture in Northern Eurasia. Walnut Creek, CA, 2011. P. 135–160.

Научно-художественное издание

Рекомендовано к изданию Ученым советом Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Андрей Владимирович Головнёв Денис Алексеевич Куканов Елена Валерьевна Перевалова

АРКТИКА: АТЛАС КОЧЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (№ 14–18–01882)

Художественное оформление: Д. А. Куканов, Ю. С. Конькова Корректор: Н. А. Бабенкова

Подготовка к печати, верстка: Ю.С. Конькова

Подписано в печать: 01.12.2018 Формат: 60*90/8 (205*290 мм) Бумага: 130 гр/м Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,1. Тираж 300 экз. Заказ №

Оригинал-макет подготовлен в Отделе проектных исследований МАЭ РАН 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3

Отпечатано в соответствии с представленным оригинал-макетом в Типографии «Экстрапринт»: 197101, г. Санкт-Петербург, ул. Кронверкская, д. 21, оф. 1